

Борис Рябухин

ОТКРЫТЫЙ УРОК МАТЕРИ

Борис Рябухин

ОТКРЫТЫЙ УРОК МАТЕРИ

Роман-хроника

2014

Роман в авторской редакции на правах рукописи

УДК
ББК
Р

Издание осуществлено при поддержке

Оформление художника

Р Борис Рябухин. ОТКРЫТЫЙ УРОК МАТЕРИ. Роман-хроника.
Редактор. – М.: Издательство, 2014. – 256 с.

В книге Бориса Рябухина «Открытый урок матери» рассказывается о судьбе рядовой учительницы провинциальной школы. Она нашла в себе силы природы, мужество и терпение прожить достойно, не смотря на испытания среды ("дочь врага народа"), наследственную нищету, "эффект ореола" (наговор в профнепригодности).

Хроника этого жития раскрывается при внедрении в жизнь утопии общественных отношений.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Рябухин Б.К. 2014

ISBN

Глава первая ПОД ОТЧИМ КРОВОМ

«Я, твоя мать, Чернова Полина Алексеевна, родилась 16 октября 1917 года...» – начала свой дневник воспоминаний постаревшая мать Бориса Семеновича.

Прожила учительница Полина Алексеевна жизнь и не знала, что справляла свой день рождения, как и многие ее сверстники, не в тот день, когда родилась. Потому что даты рождения в документах были указаны по старому стилю, а жили по новому стилю. На тринадцать дней разница. Бабушкам легче, потому что бабушки, по православной вере, справляли не дни рождения, а дни своих именин. Но и именины исчислялись по новому стилю. Вот в такой лжи с самого рождения и жили люди. «Бедный люди», как назвал свою повесть Федор Михайлович Достоевский. Но они не знали, что они «бедные люди».

Итак, родилась Поля под оружейную канонаду в городе Астрахани. Родилась недоношенным семимесячным ребенком, очень болезненным. Вес ее был всего четыре фунта (весила – килограмм шестьсот грамм), а ногтей по малости еще не было. Бабушка Полина такую крошку «допекала» – согревала, выхаживала. И выходила.

Позже сын Полины Боря все фантазировал, будто в момент рождения своей матери Поли он тоже начал свою, можно сказать, «утробную жизнь». И по этой фантазии ему будто прибавлялось еще материнских лет столько, сколько прошло от рождения Поли до рождения Бори. И столько же прибавлялось, наверное, лишений и радостей. Ведь всё откликнулось ему и в «утробе» матери Полины. Выдумщик!

Бабушка говорила маленькой Поле: «Гремели выстрелы, и ты закричала, как будто испугалась этих выстрелов, когда родилась».

Затем Полю увезли в село Петропавловку. Это – родина ее пращуров по материнской линии. В свидетельстве о рождении, в «метриках», а потом и в паспорте записано, что Поля родилась в селе Петропавловка Астраханской области. А бабушка вспоминала, что Поля родилась в Астрахани. Провалы памяти?

Бабушка у Полиной матери – Аксиньи – Пелагея Александровна Подлипалина, по мужу Константинова, с малых лет работала у купцов – рыбопромышленников Филимоновых. Их, Филимоновых, было три брата. Они держали свои рыбные промыслы. Жадные скорпионы, как все промышленники.

Большая семья была у Пелагеи Александровны. Очень бедная, безлошадная. В живых остались Аксинья, Натуся и Варя.

Промышленники Филимоновы из них сосватали прислугу Аксинью Подлипалину за Василия Константинова. Этот дедушка маленькой Поли был

каким-то отпрыском Филимоновых, но бедным, болезненным. Он рано умер, поэтому Поля его никогда не видела.

А свою бабушку – тещу Поля хорошо помнила уже старую, «но не очень». Она любила внучку Полю сильно, как себя, и жалела больше всех ее сестер и своих дочерей. И Поля в ответ тоже очень её любила – и сохранила о ней самые светлые воспоминания. Тогда в маленьком домике бабушки Поли жили ее дети Андрюша, Шуранька, Оля и семья Аксиньи.

Все работали на Филимоновых. Шуранька и Оля нянчили детей, мыли полы, доили коров, выполняли всю черновую работу – а ее было невпроворот. У одного брата Михаила Филимонова была жена из Астрахани, некрасивая Екатерина Степановна. Она полюбила Аксинью и взяла ее в свой дом гувернанткой. У Аксиньи не было образования, но воспитание нужное она впитала, глядя на грамотную и «воспитанную» Екатерину Степановну. Хозяйка была не такая жадная, как все Филимоновы. И Поля считала, что ее мать Аксинья была у Екатерины Степановны как подруга.

Аксинья гордилась, что служила в привилегированной семье. А ведь все ее счастье – прислуживать «у блюда». Подавать кушанья, сервировать стол, чего были лишены другие её родичи. Много с Екатериной Степановной они стряпали, благо, что все продукты доставлялись Филимоновым корзинами. Например, пекли торт Наполеон из 19 яиц, по рецепту. Не как Поля в молодости – из двух яиц, и то считала – вкусно. Иногда хозяйка дарила Аксинье на праздник золотые вещицы – то кольцо, то браслет, то серьги. Это Поля в своих рассказах, конечно, преувеличивала. Также хотелось похвалиться.

Бедная Поля, берегла капли гордости. Поэтому и подчеркивала, что ее мать Аксинья была не в полумойках, а у блюда. Разве не от этого слова – ублюдки? Позже справную прислужницу Аксинью купцы Филимоновы держали за экономку. Но недолго. Потому что, когда Аксинье исполнилось 16 лет, купцы Филимоновы сосватали Аксинью Васильевну Константинову за своего исправного плотника Чернова Алексея Тимофеевича. Хотя он ненавидел этих купчиков. Заразил его тогдашний революционный дух, а вернее жажда воли и самостоятельности.

Чернов с юности был хорошим плотником, и у промысловиков Филимоновых работал по плотницкой части. Когда Аксинья вышла замуж за Алексея Тимофеевича, шла Первая мировая война, как ее называли, германская война.

«Отца взяли на фронт, – вспоминала Полина, – мама ездила к нему. После этого родилась и я».

Вот тут, наверное, и начались сплетни «доброжелательных» соседей о том, что Поля – чужая в семье. Хотя она и похожа на сестер, особенно на свою младшую сестру – Ладку, но есть и отличие...

Ранние годы Полина помнит смутно, как и все в пожилом возрасте. Нянчили ее тетки и бабушка. Тетя Шура (Шуранька) и тетя Оля были еще девушками. Хоть были они не очень красивыми, но ходили гулять с ребятами. А Поля, маленькая, почему-то всегда тащилась за Шуранькой. Никак та не

могла от нее увильнуть, когда нужно идти на свидание. Поля всегда бегала за ней «хвостиком», как собачка. Видимо, для нее не было ближе людей.

Как-то раз Шуранька ее обманула и убежала. Поля спохватилась, а нянька уже далеко. Как бедняжка Поля бежала за ней, как страшно кричала, как будто навек расставалась. Откуда ни возьмись, появился отец. Схватил Полю в охапку и принес домой. Не успокоил, а дал подзатыльник и посадил в чулан к крысам, которых она очень боялась. Сколько она просидела там, в чулане, неизвестно, но молчала, потому что отца боялась больше крыс.

Еще был памятный случай, когда Оля и Шуранька со всеми девчатами на бахче справляли праздник – семишник, а маленькую Полю заставили пугать грачей. Но ей тоже хотелось посмотреть, как готовят из солодового корня (в деревне говорили – солодский корень), какой-то напиток. И вместо грачей, она подсматривала за девчатами. На беду, в это время налетела на бухчу туча грачей, и все арбузы поклевали. Откуда ни возьмись, появилась бабушка Поля. И давай грачей всех клеванными арбузами шугать.

После нагоняя за плохую охрану арбузов маленькая Поля дома рассказывала: «А бабушка их айбузами, айбузами, так гоняла, так гоняла!..».

Бабушка Поля была вдовой, рано потеряла мужа Василия. Перебивалась, как могла, пока ее дочь Аксинья была не замужем. Держала маленькую бакалейную лавочку. Годы были трудные для всех, а для бедных людей – тем более.

Пелагея Александровна торговала панером. Делала его из кислого сепарированного молока, откидывала после закваски в марле, и получался ком. Этот творог клали под жом, а затем резали ножиком. Он, как брынза, только маслянистый и не соленый. Маленькую Полю бабушка иногда брала с собой в Астрахань, сторожить корзинки с панером. Возила его на базар на пароходе «Ласточка». В Астрахани на берегу, как на ярмарке, торговали всем: рыбой, молоком, арбузами, фруктами и овощами. Весь берег был усеян чалками сухой воблы, как снегом. Тут варили и рубец (потроха, коровий желудок). Очень вкусная похлебка, Поля ее очень любила.

Раз бабушка Поля куда-то отошла, а полицейский подошел и закричал: – Что вы тут расселись? Чьи корзинки?

Караульщица пяти лет испугалась – и в рёв. Подбежала бабушка Поля, и успокоила внучку.

В Астрахани, в тесной комнате коммунальной квартиры, жила бабушкина сестра тетя Натуся Подлипалина с дочерью, тоже Натусей. Бабушка Поля с внучкой Полей там и останавливались, когда приезжали из Петропавловки со своим панером.

«Это были светлые дни в моем детстве, – вспоминала Полина с задумчивой улыбкой. – Ехать на пароходе – одна прелесть. До сих пор люблю Волгу и пароходы. А дома вновь начинаются будни».

Сын Полины Боря долго помнил дом этой «бабушки старенькой», как ее называл. И видел во сне её старый дом на три окна.

Вообще-то первой в семье Аксиньи была дочь Елизавета, а Полина родилась через год за ней. Росла Лизавета, как ее звали, болезненной, много раз заражалась тифом, впоследствии стала эпилептиком. Она окончила четыре класса, и ее отдали в Астрахань учиться дальше. Так что с ранних лет она не жила с семьей. Наверное, ей и голодать приходилось, и самостоятельность ронять. Полина, вспоминая это, качала головой. Лизавета стала нечиста на руку, но крада у своих, а не у чужих. Но разве это оправдание воровства? Отец сильно её бил. Полине было жалко сестру. Она заступалась за неё, а за это ей самой попадало от отца. Тогда начинался кошмар. Елизавета убегала из дома. Отец ведь бил больно, он был очень здоровый, крупный и сильный.

Но Лизавета так и осталась вороватой до конца жизни.

Полина в детстве часто уходила из дома к бабушке Поле. Тогда уже Алексей Тимофеевич построил свой большой дом. И семья Аксиньи Васильевны перешла в него от бабушки Пелагеи. Но Полина старый дом очень любила и часто туда рвалась ночевать, когда ее мать брала заботу за очередным ребенком на себя. Дети в доме прибавлялись быстро, и Полина их нянчила. Следующей родилась Таечка – но рано умерла. В старом доме бабушка «старенькая» сама не съест, а кусочек спрячет в карман для Поли. А когда Поля придет к ней – она этот гостинец сунет Полине в руку.

Семья Аксиньи Васильевны увеличивалась с каждым годом, и в доме бабушки Поли уже не умещалась. Их четверо, да у Аксиньи шесть человек. И бабушка Поля решила отделить Аксинью. Это вынудило Алексея Тимофеевича искать выход. Он купил старую лавку и строительного лесу. И сам, с глупым парнем-помощником, построил большой дом, на одной улице с бабушкиным домиком. Дом-красавец, на пять комнат: две спальни, зало, кухня, столовая, большой коридор с чуланом. На три пролета всё застеклил, выкрасил. Весь обшил снаружи. И Аксинья с семьей перешли жить в новый дом. Он стоял в Петропавловке высоко, так что маленькая Поля ходила под ним пешком. Высоко потому, что боялись весенних разливов Волги.

Поля уже училась в 3 классе. Ее отец Алексей Тимофеевич Чернов занимался заготовкой скота, все время куда-то уезжал, скупал скот, работал в конторе «Заготскот». Алексей Тимофеевич был горячий и своенравный. Хотелось ему быть лучше всех. О воспитании детей он не пёкся. Все это было в обязанности его жены Аксиньи – родить и воспитывать. Поля в доме из детей была старшей, потому что Лиза училась в Астрахани на счетовода. А Поля была обязана помогать Аксинье во всем, первая помощница матери. Она была исполнительна, не по силам трудолюбива, безотказная угодница. Носила воду для всей семьи на коромысле, хотя тогда у нее ведра на коромысле доставали до земли. Правда, когда отец бывал дома – а это было редко, – он брал два ведра в одну руку и два – в другую, и быстро натаскивал воды в дом впрок. Воду брали прямо из Волги, так как жили на ее берегу, но сравнительно на порядочном расстоянии от воды, в центре большой улицы в Петропавловке.

Купаться со всей ватагой ребятишек Поля не могла, так как все время у нее на руках был ребенок, младенец, сестра или братик. Ночью она тоже кого-нибудь укачивала, а иногда и сама залезала в зыбку к ребенку. Спала в одной комнате вместе с матерью и отцом, они – на кровати, а она – на большом сундуке.

Село Петропавловку по весне часто заливала полая вода. Даже в высоком новом доме вода доходила до планки порога, а у некоторых сельчан – вода в половодье была даже в печках. И мужики говорили: «Полоя вода – это подлая вода».

Раз Поля с Андрюшей – братом Аксиньи – и отцом из-за половодья поселились на подволоке (чердаке). И маленькая Поля у них была поварихой, готовила в жарнике кашу. Бабушка прислала с гор (с холмов), куда скотину переправляли в полуую воду, масло – целый большой чугун. Мужчины просили Полю больше класть масла в кашу, и всё масло быстро съели, за что им влетело от бабушки Поли. Она очень ругала сына Андрюшу: «Расстрели тебя горой!» И сказала: «Полоя вода – это беда»

Как-то все собрались на подволоке и увидели смешную картину. Вода подняла у кого-то лабаз, выдернув четыре стойки. И он поплыл по улице. А на верху лабаза оказались четыре курицы и петух. И несло их по течению мимо Черновых, а петух распевал: «Куре-ку-ку!». Поля с родными на чердаке смеялись, хотя что смешного – ведь беда. И достать уплывающих птиц нельзя. Хоть изредка люди ездили тогда по улицам села на лодках.

Но и в такую беду бывало весело, на подволоке играл граммофон.

Полина помнила домашний старый граммофон. Даже потом её маленький сын Боря надевал на голову трубу-тюльпан от этого граммофона. А когда заводили толстую тяжелую пластинку, заглядывал под столик граммофона и спрашивал: «Где же прячется Шаляпин?»

Алексей Тимофеевич дружил с хозяином городского кинотеатра «Модерн», от него привез из Астрахани много толстых тяжелых пластинок с ариями из опер в исполнении Собинова, Лемешева, Виноградова и Шаляпина.

Как вечером заиграет у Черновых под крышей граммофон – сельчане на лодках подплывают к окнам, вся улица занята лодками. «У меня осталась в памяти эта прекрасная картина, – светло вспоминала Полина. – До сих пор помню разлив и залитые водой деревья – коблы, так у нас назывались ивы. Не пропадали эти деревья от половодья». А люди и скотина тонули.

Алексей Тимофеевич был очень строгий. Полина детским сердцем она чувствовала его неприязнь к ней, сама не понимая почему. Так до старости и осталась слишком ранимой, а порой обижалась по-пустому.

Семья Аксиньи «не выходила из пяти человек», по выражению Полины. Дети рождались – погодки, то есть почти каждый год, или через год. Всего у Аксиньи было одиннадцать детей: Елизавета, Полина, Таисия (умерла четырех–пяти лет), Калерия (умерла 22-х лет), Василий (умер трех лет), Настя, Лариса, Лада, Коленька (умер младенцем... Даже Полина не

всех помнила. В общем, была Аксинья «матерью-героиней». Правда, такого звания тогда не было. И всех должен был обеспечить едой и теплом их отец. И обеспечивал. У семьи в это время было десять коров. «Барыня» сама их доила, а нанятый работник ухаживал за скотом. Была у отца и пара лошадей-рысаков, и много другой живности. Он любил быструю езду. Один раз от такой гонки под ним пал рысак, так как у него оказалось два сердца. Его съели татары (корсаки), жившие на острове на Волге, напротив Петропавловки.

С Филимоновыми Черновы продолжали общаться. Богатые приходили даже в гости к Черновым в новый дом. А дети ходили на праздники к Филимоновым. Как-то, Поля с меньшей сестрой Калерией, пришли на Рождество колядовать к Николаю Филимонову. Он тогда был уже офицером. Хозяин насыпал перед собой целую кучу мелких денег. Девчата славили перед иконами, и он дал им из этой кучи три копейки «с конем» на двоих. Калерия тихонько спросила: «Как мы с тобой будем делить?»

В новом доме семья жила недолго. И богатство быстро уплыло.

Как-то весной 1929 года отец ездил в верховья Волги, к родной сестре в село Золотуха, торговать рыбой. Продал рыбу – наловил воблу... И вдруг узнал, что уже началась коллективизация. «Были перегибы, – как после писали», – уклончиво рассказывала Полина, правду говорить было в то время опасно. Алексей с Аксиньей решили скот и дом срочно продать, и всей родней их двух семей переехать в Астрахань. Так и сделали. В городе купили на всех двухэтажный дом на улице Спартаковской.

Наверное, решили, что в городе легче затеряться «кулакам», по сравнению с селом.

А маленькая Поля пока осталась с бабушкой Полиной в Петропавловке, вдвоем. «Это было блаженство! – вспоминала она. – Хоть один год почувствовала, что я маленький ребенок, и меня кто-то замечает. Спала на печке. Тепло, и запах приятный».

Утром бабушка Поля вставала рано. Все приготовит – и кричит: «Полина, вставай, а то опоздаешь в школу».

Накормит внучку блинами. И она бежит в школу. Поля вынуждена была повторно ходить в четвертый класс сельской школы, так как при быстром переезде родители не успели устроить ее в пятый класс в Астрахани. Училась Поля хорошо, даже очень хорошо. И, окончив четыре класса в селе Петропавловка, получила аттестат, который был заполнен золотыми буквами. Все пятерки по всем предметам.

В доме на Спартаковской улице жили две семьи вместе. Семья Черновых с детьми, и бабушка Поля с дочерьми Шурой и Олей с их мужьями, и сыном Андрюшей. Правда, характеры у Шуры и Оли были с Аксиньей противоположные. Шура, как что – так в драку. А Аксинья была добрая, рассудительная, трудолюбивая, умная. Хорошо стряпала, всегда была приветлива, и всех угощала.

Долго две семьи в этом доме не ужились. Потому что Андрюша женился – и все рассорились. Видя это, Алексей Тимофеевич в 1932 году купил для своей семьи отдельно одноэтажный дом на Пушкинской улице, за Ямгурчевским мостом. Дом на две половины, на шесть комнат. Большой двор и сарай. И семья переехала на Пушкинскую улицу. А бабушка Поля с дочерьми и семьей сына Андрюши остались жить в доме на Спартаковской улице. Алексей Чернов отдал этот дом Андрюше, брату Аксиньи, и бабушке Поле, своей свекрови..

Слава Богу, что отцу удалось купить этот собственный дом. Тогда еще у отца была хорошая работа. Алексей Тимофеевич был плотником, строил астраханскую купальню на Волге.

В юности Боря написал даже стихи об этой купальне деда.

Убаюкан вечер зноем.
Волга черный бархат стелет.
То сазан плеснет волною,
То акацией повеет.
Промурлычат самоходки.
Смех прорвется из купальни.
Шевелятся тихо лодки
Судаками на кукане.

Поле нравился новый дом на Пушкинской улице, поэтому эту улицу она очень любила и помнила всю жизнь. Потому что первые детские впечатления – самые дорогие и памятные в жизни человека.

Поля училась в школе рядом с домом, на Мелком Кутуме. Училась тоже на все пятерки. Только с русским языком у нее были нелады. Во-первых, она говорила на «о». И девчонки в Астрахани ее учили не окать, и вместо «о» говорить «а». Во-вторых, учительница по русскому языку была картавая. «Дети, идите в квас!» – передразнивала она бывшую учительницу.

В Астрахани Поля начала нянчить сестру Ладу, ей был один год. Носила ее на руках, а она все время кричала. А потом стала вовсе злой озорницей.

Однажды пошла Поля со своей матерью Аксиньей в кинотеатр «Художественный». Там показывали картину «Отверженные» по роману Гюго. Где-то в середине картины Полина поняла, что жизнь Казетты очень похожа на ее собственную, и ей стало до слез жалко и Казетту, и себя. Она сначала потихоньку заплакала, а в конце картины стала уже рыдать вслух.

«Оказывается, я уже подросла, и осознала все свое детство, – вспоминала Полина. – И нервишки не выдержали. Даже маме было неудобно из-за моих слез».

Аксинья вначале уговаривала дочь, сама давясь от слез, но Полина закатывалась от плача. Тогда Аксинья стала ругать ее, что она ее срамит. И пригрозила, что их сейчас выведут из кинозала. Полина сразу перестала плакать. По дороге домой Поля пыталась рассказать матери, что на нее нашло, но все выразить не могла, потому что была еще маленькой. Только сказала: «Я похожа на Казетту!..»

Чем же Поля похожа на Казетту? На такой утробной почве зародился и род Полины.

Когда отец приезжал домой, он Полину не замечал, доброго слова от него она никогда не слышала. Не ласкал ее. Хорошо еще, что не бил.

Она считала себя в семье чужой. Почему так считала, не знала. Слышала разные сплетни, но им старалась не верить. Только когда, став постарше, выучила наизусть почти всю поэму Пушкина «Евгений Онегин», в рассказах о детстве цитировала такие его строчки о Татьяне Лариной: «Она в семье своей родной/ Казалась девочкой чужой».

Даже еще в Петропавловке дядька говорил: «Ты не ихняя. Они все рыжие, а ты черная».

Может, это была шутка? И правда, Полина была темноволосая, а все ее сестры – рыжие. Вот маленькая Полина и принимала эту шутку в серьез и обижалась на сельчан.

Осталось в ее детской памяти и то, что отец из своих поездок привозил подарки всем дюжинами, посуду – ящиками. Всем, только не Поле.

И все же Полина не хотела верить в какие-то тайны своего рождения. Не могла она обидеть Аксинью. Ее матери было некогда от забот по большой семье. И Полина все свое детство была занята ее детьми, нянчила, качала их по ночам, носила днем на руках. Вот Поле и показалось, что она живет в родном доме как Золушка.

А однажды она слышала, качая зыбку, как мать ее Аксинья ночью шептала отцу: «Давай Полине купим пальтишко». И он, вроде, не возражал. А Полине почему-то стало обидно, почему мать просила, да еще шепотом? Боялась, что муж не разрешит?

Отца Полина сторонилась. Когда, например, отец привозил домой черную икру, она за столом не могла ее есть, как другие дети. Или из-за болезни, или из-за боязни, что ей не положено, как будто икра чужая.

Полина считала, что отец никогда ее не любил. Даже за столом, бывало, когда она сидит вместе со всеми, так отец обязательно ее шпигует, и по голове долбит за все проделки сестер. Дети напраказничают – он ее толкает: «Не делай, Поля, так, как они!» А их не наказывал за проступки. Поля от страха сжималась, и кусок у нее застревал в горле. Она не оправдывалась, не огрызалась. Только заплачет и забьется в уголок.

Аксинье, конечно, было не до любви к Полине, когда всю жизнь приходилось ей растить и кормить весь выводок.

Полина считала, что мать любила ее по-своему. Аксинья жалела Полю на свой лад, и говорила друзьям: «Да ее и бить нельзя. Она сожмется в комок и молча плачет. А всех остальных попробуй, ударь...»

Поля вообще старалась не показываться отцу на глаза. Вот почему и всколыхнул ее душу фильм «Отверженные».

Можно было согласиться, что Алексей Тимофеевич действительно не любил свою дочь Полину. Но это не так. Он обращался с ней, как с другом, как взрослой, потому что очень ценил ее за все, что она делала в семье. Это потом поняла Полина

Поэтому, уезжая в час беды, отец сказал именно Полине: «Помогай матери. На тебя вся надежда. Я приеду, тебе шелковое платье куплю».

«Всю жизнь я шелковые платья носила после, но не его, а свои. Так как рано стала сама зарабатывать», – обиженно отвечала не раз Полина на скупые слова любви своего отца.

Глава вторая БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ

Понимала ли Полина, в каких условиях жила? Политических репрессий в стране она боялась с детства. И старалась о них не говорить. Держала язык за зубами. Часто повторяла пословицу: «Ешь пирог с грибами, и держи язык за зубами».

Ведь эта беда всегда была рядом. Она знала правду о квартирантах бабушки Поли ленинградцах Кьянских, муже с женой. Знала, что об этом нельзя было говорить. Потому что они приехали в ссыльный город Астрахань из Ленинграда после убийства Кирова. Когда, по словам Аксиньи, «всех виновных и не виноватых высылали из Ленинграда». Она пожалела и приютила их еще и потому, что отец Кьянского был священником.

О таких вещах Поля рассказывала сыну Боре осторожно, когда он уже учился в институте. И мог «держат язык за зубами». Сын вообще раньше и не подозревал, в какой опасности жила его мать Полина. А она не подавала даже виду. Вот она – защитная реакция материнского организма. Люди же стараются не говорить и думать о смерти, пока она не придет. Тоже защита.

А Кьянские потом вернулись в Ленинград, оставаясь друзьями астраханской семьи. Потом и они выручили Полину в трудную минуту.

Только семья Полины стала жить лучше, как в 1933–1934 годах начался голод в Поволжье. В Астрахани тоже был голодомор. На шесть ртов заработка у плотника Алексея не хватало, и начались муки. А в 1933 году еще вспыхнула Финская война. Все со страхом говорили о «Линии Маннергейма», где финны с немцами вместе укрепились намертво.

Полина окончила семь классов хорошо, ей исполнилось 14 лет. Куда идти дальше? Пыталась в медицинский рабфак попасть, но ее не приняли. Малолетка, а в медицинский рабфак принимали в 18 лет.

Тогда Полина поступила в Педагогический рабфак на вечернее отделение, потому что на дневное отделение опоздала подать документы. Стала учиться «пигалица» с взрослыми. А днем работала в детском саду, или где придется. На работу – маленькую тоже не брали.

Она училась на отлично, и поэтому ее перевели с вечернего отделения на дневное.

А уже с 1933 года Полина и ее семья стали почти нищие. Беда свалилась на их головы.

«Отец был доверчивый, всем помогал, все раздавал, – объясняла позже взрослому сыну Полина. – Ты, наверно, не знаешь, за что попали под пятьдесят восьмую статью мой отец и мой дядя Андрюша?» И рассказала правду.

Её отец Алексей Тимофеевич тогда работал экспедитором. Рисковым он был человеком. И дорисковал. В 1934 году его забирает НКВД. Кошмар! Попал под 58-ю статью, под расстрел. И осталась без отца и без средств семья – шесть детей. И жена – Аксинья нигде не работала.

Полуграмотная Аксинья на суд не ходила. Пошла – одна грамотная дочь – Полина. Все остальные Черновы – мал мала меньше. Полина все это с ужасом пережила, как засудили отца. Пришла – рассказала Аксинье. Как выяснилось – было групповое хищение зерна, а отвечать за воровство набрали «мелких сошек».

Даже не верится. Как же все случилось?

На Пушкинской улице, за сетчатым забором жил рядом с Черновыми сосед Коростылев. Он много лет работал в конторе «Заготзерно». Они воровали, тащили – возами. Жена у него была барыга «высшей гильдии».

Полина даже помнила, как однажды, когда она была во дворе, Коростылев крикнул отцу:

– Дядя Леня, подойди к забору.

Отец подошел.

– Чего?

Тот начал уговаривать отца:

– Дядя Леня, помоги мне в село продать муку.

– Ну...

– У вас есть знакомые в селе Оля, чтобы принять обоз с зерном?

Отец кивнул:

– Есть.

– Поговори...

Отец не сразу, но согласился помочь. Они же – барыги. Но семью надо кормить.

Да еще попросил дядю Андрея, чтобы он проследил, посчитал, сколько подвод в обозе. Парень тоже в нужде, он тогда работал в хлебной лавке, очень был добросовестный, ночами клеил талоны для сдачи. Дядя Андрей запер свою лавку, и стоял у ворот конторы – считал выезжающие подводы.

В этом хищении замешаны были даже работники НКВД.

И вот вывезли из Астрахани обоз с зерном. А кто-то «стукнул» в Москву. Хлеб по карточкам выдавали, а тут увезли целый обоз.

А после подтвердилось, что зерно – действительно, ворованное, документы на него – фиктивные. Вот и забрали всех. Истинных виновников отделили и увезли в другую тюрьму на этой же Пушкинской улице, а потом организовали им побег из тюрьмы. А в центральную тюрьму собрали мелких исполнителей, «стрелочников». Из них – десять человек приговорили к расстрелу, а других к 10 годам тюрьмы. Многие тогда погибли, даже не зная толком, за что.

Алексея Чернова тоже приговорили к расстрелу по 58 статье. Аксинья от горя – сама не своя. Пошла к знакомым искать помощи. Ее привели к юристу Молодцову. Он написал прошение Крупской о помиловании. Сколько пришлось занимать денег, чтобы написать это прошение, в котором Аксинья просила о помиловании Чернова Алексея Тимофеевича, потому что в семье остались голодные дети, «сама я седьмая».

А как случилась с Черновым беда – все его дружки отошли сразу в сторону.

Беда – заразная болезнь. Особенно в годы репрессий. Вот и сторонятся люди от таких «врагов народа», как от прокаженных. А что осуждать, когда в Библии, в первом псалме Давида, говорится: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей...»? А уж как преломили эти библейские заповеди блюстители советского порядка, не снилось и древнему царю Давиду. Поэтому обезлюдил дом Алексея Тимофеевича Чернова в час беды.

Однажды, когда Полина бежала по улице после занятий в рабфаке, который был при Педагогическом институте на Семнадцатой пристани, на набережной Волги, вдруг услышала голос:

– Поля! Полина!..

Она остановилась, не понимая, кто ее может звать. А это – отец! Он, такого большого роста, забрался на окно под потолком тюрьмы. И машет ей руками за стеклом окна. А до этого был ведь в подвале – в камере-одиночке.

– Скажи маме, меня подняли наверх, – прокричал отец со слезами в голосе.

Слава тебе, Господи! Полина летела домой – обрадовать маму.

Аксинье уже сообщили, что расстреляли весовщика, возчика (а у него 14 детей). Как в насмешку, после расстрела пришло ему помилование. А отцу с Андреем помилование успело придти – расстрел заменили на 10 лет тюрьмы. Все же Молодцов сделал хорошо свое дело, радовалась Полина. Но напрасно.

Итак, в 1934 году Алексея Тимофеевича с Андрюшей сослали в Сибирь.

Только в пожилом возрасте Полина Алексеевна узнала, что еще мог уцелеть репрессированный в 1934 году. Потому что если бы его по 58 статье отправили в Сибирь в 1937 году, то обязательно бы расстреляли.

Аксинья осталась одна с большой семьей. Поле – 14 лет, Лизе – на два года больше, Насте – 5 лет, Калерии – 8 лет, Ларисе – 6 лет, Ладе – 4 года, Коленьке – 1 год. Самой – 38 лет. Вот такое семейство – и ни одного работника. Полина – самая старшая из шести детей. Потому что Лиза вскоре уехала из дома и вышла замуж, и привезла мальчика Леню – одного года.

Что такое «десять лет без права переписки»? Это – конец заключенному. А Аксинья нашла сил надеяться, что муж вернется. Рассказывая о смене приговора, Полина и не знала об этой фикции помилования. И причем здесь иезуитское милосердие Крупской? В 1934 году как раз набирали каторжников в только что сформировавшийся Дальстрой. Алексей Чернов попал в этот страшный ГУЛАГ. Чего уж потом он смог найти для своего спасения, сам Бог знает. Хорошо умел коптить рыбу для тюремного начальства? В семью с Колымы он так и не вернулся. Но выжил. А дядя Андрей – пропал. Был слух, что Андрей вздумал бежать за границу на каком-то судне. Больше ничего о нем не известно. Полина о политической статье никогда не говорила, боялась властей. Может быть, она вначале даже и не понимала, что отец был в ГУЛАГе. Но потом ей не раз строго напоминали об этом.

Да все в семье знали, только скрывали. Ведь Черновы писали в НКВД письма, с просьбой сообщить, жив ли отец. Пробовали посылать ему посылки. А когда прошло десять лет тюремного срока в 1944 году, на очередной запрос семье сообщили, что Чернов Алексей Тимофеевич умер.

Но проницательная сестра Полины Настя, после окончания мединститута распределилась на работу в Магаданскую область. Поехала туда работать врачом. И нашла отца в колымском поселке Ола. Почти такое же название сибирского поселка, как село Оля под Астраханью, куда Чернов «помог» направить украденный обоз зерна. Пять километров нес на руках репрессированный отец свою бесстрашную дочь, чуть не замерзшую, пешком до поселка, где она работала врачом. Потому что транспорт туда не ходит. Но это было потом.

А в начале его колымского срока, Аксинья, узнав о помиловании, сказала только: «Десять лет можно прожить. А вот если он там заработает большой срок... Ведь горячий характер!.. И забудет нас – тяжело нам с детьми придется».

Так и пришлось. Семья осталась без отца-кормильца навсегда. И самое ужасное – теперь она считалась «семьей врага народа». Потому что отца выслали в Сибирь по 58-й статье – политической.

И судью, который приговаривал к расстрелу и невиновных, после признали тоже «врагом народа».

Отца рядом больше не было. Вся тяжесть жизни пала на плечи Аксиньи. Хорошо, что она не растерялась. Пускала квартирантов в половину дома. Это большая поддержка. Продавала молоко от своей коровы, пока

Поля училась. Жизнь семьи в горе стала еще тяжелей не только материально, но и морально.

В рабфаке Поля подружилась с комсомолкой, которая иногда приходила к ней домой, и видела, сколько в семье детей и какая бедность. И вот, когда Алексея Чернова осудили и отправили в Сибирь, Полину, как дочь «врага народа», хотели исключить из комсомола и отчислить из рабфака. Эта подруга хорошо ее защитила, рассказав на собрании, в какой нищете она живет, и как помогает в учебе своим сокурсникам.

В детстве, сын Боря спрашивал у Полины, где его дедушка. Захотел написать деду письмо в Сибирь, где он так долго был в командировке. А Полина предложила послать с письмом Борину тетрадку по русскому языку, с пятерками за выполнение домашних заданий. Некоторые упражнения пришлось переписывать, так как были ошибки, и за них учительница ставила четверку. Совестьливый Боря переживал, когда мать подделывала подпись учительницы под пятеркой в переписанной тетрадке. Ему было стыдно перед дедушкой за подлог.

А потом, уже в юности, горько плакал, когда при переезде на другую квартиру вдруг нашел эту «посланную» дедушке тетрадку. Никуда ее не отсылали, а спрятали от глаз подальше. Жалко было ему и себя, и мать, и деда.

Только после перемен в стране, Боря стал понимать, как матери и всем Черновым было страшно жить, и страшно врать, что другой страны не знали, «где так вольно дышит человек!»

По-другому представилась прожитая жизнь и самой Полине. Но это было потом.

Елизавета опять уехала на Кавказ и вышла замуж за болгарина Дмитрия Тодорова, который участвовал в революционных событиях в России, и, наверное, в Болгарии. Но он пропал без вести. Елизавета его так и не нашла. Видимо, был репрессирован. А, может, тоже, как Елизавета – «гастролер». Что их в Болгарии мало было? Кроме того, и в Болгарии тогда многих репрессировали, по свои причинам.

Тогда Елизавета вернулась в Астрахань, и привезла сына Леню, 1935 года рождения, который потом жил все время в семье Черновых, до 22 лет, пока не женился. Гастролер Елизавета часто уезжала из дома, то на учебу, то на работу. А когда отца сослали в Сибирь, и жизнь повернулась круто, она стала открыто воровать и продавать из дома все, что подвернется. У таких людей совесть не существует, им просто нужно, поэтому они крадут.

Аксинье по всякому приходилось крутиться в жизни, чтобы накормить семь голодных ртов. Но она нашла в себе силы – жить и давать жизнь детям.

Это раньше у семьи были калмыцкие коровы, они давали от двух до пяти литров молока. А теперь была только одна корова, голодная, много

молока не давала. Кормить ее было нечем. Полина с Аксиньей ходили за кормом на Вторую Астрахань пешком, так как с сеном на трамвае не поедешь. А когда удавалось купить мешки с дробинкой, то сами стаскивали их с подводы и таскали в сарай на своем горбу.

– Молодость! – хвалилась Полина перед сыном Борей. – Это я делала, когда приходила домой с учебы в рабфаке. Продавала с матерью молоко на базаре, на Больших Исадах. Но боялась, что меня увидят там сокурсницы. А мне было уже шестнадцать лет, – вытирала Полина слезы. – Стыдно!

В оправдание слез, Полина ссылалась на диагноз врача-глазника, что у неё испорчен слезливый нерв. А сама давно поняла, что очень часто плакала от несчастливой жизни.

Полина иногда торговала и яблоками: покупала их корзинами, а продавала по кучкам, в которых по несколько яблок. Торговала вместе с сестрой Калерией ирисками. На полученные от торговли гроши семья жила до окончания учебы Полины.

Однажды один из навещавших семью товарищей осужденного отца Гора предложил Аксинье продать ее тощую корову.

– Я поеду в Холмогоры за коровой и куплю и вам черную с белыми пятнами корову, она молочная, – обещал он.

Так и сделал – помог корову поменять. Аксинья старую корову продала, а Гора привез новую корову, с большим выменем. Она за раз давала целое ведро молока. Вскоре корова отелилась и принесла телочку.

«Мы все хвалимся – а люди злые, – думала Полина. – Верь или не верь, но наше молоко отняла одна завистливая молочница».

Она жила на другой улице – Туркестанской, рядом. Как-то младшая сестра Полины – Лада похвалилась, по-детски, этой женщине, что корова у Аксиньи дает большое ведро молока. Соседка не поверила, и пришла убедиться. Аксинья при ней подоила корову. Набралось полное ведро, да еще осталось пососать теленку. Позавидовав, соседка рукой обвела вымя коровы, погладила. А Полина стояла около двери сарая и видела этот жест. Что-то он ей не понравился.

А ночью корова тревожно замычала: «Му... му!». Полина разбудила маму и с керосиновым фонарем они пошли в сарай. Только открыли дверь – корова как выскочит, и вприпрыжку, как лягушка, побежала по большому двору. Аксинья ее хотела успокоить, а безумная корова подняла ее на рога. Полина как закричит от страха. Корова Аксинью сбросила на землю, и опять стала бегать. Спрятавшись за дверь от ревушей коровы, они еле дождались рассвета. И чуть свет Аксинья побежала до знакомого ветеринарного врача. Он быстро пришел. И увидев буйство коровы, посоветовал: «Ищите мужчин. Ее нужно немедленно везти на бойню, а то будет поздно. Ей молоко бросилось в голову – и она сходит с ума. Пока жива, её мясо можно есть. Получите деньги, а то потеряете корову за так».

Черновы поплакали и простились с коровой. Попеняли – вот какой стервой оказалась молочница! Оставила семью без коровы навсегда, отняла у детей молоко.

Осиротела телочка. Полина ее кормила вначале молоком из рожка, пока она не стала есть все. Но сена не на что было купить, и Аксинья вынуждена была отдать ее пастуху. Он договорился с ней, что будет пасти телочку со стадом коров.

Полина повела телочку в село Три Протока под Астраханью. Телочка успела привыкнуть к Полине, поэтому хорошо шла за ней на веревочке. А за городом было в это время так красиво, кругом зеленая трава. Пастух пустил телочку пощипать траву, а Полина села на берегу у реки отдохнуть с дороги и любовалась природой. Но нужда засиживаться не давала, нужно было возвращаться домой. Полина встала и потихоньку пошла. Но телочка, как будто следила за ней, бросила щипать траву, и пустилась бежать за Полиной и кричать «Ма-а!...» Догнала хозяйку и ткнулась мордой в ее руку. Пришлось телочку завязать и привести опять к пастуху. Телочка продолжила щипать траву. Полина еще немного посидела. Но уже спускался вечер, нужно засветло придти домой. Путь не близкий – три километра. Только уходить – телочка за ней бежит, и кричит еще сильнее: «Ма...у!...» Тогда пастух привязал ее к забору. А Полина побежала скорее домой, и долго слышала по пути, как телочка жалобно кричала.

Вскоре пастух сказал, что телочка, вроде, привыкла ходить в стаде, но до зимы не дожидается. «Упала и вся раздулась, – наверное, что-то ядовитое съела, – объяснял он Аксинье. – Хотите, я вас отведу туда, где она упала?»

Но Полина не пошла. Плакала с Аксиньей, так было жалко телочку. Может, без матери-коровы телочка не знала, как себя вести в стаде и что есть. В общем, остались Черновы и без коровы, и без телочки.

В те годы семья Аксиньи жила невыносимо плохо.

Надо сказать, если люди тогда даже не видели, до чего живут-то плохо, то можно представить степень такой жизни, которую они признавали невыносимой. Нищее ее семейство.

Есть семейная легенда, которая наглядно показывала, как жила семья Чернышевых. У Аксиньи всегда были кошки. И вот одна из них – долгожительница – садилась на подоконник раскрытого настежь окна мордой на улицу и долго-долго держала навывтяжку лапу, как нищенка, просящая подаяния.

Два они и жили на подаяние. Только не ходили с протянутой рукой. Добрые знакомые люди иногда помогали, но порой и у них нечего было подать. Помогали соседи Кудрявцевы, делом, советом, иногда деньгами взаймы. Помогали родственники. Помогала и бабушка старенькая Поля, которая потом в старости сошла с ума. Начался родовой мор. У Аксиньи умер малютка Коленька. Напал менингит на сестру Лорочку. Ей было восемь лет, когда она умерла. У тети Оли умер мальчик Юрочка, а у Шураньки умер сын Мишенька. Затем все заболели корью.

Помогали Черновым и бедные сестры Аксиньи – Шура и Оля. Они жили на Спартаковской улице в подаренном Черновым Алексеем

Тимофеевичем доме, с мужьями. Но когда Алексея Тимофеевича и двоюродного дядю Андрея забрали в тюрьму, этот дом конфисковали, все имущество описали. Жена Андрея уехала в Саратов, к своей родне. Тетя Оля и тетя Шура стали квартирантами в собственном доме, платили государству за квартиру. И жили не богаче семьи Аксиньи.

Муж тети Оли – Лёва Силов много пострадал в период коллективизации, из-за «перегибов», отсидел свой срок в тюрьме. Его выпустили, а потом опять хотели арестовать. Может быть, по доносу новых квартирантов в их доме. Больной Лёва скрывался от властей.

Из-за него тогда Полина и попала на допрос в НКВД.

Вот как это было. Однажды она пришла домой из рабфака, а следователь из НКВД поджидал её во дворе. Привел в отделение НКВД на Красной набережной. Тормошил целую ночь. Пистолетом размахивал.

– Знаешь Леонида Силова?

– Знаю. Это муж моей родной тети Ольги.

– Где он сейчас?

– Не знаю. Я его давно не видела.

– А где тетка твоя сейчас?

– Наверное, у нас дома. Вы не дали мне после занятий зайти домой, поэтому точно не знаю.

– Боишься пистолета? – размахивал следователь наганом перед носом упрямой Полины, и она невольно отводила голову в сторону. – А врать советской власти не боишься? Покрываешь недобитого кулака? Все равно мы его найдем.

– Может, он в больнице? – сказала Полина. – У него же туберкулез легких.

Так и не сказала энкеведешнику, где прятался дядя Лева. А вышла из НКВД – сама не своя, руки-ноги трясутся.

В годы войны квартиру у Оли с Шурой обокрали, а потом «почистили» и квартиранты, которые жили наверху, на втором этаже дома. И тетки бросили квартиру и уехали из Астрахани, Шура – на Сахалин, на заработки, а Оля с Левой – на трудовой фронт, в обоз. Нервотрепка сказалась на дяде Лёве. Да еще потом на фронте он сильно простывал. Так что все легкие испепелил.

В то время, когда сослали в Сибирь мужа, у Аксиньи не было ни копейки денег в кармане, ни образования. Одна половая тряпка в руках.

И пошла Аксинья работать уборщицей, мыть Народный дом. Платили уборщицам 30 рублей в месяц. А так как в семье привыкли делать все хорошо, то Аксинья быстро вышла из строя, стало плохо с сердцем. Девочка еле-еле привела ее, больную, домой. Аксинья только два месяца проработала.

Полина уговаривала ее бросить работу. Дома все голодные. Некому даже кулеш сварить. Кулешом Полина называла суп из стакана молока с

тыквой, которую она с сестрой Надей набрала поздней осенью с чужих брошенных огородов.

«Все едоки – работников нет», – вздыхала больная Акси́нья.

Больше она не работала уборщицей, а крутилась дома, комбинировала, сэкономила – нужда научила. Пользовалась Акси́нья ломбардом, сдавала туда мужнину лисью шубу на подкладке и другую хорошую его одежду, а затем перезакладывала. Хоть эти вещи удалось спасти у соседей от конфискации.

Продолжала Акси́нья пускать на квартиру жильцов, в три комнаты. А сами Чернышевы спали в проходной комнате на одной кровати валетом вчетвером. Так, долго во второй половине дома жила семья Беляковых. Это помогало жить. Хотя больших денег не приносило.

Иногда Акси́нья стирала белье для знакомых господ. Была у нее давняя знакомая немка, гадалка, которая ходила на базар с огромным зембилем, приносила уйму продуктов, и все толстела с каждым годом. Акси́нья стирала для нее белье за гроши. Однажды эта толстая немка попросила помыть полы в ее доме. Пока Акси́нья мыла пол в четырех комнатах, хозяйка сидела за столом, и еле душистую жирную селедку, «залом». У голодной Акси́ньи от ароматного запаха даже слюнки потекли. Немка расплатилась с Акси́ньей и предложила ей выпить с устатку рюмку водки, но закусить селедки не дала. Так это обидело Акси́нью, что она шла и давилась слезами обиды на проклятую голодную жизнь. От водки и переживаний она охмелела. Пришла домой и рыдала, и билась в истерике, кричала, проклиная немку матом: «Полный зембилъ еды, а она кусочек селедки пожалела дать! Залом для прачки, вишь ли, дорогой!» И мат-перемат! Полина тоже расплакалась, – первый раз слышала, чтобы Акси́нья ругалась матом. Еле ее успокоила, уложив на кровать, уговаривая: «Тише, Боря слышит и боится...».

В общем, семья Акси́ньи кое-как выживала. Если бы отца не сослали, Полине с Акси́ньей не пришлось бы так перебиваться в нищете и унижении.

Глава третья **ДОЧЬ ВРАГА НАРОДА**

В рабфак Полина ходила два года. Училась очень хорошо и добросовестно. Литературу любила, много читала, но русский язык ей не давался, особенно орфография.

Когда Полина закончила с отличием педрабфак, ее вместе с Мусей Серовой сразу перевели в педагогический институт. Они сдавали один экзамен: как выпускной из рабфака, и как вступительный в институт.

Таким образом, в 1935 году Полина поступила в Астраханский пединститут на четырехгодичное отделение. Ее зачислили на физико-математический факультет по рекомендации преподавателя математики. Эту очень статную и знающую материал учительницу рабфаковцы назвали –

«метр», за ее маленький рост. Математичка ей сказала: «Я порекомендовала вас на математический факультет». А она до этого искала себя в списках о приеме на биологический факультет. Подруге Мусе помог поступить на этот же математический факультет ее богатый отец.

В институте мать тоже стала хорошо учиться, получала одни пятерки, и ей дали повышенную стипендию 65 рублей. Она отдавала деньги матери, а также всю хлебную карточку – для своей большой семьи. Как студентка Полина получала карточку на 500 грамм хлеба.

Только вот дела в доме Аксиньи стали не выносимыми. Да еще Елизавета привезла сына Леньку, двух лет, а сама опять уехала на Кавказ. Аксинье не поднять одной этот груз. Жить семье не чем. И Полина боялась, что четыре года она не сможет учиться. Она окончила только первый курс пединститута, а впереди еще три курса. Как раз в то время в Астраханском пединституте открыли двухгодичный факультет. Стране не хватало учителей. Поэтому пошли на такие краткосрочные меры. И Полина, видя, что Аксинье одной всех не прокормить, тайком от нее перевелась на укороченный – двухгодичный факультет пединститута, который заканчивался в 1938 году. Аксинья, когда узнала, даже руками всплеснула, так расстроилась, что четырехгодичный институт Полина бросила. Поплакали от такого горя вместе. Но дочь дала слово, что обязательно закончит четырехгодичный пединститут заочно. Только один год у нее пропал.

Так Полина с подругой Мусей стала учиться на двухгодичном факультете пединститута, на физико-математическом отделении.

Надо сказать, что её отец, Алексей Тимофеевич помог Аксинье и всей семье тем, что построил для семьи большой дом. И полдома можно было сдавать. И Аксинья стала пускать к себе квартирантов – «куряжников» с Кавказа. Астраханцы их называли «ялдышами» (торгашами). Базар Большие Исады был недалеко от дома – только перейти через Ямгурчевский мост, и квартирантов это устраивало.

Полина как-то спросила ялдышей:

– Почему вы все говорите не на своем, а на русском языке?

Они сначала стеснялись, не отвечали, потупив голову. Лишь одна женщина, побойчей, сказала:

– У нас что ни аул – то разный язык. Мы не знаем его. А русскому учимся, так как нужно торговать.

Торгаши приезжали с женами. Только их жены и носили полные мешки с фруктами на горбу, а мужья важно шли впереди налегке. Эти квартиранты платили, хоть мало, но исправно. Они были страшно вшивые, особенно женщины. Видимо, не мылись. Носили черные штаны и черные платки в астраханскую жару.

У Аксиньи в доме была чистота и порядок. А теперь вши поползли строем по двери, отделяющей одну половину дома от другой – квартирантской.

Один ялдаш засмеялся, когда Полина показала ему на эту вереницу вшей на двери, и сказал:

– Он меня кусал, и я его кусал.

Мужчины выбрасывали всю ношеную одежду с себя в мусорный ящик, и надевали новое белье, из магазина. Не жалели выбрасывать, денег полно выручали на базаре за свои фрукты.

А деньги не пахнут. Пахли душисто, заманчиво, до слюнок во рту, только кавказские яблоки и груши, которые брать хозяйским детям строго не разрешалось.

Ялдыши были скупые, ничего не давали. И себе-то ничего не готовили, кроме хинкал. Их варили в котле на керосинке. Женщины развяжут платочек, достанут горсть-другую кукурузной муки, скатают из нее комки теста – и бросят в кипяток с куском мяса. Вот и обед готов. А свежее, да с базара-то, мясо так вкусно пахнет во всем доме! И спали квартиранты, не раздеваясь, на своих мешках на полу. Благо, в Астрахани все лето жарко.

Боря, став заниматься творчеством, по воспоминаниям о ялдышах, написал стихотворение «Пятая стена». Ведь дедушкин дом был «пятистенкой».

Пятая стена

Пускала бабка на постой
Приезжих торгашей.
Чесочно-войлочный настой
Нам стоил горсть грошей.

Набит мешками был сарай –
Орехов, яблок, груш.
Но не для нас был этот рай –
Голодных детских душ.

Хинкалы нежились в жиру.
И сок стекал вдоль шей.
Я был за дверью на пиру,
Давил их грязных вшей.

Галдят, поют, и все жуют –
А я в сенях притих.
Не знай, они ль у нас живут,
Живу ли я у них?..

Затем половину дома снимал квартирант – персиянин Юсуп. С ним связаны у Полины свои испытания судьбы. Кстати, он хорошо помогал Аксинье. Он торговал на Больших Исадах всякими восточными пряностями, кишмишом, курагой... Даже пару раз шоколад куском давал Аксинье, и она поила детей горячим шоколадом. Видимо, Юсуп занимался контрабандой. Поэтому были у него и дорогие вещи.

Глядя на страшного Юсупа, Полина вспоминала, как приезжал к ним в гости красивый татарский хан Малик. Такой белый, полный, холеный. Он привез маленькой Поле много подарков и восточных сладостей. Разговаривал с ней и улыбался. А матери ее Аक्सинье сказал:

– Эти подарки – только Поле. – И уехал.

И другим сестрам ничего из татарских подарков не дали.

Услышав это, Поля сложила все сладости в подол нового платица, которое привез татарский хан, и унесла в свой укромный уголок за печкой.

Юсуп жил шесть лет квартирантом у Аक्सиньи. Сначала во второй половине дома на Пушкинской улице, потом на Огаревой улице много лет. Фактически Полина выросла у него на глазах.

Когда Полине исполнилось восемнадцать лет, старый Юсуп, видимо, наметил ее себе в жены. Ничем не выдавал этого, а старался задарить. Давал носить золотое кольцо, золотые часы. Но Аक्सинья отняла их и отдала Юсупу. Строго сказала ему:

– Не балуй!

А Полине хотелось пофорсить перед девчонками. Они спрашивали:

– Полина, где ты берешь эти дорогие вещи?

А она хвалилась:

– Мне их подарили.

Юсуп начал потом и дарить Поле всякие вещи. То чулки красивые подарит, то еще чего-нибудь. А однажды даже подарил ей кольцо с бриллиантами. На нем было три бриллиантика на одной веточке, и три – на другой. И тихо сказал ей: «Носи, но не теряй. Кольцо дорогое».

Однажды к Юсупу приходил мулла. Они тихо разговаривали в спальне за закрытой дверью. Сестра Настя, еще маленькая, следила за ними исподтишка. И сказала Полине: «Не бери вещи у Юсупа. Он колдует. Был у него мулла и что-то над часами шептал».

В это время Полинину стал сватать «молниеносный вычислитель» Шишкин. Он приехал на гастроли в Астрахань. Ему было 36 лет, а Поле 18 лет. Он имел чудесную память. Мог в уме быстро умножать и делить многозначные цифры. И выступал в Астрахани на концертах со своими математическими фокусами. Видимо, получал за это большие деньги.

Юсуп ревновал Полю к этому Шишкину, когда она, с разрешения матери, уходила погулять с Шишкиным. И даже поссорился однажды с хозяйкой Аक्सиньей, прикрикнув на нее: «Что, вы ее продать за деньги хотите?» А сам уже посматривал на Полинину, когда она в двухгодичном институте училась.

Но Шишкин уехал из Астрахани, и вопрос о сватовстве отпал сам собой.

Торгашей в Астрахани местные власти стали прижимать. И Юсуп решил готовить на продажу сдобные «витые» – колбаски из теста, которые жарили в кипящем постном масле. Его мастерской была старая баня, которая долго стояла брошенная, не работала.

Юсуп предложил Аксинье торговать этими «витыми» на базаре Большие Исады. Полина, после учебы, носила эти витые Аксинье из мастерской Юсупа на базар в корзинах на коромысле. Жить стало сытнее.

Однажды было очень жарко, Полина отнесла очередную партию витых матери и пришла в мастерскую за второй корзиной. Видит, на столе стоит кружка. Она выплеснула из нее осадок – и персиянин от неожиданности даже ахнул. Полина испугалась, и спросила: «Что, нельзя?» Молчание. Зачерпнула из ведра воды, напилась, и понесла на базар вторую партию «витых». Но в душе остался неприятный осадок – почему Юсуп ахнул?

А Юсуп на второй день, когда пришел с базара, потихоньку сунул Полине письмо в руку и сказал: «Мама не говори».

Что было в письме? «Поля, я тебя люблю. И давай, я и ты уедем в Персию. Выходи за меня замуж». Письмо было неграмотное. Но в нем были теплые слова о том, что он знает ее с детства и давно полюбил. Девчонка, конечно, испугалась, а как мать Аксинья без нее с ребятами будет жить? Ведь работников нет, а в доме – шесть едоков. Да Юсуп ей и не нравился, она его боялась. Полина все рассказала своей матери, прочитала ей письмо, потому что та была полуграмотной, и отдала. Аксинья очень удивилась, задумалась. Было видно, что она обиделась на Юсупа, сказав: «Я не ожидала такого. Я же к нему, как к родному, относилась». Но дочь не ругала. А сама, наверное, думала – вышла бы Полина за Юсупа – и была бы сыта и богата? Да жалко дочку за старика отдавать. А Полину смутило еще неприятное совпадение. Недавно она прочитала книгу о том, как продали одну девушку в жены старику. А он держал дом терпимости. И подумала про Юсупа: «То же со мной может сделать».

Полина, видимо, не догадалась раньше, что до письма Юсуп неспроста надел ей на палец дорогое золотое кольцо с бриллиантами, – думал с ней обручиться. Да еще Полина сфотографировалась с Юсупом, по его просьбе. Он принес откуда-то дорогой фотоаппарат.

Полина попросила его сфотографировать отдельно ее, хотелось запечатлеться на память с бриллиантовым кольцом Юсупа. Чтобы оно было видно, она кулачком подперла сбоку свой подбородок. Заодно прикрыла поднятой рукой большой вырез неудачной сатиновой кофты с бантом. Конечно, как не улыбалась, а на лице видна грусть по осужденному отцу в этом 1934 году. Да еще персианская тюбетейка слишком сдвинулась на правый бок, вот-вот упадет.

А теперь эту карточку нужно было вообще спрятать подальше от глаз Аксиньи.

После письма мать, видимо, поругалась с Юсупом.

Потом мастерскую закрыли. Всех пришлых торговцев выпроводили из Астрахани, и Юсуп уехал к себе домой в Персию. И не взял у матери это «обручальное» кольцо.

«Так и сорвалось мое замужество, – вспоминала Полина, всякий раз роняя слезу. – И на всю жизнь сорвалось».

Она считала, что поэтому осталась несчастной, и жизнь ее пошла не по тому руслу. Мол, он «нашептал» плохое, когда колдуна приводил в дом. И связывала с этим свои «пророческие», как она считала, сны, будто она или под пол, или в темницу попала. «Говорили, что он запер мое лицо, – промокала платочком слезы Полина. – В упор меня никто не видел и не хотел взять замуж. Кольцом его я так и не воспользовалась. А вот одиночеством на всю жизнь обеспечена, и ненавистью ближних».

Вот интересно, задумывалась Полина, могли отразиться те переживания на будущем ребенке? Наверное, сказались. Три раза он неудачно женился.

Училась Полина в пединституте один год с молодым человеком, которому она понравилась. Но он ей – не нравился. Уж больно мал ростом, как она выражалась, – «чинарик». А от любви до ненависти – один шаг. Потом он все время ей мстил, за то, что не ответила ни разу на его чувства и внимание. Особенно, когда, впоследствии, был завучем, а потом и директором в школе, где работала Полина Алексеевна преподавателем математики. А работать ей пришлось вместе с ним почти всю жизнь. Получив от ворот поворот, в пединституте он женился на злой, но талантливой, сокурснице Гнусарьковой. И прожила она всю жизнь с ним, как за каменной стеной. Потому что он умел ловчить. А Полине он мстил, конечно, из гордости.

Вот почему она не вышла замуж за «чинарика»? Любви хотелось? Так выговорили Полине ее закадычные подружки. С Натой и Клавой она дружила с рабфака. Но когда его окончили, то в институт пошли на разные факультеты. Ната – на литературный. Клава вышла замуж за Сашу Попкова, который работал в НКВД, и уехала с ним по распределению института. Троица распалась. Вскоре и Ната бросила институт. Нужда заела. Она была «безродная». Родная мать отдала ее старшей сестре мужа. А у сестры новый муж взъелся на падчерицу. Из жадности, а может, и того хуже, стал приставать. Ната не поладила с теткой и уехала в Яндыки – в село в Лиманском районе Астраханской области – работать.

В пединституте Полина больше сблизилась с подружкой Мусей. Два года с ней дружила в институте. А раньше, в рабфаке, если и была с ней, то редко. В общем, у Полины в то время стали близкими подругами сокурсницы по институту – Муся и Зина.

Ходила по подружкам, чтобы что-нибудь поесть. Часто приходилось жить на чужих «харчах», у сокурсниц, которые побогаче, у Муси и Зины. Дольше Полина жила у подруги Муси Серовой и ее сестры Галины. Жили втроем. Но бесплатно никто не будет кормить, да еще в трудное время. Поэтому Полина помогала им учить математику и убиралась в их квартире.

Откуда-то Акси́нья иногда стала приносить надкусанные куски хлеба, сушила их в чистой наволочке на русской печке. Боря с Леной их размачивали, и ели с удовольствием.

Когда Боря при Полине вспомнил об этом при своей жене Маше, пришлось его остановить. Полине не хотелось признаваться, что она с Борей жили «на чужих кусках» и на подаяния тетушек, отрывающих от своих грошей от пенсии рубли на подарки бедным родственникам. Стыдно быть нищим.

Напрасно Боря написал об этом стихотворение. Вот оно.

СУХАРИ

Сухари-сухарики,
скрип в зубах.
А чуть-чуть подсолишь —
еще сахарней.
Ах, какие хрусткие —
зуд в губах.
Не оттянешь за уши
с военных дней.

Пятки мелом вымазал —
на печи.
Снимок рентгеновский —
в лагерных трусах.
С ума из сумы
сведут калачи,
Сухари-сухарики,
аршин — в кусках.

А положишь в чай —
набухнут в сажень.
Самовар кипит-поет,
дуй на блюдец!
— Бабушка, на базар?
Суму надень!
Бабушка, почем
куски продаются? —

Сухари-сухарики —
хороши!..
И вдруг понял с возрастом,
что рос на кусках.
И зубовный скрежет,

и крик души,
Пальцы с хрустом сжимает
в кулак тоска.

Полина записала со слезами, так что размытые пятна на листке остались от слез, и спрятала в Библию, как какой-то собственный грех для покаяния.

Шел голодный год. Полина жила впроголодь. У Муси тоже вначале не было ничего. Она с сестрой Галей снимали квартиру, жили у буфетчицы, она работала в столовой. Галя где-то гуляла, а Полина с Мусей учили уроки.

Вот сидели так однажды, зубрили, закутанные в одеяло. Холод и голод. Нечем даже согреть воды. Девчата знали, где у хозяйки лежала пайка хлеба. Муся предложила тихо: «Давай подпилим ее паек хлеба немного, незаметно».

«Подпилили» для Муси и для Полины по тонкому кусочку хлеба. Еще больше захотелось есть – еще раз подпилили. «Подпиленный» кусочек хлеба запивали холодной водой. Хозяйка, конечно, заметила, что хлеб убывает, но смолчала. Понимала, как девчонкам тяжело. Было время, когда приходилось учить уроки до утра. Уставшие, заглядывали в окно, как на рассвете солнце поднимается над городом, а они еще спать не ложились.

Поля училась хорошо. Пока долбила-объясняла Мусе, сама наизусть запоминала.

Когда жили втроем у Серовых, расход вела старшая сестра Муся. Полина была гостем, помощницей в учебе Муси, и уборке квартиры.

Потом у Муси в селе умерла мать. И ее отец купил дом в Астрахани на Трофимовой улице. Там девчата также жили втроем – Муся, Галя и Полина. Стало легче учиться. И жили так, пока двухгодичный институт не окончили. Все время отец содержал сестер, помогая им до конца учебы. Галя – была на курсе учителей начальных классов. А Муся – на физико-математическом факультете.

Отец Муси в Астрахань редко приезжал. Он жил и работал в селе Икряное Астраханской области. Там на рыбозаводе он был мастером по приготовлению черной икры всех сортов. Иногда перепадало поесть дорогой и вкусной черной икры и девчатам. Подруги ее долго «тянули» – сэкономили. Впервые у них Полина полюбила черную икру.

У Полины были и другие подруги, которые приглашали ее в гости. Кто позовет и покормит, туда и шла. Вот так приходилось дружить. Но правильно говорится: друг не тот, который тебе нужен, а тот, кому ты нужен.

«Конечно, нищета меня часто обижала, – как-то вырвалось признание у Полины в горькую минуту. – Ведь молодая была, хотелось одеться».

Как-то на ней была чиненая серая кофта из хлопчатобумажной ткани. Так Муся даже скривилась, увидев ее в этой кофте. Потом Полина старалась в люди не надевать «чиненое».

Мусе хорошо было шиковать – отец икру делал.

А у другой ее подруги Зины отец был закупщиком скота.

Все подруги состоятельные. Но кусок зря не дадут. Как выражалась Полина: «Поднимут кусок повыше, де, мол, смотри, какие мы щедрые. Зато с тебя сто шкур сдерут. И уберись, и выучи их, несколько раз объясняя, до тошноты. Обе были тупыми и ленивыми. А меня нищета и нужда тянули. Я одна выбивалась».

Вот и жила Полина месяцами у Муси Серовой. Аксиныя не беспокоилась за нее, знала, что Полина дурного ничего не сделает. Только время от времени все же приходила сверяться, жива ли Поля? Шутя или всерьез? Всякое может быть.

С Зиной Сиротенко Полина познакомилась в двухгодичном институте. Ее семья жила богато, в двухэтажном доме. Одна дочка у отца с матерью. Правда ее мать все время прихварывала. Но Зине хотелось, чтобы Полина с ней дружила, и она «отнимала» ее у Муси. Трудно было жить Полине. Поэтому она по обстоятельствам ночевала то у Муси, то у Зины.

Зина была очень красивая, украинка, всегда хорошо одетая. Полина по красоте ей не уступала и за ней тянулась. Однажды даже решительно купила на стипендию себе на платье. Пришла пора цветенья и любви. Полина то с Мусей, то с Зиной ходила иногда на танцы.

Мать Зины часто собирала у них в доме вечеринки, приглашала подружек дочери с ребятами. Стала приглашать и Полину. Накрывала стол. У Зины был друг Николай. Зина впоследствии вышла за него замуж. Но у него болели ноги, и он рано умер. Оставил ей двух детей, девочку и мальчика, которые позже учились у Полины.

Все тяжести в большой семье лежали на Аксиные и на Полине. Хотя была старшая сестра – Елизавета. Она ведь первая родилась у Аксины, в 1914 году.

Но таким дурам, признанным врачами, не нужно иметь детей, чтобы не пускать их на верное страдание.

Лиза, наверное, все-таки была шизофреничкой. Было с ней что-то непонятное. Она считала, что должна все время куда-то бежать. После того, как Аксиныя уговорила ее искупаться в святой воде, это с ней прошло, но не совсем. Может, она стала понимать сама, что эту порчу ей «сделали» колдуны.

Елизавета привезла в Астрахань грудного сына Леню, отняла его от груди полутора лет. И уехала. Аксиныя Леню выходила. А когда ему было три года, Елизавета вновь явилась в Астрахань. В это время Полина была дома и попросила сестру взять Леню с собой. Но Елизавета не взяла, сказав Полине: «Ты его привезешь. У меня квартира в Сураханах. Я там работаю». Уехала – и с концами.

Полина была молодая, беззаботная. Было ей тогда 19 лет.

И вот она, окончив первый курс института, летом решила отвезти трехгодовалого племянника Леню к Елизавете в Баку через Каспийское море.

Полина про себя решила, что за морем кое-что купит, потому что вся оборвалась в финскую войну. Для этого решила купить в Астрахани картонный чемодан дрожжей и на Кавказе их продать по мелким кусочкам, чтобы заработать себе на обновки. Но все дрожжи в дороге растеклись от жары, вздулись и испортились. Пришлось их, со срамом, выбросить за борт в море. Так что об обновках пришлось забыть.

Полина приехала в Баку, считай, без приключений, если не говорить о дрожжах. Но Ленька что-то рассвирепел. Вцепился в ее волосы, да так сильно, что не оторвать. Мужчина какой-то разжимал ему кулачки. Злой он был очень сильно с детства. А может, помнил, как с ним обращались у матери, и не хотел к ней возвращаться. Но потом успокоился.

Полина нашла Елизавету за городом, в рабочем поселке – в Сураханах. А сестра – опять с «животиком». Полина бегаёт за билетом в Астрахань, считается в длинной очереди, боясь потерять свой номер. А Елизавета бросила ребенка и ушла «на работу». Уехать Полине домой было очень трудно. Ходили две шхуны по Каспийскому морю, и билетов не хватало. Полина ездила много раз на морской вокзал считается в очереди – и все время опаздывала. Хорошо еще из очереди не выгнали добрые люди.

И вот раз утром Полина решила спросить приличного молодого человека – куда он едет. Выяснила, что в Астрахань. Парень сам согласился взять ей билет, так как стоял в очереди двенадцатым. Полина быстрее поехала на квартиру к сестре. Ехать нужно было загородной «кукушкой» (такой маленький поезд) за 1 рубль. В Суруханы она доехала. Открыла дверь, а около порога лежит Лёничка. Пока Полина стояла в городе за билетом на шхуну, он весь обмарался в говне, бедный, кричал долго, звал мать – и так не дождался и уснул около двери.

Полина подняла, помыла Леню, накормила, уложила на кровати. И решила достать свои деньги на билет. Она спрятала их за висящую на стене картинку. А там их нет! Все обыскала в доме – ни копейки. У Полины осталось в кармане всего пять копеек, 2 и 3 копейки. Ехать не на что. А нужно! Испугалась, что не уедет.

Тогда Полина решается на такой шаг. Просить этого парня, чтобы он довез ее до Астрахани на свои деньги, а дома она деньги отдаст. Но у нее и на «кукушку» даже рубля нет. Только собралась уходить с чемоданами, Леня проснулся, и, почувствовав, что она уезжает, начал плакать. Что делать? Подождала, Елизаветы нет. Время не терпит, стала уговаривать Леню, гладить его. А он просится на руки и не хочет отпускать. Сердце зашло у Поли. Его оставить – не отпускает. Увезти его – тогда зачем она сюда ехала? Везла его к матери? Решается опять оставить его одного, а сама ревет от жалости. Все-таки обманула, бедного племянника, схватила чемодан – и на поезд-кукушку побежала. Добежала до станции полтора километра от их дома. Так сестру и не встретила по пути. Денег нет на проезд. Стала умолять начальницу станции дать ей один рубль на дорогу. Сказала, что по дороге она разошлась с сестрой. Обещала, что на обратном пути она отдаст рубль.

Обрисовала Елизавету. Та сжалилась, дала ей один рубль на билет на «кукушку».

Так Полина приехала на морской вокзал из Сураханов с пятаком. С горечью поняла, что все ее деньги Елизавета украла.

А на вокзале парень уже ждет. Через два часа посадка. Билет взял. А она приехала с пятаком.

Поля обманывать не умела, но стала убеждать парня, что сестра вот-вот подъедет с деньгами. А сама знает, что ждать бесполезно. Не затем Елизавета их взяла. «Свои люди – сочтемся», – не раз слышала от нее в подобных случаях.

Началась посадка. Полю увидел мужчину, который считал очередь, и сказал ей:

– Я вам оставил номер четыреста.

– Мне взял билет один человек, да денег у меня нет, – ответила

Полина.

От горя все мужчине этому рассказала. Он вынул три рубля и отдал ей на хлеб. Есть же на земле добрые люди! Поля купила на дорогу два килограмма хлеба – размола.

– А где я увижу вас, чтобы отдать?

Мужчина только махнул рукой:

– В Астрахани увидимся.

А молодой человек стал торопить Полину с посадкой. Она с отчаяния сказала ему:

– Продавай билет, а то опоздаешь. Нет сестры...

А он, видимо, понял ее отчаяние и решил помочь:

– Нет уж. Я тебе поверил. Довезу тебя до Астрахани.

Поля была так довольна, и спросила:

– Как тебя зовут?

– Василием.

– Спасибо тебе, Василий. Как только приедем, я сейчас же тебе отдам.

Меня будут встречать, – сказала Полина.

Погрузились на палубу. Билеты были палубные. Народу – больше, чем надо. Как скотину, набили, но поплыли.

А ночью поднялся шторм. Суденышко трещало, все мачты поломало, когда проплывали Дербент (самое глубокое место на Каспии). Судно заливают, какой-то кошмар. Вот здесь Полина струсила. Думала, все погибнут. Шторм, наверное, десять баллов. Кричала между собой команда, бегали, спасали судно. В общем, спаслись чудом, да умением капитана.

А многие пассажиры решили: «Ну, все – конец!»

Василий где-то под лодкой спал. И Полину сморил сон. Очнулась – тишь, ночь. Что-то болтается у нее в головах. Оказались – ноги с одной стороны и с другой стороны, от них голова ее перекачивается. Люди стонут. Многих рвет. Кричат: «Умираю!»

Утром наступил штиль. Море – как зеркало. А все равно судно как-то вздрагивало, до тошноты. Зыбь. Но Полина сравнительно хорошо

переносила качку. Пришел из клозета Василий. Тоже, вроде, ничего себя чувствовал. Все сидели на палубе вповалку. Многие стонали.

Полина услышала, что какой-то мужичок рассказывал «рацею»: «Вот у меня шпана украла двести рублей. Я дал телеграмму, и мне выслали на билет. А что бы делала девчонка на моем месте? Пропала».

Полина обернулась к нему – и сказала: «Вот перед вами такая девчонка. Еду на чужие деньги. Этот добрый человек везет меня на свои деньги. И ничего со мной не случилось».

Поля не любила хвастунишек, особенно вот таких мужичков. Всех, конечно, она такой репликой заинтересовала. Стали ее спрашивать: что да как? Ох, да ах! И вдруг кто пирожков, кто рыбы, кто мяса – все со всех сторон ей надавали. Не брала. А измученные пассажиры уговаривали: «На еду смотреть не можем. Пропадет добро. Ешьте!»

Полина заранее купила таблеток от морской болезни. Сама выпила и Василию дала одну. Может, и это помогло. А может, пустой желудок. Она же целый прошлый день ездила, ничего не ела. А Василий на вокзале в очереди стоял. Так что, с ним она хорошо поела «за спасибо». А вечером, как стемнело, шхуна была уже в Астрахани.

Все же парень довез Полину до дома. Так, она я с пятью копейками переплыла Каспий.

Когда подъезжали к пристани, Полина с тревогой подумала, а вдруг тетушки не придут встречать? Телеграмму не давала, не на что.

И решила Василию сказать об этом:

– Тогда поедem ко мне домой. Я тебя накормлю. Помоешься и дальше поедешь утром. Отдохнешь.

А ехать ему за Саратов, в какую-то деревню.

Подъехали. А на пристани тетя Оля и тетя Шура ее высметривают.

– Замучились тебя встречать! – говорят. – Все истерзались – Полина пропала.

А Поля, обнимая их, призналась:

– Приехала с пятакoм. Вот молодой человек привез.

Смотрит, а его нет. Только сундучок его рядом с ее чемоданом стоит, горбатенький. Где же Василий? Она бегала по пристани, звала его, а он пропал. Наконец, сообразила, что ему ведь надо ехать дальше – значит, он ушел узнать насчет билета – в свою деревню. Нашла Василия в кассе. Отдала ему горбатенький сундучок и деньги. Тетушки, слава Богу, наскребли.

Полина была счастлива, но сказала назидательно: «Спасибо тебе, добрый молодец, – выручил. Но ты так не доверяйся. Все бросил и убежал».

Василий улыбнулся ей: «Уж я тебе доверился, ты не могла меня обмануть. Я тебе верю».

Распрощались друзьями. И больше Поля его не видела ни разу. А фамилию и адрес не знала.

У Полины, по ее словам, были хорошие ребята в юности, и дружили честно. С Яшей она дружила пять лет, и, как он выразился, «без запятых». Яша учился заочно в Сталинграде в автодорожном институте, а работал в Астрахани шофером. Для Полины он был, «как подружка, только в брюках». Он приходил к ней домой. Аксинья его очень уважала и считала: как закончит Поля институт, так они поженятся. Так и жили.

Чем жили? Но выжили, только здоровья не нажили. Все три грыжи у Полины – отголоски тяжелой жизни. Раньше она забывалась, хватала тяжести, которые девушке не под силу. Ведь кроме нее, не было никого. Так что, надрывалась Аксинья и, конечно, наваливала на себя Полина. Думала, молодая, энергичная, что сделается? Но ей уже раньше, в 18 лет, вырезали паховую грыжу. Врач тогда даже не пустил ее домой, когда она пришла к хирургу на прием. Сразу положил в Александровскую больницу. Стали готовить к операции. А Полина – голодная.

Аксинья в то время все больницы обегала – Полина пропала.

Пришла к молодому человеку дочери – Яше. Стали искать Полю с Яшей, и только на второй день нашли.

Яша купил пропавшей девушке четыре пирожных. Она, голодная, сразу их съела – и у нее поднялась температура. Врач чуть не избил ее, так ругался. Пришлось отложить операцию, пока не сбили температуру.

Операция прошла очень тяжело. Поля кричала, а врач кричал на нее: «Ори, ори! Все кишки твои вылезают».

Зато после Полина жила без паховой грыжи почти 30 лет, пока пупочная не появилась.

– От стоячей работы, ваша грыжа, – сказал врач в Москве.

– А сесть нельзя, не то они, ученики, сядут на шею, – сказала врачу со стоном учительница Полина Алексеевна.

В молодые годы Полина, бывало, и веселилась с молодежью. Как-то озорничали в доме с квартирантами. Поля неосторожно махнула рукой – и почувствовала на руке царапину. Посмотрела на кольцо Юсупа – а глазка одного из шести на нем нет. Позже кто-то выковырял и второй бриллиант. Поля спрятала кольцо – все равно все шесть глазков исчезли – имели большую цену. Так кольцо от персиянина обесценили. Позже Поля видела у мамы один лишь тоненький золотой ободок от своего подарка. Аксинья держала его в золотом ломе, среди которого хранила и Полины сломанные сережки, и страшные золотые коронки. Блеск нищеты! А потом и это исчезло. У сестры Насти тоже алмаз исчез из кольца. Так пропажи и покрылись тайной.

Семья голодала – берегли каждую вещь. Поэтому и появились домашние воры, которых Аксинья звала осторожно – блудни. Блудили и Леня, и Боря, и Лада, и другие – сильно хотелось есть, продавали тайно себе на хлеб. Раз такое дело, Аксинья поспешила тогда распределить детям свое «приданное». Так что, била нужда, и «били» добрые люди.

Где же все выдержать Аксиньи, которая сгорела в 61 год. А дочь ее Поля сохранилась, потому что в молодости были хороший сон и девичья беспечность.

Молодость всегда беспечна. Были и смех, и дружба, и настоящая любовь. Все это – параллельно с нуждой.

Однажды Поля проспала подъем, вскочила утром с кровати, умыла лицо холодной водой, надвинула шляпу набекрень – и бегом в институт. Едет в трамвае. Кто посмотрит на нее – с улыбкой отворачивается. Только маленькая девочка, сидящая напротив, неотрывно смотрела поверх глаз Полины. Она потянулась к зеркалу в трамвае – а у нее нарисован черный крест на лбу. И, как умывалась, размыла сажу на щеках. Быстро отвернулась к окну – и давай слюнями оттирать. В институт, конечно, успела. Ведь строго спрашивали за опоздания. Но на занятия пришла – вся ситцевая, серая. И умывалась в перерыве, но без мыла все смыть не удалось, только лицо покраснело. Ребята спросили: «Полина, ты что, из печки вылезла?»

Так Полю осрамил квартирант Василий. Он жил у Аксиньи с сестрой в маленькой комнате. Это они хозяйку вымазали ночью сажей. Еле лицо Полины отыскивали – кругом много ног. Ведь хозяйские дети спали «валетом» на одной кровати. За это Поля и его с сестрой тоже намазала сажей, когда они спали, и поехала в институт.

Дружила Поля и с парнями. Была симпатичной, веселой, душевной. Позже познакомилась на маскараде в пединституте с Володей. Он подошел и пригласил ее на танец. А потом и не отставал два года, пока она училась в двухгодичном институте. Володя Щербаков был студентом рыбвтуза. Парень буквально прилип к ней. Говорил: «Много у меня было девушек, но ты, Поля, особенная». Много ли было – это он погорячился, судя по его положительному характеру. «А какая я особенная, не знаю», – посмеивалась Поля. У подружки Зины они собирались компанией вчетвером и вшестером. Были угощения, мама Зины готовила хорошо. Иногда четвертинку наливочки ставила на стол для парней. Хорошие были ребята, скромные, умные.

Володя Поле тоже понравился. Он был ростом вровень с Полей, не высокий. Но ей могучие парни и не нравились. А как раз такие и встречались на ее веку.

Володя приходил из рыбвтуза после занятий домой к Поле. Старался чем-то помочь Аксинье. Доставал – то мыло, то чулки, по мелочи, ведь трудно было все достать. Если Поли нет дома – шел к Мусе. А там девчата намечали пойти или в кино, или на танцы. Иногда устраивали застолье. Так долго у них было. Володя дружил с Николаем, который потом стал мужем Зины.

Володя был искренним другом, очень любил Полю. Но она стала замечать, что в их компании Зина липнет к нему. То его страстно целует при игре в бутылочку, то вообще щебечет ему на ухо. Но, по пословице: «Больше двух – говорят вслух».

Это Полю насторожило и обидело. И не напрасно – вскоре дружба с Зиной порвалась. И не только с ней, но и с Володей.

Произошло это перед самым окончанием учебы и распределением на работу. Обычно у Зины собирались для застолья три пары. И в очередной раз Володя пришел из общежития рыбвтуза домой к Поле, но Аксинья сказала, что Поля у Муси. Тогда Володя зашел к Мусе, на Боевую улицу, в другом конце города, и сказал Поле:

– Сегодня мы собираемся у Зины, она нас звала.

Полина в недоумении насторожилась, а почему Зина ей ничего не сказала?

У Полины платье и туфли были у Муси, и она быстренько оделась. А душа болит.

Володя уверял, что ее мама Аксинья твердо сказала, что Поля знает о встрече у Зины. На всякий случай Поля сказала Володе:

– Иди вперед. Если там кто есть, я войду. А если тихо, то я уйду.

Он вошел первым. Послышались радостные возгласы Зины:

– Володя! Здравствуй...

А о Полине – и речи нет. Она от обиды метнулась уйти, но дверь в коридор отворила мать Зины. И пришлось Поле войти.

И тон у Зины сразу понизился:

– А, Полина... Проходи?

Полина заметила, что стол набран. Но ее, видно, не ждали.

– Ты маме говорила? – выпалила Поля.

– Нет, – замялась Зина. – Я Настю видела, и ей сказала, что мы собираемся.

Поля поняла, что Зина врет. Села за стол, как опущенная, а сама чувствует, что разговор не клеится, бывшей близости нет. И других гостей не ждут, судя по накрытому столу.

Поля быстро встала и пошла к выходу.

– Ты куда? – встревожился Володя.

– Болит голова, – сказала Поля и вышла.

Она не дошла еще до угла – Володя ее догнал:

– Поля, Полечка! Да ты что? Я не знал ничего...

– Может, и так. Но дружбе настоящей – конец.

– Я с ней не буду никогда. Она пустая, – взмолился Володя.

Поле обида рвала душу:

– Если я – бедная, так хоть клочок волос отнять?

Володя стал уговаривать ее. Так они шли всю дорогу, они впервые разругались и расстались. Но Володя до Муси Полю все же проводил. И она всю ночь проревела.

Это был конец любви.

Это был и конец экзаменов. Потом – распределение. Мусю направили на работу в село Петропавловку. Кстати, оттуда родом и Полина, там жили ее отчичи и дедичи Подлипалины. Но ее туда не направили, а отослали – в дикую степь, на Дон.

«Вот такие мы – «простодыры», – всплакнула как-то после очередного обмана Полина. – Думаем позже, не видя беды».

После разрыва с Володей Полина погоревала, поплакала – и молодость взяла свое. Надо жить.

С Володей Полина встречалась после этого только один раз. Пошла с Мусей на танцы. Подошел высокий, красивый парень и пригласил ее потанцевать. Во время танца вдруг за руку ее схватил Володя. И начал умолять поговорить. А незнакомый парень возьми и скажи с гонором:

– Что вы нам мешаете танцевать? Оставьте мою девушку.

И отшил Володю.

А Поля не знала даже, как звать этого парня. Он потанцевал и исчез. А Володя подумал, что Полина теперь встречается с другим.

Как склеишь разрыв? Полина, пересилив себя, решила как-то сходить к Зине домой. Ведь она не раз ночевала у нее, когда долго засиживались на занятиях. Полина знала, что Володя после танцев наверняка мог зайти к Зине, так как нельзя поздно возвращаться на Болду в общежитие, где он жил. И угадала. Зина сказала, что он приходил к ней и сказал, что переведется на учебу в другой город.

«Вторую судьбу я тоже потеряла, – горько вздохнула однажды Полина, промокнув мокрые глаза платочком. – Отбила богачка Зина. Но Володя Щербаков с ней дружить не стал. Хотел он вернуться ко мне – я не захотела, его обвинила, а напрасно».

Зина вышла замуж за своего друга Николая. Николай – хороший парень, но скоро он умер. Больше Полина не видела Володю и ничего не слышала о нем.

Как-то Поля еще раз пришла к Зине, вспомнить молодость, может, узнать что-нибудь о Володе. У Зиной мать с отцом скончались. У ее сына Гены уже были дети. Их дети, девочка и мальчик потом учились у Полины в школе. Семья Гены жила отдельно от Зиной в трехкомнатной кооперативной квартире. Но сноха неудачная, жаловалась Зина. Путалась с бывшим другом сына. Зина в школе не работала, а занялась хозяйством – корова, дом, продавала молоко на Больших Исадах. Гена стал врачом. А Зина жила одна. Позже Гену убили в драке. Горе-то какое!

Так что, счастья не было и у Зиной. С таким-то богатством!..

Двухгодичный физико-математический факультет пединститута Полина окончила в 1938 году, на отлично. Когда окончила, сразу подала документы на третий курс заочного отделения четырехгодичного пединститута. Поэтому диплом за окончание двухгодичного факультета ей сначала не дали, но распределили уже на работу учительницей. Полину по комсомольской путевке послали на Дону, в Клетскую Почту. Там ей предстояло начать самостоятельную жизнь.

Муся все же, с грехом пополам, окончила двухгодичный институт. Но ее оставили работать в Астраханской области – отец помог. Видимо, сыграла роль его черная икра. Мусю направили работать в Петропавловку. Но

приезжала комиссия в Петропавловку, где она работала. И Мусю быстро рассчитали. Она бросила работать учительницей, переехала к сестре Гале, работала у нее в школе уборщицей. Осталась жить в Астрахани у сестры Гали и вышла замуж.

А Галина стала заведующей начальной школы. После перешла в среднюю школу № 11. И Полина с ней долго вместе работала. Позже Галину разбил паралич, рука и нога правая не действовали. Но она ходила. И была несколько раз у Полины в гостях. А потом умерла. Полина всех помнила и поминала, потому что эти люди много ей помогли в юности, хотя и не бесплатно. Трудные были годы.

Глава четвертая **КЛЕТСКАЯ ПОЧТА**

В Клетскую Почту Полина взяла младшую сестру Настю.

На Дон Полина с Настей ехали на пароходе до Сталинграда, потом – поездом, машиной, и на быках – на всех видах транспорта.

Руководство Клетской Почты поначалу встретило молодую учительницу не очень-то дружелюбно. Дали ей с сестрой «заднюю горницу», как они называли полуразрушенную комнату, где складывали продукты. Полина с Настей ее отчистили, отмыли, оборудовали, развесили везде белые занавески – на крохотное окно и на двери. Все привели в должный порядок – и заулыбалась светелка. И стало уютно. Многие даже позавидовали.

Вспоминая это, Полина видела другую картину, как довольная и улыбающаяся, она отскабливала деревянные крашенные когда-то полы в квартире в центре Москвы, у Белорусского вокзала, которую Боре удалось получить после развода с Валей и квартирного обмена. Как же Полина была в этот миг счастлива, что Боря развелся, наконец, с женой, нисколько его не уважающей! И счастлива, потому что наконец-то, отдала Боре долю от наследства Аксины. Эти деньги сын доплатил, чтобы получить однокомнатную квартиру-распашонку в центре Москвы.

А в Клетской Почте была только семилетняя школа, которую Черновой пришлось открывать, и организовывать в ней весь учебный процесс вместе с местным учителем Лутковым.

К учебному году школу восстановили. В Клетской Почте стали учиться дети-переростки. Пока эта школа была закрыта, многие ребята «переросли». Некоторые ученики были только на 2 – 3 года младше учительницы Полины Алексеевны.

Настя пошла учиться в 6 класс, но у другой учительницы. У Полины Алексеевны Настя училась только в 7 и 8 классах, а в 9 классе опять училась у других, но жила всегда со своей сестрой.

В Клетской Почте Полина Алексеевна приходила на занятия в школу в закрытом облегающем сером платье, подчеркивающим все ее выдающиеся формы. На шею подвязывала небольшой цветной платочек. Волосы расчесывала на пробор в центре головы, а косы укладывала на голове короной. Это помогало выглядеть старше своих высоковозрастных учеников.

Наверное, поэтому в ГОРОНО Черновой предложили в 21 год стать директором школы. Но она отказалась, испугалась, что не справится.

«А напрасно, – сожалела Полина. – Взял директорство Лутков. Хотя и не имел права, но – хутор решил».

Вот интересно, лукавила она в этот раз? Ведь знала, что она «дочь врага народа». Даже если вначале не разобрались с ее отцом, вскоре бы все равно узнали от органов НКВД. Поэтому и «испугалась», только не ответственности, а власти. Просто Полина не говорила маленькому сыну о том, что она дочь «врага народа». И старалась сделать из Бори активного, даже интересного и заметного в школьном коллективе человека, чтобы его не попрекали каторжным дедом. Полина и сама из кожи лезла, чтобы быть в коллективе активной. Ведь ее могли просто выгнать из школы под любым предлогом за отца.

Хутор Клецкая Почта располагался в степи около лимана. Живописное место. Очень красиво выглядела околица на закате, когда спускалось солнце за горизонт. Лиман весь почти зарос камышом, но были островки и заводи. Полина с сестренкой катались на челноке по этому лиману. Романтично. Да и пора была беззаботная. Только где-то таилась грусть по друзьям, да страх и волнение, как примут новоиспеченную учительницу дети и власти.

Хуторяне приняли ее радушно. Величали по имени-отчеству, начиная с первой встречи – «Полина Лексевна». А между собой говорили: «Учительша приехала». И даже приходили к дому, где она стала жить, посмотреть на нее и познакомиться.

И вот начался учебный год, первый год ее работы. Первый год работы был для Полины, конечно, незабываемым. Как, наверное, и для всех начинающих.

Полина Алексеевна понравилась родителям, и дети очень ее полюбили. Сколько усилий и волнений они вкладывали, когда выполняли контрольную работу. Пот с их лица лил, хоть было не жарко. Каждому очень хотелось получить хорошую оценку, чтобы не отстать от других. Да и как им смотреть в глаза учительши, если получишь плохую оценку?

Когда Полина Алексеевна встречала родителей на улице, каждый спрашивал: «Ну, как мой (или моя)? Не шалит? Может, чем-нибудь вам помочь?»

«Дети очень умненькие, решали задачи несколькими способами. Меня уважали, – светло вспоминала своих первых учеников Полина Алексеевна. – И родители тоже относились хорошо. Я ничего ни у кого не брала, а то было бы хуже».

«А что могло еще быть хуже? – спрашивал Боря бедную мать, когда не знал о репрессированном деде?»

Жить первое время было трудно. Приезжим на хуторе продуктов не найти. Магазин пустой, хлеб редко привозили. Да и сам хлеб черный – жесткий, хоть топором руби, а внутри жидкий – не пропеченный. Местный хлеб брали плохо. Казачки сами пекли. Мяса и прочих продуктов для чужих нет, так как нет базара. Все хуторяне имеют свое хозяйство. Этим и живут. Так же – и местные учителя, аборигены. А что делать приезжему учителю, у которого никакого хозяйства нет, да и не положено иметь. Полине с Настей стало просто невыносимо. И тогда Полина Алексеевна пошла к председателю сельсовета. Он заговорил издали:

– Я вот к вам все приглядываюсь. Хороший вы человек. Мы вас полюбили. Что-нибудь я устрою для вас.

И устроил. Обязал председателя колхоза все продукты выписывать Черновой по твердым ценам.

Председателю колхоза молодая учительша, действительно, понравилась. Только она не догадывалась о его намерении. Председатель стал «шантажировать» свою жену. Как она закатит очередной скандал, так председатель ее начинает пугать: «Плохой я? Уйду к учительше, она лучше тебя».

Та посмеивалась-посмеивалась, да и поверила. Даже к хозяйке квартирантки приходила, чтобы «учительшу» посмотреть.

Выписали Полине в урожай тонну арбузов из колхоза. Дали подводу и мальчика-возчика, и она с Настей поехали на бахчу. Арбузов была тьма тьмущая. Набирали самых лучших арбузов и больших пахучих дынь. Нагрузили полную подводу, без веса. Лошадь еле везла. Пришлось переправляться через речку Малая Медведица вброд. А колесо от телеги отвалилось. Арбузы поплыли. Что успели – выловили из реки. Кое-как довели. Выгрузили в свою комнату в угол. Такой чудный запах от дынь пошел по дому. Всех учителей приглашали в гости. Кто приходил – всех накормили.

А когда оставались одни, Поля с Настей – одной 20 лет, другой 12 лет – садились на вымытом полу, делили арбуз пополам, и усиленно каждая трудилась над сочной красной мякотью – «петухом» – блаженствовали. От пуза.

Стали учительнице выписывать продукты: мясо, яйца, молоко, по твердым ценам. Так было хорошо.

Выписали как-то учительнице в колхозе целого барана. А рубить – нет топора. Повесили его за задние ноги в чулане. Настя тогда была у Полины главным шеф-поваром. Учительнице некогда, надо работать в школе, потом тетрадки проверять, готовиться к урокам на следующий день. А хозяйством в основном занималась Настя. И вот маленькая Настя, чтобы приготовить обед,

приходит в чулан, ножом отрежет кусок мяса и сварит. Так она резала до тех пор, пока можно было резать. Полина как-то зашла в чулан – и расхохоталась. Висит скелет барана. Настя, как крысенок, его обгрызла. А не решилась попросить у хозяйки топор, или сестре сказать. А учительница со своей работой упустила из виду эту деталь. Вот таким жалким был барашек в чулане. Потом барана все же разрубили. И кости сварили на бульон.

В Клетской Почте интересные были обычаи. Например, суп не ели. Казаки ели по-особому, не как в Астрахани. Да и было у них, что поесть. Мясо вареное вытаскивали из чугуна и ставили его зажариваться, «обсыхать». Потом все его ели и запивали разведенной в родниковой воде кислой капустой. Или портошное молоко (скисшее, перебродившее квашеное молоко, откинутое через тряпку) разбавляли тоже родниковой водой. Почему портошное? Бабка хозяйка говорила, что казаки его с собой возили в торбе, в калашинах старых портков. И не расстраивались у них желудки? Блины хозяйка пекла на большой сковороде, ели их с кислой капустой. А на закуску один или два блина ели с каймаком (сметана, снятая с топленого молока). Очень жирный и вкусный каймак.

Полина Алексеевна преподавала физику и математику. Работала с подъемом. С ребятами у нее был полный контакт. Все очень хотели учиться. Была у детей большая тяга к учебе. Многие ходили в школу пешком с других хуторов, расположенных за 6 – 7 километров от Клетской школы. И это их не тяготило, удивлялась Полина.

Но конечно, тяготило, только и учиться хотелось.

Это был незабываемый класс. Как учились! Задачу решали многими способами, даже девочки. За урок выполняли 2 – 3 плана. Не оставалось ни одного примера, чтобы на занятиях не решили. Поэтому им был любой материал по плечу.

Полина Алексеевна ходила между рядов, смотрела, как пятиклассники, сопя, сами решали задачи или примеры. Учились в охотку. Вскоре прошли всю программу. На уроках по физике девочки затемняли все окна своими платками, если была нужна темнота для опытов. Учительница поняла, что многие ребята уже курят. Попросила у них папироску, нужно было показать прямолинейность света. Приходит на другой день в класс – а на столе лежат две папироски. Ребята посмеиваются, на учительницу поглядывают. А она и держать-то папироску не умеет. Вызвала к доске ученика, он показал, как закуривать, продолжили опыты.

Ученики помогали учительнице. Ребята постарше влюбились в Полину Алексеевну. Писали ее стихотворения и добавляли: «Посвящаю... П.А.»

В общем, Полина была довольна всем – и учителями, и особенно ребятами.

Молодая учительница стала получать 400 рублей в месяц. Зарплату делила пополам. Высылала маме Аксинье 200 рублей. А 200 рублей с Настей

тратили сами на питание и одежду. У той и другой не было ничего путного из вещей, так как 1933–1935 годы были скудные. Стало лучше в 1938 году, но для Полины и он стал тяжким. Так как она только начинала работать. И была единственным источником обеспечения большой астраханской семьи. Но все равно на 200 рублей Полина с сестрой постарались одеться. Полина купила себе много платьев и костюм за 90 рублей. Справила одежду и Насте. Ходили не хуже других. А то приехала – в бязевой сорочке и в пиджачке из дерюжки.

Но как начались холода, в их задней комнате жить стало невозможно. Дверь не прикрывалась, как следует. И Полине дали комнату на другом конце села. Вскоре у молодой учительницы появилось много друзей. Народ к ней привязался.

В общем, в Клетской Почте Полине теперь работалось и жилось хорошо. Она чувствовала, что имеет большой авторитет. И стар, и мал ее почитали.

Хуторяне после работы шли в Народный дом в своих лучших нарядах, как в гости. Полина Алексеевна организовала им «Живую газету». Ребята побойчей составляли и пели частушки. Ставили пьесы. Многие учителя были молодые, и с большим желанием разучивали роли и участвовали в школьном спектакле. Вырученные от выступлений деньги шли на нужды бедных и раненых сельчан. Ведь в 1939 году была война с финнами. Тогда прорвали «Линию Маннергейма». Сколько было погублено и искалечено людей!

Враги затаились. Много поработали коммунисты, и темный народ тянулся к светлой жизни, хотел все новое, интересное впитать и освоить. Так думала Полина. Иногда она ездила с докладом на антирелигиозные темы в другие хутора. А сама в душе – верующая. Грех один!

Был такой случай. Однажды на общем собрании сельчан Полину Алексеевну спутали с ее сестрой Настей.

В Народный дом собралось много народу. «Учительша доклад делать будет», – говорили тихо между собой хуторяне.

А после собрания должен был состояться концерт, где Настя Чернова и другие учащиеся выступали с разученным новым танцем. Председатель сельсовета вел это собрание. И вдруг после доклада о текущем моменте объявил:

– А сейчас будет выступать учительница, всеми нами уважаемая Чернова Полина Алексеевна.

Полина и глаза вытаращила. Хотела сказать, что не ей выступать, а сестренке. Но было поздно – грохот аплодисментов. Нужно было идти на трибуну без подготовки. Что знала, тем поделилась с хуторянами, от души.

Народный дом был полон народу. Начала говорить о школе, о детей, благодарила родителей за их старание. И в ходе выступления как-то перешла к астрономии. Это публику очень заинтересовало. Учительница рассказывала, что знала из книг. Но, как верующая, темы Бога не касалась. Прочитала стихи Ломоносова: «Открылась бездна звезд полна. Звездам числа

нет, бездне дна». А с места спрашивают со смехом: «А что дальше – за звездами». «Кто знает?» – закончила свою речь учительница с улыбкой, под бурные аплодисменты.

А потом выступала и Настя, от пионерской организации. Так весело танцевала с подружками, что на сцене с нее юбка упала на пол. И смех, и грех.

Когда кончился учебный год, из райцентра Зимников приехали инспекторы принимать экзамены. Учительница трусила, но ученики ее не подвели. Полина Алексеевна старалась занижать оценки, боялась переоценить. Ставила четверку, а проверяющий ставил пятерку. Тройку ставить было некому. А члены комиссии восхищались детьми, что так прочно усвоили весь материал. Удивлялись, как дети хотели учиться. Все окончили 7 класс на 4 и 5. Тогда этот класс был выпускным. Выпускники могли поступать в техникум или учиться до 9 класса.

Работая, Полина и учебу в Астраханском пединституте не забывала. Выполняла все задания по программе. Приезжала с Дона в Астрахань на сессию два раза в год. Весной – с Настей, а зимой – одна.

Сдавала экзамены в числе 17 человек заочников-астраханцев. А на госэкзамен приехала уже беременная сыном.

«Все время меня одолевали женихи, – вспоминала Полина, и с гордостью, и с грустью одновременно. – Их было много, а толку мало».

Председатель колхоза так и продолжал Полине Алексеевне выписывать продукты до весны. Но оказалось, у него был брат – милиционер, не женатый, и председатель прочил учительницу ему в жены.

И вот раз к дому, где жила Полина Алексеевна, подъехали сани. Остановилась пара гнедых, большие лошади с толстыми ногами. Полина таких мощных коней в жизни не видела. Из саней вышли два здоровых мужчины в тулупах. Это председатель привез своего брата для знакомства с учительшей.

Такой оказался мужик-простофиля. Очень Полине не понравился, и Насте – тоже.

Повадился он потом к невесте похаживать, а его не пускают. Как поступит, Настя отвечает: «Она в школе».

Ходил он, ходил, и все впустую. Видимо, пожаловался брату председателю. А тот раз – и закрыл продуктовую лавочку. Пошла Полина Алексеевна за продуктами – ничего не выписали. Говорят: «Весна, все продукты кончились».

Жаловаться некому. Стало туго с продуктами. А тут и конец учебного года.

В Клетской Почте Полина работала один год, пока ее не перевели в райцентр – на хутор Зимняцкий.

Глава пятая ХУТОР ЗИМНЯЦКИЙ

Из Клетской Почты Полину Алексеевну перевели в райцентр на работу в старшие классы в средней школе хутора Зимняцкий. Ей не хотелось туда переезжать. Но надо. В хутор Зимняцкий она поехала с сестрой Настей. Настя была на восемь лет моложе Полины.

В то время Поля училась на третьем курсе четырехгодичного физико-математического факультета Астраханского пединститута. Работать и учиться было трудно. Но это окупалось тем, что Поля несколько месяцев в году была около родной мамочки Аксины.

Так и осталось неясным, почему Чернову Полину перевели в другой хутор. По рангу – вроде повышение. Обиделся председатель сельсовета, что Полина не согласилась выйти замуж за его брата? Продукты-то он перестал выписывать строптивой учительнице. Но это еще не факт. Остается только одна вероятная причина – в Клетской Почте была только семилетка, а Чернова могла работать в старших классах.

В Зимнике она работала 4 года. Дали ей вести 8 – 10 классы. Ученики были почти ей ровесники. Они тоже хорошо приняли новую учительницу. Она преподавала физику и математику, вела даже черчение и астрономию. И самой приходилось изучать эти предметы, как студентке. Уроков вела много.

Летом было хорошо. Лиман, камыши шуршат на свежем ветру, птицы поют. Особенно нравилась эта картина при закате и рано утром. Дом стоял на горе. А под горой росла ольха, и там было много родников. В этих родниках брали воду для питья.

А зимой с ребятами стали ходить на стрельбище. Вокруг было много снега, по пояс. Морозы стояли сильные. Так что все ребята ходили в валенках и в теплых шапках.

Однажды учительница вышла на бугор, а ребята уже все внизу собрались. Спускаться с бугра очень трудно. Тогда Полина, вспомнила молодость, села на пальто и съехала на заднем месте по снегу вниз под гору. Ученикам было очень весело. В этом году начали учить школьников стрелять. Поля тоже стреляла, подавая пример воспитанникам. И оказалось, она набрала большое число очков. Наутро ее фамилия появилась в многотиражке: Полина Чернова – лучший Ворошиловский стрелок.

Вообще было хорошо Полине жить с сестрой Настей. И в школе хорошо работалось. Полина много работала и была уважаема народом. Она буквально пропадала целыми днями в школе. Занималась общественной работой. Ученики думали, что Полина Алексеевна много лет уже работает учителем, а у нее были только первые шаги.

Однажды ребята постарше нашли какие-то трудные вопросы и хотели «поймать учительницу». Но коварная затея не увенчалась успехом. Например, задают, посмеиваясь, вопрос: «Как узнать, какая из двух пластинок намагниченная, не имея под руками ничего, кроме этих пластинок, допустим, на пляже?»

Когда учительница ответила правильно, ребята признались, что хотелось им, чтобы она не ответила. Но это была не злая шутка, а дружелюбная. Они очень-очень уважали Полину Алексеевну. А тому, кто проявил невнимательность к учительнице, доставалось от самих ребят.

Если что-то нужно для опыта, она попросит – и они всё достанут. Ученики сами чинили поломанные приборы, добывали нужные детали. У всех пытливым ум и большое желание, и опыт по физике дал должный результат. И как бывали довольны, что результат опытов увидели своими глазами. Заинтересованы были все, и каждому хотелось что-то сделать приятное для Полины Алексеевны.

Вместе с ней ученики ходили за хутор на практические занятия. Определяли ширину ям с помощью простейшего геодезического инструмента экера и вешек. Астролябии не было, поэтому решали задачи с использованием треугольников всех видов. Вычисляли ширину речки с помощью прямоугольных треугольников. Измеряли высоту дерева или здания. И какой у ребят был серьезный и деловой вид.

А затем с песнями возвращались домой или в школу. Время для детей молодая учительница не жалела. На школьных переменах она играла с учениками в лапту или в «третий лишний». Она была им, скорее, старшим товарищем и задушевым другом. Да и родители учеников были благодарны Полине Алексеевне.

Сестра Полины – Елизавета долго блуждала по свету. И вот, в начале 1939 года приехала к Поле на Дон. Полина всплеснула руками – когда она ее нашла? Вся грязная, вонючая, опустошенная.

Лиза вошла в переднюю комнату, где Полина Алексеевна в это время принимала фронтовичку, инспектора района. Увидев постороннюю, Елизавета сразу вышла в коридор. Фронтовичка подозрительно посмотрела на нее и, как только Елизавета вышла, спросила:

– Это кто?

– Родная сестра, – покраснела Полина Алексеевна.

– Родная? – протянула она в недоумении. На этом гостя распрощалась.

Полина привела Елизавету в порядок, отмыла, отстирала, накормила. В общем, приняла, как сестру. Елизавета пожила у Полины довольно долго.

И вот, через месяц, когда Полина не успела погладить и поэтому не надела новый костюм на работу, случилась драма.

Полина пришла из школы, а Елизаветы нет. Лежит записка: «Я уезжаю. Свои люди – сочтемся». Сестра увезла все, что было у Полины. Прихватила и то, что Аксинья дала Полине в приданное, – красивую шаль, старинную

зеленую скатерть с яблоками по кайме, комбинацию с богатым кружевом. Прихватила и новый Полин костюм. Много захватила вещей, каких Полина сумела справиться – себе четыре платья, Насте два хороших платья.

Елизавета опустошила весь Полин чемодан, обчистила наголо. И уехала втихаря. Полина осталась опять в бязевой рубахе и в пиджачке из дерюжки, еще со студенческой скамьи. Хорошо, что четыре платья, которые они с Настей недавно купили, Полина отдала хозяйке, чтобы не пылились. Как знала, что может такое случиться. Потому что Елизавете не впервой воровать у родных. Полина была в отчаянии. Пока Настя была в школе, Полина бегала, искала Лизу по хутору, но не нашла. Поплакала, а потом подумала: «Денег-то у Лизы нет. Наверное, все продаст, чтобы ехать в Баку. Но там беднягу никто не ждет. Муж пропал, сын Леня у бабушки в Астрахани. Не живет бедная Лиза, а только горе мыкает!».

Весной 1939 года Полина приехала в Астрахань на сессию в четырехгодичном пединституте. Свое слово матери она сдержала. И Аксинья, конечно, была безумно рада.

Дома было несладко. Аксинья больше не устраивалась на работу, крутилась дома, комбинировала, экономила – нужда научит. Правда, ей стало немного легче, когда Полина окончила двухгодичный институт. По крайней мере, спокойнее, что дочь уже получила учительскую профессию. Но нужда была не двухгодичной, и даже не четырехгодичной, а вечной. Аксинья жила на Полины 200 рублей, которые дочь ежемесячно ей присылала. В данный момент она была сама третья. Корову продали – нечем кормить кормилицу. Поля сразу по приезде опять принялась торговать яблоками. Покупала их корзиной, а продавала поштучно. Что-то оставалось на хлеб. Но Поле было стыдно стоять на базаре – город небольшой, среди покупателей могли встретиться сокурсники. Хорошо хоть, что яблоки, а раньше Поле с Калерией приходилось торговать ирисками.

Полина так приезжала с 1938 по 1941 годы в Астрахань на учебу и экзамены по два раза в год. Было тоже нелегко.

Ее не забывал и с радостным визгом встречал любимый Шарик. Он долго жил на Пушкиной улице. И в этот раз на сессию Поля приехала домой поздно ночью. А утром не поймет, кто ее разбудил. Оказывается, Шарик с визгом к ней спящей подбежал, лизнул – и на пол лег. Ждет, когда она проснется. Как он, бедняга, был рад, что Поля появилась! Несколько раз он так прибежал к ней – и, когда разбудил, стал ласкаться.

В 1939 году Поля стала готовиться к государственному экзамену. Жизнь ее, вроде, стала сытнее. Настя успешно заканчивала 9 класс.

Поля на следующий год должна была окончить институт.

У Аксиньи от истощения и болезней стали умирать дети. Она родила за свою жизнь 12 детей, двенадцать месяцев. И вот дети уходили раньше времени из-за скудной жизни – разве это не трагедия для матери.

Лада жила в Узбекистане, там вышла замуж в 18 лет. Домой к матери Лада приехала уже с ребенком. Акси́нья свалилась с головным тифом, ее увезли в больницу. А от детей скрывали, что у нее тиф. Поля о страшном диагнозе узнала, когда приехала сдавать экзамены. Акси́нья в больнице уже стала поправляться.

«Может, от вшивых куражников тифом заразилась? Кто знает? – подозревала Полина. – Грязный народ. И алчный до денег. И так – до сих пор. Что-то их на Астраханском вокзале почти не стало. Наверно, после погрома. Говорят, несколько парней в одинаковой одежде дала им трепку. И поделом. Нет предела алчности. Но сколько они за квартиру не давали, мы соглашались. Нужны были деньги на хлеб».

Поля увидела разоренный дом. Всю маму растащили, все, даже необходимое, унесли. Остались голые стены. Цветы померзли, квартира не топилась. Ладка приехала, и все подобрала, пока мама была в больнице. Она всегда была агрессивно настроена против Акси́ньи. И все, что можно было, стала продавать из дома. Может быть, она и взяла бриллианты из кольца, которое подарил Поле Юсуп, и продала их себе на хлеб.

Поля узнала, что в этот приезд Лада требовала от матери отдать ей полдома. Акси́нья отказала: «Пока я жива, живите вместе». Лада обозлилась, накричала на мать и уехала снова в Навои.

Боря, когда был маленький, видел, как Лада доставала из-за трюмо булки, и потихоньку ела. За это не любил ее. И дрался с ней, но молчал.

Потом приехала Лиза и тоже заболела тифом. Но ее вылечили. И она сразу уехала, подговорила Калерию, и взяла ее с собой. Акси́нья упрашивала Калерию остаться дома, зная, что Елизавета испортит ее, как сама испортилась, но все бесполезно.

Елизавета сказала на это матери: «Поле дала Настю, а мне – нет?»

Да и Калерия хотела Баку посмотреть.

После их отъезда хватились, а Елизавета увезла все, что осталось носильного в сундуке, кроме двух шуб отца, которые Акси́нья заложила в ломбард.

«Все сестры сбегали из дома, чтобы не кормить семью, а устроить свою жизнь, – плача, жаловалась с горяча подругам Полина. – А я оставалась дома с семьей всю жизнь, зато не смогла создать собственную семью. А теперь жрут все меня, что, якобы, я все наследство забрала. А от наследства осталась одна старинная лампа, и ту пыталась Настя отнять у меня, кричала: “Это – моя лампа”».

Стала я под старость сопротивляться, так как больше нет сил ургучить рабочему скоту. Так они возмущаются: почему-то этот скот подает голос. Как она посмела! Нам перечить? Да хочет еще лучше нас жить? Ишь, чего захотела! Да, она, действительно, не наша. Когда работала на них – была сестра. А теперь – чужая? Бред какой-то!» – и Полина горько плакала.

Почему Полина одинока? Ведь сводила же с какими-то мужчинами ее молодая жизнь.

Она считала, что всю жизнь была невестой. Не смотря на бедность жизни в стране, и еще большую нужду в семье, Поля все же старалась одеваться не хуже людей, есть досыта. Правда, роскоши не было.

Неужели ограничение в ее личной судьбе, помимо прочего, наложило политическое тавро «дочь врага народа»? Наверное, это было важным, но Полина об этом никому не говорила. Ссылалась только на то, что большая семья и наследственная нужда. А как же другие сестры этого избежали?

Женихов у Полины было полно: Саша, Боря, Гера. Все приходили домой. Мать Аксинья очень хотела выдать ее замуж. Но все видели, как из пяти комнат выглядывали малыши – голодные рты. «Их она будет кормить, – думали, наверное, женихи про невесту. – И всех придется тащить на своем горбу». И больше не приходили со сватовством.

Была трудная пора, но молодость брала свое, может, это и дало сил выжить. Раньше Поля успевала и кизяки коровьи месить, и молоко продавать, и корову доить, и ходить за своей телкой в стадо коров в 12 часов дня, и торговать – кучка рубль. Все приходилось делать.

Хорошего не было и в войну, и после. Светлыми она, по молодости, считала только дни, когда была студенткой, училась в рабфаке и в институте. Но разве они были светлые?

Многим молодым мужчинам Полина нравилась. Был же у нее настоящий друг Яша, с которым она делилась своими тайнами и радостями. Она считала его, как брата, была готова, как говорится, пойти с ним в огонь и воду. У них была настоящая, ровная дружба, пять лет. Поля была уверена, что с ним никогда не расстанется. Яша очень любил Полю, а она просто, видимо, не понимала себя.

Но жизнь шла по своим сценариям. Гремела финская война. Все ее тяготы испытывало и гражданское население. Яша сам обеспечивал семью, свою мать и сестру. Он заканчивал Сталинградский автодорожный институт. И, как назло, был на сессии, сдавал последние экзамены, когда Поля, после окончания учебы уехала из Астрахани работать учительницей на Дон. Это и покачнуло дружбу Поли с Яшей. Вот уж, действительно, время и расстояния – враги человечества.

Переписка с Яшей порвалась по нелепой случайности. Поля написала ему, как ей казалось, хорошее письмо. В нем, буквами из рассказа «Пляшущие человечки» Конан Дойля, – этими человечками она написала: «Я тебя люблю». Постеснялась сказать открыто. А Яша не понял, и ответил Поле обидным письмом: «Какой ты собачий язык выучила?» И наговорил ей кучу оскорблений. Ошибки молодости – разлучили молодую пару навсегда.

Поля очень ценила, что он берег ее. Такие были тогда правила. Да Поля и боялась поступить опрометчиво.

«С Яшей у меня была бы другая судьба, – вздыхала позже Полина, – но так не получилось».

А ее подруги детства Клава Шипова и Ната Алексина, сочувствовали Полине. После разрыва с Полей, Яша пришел к ним и плакал: «Я ее любил и люблю! Берег. Все пять лет дружбы».

Услышав эти раскаяния от Полины, Боря, будучи взрослым, подбил уставшую от одиночества мать встретиться с Яшей. И через 40 лет они встретились.

Да, он был виноват, покаялся Яня при встрече. И просил у своей прошлой любви прощения. А что это может изменить?

Прошлого нет.

У него есть семья, и он врос в нее глубоко корнями.

«Я уже внуков имею. Живу плохо. Не люблю ее», – сказал на прощание Яша.

Любила Полина, видимо, только одного Сторожева Борю, соседа. Умный, хороший был парень. Яню она жалела и считала настоящим другом, но не больше. А Борю по-настоящему любила, и была любима. Просиживали они на порожке напротив окон ее дома еще на Пушкинской улице допоздна. Он все хотел ей что-то важное сказать, но так и не успел. Удушили его вместе с другими студентами в химическом институте, дали большую дозу газа и отравили молодняк. А еле выжившие постепенно угасали. Тогда говорили, что это было вредительство.

Однако мать Бори все равно не дала бы им пожениться, так как видела черновскую голодрань, весь выводок, каждый день. Так считала Полина. И может, скрывала главную причину, что она – дочь «врага народа». Нельзя было об этом говорить даже сыну. А ведь многие боялись общаться с Черновыми.

На последней встрече, когда студент Боря приехал домой, он сразу спросил Полину:

– Вышла замуж?

– Да, – ответила она.

– Счастлива?

– Нет. Все из-за своего характера.

Боря обнял Полину и сказал:

– Как бы я был счастлив, если бы ты была моей женой, с таким характером!

В честь этого любимого Полина потом и назвала сына Борисом.

Как-то сын Боря признался, что почти ничего не знает о жизни своей матери? И просил Полину рассказать о себе. Странно как-то. Вроде, она всегда была у него на глазах. Но все ли она может или обязана рассказывать своему сыну? Да если и расскажет, то сможет ли он понять душевные материнские драмы? Да еще, как многие дети, он не внимательный. В детстве все дети заняты в основном собой, многое просто забывают из того, что видели в детстве в поступках матери, или не сумели осмыслить. Притом

каждый человек пытается не ворошить в душе свои тайные раны, скрывает оплошности и грехи, говорит о себе только хорошее и благородное.

И вот из этого порыва родилось у Бори такое стихотворение вообще о матери:

Ты веришь, мать всегда права,
 Всегда готова заступиться.
 Священны все ее слова.
 Ее любовь не истощится.

Но вдруг промашку, фальшь, и ложь
 Ты в матери заметишь с болью...
 Но ты лица не отвернешь,
 И сам очистишься любовью.

Не знал Боря, что была у Полины еще одна несостоявшаяся любовь – к летчику Грише.

В 1939 году она поехала в Астрахань на сессию. Настю оставила в Клетской Почте на это время.

Взяла билет в предварительной кассе за десять дней. В день отъезда на вокзале ждала своего поезда с девчонками. Заметила шумную группу молодых летчиков. Они посматривали на девчат, и Поля тоже обратила внимание на летчиков. Один парень ей очень понравился. Объявили посадку. Поля, простившись с провожатыми девчатами, вошла в купе, а в нем трое этих летчиков уже расположились. Сразу уступили ей нижнее место, и были очень внимательны. Поля была поражена совпадением, что ее место в одном купе с ними.

Хотя, что тут удивляться, когда на промежуточной станции дается горстка билетов, может, даже в один и тот же вагон.

Завязалась дружеская беседа. Ребята казались застенчивыми и обходительными. (Летчики умеют покорять девушек.) Полине понравилась их прекрасная летная форма: синий френч, белый галстук, кокарда на фуражке. Особенно ей приглянулся Гриша. Девушку поразило – что этот интерес возник взаимно. Любовь с первого взгляда? Лейтенант Гриша больше других поглядывал на Полю еще на вокзале. Ребята дали возможность поближе сесть Поле с Гришей, рядом. Так под стук колес они проговорили полтора суток без сна, пока ехали, только прерывались на угощения. Говорили обо всем. Летчики ехали к финляндской границе. После Полина узнала, что там была «Линия Маннергейма». Поля с Гришей обещали писать друг другу. В Ртищеве у летчиков была пересадка. Они распрощались с Полей, не только как хорошие друзья, а как родные. Только они ушли, Полю свалил сон. И вдруг под впечатлением пристального взгляда она очнулась. Смотрит, а Гриша стоит в дверях с двумя чемоданами, большим и маленьким, и смотрит пристально на нее.

– Ты что? – спросила она.

– Поезд еще десять минут будет стоять, – ответил Гриша. – И я решил еще раз посмотреть на тебя. А ты так сладко спишь.

Как знал, что им больше никогда не придется увидеться.

На работу в Клетскую Почту Гриша прислал Поле несколько писем, дружеских. Много писем присылал – одно краше и теплее другого. Затем сообщил, что их переводят на новое место. На этом переписка оборвалась. Полино письмо вернулось обратно. А в это время ее уже перевели в хутор Зимник.

Туда Аксинья прислала Поле из Астрахани последнюю венсточку от Гриши. Он очень просил, чтобы Аксинья Васильевна сообщила, где Поля. Аксинья окончила несколько классов приходской школы, осталась полуграмотной. Да еще была левшой, поэтому писала неразборчиво с противоположным наклоном. Но понять было можно, что она написала дочери: «Уж очень просит твой адрес. Почему ты не пишешь?» Полина сейчас же ответила по новому адресу, но писем от Гриши больше не получила. В газете прочитала, что родная авиация прорвала «Линию Маннергейма», страшное укрепление финнов и немцев. Видимо, Гриша погиб. Долго Полина хранила его письма в Астрахани, в ящике старого комода. Там была и карточка Гриши. Когда было скучно и грустно, она их перечитывала. Писала запросы, пыталась разыскать Гришу, но без результата.

«Да, на Финской войне погиб мой жених – летчик Гриша, красавец, – призналась Полина Боре, вытирая платочком обильно слезоточивые глаза. – вспыхнула любовь – и вдруг оборвалась. Видимо, утонул, как я видела во сне. Мы сразу полюбили друг друга, но больше никогда не встретились. Это было еще до моего замужества».

Так что у Полины в молодые годы была любовь. Но то война, то подруги-разлучницы, то разлука, то нищета. И вот в самую пору любви – в 22 года она осталась без любимых друзей.

Еще в Клетскую Почту приезжал свататься к Полине Алексеевне брат местной учительницы по литературе. Он служил в Чите, был сержантом. На хутор они приехали вдвоем с зятем сватать Полину Алексеевну, на санях, на двойке с бубенцами. Она увидела их в окно – и спряталась – жених какой-то губастый.

Мужики вошли в переднюю комнату хозяйки. На столе появилось и вино, и закуска. А невесты нет. Сидят, выпивают, с хозяйкой разговаривают, спрашивают: «Где Полина Алексеевна?» Хозяйка мнетя: «На работе». Вечереет за окнами. Видят, что невесты не добьются. Зять ушел. А жених притворился пьяным и уснул на стуле. Полина потом его будила, пыталась повалить на кровать. Куда там – он большой, тяжелый и, конечно, его не сдвинуть. Губы развесил. Пришлось Полине попроситься спать этой ночью в комнате хозяйки. Она легла тихонько – и провалилась под кровать. Хозяйка с мужем смеются, на другой кровати у противоположной стены, а бедная Полина не знает, как ей вылезти. Вдруг услышали, что гость зашевелился, встал и ушел, хлопнув дверью. Видно было и в темноте, что все понял – и

разозлился. Так, сватовство на хуторе Зимники у Полины и сорвалось. Сама виновата?..

Глава шестая ЖЕНИХ ИЛИ МУЖ

Полина с Настей теперь жили на хуторе Зимник на квартире хозяйки дома Анны Кондратьевны, в передней комнате. В дом к этой доброй женщине молодую учительницу «поставили на хлеба». И районо за нее платило. Полина и Настя звали хозяйку «крёской» (крёстной). У хозяйки была дочка Нюрка, она дружила с Настей. Хозяйка отдала Полине Алексеевне переднюю комнату, а сама жила с Нюркой в задней комнате.

А рядом с этим домом снимал квартиру управляющий госбанком Семен Константинович. И протоптал к ним дорожку. Наверное, Анна Кондратьевна, могла бы Полине рассказать о Семене что-то важное, но не решалась.

Вскоре и состоялось знакомство Полины с Семеном Константиновичем.

Молодые познакомилась зимой. В хуторе Зимник по выходным дням молодежь каталась с горки на лыжах. В Астрахани снега почти не бывает, потому и лыж нет. Полина смотрела с доброй завистью на раскрасневшихся лыжников. «Вот бы мне так скатиться с горы!» – думала она.

Полина считала, что ее познакомили с Семеном лыжи. Семен научил ее ходить на его лыжах, которых у нее никогда не было.

После этого знакомства Полина видела литературный сон, похожий на сон Татьяны из поэмы Александра Пушкина «Евгений Онегин».

Видит Полина во сне ров. На одной стороне этого рва стоит мальчик, который ей нравился в институте. А на другой стороне рва, где она находится, бежит на нее белый медведь. Полина побежала от него – а он за ней. Вдруг оказалось, что это – дрессированный медведь Семена. Семен взял его за ошейник. И Полина проснулась.

«Татьяна в сторону, медведь за нею, – писал Пушкин, – любила рассказывать этот сон Полина. – Я очень любила Пушкина. Выучила наизусть Письмо Татьяны. А затем говорила его со сцены...» Полина участвовала в самодеятельности, в пьесе «Женитьба» Гоголя играла старуху и кричала: «Все вы будете гореть в огне геенском...».

От нее и Боря пристрастился участвовать в художественной самодеятельности и в школе, и в институте.

Поля, веселая, заводная, активная, нравилась многим ребятам. А судьба ее толкнула не в ту сторону, как считала она. А вернее, не судьба, а нужда. Ведь по Сеньке – и шапка.

Семен Константинович стал увлекаться Полиной Алексеевной, как ей показалось. На хуторе Зимняцком он был «первый парень на деревне».

Сначала он стал предлагать Полине дружбу, не открыто, а как-то стесняясь. Они ходили вместе в кино.

Однажды в Зимник приезжал театр – и Полина с Семеном пошли посмотреть спектакль «Бесприданница», о жизни крепостной актрисы. Очень трогательная постановка понравилась Полине. Там хозяин – ловелас дарил молоденьким актрисам серьги, а затем губил. Пришли после спектакля поздно. Семен проводил Полину чинно до дома. Она тихо улеглась спать, чтобы не будить хозяйку. И не углядела, когда Семен ночью ей под подушку положил духи «Кремль» – башенкой. Когда она утром проснулась, то удивилась подарку. Спросила Анну Кондратьевну с тревогой:

– Это откуда?

– Все утро ногами катаешь, – ответила хозяйка.

Полина вся задрожала, вспомнив причину подарков «бесприданнице» в просмотренном вчера спектакле. И решила вернуть духи Семену на другой день. Он отпирался, не брал, а потом склонил голову и проговорил:

– Я так и знал, что ты не возьмешь.

И Полине стало его жалко. Вспомнила, как он рассказывал ей о себе, что он – с детства осиротел, жил с бабушкой. С ней ходили по улице кусочки собирали в наволочку, вместо сумы. Полина с тяжелым сердцем закрыла дверь перед лицом Семена. Вдруг он постучал. И как только она открыла дверь – он изо всех сил разбил эти духи и порвал картонную коробку – трубочку башни Кремля. Полине стало не по себе. Теперь почему-то ей стало жаль себя. Предвидение, что ли, какое? И она сказала Семену:

– Давай не будем ссориться.

С тех пор завязалась у них настоящая дружба.

Полина с Семеном ходили в лес. Слушали соловья. Семен вел себя хорошо, не домогался, не целовался. Он научил Полину ходить на лыжах, ездить на велосипеде, его у нее тоже никогда не было. Они часто выезжали за хутор на велосипеде кататься, и Полина стала ездить сама довольно хорошо и с удовольствием.

Но как-то раз услышала встревоживший ее разговор встречных хуторян. Двое людей ехали на бричке мимо них. И один другому сказал: «Этот парень свернет голову девке». Но Семен вел себя сдержанно. А Полина, как всегда, была доверчива. Ей было 23 года.

Они дружили всего четыре месяца. И, конечно, она не могла хорошо его узнать. Первый раз Полина была с Семеном в настоящем лесу. Потому что в Астраханских степях лесов нет. Полина впервые видела, как растут ландыши, и какой аромат источают. Как белый ковер расстелен среди деревьев и прогалин.

Часто Семен приходил к Полине на квартиру, они сидели с разговорами в передней комнате. А хозяйская дочка Нюрка всегда, когда приходил Семен, сидела в комнате учительницы и смеялась, как дурочка. Патологически тупая. Она училась у Полины Алексеевны в 7 классе. И Полина Алексеевна ее «тащила», как могла, чтобы она окончила школу, так как уважала Анну Кондратьевну. Анна Кондратьевна говорила Полине: «Я

вас люблю больше своей Нюрки». Вид у этой бедной Нюрки напоминал жабу – толстая, расплывшаяся баба с редкими зубами, которые она показывала, когда улыбалась. Полина не могла себе и представить, что это дите могло уже жить с мужчиной. Поэтому и не остерегалась ее. А ее глупые улыбки с Семеном – ее женихом считала детской наивностью.

Однажды Нюрка очень сильно ее подвела – украла у нее из комнаты контрольную работу, которую Полина Алексеевна должна была давать в день экзаменов учащимся. А в это время в Зимнике был из Сталинграда инспектор, который отнял у этой Нюрки шпаргалку и понял, что ученица заранее знала задание контрольной работы. Разразился скандал – и все прекратили писать контрольную работу.

Полина, конечно, плакала и ругала Нюрку дома, когда пришла из школы вечером. Анна Кондратьевна тоже плакала, просила у Полины прощение за Нюрку. А в это время мимо их окон проходила учительница, председатель партийной организации школы, и все услышала. И доложила об этом на собрании. Не будь этого, Полине было бы очень плохо. На этот раз решили ограничиться выговором Полине Алексеевне за халатность. А где ей хранить контрольную работу, если в доме всего две комнаты – ее и хозяйки? Инспектор написал об этом в газету «Сталинградский коммунист». И молодой учительнице все это было нелегко пережить.

Неожиданно Семен написал Полине хорошее письмо: «Я тебя люблю!» А позже, постеснявшись, почему-то сказал: «Давай сожжем это письмо». И вдвоем они его сожгли. (И любовь сожгли). Вот и не верь в приметы.

В конце учебного года Полина, как всегда, уезжала на каникулы в Астрахань, на сессию. Она была уже на 4 курсе. А сдавать государственные экзамены нужно было в следующем году летом. Семен узнал, что Полина уезжает в Астрахань и решил проводить ее до Сталинграда, откуда пароход отправлялся в Астрахань. Он попросил машину у первого секретаря райкома партии, проводить учительницу. Значит, у Семена Константиновича был большой авторитет в Зимнике. Может, была и другая причина, но Полине он сказал:

– Поедем до Сталинграда на легковой машине, с шиком. Меня хозяйка послали.

Полина согласилась ехать с Семеном. Поверила его письму: «Я тебя люблю...».

Она рада была на хорошей машине прокатиться. Настя на этот раз осталась с хозяйкой, в Астрахань не поехала. Подал жених легковую машину (как «бесприданнице» – Сергей Сергеевич, подумалось Полине). И повез ее до Сталинграда.

Полина и Семен добрались до города хорошо. В Сталинграде остановились на какой-то квартире. Машину Семен отпустил вернуться в Зимник, а сам пошел с Полиной на пристань за билетом.

И вдруг Семен начал делать Полине предложение, просил выйти за него замуж. Полина сначала растерялась, она должна посоветоваться с

мамой. Семен обещал приехать в Астрахань и просить у Аксиньи руки Полины.

– Приедешь в Астрахань, там и решим, – не сдавалась Полина.

А Семен – свое:

– Как я приеду – жених или муж? Давай зарегистрируемся сейчас. Я тебя люблю. А ты уезжаешь.

– Сначала просят руки, а потом регистрируются, – сомневалась Полина.

Семен подумал, что Полина мнется из-за того, что Леня – ее сын. И стал уверять Полину, что возьмет ее замуж и с ребенком...

– Нет, Леня – мой племянник, – успокоила его Полина.

Она решительно подала деньги в кассу и взяла себе билет в Астрахань.

– Полина, давай зарегистрируемся, умолял Семен. – Я приеду в отпуск в июле к вам, уже как муж. А потом вместе уедем в Зимники.

Полина запомнила на всю жизнь день 12 июня 1940 года. Именно в этот день лета Полина обычно уезжала домой с Дона. Поэтому забыть этот знаменательный день никогда не могла.

«Видимо, судьба, – рассказывала потом Боре. – Я подумала, парень он видный, его ценили, как финансиста. Я ему поверила. Тем более, я хотела регистрации. “Поверила, поверила – и больше ничего...” Мне казалось, что Семен меня очень любит. А сама не хотела выходить замуж».

И Полина дала согласие. Тем более хотела, чтобы все было по-честному. Пошли в ЗАГС – и безо всякого расписались. У Полины было только одно возражение:

– Я не хочу менять фамилию.

Она все же с трудом, но получила диплом на Чернову, по окончании двухгодичного пединститута. И менять его боялась.

Как заколдованная, она не понимала, что делала. Получила документ о браке. И даже его не прочла. Смотрела на него и ничего не видела. А Семен, видимо, все продумал. А может быть, и у него голова закружилась от счастья? Отдал свидетельство о браке Полине, и она положила его бережно в отдельный карман сумки, рядом с документами.

После регистрации решили отпраздновать это событие – Семен пригласил Полину в ресторан гостиницы «Интурист», поели омлет с горошком, и еще какой-то салат. Первый раз в жизни Полина ела омлет. А сама подумала, что, видимо, у Семена было мало денег. Она знала, что он честно работал в Сбербанке, и никогда не брал никаких подарков и взяток. И она – такая же.

Молодые решили, что Полина поедет к маме пока одна. А Семен пообещал приехать к ней в Астрахань через месяц, в свой очередной отпуск.

«И проводил меня домой, – вздохнула, вспоминая это событие, Полина, явно имея в виду слова из народной песни «Когда имел золотые

горы...»: «И проводил меня с крыльца...». – Проводил с оправдательной бумажкой о регистрации.

Приехав домой, Полина рассказала все о Семене своей матери, показала ей свидетельство о регистрации. И Аксинья приняла его, как должное. Но Полина чувствовала, что спешка с регистрацией ей не понравилась.

Семен, как и обещал, приехал в Астрахань через месяц, в отпуск в июле 1940 года.

Аксинья собрала небольшой «вечерок». Конечно, скудный. Трудно было жить. Пригласили Полининых верных подруг. Подружка Клавдия Шипова была с мужем Сашей, Зина и другие. Подруга Ната Алексина была в это время в Сибири. Никакой фаты не было. Была просто бутылочка, Аксиньин пирог с капустой и визигой. Посидели, потанцевали, попрыгали, попели. У Аксиньи был звонкий голос. Как зазвенел – все вздрогнули: «Когда имел золотые горы...». И все пошло своим чередом.

Аксинья все приглядывалась к Семену, может, и поговорила с ним, когда Полина с подружками танцевала. Но Полина чувствовала, что Семен матери не понравился.

Аксинья, может, случайно подслушала любовный шепот Полины с Семеном, которые горячую брачную ночь провели на матрасном ложе на полу в коридоре. Ночь была душная. А утром Аксинья шепнула Полине:

– Жить вы не будете.

Дочь даже вздрогнула. Аксинья спохватилась и перекрестилась:

– Дай Бог, чтобы вы жили.

А ведь мать – как в воду глядела.

Да, Аксинье Семен сразу не понравился, ничем, ни статью, ни прытью. Но она молчала и вздыхала, понимая, что он не рвется к дочери и не ценит ее.

Как пророк, знала, что дочери тоже нет счастья. У самой несчастная была бабья судьба.

А подружке Полининой – Клавдии Аксинья шепнула после «свадьбы»:

– Говорит, что она не любит его, или еще не понимает себя.

Когда Семен гостил в Астрахани, как-то Полина полезла в ящик старого комода, а Семен неожиданно оказался рядом. Полина сразу закрыла ящик – и это его насторожило. Он открыл ящик и достал давние письма от погибшего Гриши. Как он разозлился! Все письма порвал. Даже Гришину фотокарточку разодрал. Оставил на ней один его глаз, прохрипев: «Смотри!»

Полина была в шоке.

– Почему ты о нем мне ничего не говорила? – спросил Семен.

– Это было до тебя, – пролепетала Полина со слезами на глазах.

Вспоминая об этом, Полина сказала: «Если бы Гриша был жив, все равно бы меня нашел, и жизнь у нас была бы настоящая. Вспыхнула любовь с первого взгляда, хорошая. Но враг оборвал».

Семен все капризничал. Жить ему у Черновых скоро надоело. А Полина лебезила, зная, что нечем особенно его ублажить. Все ему было не так, все не эдак. Все не нравилось. А что может нравиться, жили бедно?

И это только одна из главных причин.

Семен пробыл в Астрахани меньше отпускного месяца, и не дождался, когда у Полины кончится отпуск. Собрался ехать один домой, сказав, что его «смыл понос». От астраханской воды у донских казаков, говорил, в Астрахани издревле понос. Полые воды Волги весной поднимают с земли всякий сор. Может, и так. Вода в Астрахани другая, жесткая. У Бори в отрочестве камень в почке вырос от волжской низовой воды. Полина-то привыкла, а Семен – нет. А у Полины, как у учительницы, отпуск был больше, чем у банковского служащего Семена. Все правильно. Пусть едет на Дон.

Этот «понос» мог быть и от другого. Можно предположить, что Семен в этот приезд в Астрахань узнал больше о семье Полина и от Аксиньи, и от досужих людей. Узнал, например, что эта семья – нищая. А главное, мог узнать о том, что отец Полины Алексей Тимофеевич Чернов по 58-й политической статье, отбывал срок в Сибири, в тюрьме. А его молодая жена – Полина Алексеевна – «дочь врага народа». Каково это партийному, банковскому служащему, молодому и перспективному. Он сам позже признавался, что его вербовали в НКВД. А может быть, и завербовали осведомителем, да не имел права в этом признаться. Об этом молчат. Нехорошо так предполагать. Да в то время это было в порядке вещей. Например, писатель Твардовский вынужденно «по собственному желанию» отказался от отца-лишенца, неугодного власти. Да и все эти откровенные мысли пришли к Полине в пожилом возрасте в другой, уже не советской, стране.

А тогда карьерные перспективы Семена рушились, и любовь сразу, видать, пропала. Раз ему уже в доме Полины все было не так. И он пожалел, что женился на Полине? А что делать? Наверное, и ребенок у Полины уже наметился. Единственное, что известно, что это – еще не Боря. И Семен уже тогда в Астрахани, видимо, задумал избавиться от бедной во всех отношениях Полины. Стыдно было тогда так предполагать. Да Полина, по наивности, может, так раньше и не думала про Семена. Он был ей очень дорог.

А Семен стал спешно собираться в дорогу один из Астрахани на Дон:
– Поеду, постараюсь получить казенную квартиру.

Так и сделал.

Уже тогда Аксинья сказала грустившей Полине:

– Плохой у него характер.

Полина не знала, что могла мама заметить плохого в ее Семене, или что-то не так он сказал теще? Но это Полине запало в душу. Может, и сама Аксинья сказала Семену правду о муже в Сибири. Семен и Ахнул!

И, может быть, мнение матери о Семене дало дочери установку на развод? Сколько ревнивых матерей, из-за любви к детям, развели своих дочерей с мужьями! И Полина, вместо того, чтобы бороться за мужа, ждала развода? Может, Аксинье нагадал «Пушкин дух»? «Пушкин дух» – так в семье Черновых называли домашнее подблюдное гадание, о котором Боря позже сочинил притчу.

Боря в детстве сам рисовал для бабушки Аксиньи этого «Пушкина Духа» на листе ватмана – чертика с бакенбардами. Намного позже Полина прочитала о подобном гадании у Льва Толстого в романе «Воскресение». У классика, конечно, это колдовство не называется «Пушкиным Духом».

Итак, Полина в 1940 году вышла замуж за управляющего госбанком хутора Зимняцкий Семена Константиновича Карина.

К нему на Дон она приехала молодой женой к 1 сентября 1940 года. Он был первым ее мужчиной. Заведующий районо направил ее опять учительствовать в хутор Зимняцкий. В трудовой книжке снова поставили запись – назначение в школу.

Семен до этого жил в двухкомнатной квартире для служащих вместе с парнем, который теперь ушел и оставил квартиру молодым. Так что они сразу же начали жить в казенной квартире. Это был дом на две половины. В одной – жили Полина с Семеном, а в другой – казачка с мужем Славой. Половина Семена была из двух комнат. Полина старалась создать в них уют и удобства. Настя очень хорошо ей помогала.

Семен привез списанную старую мебель из банка, где работал. Приобрел железную кровать, полуторку, на ней и спали Полина с Семеном, но тесно не было. Особенно был хорош красивый старинный диванчик, на нем спала Настя. Полина купила большой сундук.

Жили молодые вместе четыре месяца, дружно, весело. Вначале все было, вроде, хорошо. Семен даже иногда вставал и, дурачась, танцевал, как папуас, в белых кальсонах.

Не зная его, сын Боря однажды в точности так дурачился перед ней. Неужели гены?

В общем, все было неплохо. У Полины был хороший аппетит. Но и жизнь стала лучше. Полина Алексеевна много получала, так как у нее было 36 часов в неделю в школе.

В квартире вечером включали лампочку синего света, как ночник. Казалось, что от этого в комнате было приятнее.

В квартире-то было тепло, но не на душе. Семен как-то всему был не очень рад.

Окна из комнаты выходили в степь.

И раз вечером, когда молодые уже засыпали на кровати, вдруг луна так ярко осветила комнату, что Полина очнулась. Она встала, подошла к окну посмотреть на эту лунную красоту. Увидела белую даль поля с серебристым сверкающим снегом. И так ей захотелось прокатиться на лыжах. Но у них

были только одни лыжи, Семена. А у Полины лыж не было. Она подошла к мужу, полусонному, и ласково сказала:

– Мне хочется прокатиться сейчас на лыжах. Ты не возражаешь?

Он согласился. Полина быстро оделась. И с большим желанием выехала прямо в поле. Лыжи скользили хорошо. От душевного подъема «в зобу дыханье сперло». Поехала еще, и еще быстрее. А лыжи большие, не заметила, как уехала далеко, к дому, заброшенному в балке. Только здесь ее настигло страшное воспоминание. Дети Полине рассказывали, как по ночам за хутором бродят волки, которые живут в балках. Поэтому здесь только гурьбой ходили в школу из другого хутора.

Полина оглянулась, осознав, что она одна, в этой красоте, ночью в поле, освещенном луной. И в то же время страшно испугалась волков. Ноги соскользнули с лыж, и она провалилась в снег по пояс. Но, приложив усилие, опять встала на лыжи. И поехала быстро, оглядываясь на балку. И только когда увидела впереди свой дом, немного приободрилась. Вернулась благополучно, счастливая, радостная, что умеет одна ходить на лыжах.

Она стала рассказывать об этом Семену, а он сердито ее прервал:

– Так я и поверил, что одна...

Такой тон – в первые дни ее замужества? И Полине было невдомек, что Семен к кому-то ее приревновал.

Вскоре Полина забеременела от Семена. Но произошло несчастье. В те годы аборт делать не разрешали. А Семен подумал, что Полина нарочно прервала беременность, и злился.

Дело было как раз по вине Семена, только никто не осмелился ему это сказать.

А тогда Семен, уходя на работу, попросил Полину:

– Я пришлю две подводы дров. Покричи кого-нибудь помочь. А мне некогда, на работу надо идти.

Полина, к сожалению, никого не допросилась. И сама, беременная, вместе с Настей стала сбрасывать эти дрова с подвод. Полина боялась осложнений, поэтому встала со стороны тонких концов бревен, А Настя – со стороны толстых. Но слабая девчонка не удержала, и уронила свой конец бревна. Бревно ударило Полину по ноге, выше колен. И у нее, видимо, от этого случился выкидыш.

Семен отвел ее в больницу, почти нес на руках, так как она идти не могла. Но в больнице не стали ее спасать! И начались мучения, Полина чуть не умерла. Врач, рыжая, принципиально не стала оказывать ей помощь. Эта садистка отправила многих женщин на тот свет, так как аборт не разрешались, и лечить и спасать она не бралась, боясь ответственности перед суровым законом о запрете абортов. Полине даже на работе вынесли порицание, не поверив, что она ничего не делала специально для выкидыша. А могли и сильнее наказать, но, видимо, пожалели, так как знали проделки Семена Константиновича – этого «Скопена», все, кроме Полины. Полина не допускала тогда бабьих подозрений, а была уверена, что Семен ее очень

любит. Вот какая простофиля. Она все списывала на его тяжелую жизнь, что он был сиротой, жил с бабушкой, нищенствовал. Поэтому такой характер, а, может, частично он был и прав, боясь закона об абортах. Конечно, можно предположить, что Семену выгодно было избавиться от брака с Полиной. Но так не говорят о близком человеке, грех. В таких тисках жили люди. А поведение Семена показало горькую правду.

Полина падала с кровати от боли, истекала кровью, просила позвонить к мужу в банк. Он долго не приходил в больницу. Звонят – его не найдут. И вот уже на исходе, когда Полина была на последнем издыхании, кто-то нашел Семена. Он пришел, с недовольный гримасой.

Полина стала умалывать его:

– Вези меня в город Серафимович, иначе я умру.

А Семен огрызнулся:

– Ну и умирай.

Но вдруг все вступились за Полину. И даже первый секретарь райкома партии дал свою машину Семену, и предупредил его, что в случае несчастья, заставит его положить на стол партийный билет. А раньше Полина говорила Боре, что Семен стал искать машину, чтобы отвести ее в город Серафимович. Боялась говорить про партийный билет.

Была грязь страшная, распутица. Сначала Семен нашел большую грузовую машину, но и на ней бы в такую распутицу обязательно застряли – и Полина бы отдала концы посреди дороги. Но в это время, на ее счастье, приехал в больницу сам секретарь райкома партии и дал Семену свою машину. Погрузили в нее больную и осторожно повезли. От хутора Зимник до города Серафимовича 25 километров. Но секретарский шофер был опытный, выворачивался из грязи, маневрировал, и довез до больницы. Полину сразу положили на операционный стол. Видимо, секретарь райкома позвонил, кому нужно. Там на дежурстве оказался опытный врач старичок. Все сделал – и спас Полину, сказав:

– Еще бы десять минут – и было бы заражение крови. И – конец!

Подлечили Полину хорошо. Она возвратилась домой.

Она тяжело пережила эту драму. Во-первых, боялся, что потеряв первого ребенка, не сможет решиться, с таким мужем, родить второго. Во-вторых, что вдруг больше не сможет рожать. Но оказалось, что страшнее всего была разразившаяся третья драма – из-за мужа чуть не погибла.

Стали они с Семеном жить по-прежнему. Но он ее не берег – или в силу своего тяжелого характера, или совсем не уважал. Как ни старалась Полина приспособливаться, хорошего было мало. Она, конечно, все скрывала от всех. Но хутор открыт всем глазам.

Настя прозвала Семена Змеем Горынычем. Не унималась и учила Полину:

– Не уступай ему.

Глава седьмая «КОМУ ВОЙНА...»

А через два месяца Полина вновь забеременела.

А потом в 1941 году поехала в Астрахань на госэкзамен.

В пединститут сначала набрали три группы, преимущественно парней, девочек только 30 человек. Затем группы стали «таять», многие девчата вышли замуж и побросали учебу. Полина этого не сделала, даже когда забеременела. А тут вдруг началась война. Приехала в Астрахань сдавать экзамены за четырехгодичный институт, а сокурсников никого нет, так как ребята-заочники в начале войны сдали госэкзамен досрочно, получили дипломы – и всех отправили на фронт. Так что, Полине во время последней сессии заниматься было не с кем. Встретила подругу Зину, узнала, что она вышла замуж и бросила учебу. Полина осталась одна от своего курса, и ее присоединили к группе очников. Она была в этой группе семнадцатой, с ними и сдавала государственный экзамен.

«Я сдавала госэкзамен беременная – вместе с тобой, – рассказывала потом Полина с усмешкой взрослому сыну. – Да еще мне, с моим большим животом, поручили дарить букет цветов нашему преподавателю математики. Ты толкал меня ногой в живот, чтобы я почувствовала твою поддержку. Фактически ты вместе с матерью готовился к экзаменам, и мы сдали их на отлично».

Так, в 1941 году, за три месяца до родов, Полина окончила четырехгодичный факультет пединститута.

Настя рядом с сестрой Полиной училась на Дону с 6 по 9 классы, а 10 класс окончила потом в Астрахани. Жалея беременную Полину, Аксинья опять отправила Настю с ней на Дон, и младшая сестренка очень хорошо помогла Полине в это тревожное время.

И вот в августе, после каникул, после сдачи государственного экзамена, с дипломом Полина, беременная, приехала с Настей домой, в хутор Зимники на Дон. Но дома – никаких поздравлений от мужа, что окончила институт, не услышала.

Говорили, что у него за это время каникул была Нюрка или еще кто-то из казачек. Полина и слушать не хотела, и не верила.

Она стала работать в 5 – 7 классах, вела физику.

Много было хорошего у Полины только в работе в школе. Хотели, ох, как хотели дети много знать. И черпали знания там, где можно. Но многие жизни оборвала война. Первые Полинины выпускники отправлены после экзаменов вскоре на фронт. Был слух, что их эшелон разбомбил немец, и они не добрались до фронта. Многие поехали добровольцами.

Не миф ли – это понятие «добровольцы» для Дона? Может, некоторые ребята под впечатлением этого советского мифа и уходили добровольно на фронт. Но на Дону партийную власть не любили. И «добровольцы» были в основном по принуждению властей. Даже Полина проговаривалась Аксинье

на этот счет. Тогда шел первый год войны. Фашисты залетали вглубь страны, сильно бомбили Ростов, от него Зимник находился в 300 километрах. Бомбили Сталинград, а он был в 30 километрах от хутора. «А в казачестве был затаившийся враг, который ждал прихода немцев», – говорила Полина матери.

Боря рассказывал, когда он в советское время работал в редакции журнала «Молодая гвардия», то рецензировал книжку какого-то Ястребова, а в ней описаны прямо противоположные факты, по сравнению с «Тихим Доном» Шолохова. В ней на Дону казаки всех русских считали большевиками и забивали кольями.

Самой Полине на хуторе Зимняцком говорили сельчане: «Немцы придут, вас и сестру первых повесят, потому что комсомолка и учительница».

Полина потом петушилась, от возмущения: «Но не дождалось, что нас повесят. Немцы у нас не были». Как – «не были»? Были страшные там бои, когда подошли немцы. О них Боре дал почитать сотрудник Министерства по делам национальностей старую подшивку местной газеты тех времен. И вместе с Полей прочитал несколько жутких страниц из военной истории этих мест, о жестоких боях за хутор. Полина уехала с Дона, поэтому не знала, что немцы там были, разбомбили и Зимник, и Клетскую Почту.

В первый год войны, верная советскому образу жизни, Полина и ее учащиеся помогали фронту. Ребята летом ездили убирать хлеб. Ученики 9 – 10 классов работали на стане. Кроме того, Полина с учащимися ходила на плантацию нанизывать табак, самосад. Громадные листья табака высушивали и посылали на фронт. Все отправляли на войну – хлеб, мясо, шерсть, табак. «Все для фронта, все для победы!» Что могли, то и делали. А сами жили в холоде. В школе из-за холодов чернила застывали, ребята отогревали их за пазухой. Но не снижали темпов в учебе, и были еще более подтянуты, с рвением получали знания. Отлично трудились. Так привыкла думать учительница Полина Алексеевна. Потому что как не строга была родина, а враги всегда хуже.

И ее сестра Настя тоже работала в колхозе, и не бесплатно.

В сентябре 1941 года Семена отправляли на фронт, когда немец подошел к Ростову и уже его бомбил. Жизнь завертелась колесом. Полина очень переживала. Плакала навзрыд. Ведь она была беременная, с громадным животом. Впереди роды. У Семена же была бронь по зрению. Но он добился, чтобы его взяли на фронт. Он попал в спецгруппу – 20 коммунистов-добровольцев.

– Что, коммунист за юбку будет держаться? – сказал он плачущей Полине.

В начале ноября 1941 года Настя отвела Полину в роддом. Родился сын Боря в морозную ночь 1941 года 7 ноября, в 2 часа пополуночи. Родился при

лампе. Толстеный, Полина его «раскормила», был аппетит у матери. Вес 4 килограмма 600 грамм – гигант. Поздравляли Полину с сыном-богатырем, о чем говорил вес и упитанность новорожденного. Врач упрекнул:

– Раскормила! Еле родила.

Но где-то «затерялось» свидетельство о рождении Бори, как будто его вообще никогда не было. Какое-то проклятие? Повторное свидетельство о рождении Боре было выдано только 27 июня 1956 года. И получилось, что Боря с 7 ноября 1941 года 15 лет жил без документа о рождении? Может быть, отец его метрики спрятал от Полины? Она не хотела так думать. Это ее унижало.

Когда родился Боря, его отец уже лежал в госпитале, тяжелораненый. Семена в первом же бою ранили. От него пришло письмо с дороги: «Получил массовое пулевое ранение в ногу. Но кость цела. Везут на Восток, в госпиталь». Как потом узнала, немец всадил шесть пуль в бедро, все разворотил.

Потом Полина из госпиталя получала письма, но изредка. Пошел коммунист на фронт добровольцем. Вот ему снайпер и показал, как с половинкиным зрением ходить на передовую. Ведь он и в сильных очках плохо видел. Не зря же у него была броня. Так возмущалась про себя Полина. Семен был всего несколько месяцев на войне. И в первом же бою ему прострелили ногу. Чуть живого, повезли в госпиталь в Сибирь. Там в госпитале он провалялся восемь месяцев. Было и его паническое письмо из госпиталя: «Нога гибнет». А затем Семен сообщил, что получили сульфидин из-за границы. И рана, такая большая, во все бедро, стала заживать. Только сульфидин и помог.

Полина в Сибирь мужу посылала письма, рассказывала о сыне подробно, что 7 ноября родился Боря, богатырь. А Семен писал Полине редко. Но она не обижалась, шла война, всех разбросала.

Боря удивлялся, почему не сохранились фронтовые письма отца. Хотя бы на память для сына. Неужели Семен не писал писем своей жене Полине, неужели писал другой женщине? А Полина узнавала только горькие слухи на хуторе. Так разжмышлял вслух Боря, надрывая сердце Полине. А она посылала с другими сельчанами на фронт посылки: шерстяные носки, махорку, тушенку... Был лозунг: «Все – для фронта!»

Полина с Настей старались как-то жить, чтобы не бросать работу и учебу. У Полины сначала молока было много. Утром нацедит пузырек – и бежит на работу, а с Борей Настя сидит до обеда.

Вот и считал Боря ее второй матерью, и решил потом приехать к ней жить под Москвой. И Настя продолжала относиться к Боре по-матерински. Хотя были и взаимные обиды. А как без этого?

А на Дону, как только Полина возвращалась с работы – Настя убежала в школу, училась уже в 9 классе. Так было, конечно, тяжело, и ей, и Полине. А Боря посмеивался, лежа в люльке, ждал отца.

Конечно, он ждал отца, а не безотцовщину.

Боря рос здоровым, спокойным, полным, имел хороший аппетит. Он никогда не плакал. Даже учителя удивленно спрашивали Полину:

– Когда он у тебя плачет? Он все смеется.

Раз Полина, держала Борю на руках, а сама готовила обед. И вдруг почувствовала, что он кряхтит у нее за плечом. А рядом со столом стояла корчага на целое ведро воды. Так Боря ее наклонил, и еще бы немного, всю воду пролил на сундук. Такая сила – в 5 месяцев. Молока насосался и шкочничал через плечо матери. Здоровенький был. А когда в Астрахань его привезла – заболел, и долго не могли его вылечить.

Полина стала поправляться. Была полная, белая. А раньше, до родов, лицо покрылось пигментными коричневыми пятнами, которые в народе называли «матежами». И они тоже не нравились Семену. Полина теперь ходила пополневшая, вся налитая. Да и сын толстел. Он был настоящий бутуз. В 6 месяцев в нем было 8 килограмм, набирал почти по одному килограмму в месяц. Рос послушным мальчиком, с пеленок. Потому что в ясли не отдавали, а Полина сидела с ним, по очереди, с Настей, как позволяло расписание уроков. Полина работала все время в первую смену.

У Полины с Настей был огород. Они вырастили и насолили большой урожай капусты. Картошки нарыли много ведер.

Но шла страшная война. Жизнь покачнулась. Нравы у людей проявились другие. Не было ни хлеба, ни продуктов. Муж был на фронте. Жить стало тяжело. Полина меняла свое белье на блюде масла и бутылку молока сыну. Да еще не каждый соглашался поменять.

Настю Полина любила. Она была больная с детства, ее постоянно рвало. И Полина старалась, при такой жизни, как-то ей помогать. Но оказалось, родная волжская вода была ей противопоказана. Так сама Настя открыла. Раз на Дону они сидели за столом, что-то ели. И вдруг Настя неожиданно закричала:

– Полина!

Полина испугалась, думала, что она подавилась, а Настя вдруг говорит:

– Меня-то перестало рвать!

Дон тоже несет в половодье верховый мусор. Да казаки пьют чистую колодезную, родниковую воду. А в Астрахани волжская вода – низовая, собрала в половодья много примесей. Полина летом спускалась с бугра и брала воду чистую, как слеза, в водоемах, где растут вековые деревья, ольха, а мелкая зелень запрудила водоем. Отодвинешь траву и набираешь воду в деревянные ведра. А дома иногда и в корчажку (корчагу) большую сливала. Вот такая вода и помогла Насте избавиться от болезненной рвоты. Настя училась в 9 классе, в котором Полина не работала, поэтому сменное дежурство около Бори они наладили. Да и жили на одной улице со школой, только на разных ее концах.

Главное – не опаздывать. Было очень строго насчет опозданий на работу, за опоздание на 12 минут – уже судили. И школьникам за опоздание в класс строго доставалось.

Был у Полины такой очень памятный случай. Один раз она перепутала расписание. Или ей показалось, что у нее по расписанию нет первого урока, а только второй и третий.

Прозвенел звонок, и ученики в классе видят, что учительницы нет. Все сели за парты и притихли. Нет учительницы, что случилось? Тогда ученики отправили к ней на квартиру «делегацию», через окно. Благо, школа хоть и была большая, но одноэтажная.

Полина сидит, кормит грудью своего Борюшку. Вдруг вбегают, запыхавшись, две девочки, все взмыленные, и говорят:

– Полина Алексеевна, у вас урок!

Полина испугалась, сразу вспомнила, что у нее первый урок, быстро с ними побежала в школу. С сыном Полина попросила остаться одну девочку, так как Насти дома не было, ушла за продуктами. Быстро добежали до школы. А идти в класс нужно через коридор, мимо двери кабинета директора, которая часто бывает открыта. Что делать?

Ребята тихо предложили:

– Полина Алексеевна, лезьте в окно.

Из окна ребята-мальчики схватили учительницу за руки, а девочка снизу ее подсадила. Полина быстро влезла в окно, раскрыла журнал. И тихо сказала ученикам:

– Спасибо.

Только Полина Алексеевна пришла в себя, начала писать на доске – и открывается дверь, входит новый директор. Смотрит, все работают, и учительница – около доски. В классе замерли, гробовая тишина. И так всегда тихо, а сейчас тишина усилилась. Директор – в недоумении. Постоял и закрыл дверь.

А на школьной перемене пригласил к себе в кабинет и спросил:

– Когда же вы, Полина Алексеевна, прошли мимо меня? Как я мог вас не видеть? И был очень удивлен, когда увидел вас в классе.

– Я пришла вовремя. Вы что-то писали, – ответила Полина.

Она подумала даже, что путаница с расписанием была подстроена, если так он следил. Но дети ее выручили, не подвели и помогли ей. А то бы ее судили.

Все прошло благополучно. Но эту заботу и любовь Полина долго помнила.

Иногда и ложь бывает полезной? И ни один ученик не проговорился. Так и осталось тайной, а все ученики знали. Наверно, и дома об этом у них знали родители. Так уважали «учительшу» и родители, и дети.

И еще раз Полину очень хорошо выручили ее эти ученики. Это произошло спустя 25 лет, когда Полина Алексеевна работала уже в Астрахани. При оформлении стажа ей не зачли первый год работы, так как в документах не было слова «зачислена на работу в Клетскую Почту». И ей пришлось послать карточку, где она была сфотографирована с учащимися восьмых классов. Они все были переростки. И вот они, уже взрослые, подтвердили, что Чернова Полина Алексеевна у них работала. Ездили за 25

километров в нотариальную контору и заверили подписью справку, по которой зарплата у Полины была увеличена. Да, доброта всегда дает ростки, и доброе зерно, посеянное в душу ребенка, всегда даст обильный урожай.

Когда Семен был на фронте, через хутор Зимняцкий проходило много солдат. Их размещали по квартирам. На хуторе стоял полк солдат. В маленькой комнате ютилась Полина с Настей и Борей. А во второй, проходной, комнате квартировал ответственный за продукты старшина с конюхом. Конюх спал у порога, так как не было места. Полина постелила у порога конюху мамину шаль – больше нечего было постелить. Сама Полина спала с Борей на сундуке, Настя – на маленьком диванчике, а кровать отдали старшине.

В этой комнате сложили и все продукты для армии. Чего только не было! Даже ящик духов «Кавказская Ривьера». Полина их любила. Но бесплатным был только запах – старшина постоянно их пил и дарил, а хозяйке даже не предложил.

Однажды дал Полине гуся и все приговаривал:

– Жарь, хозяйюшка, гуся. Масло, хозяйюшка, побольше кладите.

– Он и так плавает в жиру, – не выдержала Полина.

Покормила его с конюхом.

А старшина стал подкатываться к ней. Но Полина и думать об этом забыла. Почувствовала, чего «этот чмок» намеревался, сразу остановила – он и осекся. Видит, что номер здесь не пройдет, сменил тактику:

– Ну, порекомендуйте мне.

– У меня таких подруг нет, – отрезала Полина.

И все – вопрос был навсегда закрыт.

И этот «гусь лапчатый» потащил гуся к другой женщине.

После этого разговора Полина ночами его не видела. С вечера со свертком уходил гулять. Он быстро нашел желающих сам, растаскивал по любовницам гусей, масло и другие продукты.

Рядом у соседки с двумя детьми был на постое полковник – старшина и ему подарки носил.

А во второй половине дома – один коридор – из двери дверь – жила хохлушка. Она быстро забыла замечательного мужа Славу, когда он был на фронте, и жила в войну с офицерами припеваючи.

А Полине – пшик, при полной комнате солдатских продуктов. Она последние свои простыни меняла на кусок сала и блюдце масла.

Люди-то чужие все видели. Знал об этом народ. Да разве у Полины несправедный кусок не застрял бы в горле? Они, воины, бедняги на холоду стояли, голодные, под открытым небом, и пели. Пурга, грязь, мокрота, а ты пой, если приказали. А эти интендантские крысы растаскивали их продукты.

Жалко ребят. Поют, а в желудке у них пусто. Раз Полина вынесла им запасенную свою капусту. Целых 10 ведер с Настей насолили в бочке – вкусная. Так солдаты с котелками, как мухи на мед, налетели. Была у Полины очень мелкая картошка – для посева, полно было, тоже солдатам

отдала. Все, что могла, отдавала. Они с котелками в дверь юркали к Полине, так, чтобы комбат, который жил напротив, не застукал.

И конюха Полине было жалко. Все время старшина его из комнаты к лошадям гнал. Такой чинуля, мерзавец был. Полина его органически не переваривала. А сколько таких прощелыг в войну было?

Вот так и пословица говорится: «Кому – война злая, а кому – мать родная».

Много было таких «крыс», которые выжили в войне, не подставляя лоб под пули.

Когда полк с хутора ушел к Ростову, квартиру Полине освободили.

Приходил комбат, умный и серьезный дядечка. Все расспрашивал:

– Вас не обижали?

– Нет, – ответила Полина, но, что старшина таскал еду по бабам, не сказала.

Когда немцы наступали на Сталинград и Ростов, столько люда проходило мимо хутора, и голодных, и полураздетых, как стройбатальон. Обычные воины были хорошо одеты. А стройбат – кто в чем. И с ними Полина делилась, чем могла.

В школе голодным учителям стали хоть давать муку по пуду на человека.

Выжили!

Глава восьмая ВЕРНУЛСЯ, ЧТОБЫ УЙТИ

Семен пробыл на фронте немного. С первых дней его подстрелил снайпер, разворотил все бедро, но кость не задел. Когда Семена повезли в Сибирь, он сам написал Полине письмо. И был в госпитале на Дальнем Востоке восемь месяцев.

Он выписался из госпиталя, был демобилизован, и с клюшкой, хромой, вернулся в хутор Зимняцкий в мае 1942 года. Но приехал, оказалось, к другой жене. Даже сразу не пришел к Полине на квартиру, где вдвоем свили гнездо. Боре тогда было шесть месяцев.

Встреча с фронта была интересной.

12 мая Полине говорят:

– Семен приехал.

Она была на уроках в школе. Он и в школу к Полине не показался, и домой не пришел.

– Где вы Семена видели? – спросила оторопелая Полина.

Несколько человек ответили:

– В парикмахерской сидит.

Полина между уроками сбегала туда – нет его. Ищет, бегают, по хутору – нигде нет Семена.

Вернулась, расстроенная, в школу. Продолжались занятия, у Полины Алексеевны в этот день было много уроков. И вот они уже кончились – а муж так и не пришел. Это Полину расстроило и удивило. С тревогой шла домой.

Встреча произошла на улице. Какая-то женщина ее окликнула. Полина остановилась, смотрит – идут люди, не знакомые. Подумала, что ошиблись. Но они ее догнали. Разглядела – это Семен, с палочкой, прихрамывает, а с ним – две женщины и мужчина.

И Полине почему-то показалось, что Семен готов был оттолкнуть ее, такой у него был чужой взгляд. Полина, было, кинулась к нему на шею с поцелуями. Но он своим видом остановил ее, подал руку, словно ему было неудобно сделать это при людях. Полина пожала ему руку, как незнакомцу, поздравила с возвращением. Так и поздоровались, не поцеловались. Она пошла рядом, как побитая собака. А за что? – она сама не знала. Полина оробела, как будто в чем была виновата. Так гурьбой и пошли к дому. И Семен неожиданно сказал ей, с ехидцей, при всех:

– Еще не знай, как ты себя вела здесь все это время?

Как хлестнул по лицу! Полина так и опешила. Стало ей больно, как кинжал вонзили в сердце. К горлу подкатил комок слез.

Как же ей стало обидно! Она его ждала честно, так как он был ее муж, он был у нее первым и единственным мужчиной. Такие были тогда нравственные устои. Да она и маму боялась, чтобы согрешить.

Полина ничего не ответила от обиды. Но за нее вдруг ответила идущая рядом с Семеном женщина. Говорили потом, что это его родня.

– Да, одна Полина Алексеевна и ее подруга остались честные, когда полк стоял в хуторе, – крикнула она в лицо Семена. – Больше не нашлось баб в нашем хуторе честных. Все перебесились, и девки, и бабы – все с животами остались, когда полк отсюда отступил.

Полина была поражена, услышав это.

– А вы почему знаете? – спросила она. – Я ведь вас совсем не знаю.

– Я знаю вас. Всё, дорогая, нам известно. Как уходил к другим бабам «хозяйин» продукции, которая у вас лежала для солдат. У нас весь хутор, каждый человек на виду. Ничего не утаишь. Многие пошли в роддом от полчан, или остались беременные.

Полина была поражена, что за ней следили. Хотя тоже знала, что бабы в хуторе все перемутились, народ стал бесстыжий, считая, что война все спишет. Но она иного нрава.

А Семен тогда своей родственнице сказал, кивнув на нее:

– Значит, никому не нужна...

Добивал оскорбленную Полину. А она даже не поняла этот удар.

Так дошли до дома. В квартире Боря стоял в качке и смотрел на Семена пристально и недоуменно: «Что за дядя?» Мужчин он не видел, кроме того квартиранта-старшины.

А отец чужими глазами смотрел на сына. Потом взял его на руки и сказал:

– Ну, чего ж ты смотришь на меня, приглядываешься? Я твой папа.

Поцеловал, поставил опять в качку. И как-то с усмешкой сказал:

– Ну, жена, поцелуемся, что ли?

И холодно ее поцеловал. Сделал одолжение. Ответить на такой поцелуй Полине не дал его холодный, отчужденный взгляд. Это был первый и последний поцелуй после возвращения мужа с войны.

Хорошо, Настя в это время, не дождавшись, убежала учиться в школу, попросив соседку посмотреть за ребенком, пока Полина ищет вернувшегося с войны мужа.

Когда Семен приехал домой с палочкой, слава Богу, нога была цела. Он только хромал. Шов во все бедро Полина мазала ему мазью.

Но отношения не налаживались. Полина все время чувствовала что-то неладное.

К хутору приближалась война. Жизнь становилась хуже. На Полинину зарплату трудно было жить вчетвером.

Пока Семен не устроился на прежнюю должность управляющего банком, денег у него не было. А что было – истратили, купили материал бостон ему на костюм и сундук большой. Полина раньше на этом сундуке спала. В сундуке был ящик водки, чтобы сшить костюм (только за водку брались шить). А брюки у старого костюма лопнули, и Полина из них сделала юбочку – материал был ценный.

Полина старалась забыть прежние обиды – во всем виновата война. А Семен не забыл, как его жена не отпускала на войну. И однажды, понизив голос, сказал ей:

– Что там делают тыловые крысы! А я лез со своей моралью. Вот наш патриотизм! Борьба за правду.

Полина ничего Семену не ответила, боялась даже вспоминать эти слова.

Неожиданно однажды в их квартиру заглянули две хохотушки.

– А Семена Константиновича нет дома? – спросили с усмешкой.

– На работе, – ответила Полина.

– Мы ему подарочек – коробку турецкого табака и мундштук – принесли. – И хохочут.

– Он не курит, – удивилась Полина.

– Курит, курит. Теперь научился, – опять засмеялись они. И ушли.

Она их не знала и не видела никогда. Но боялась ссоры – и взяла этот табак с мундштуком. Его нужно было бы выбросить, а она отдала ему. Когда Семен пришел с работы, Полина ему сказала о «подарочке»:

– Что это за фифочки?

Семен что-то буркнул себе под нос. Но, оказывается, стал курить. И стал, как дурак. Сделался не выносимым. Все ему в Полине не нравилось, как бы она ни старалась. Был какой-то раздражительный и чужой.

Уходил один в степь. Полине из окна было видно, как он, с опущенной головой, возвращался в квартиру.

Полина помнила, что Семен так издевался над ней еще и до армии. И сейчас, все ему не нравилось. Он ничего не доставал из продуктов. А мог бы. А с нее требовал. Она крутилась, что сварить. Базара нет. Денег мало.

Думала, что у казака такой характер, с вывихами. «Каким ты был, таким остался...», как поется в ее любимой песне.

А после фронта Семен стал еще пуще раздражительным, хотя повода Полина не давала. Все доискивалась причин. Полина не догадывалась, что ужасы войны вообще нарушали психику фронтовиков и ломали их судьбу.

Полина суеверно, думала, что Семен стал чужим после того, как приходили эти две девки, наколдовали, и хохотали. Может быть, они ее с Семеном и развели? Вот он и начал фырчать и метаться. Просто озорничал. Что она ни сделает для него, все ему противно. Полина не знала, как себя вести. Ровно месяц он терзал ей душу. А за что – неизвестно? Полина боролась за свое счастье. Старалась ему угодить. Но угодничество его злило. Он даже выразился как-то:

– Надоело мне твое приспособленчество.

А защитить свою невиновность Полина не умела.

Сестра Настя страшно переживала, видя размолвку Семена с Полиной. Осмеливалась спорить с ним. Сколько раз пыталась заступиться за Полину, видя его несправедливое отношение к Полине и придирки. А сама-то Настя была еще мала, училась в 9 классе. Однажды во время семейного скандала Настя назвала Семена «глистом». Он как на нее бросится с кулаками. Она вмиг шмыгнула под кровать. А Полина повисла на нем и разняла драку. Он очнулся, остыл. А Полина сидела и плакала о такой безотрадной своей жизни.

Семен стал совсем невыносимым. Придет обедать – все ему не так. Отшвырнет тарелку с супом, хлопнет изо всех сил дверью и уйдет.

И Боря – весь в отца? Подростком так уходил от матери, хлопнув дверью. Уедет на велосипеде в степь и сидит там, злясь на нее, переживает. Потом возвращается. Надо признать, готовила Полина поначалу неважно, как многие учителя – «щи с тетрадками».

И раз пришел Семен на обед, а у Полины ничего путного не приготовлено. Денег нет. И положить в суп нечего, кроме манки. Она налила горяченького, а он швырнул и начал ругаться. А потом хлопнул дверью и ушел на работу. Полина навзрыд заплакала.

Вошла соседка – майорша:

– Полина! Это Семен так хлопнул дверью? Я бы ему дала! – И, засучив рукава, погрозила кулаком. – Он у меня бы три дня сесть не мог.

Соседка эта знала, что Полина честно ждала своего мужа. Когда как сама, имея двоих детей, приняла ухаживания майора. И они таскали из квартиры Полины солдатские продукты.

А Полина презирала тех женщин, кто изменил мужьям, презирала и соседку, через коридор, которая сразу же стала жить с другими, как ее мужа Славу взяли на фронт.

Вроде такая растопша, имела двоих детей от Славы. Когда с войны вернулся ее муж, все ей простил. И опять они жили вместе, а она еще над ним издевалась, помыкала им, как хотела. А он все делал ради детей, и стирал, и мыл.

Полине и прощать-то нечего. Боролась с нуждой, как могла. Наревелась – и все. Дала Семену полное раздолье измываться.

Семен уходил добровольцем на фронт вместе с парнем, мужем Полининой подруги. Этот парень был артистом, за которого Полина не пошла замуж, потому что боялась, что будет изменять. А тот так ее любил. Когда вернулся с фронта, как-то услышал от людей, что Семен издевается над Полиной, и сказал своей жене:

– Я пойду, ему рожу набью за Полину.

На фронте этот артист, видимо, очень сильно простыл, и вскоре, после возвращения с войны, умер. Полина продолжала дружить с этой подругой. Она работала в хуторе библиотекарем.

Бывало, Полина сидит с ней и плачет. Так жить с Семеном больше нет мочи. Раньше она все неприятности скрывала от людей, да сама начала таять. До возвращения Семена с фронта была полная, белая, цветущая. Правда, на лице проступила послеродовая пигментация, и пятна еще остались, но бледнели. А от нервотрепки лицо начало чернеть. За месяц она почернела и похудела. Стала слышать боли в сердце. Видимо, сильно заболела, это отразилось и на молоке.

Она скрывала свои боли от учителей в школе. А они говорили:

– Семен приехал – а ты истаяла и почернела.

Не было покоя в доме после возвращения Семена с фронта. К сыну он относился настороженно. А Боря был толстенький, уже привык к нему, тянул ручонки.

А Семен уходил куда-то в поле. Зачем ходил, Полина не спрашивала. Потом на этот вопрос нашелся ответ. Их развело колдовство, которое было страшным грехом, и пресекалось властью.

Жил Семен с Полиной после фронта больше месяца, и с первых дней стал, видимо, ходить по женщинам. Она наверняка не могла сказать, но чувствовала, как любая женщина. Открытых толков не было. Но она переживала. Наконец, услышала на улице от какой-то женщины:

– Полина Алексеевна, возьми домой своего распутника...

(Сказано было еще крепче). Полина была поражена, покраснела, смешалась и бросилась домой. Долго не могла придти в себя. Ведь

учительница у людей вся на виду. Срам-то какой! И решила при случае поговорить с Семеном без обиняков.

Семен опять стал управляющим банком. Часто задерживался на работе. Говорил, что очень занят, опечатывает документы к эвакуации. А сам, наверное, жил с другой женщиной? В 1942 году немец подошел близко к Сталинграду, и в хуторе решили эвакуировать банк и школу.

Однажды Полина что-то сильно забеспокоилась. Два часа ночи, а Семена нет. Пошла в банк ночью, одна. Постучалась, спросила у сторожа:

– Семена Константиновича можно?

А сторож сонный говорит:

– Он давно ушел домой... А я думал, что какая-то ревизия приехала.

Полина вся дрожала, смутилась и растерялась. Что делать?

А на другой день Семен приходит еще позже, и выругал Полину:

– Что ты меня позоришь?

Она поняла, что она еще и виновата в его шашнях.

Она его позорит?! Скорее, она сама себя срамит. К ней в хуторе относились везде с большим уважением. Она видела, что дети ее любят. И вдруг такой разлад в семье. Такой срам!

А тут еще однажды ночью Полина обсикалась на кровати, и только утром заметила. Видимо, сдали нервы. Правда, она спала около стенки, и его это не коснулось. Но все равно ей было неудобно перед Семеном.

А Семен вдруг сказал:

– Стели мне отдельно, на полу.

Полина была поражена. Неужели узнал, что она обсикалась? А стелить-то нечего было – в доме все простыни поменяла на продукты.

И надо же такому случиться? Вроде у Семена, наконец, появилась работа. И у Полины появились деньги на хозяйство. Она стала покупать продукты. Только было начала жизнь упорядочиваться – как пошла сплошная нервотрепка и стрессы в семье. Но жить нужно. И бороться нужно, уговаривала себя Полина. Жизнь – это борьба, без борьбы – нет жизни. Это она прочитала у каких-то философов, и поверила навсегда.

Но Семен все время был, как чужой. Полина, конечно, очень переживала...

И заболела. Стала слышать боль в левом боку. Думала, что болит сердце. Испугалась за свою жизнь. И решила сама уехать от мужа совсем, чтобы оставить себя для сына. Думала с горечью: «Вот помотает муж еще меня, и я скончаюсь. Оставлю сына сиротой. Надо спасаться бегством. Он же идиотничает над кормящей матерью».

Поднялась температура под 40 градусов. Тут же и Боря заболел. Пришел врач, поставил диагноз: простуда и грудница. Молока много, но врач не велел давать эту грудь сосать ребенку, а сцеживать и выливать молоко.

– Дело плохо. Нужно вскрывать, – сказал врач. – Вся грудь зарделась, распухла. Посмотрим через день-другой.

Полина вспомнила, как ее мать Аксинья лечила в селе девчат, когда у них горло распухало. Только этот заговор Полина от матери и знала, и тут вспомнила.

Она стала лечить себя сама – заговаривала грудь. И затихло колотие. Но краснота осталась. Врач на третий день сказал:

– Подождем вскрывать. Делайте компресс.

Полина была в это время на больничном. Все делала, как врач сказал. А сама заговаривала. Стала меркнуть краснота. И врач, наконец, успокоился:

– Не будем вскрывать. Только не надо пока давать грудь ребенку.

От этой грудницы, считала Полина, ее левая грудь стала меньше правой. Но все обошлось. И Боря опять стал улыбаться.

Но Полина без конца волновалась. Семен начал постоянно уходить из дома. Ночь – полночь. Полина его искала. А потом этим «бешеным молоком» кормила сына. «Отсюда и твоя болезнь желудка, которая началась еще тогда, на Дону, – оправдывалась перед Борей Полина. – А в Астрахани болезнь продолжалась. Смена воды, недостача молока в груди. Мне пришлось тебя кормить до двух с половиной лет, так как врачи сказали, что грудное молоко – это лекарство для детей. А другого ничего не было, молочные кухни стали значительно позже».

Холодная война между Семеном и Полиной все леденела. Нужно было принимать срочные меры. Близился конец учебного года, скоро каникулы, когда Полина всегда уезжала домой в отпуск. И решила поговорить начистоту с Семеном.

Как-то вечером она сидела на крыльце, ждала Семена. Ночь – а его нет. Видит – он идет, не торопясь, «после приятных встреч». Полина заставила сесть его рядом с ней на приступок.

– Давай поговорим. – Сели на крыльце втроем. Боря на руках матери. – Что с тобой происходит? Я тебя ждала, как верная жена. Это твои люди на улице тебе подтвердили. И я вины своей не вижу. В чем дело? Что ты меня изводишь? Так жить нельзя. Ты попрекаешь меня, что я окаменела? А сколько я пережила, чтобы окаменеть? Из здоровой полной женщины превратилась в сухарь. Я стала таять, как свеча, – расплакалась Полина.

Она все сказала ему.

– Что ты с нами делаешь? Неужели тебе не стыдно? – со слезами на глазах спрашивала Полина.

– Я тебя разлюбил, – признался Семен.

– А может, и не любил?

– Может... Вон, у тебя черное пятно на лбу.

Это пятно не черное, а бледно-желтое. И было не только на лбу, а по всему лицу. От переживаний потемнели родовые матежи – пигментация лица во время беременности. Кстати беременность была тяжелой. Полина падала в обморок в школе. Ему еще до армии звонили в банк, чтобы он пришел за больной женой. Так у многих женщин бывает. А матежи почти все прошли потом, когда Полина стала поспокойнее.

«За что он меня разлюбил? – скулила она про себя. – Ей оправдываться не в чем. Люди больше меня знают о его гуляньях. А мне совесть не дала изменить мужу.

– Не любил? А что же ты ко мне ходил? – спросила Полина.

– Я не к тебе ходил, а к Нюрке, дочке твоей хозяйки.

Полина опешила от такого страшного откровения! И задала прямой вопрос:

– Что мне делать? У меня болит сердце. Я расстраиваюсь. И дите стало болеть, видимо, от плохого молока.

Семен помолчал и, наконец, сказал:

– Уезжай домой.

– Что ж, я поеду в Астрахань, – сдерживая слезы, сказала Полина. – А сын тебя не волнует? – повысила она голос. – Ты пощади хоть дитя.

– А что, сын? – глянул Семен в глаза Бори.

Полина была поражена. Прошла грудь острая обида брошенной женщины, и боль в сердце.

И вдруг Семен сказал:

– Ребенок еще маленький – умрет.

– Как умрет?.. – вскрикнула Полина, и даже привстала с приступки.

Полина до старости все слышит эти страшные слова.

И Боря, пригревшись на руках, все слышал. В шесть месяцев он еще не мог ничего сказать. Но видел лицо плачущей матери и хмурое лицо отца.

Семен, видимо, ждал этого разговора. И жесткие ответы на все вопросы Полины у него были готовы.

– Жить я с тобой не буду. Езжай домой... Но замуж не выходи... Я дам машину, которая едет в Сталинград.

Услышав о машине, Полина ухватила за спасительную причину таких тяжелых слов Семена, подумав: «Немец недалеко от Ростова, творит чудеса. Жжет города, бросает бочки с горючим. Может, Семен хочет спасти нас, но не говорит».

А в голове Полины звенели слова приговора:

«Езжай домой... Но замуж не выходи...» – «А как она выйдет замуж, если у нее в паспорте штамп о регистрации?» – только и мелькнуло в раненом сознании Полины.

Но разрыв произошел ...

– Как пойдет машина грузовая за товаром в Сталинград, я вас отправлю. Собирайтесь, – продолжал выгонять ее Семен.

А Полина продолжала себя успокаивать: «И заказал, или узнал, что идет из Зимников машина до Сталинграда, и договорился, чтобы они захватили меня с ребенком и с Настей. Ему самому было тяжело. Но о разводе речь не шла».

Полина стала собираться. Из вещей у Полины была библиотечка. Был большой сундук. Пустой, можно сказать. Ну, не пустой. Там был костюм, кое-какие вещи Полины, постель была.

Этот разговор состоялся – если 12 июня Полина с Настей была в Сталинграде – то числа 10 июня 1942 года.

Однако на другой день Полина пошла к первому секретарю райкома партии и все ему рассказала.

«Почему такая неразбериха в жизни? Он мне сказал: “Я тебя разлюбил”. А я даже не спросила, почему разлюбил. Ему нечего спрашивать свою совесть. Ведь он меня девочкой 22-летней взял. И я привезла своей матери доказательство – рубашку. И удостоверение о браке.

За кого я вышла замуж? Который и не спросил, как ты жила? А моя мать сразу угадала, что он из себя представляет.

Но меня не оставляла боль и злоба судьбы. А за что?

Семен стал дурить, задерживаться на работе, а мне врал. И вот раз я решила выяснить, в чем дело. Пришла за ним в банк. А сторож сказал, что он давно ушел домой. А он вместо извинения, сказал, что я его срамлю...».

Полина вытирала уже мокрым платком слезы, и продолжала жаловаться.

Первый секретарь тихо ее слушал, боясь перебить и так сбивчивую речь уважаемой всеми учительницы.

«А за что? Причин не было. Я жила, как святая. Все знали. Даже от продуктов отказалась, которые положили во второй нашей комнате для воинов. Считала – грех. И жалко их, ребят. Поют на холоде, голодные. А я им свою мелкую картошку отдала в котелки, и капусты насолила 10 ведер, все отдала. Так хозяин продуктов отстал от меня, видит, что не пройдет номер. И начал таскать своей любовнице.

Я так ждала Семена с фронта! Да и считала за преступление, чтобы изменить. Он своим отчуждением уже убил меня.

После возвращения с фронта целый день не приходил ко мне в школу. Так торопился, мимо школы ходил, и встретились после уроков на улице при всех и очень холодно. Видимо, там получил он оплеуху, и пошел ко мне.

Осрамил меня при всех, сказав: “Еще надо посмотреть, как ты жила?”

Я готова была провалиться на месте от такого срама. А сердце внутри надрывалось: за что? Жила скромно, вопреки всем, кого соблазнял в хуторе полк солдат. Пока полк не ушел. Защищать нас, и умирать, когда немец подошел уже к Ростову.

Ну а потом я все равно хотела наладить жизнь по нужному руслу. Я всегда об этом мечтала, и мама об этом думала, хотела выдать меня замуж по-людски. А тут война. В 1940 году мы с Семеном расписались. Я стремилась создать в доме уют, обставила квартиру, забеременела. А родить пришлось без мужа. Я его ждала честно. А могла быть сыта и весела, как другие. Нет. Приехал через восемь месяцев, раненый, как чужой, оскорбил при всех, стал

придираться. Еще без денег, я одна тащила семью: Настя, я, он, Боря. Ведь ему сказали, что только осталось нас двое, я и моя подруга – скромницы, которые были верны мужьям. Цыганка якобы сказала ему, что у него будет две жены, так он это сделал сам. Сам разрушал семью, очернил меня, ни в чем не повинную, как перед Богом, да еще в самом начале моей настоящей супружеской жизни. Он был убежден, что я ему изменила, и, как выразился, ехал меня убивать за измену. А тут вдруг осечка, все не так. Убивать не за что. Так он убил нашу жизнь, свою и мою, да и сыну не легче.

Вот так легко он расправился с семьей!»

Рассказывая об этом уже взрослому Боре, Полина вдруг прервала свой плач и подозрительно посмотрела на холодное лицо сына. Как он в этот миг был похож на Семена. Полина помолчала, и со слезами в голосе сказала, перекрестившись на икону: «Все, что говорю тебе об отце, тебя не касается. Но он должен покаяться перед смертью и очистить себя перед тобой. Ты-то не виноват совсем, если я не виновата, как ты знаешь. Или не веришь? Ты сам испытал холодные взгляды и не любимые сердца. Я тоже искала в себе вину, и только пришла к выводу, что зря я не давала сдачи. Но я такой родилась или стала с детства. Тут уже ничего не поделаешь».

Выслушав Полину Алексеевну молча, первый секретарь райкома партии позвонил в банк. Семен был удивлен, когда увидел Полину, заплаканную, в кабинете первого секретаря.

А тот поговорил с ним грубо, по-мужски. Велел все утрясти.

– Не время заниматься шашнями. Идет война.

Только в пожилом возрасте Полина поняла, что главная причина в поведении Семена – отказаться от семьи врага народа, чтобы очистить свою репутацию истинного коммуниста, номенклатурного работника госбанка. Это понимал и первый секретарь райкома партии, поэтому и молчал на исповеди Полины Алексеевны.

Семен обещал «утрясти конфликт». Но Полина тогда поняла, что все обещания Семена бесполезны. Каким он был, таким и остался. Уложит ее – и замычит горе ребенок.

Подумала, если только она останется на Дону – она чувствовала, что он начал безобразничать, не приходил ночью, наверное, мотался с другой, – то сама не выживет. А нужно сохранить себя для дитя. И она решила послушаться совета Семена – и уехать домой.

Что в Астрахани ее ждет, она знала. Голод. Близкий фронт – немец был уже за Элистой, близко к Астрахани. Дома Аксинья мучилась одна, с Ленькой, Ладкой, Калерией. Еще сама с Борей и с Настей приедет. Как выживать?

От такого страшного нервного переживания Полина сильно заболела и слегла. А сын насосался больного молока – и тоже стал болеть.

Во время болезни Полина попросила Семена сходить за мукой, которую учителям выдавали от школы. Но он так и не пошел. Полина разозлилась на него и буркнула:

– Тогда иди отсюда, нечего тебе здесь делать.

А Семен этого только и ждал:

– Так, значит, по рукам? – с ухмылкой подал ей руку в постель. – По рукам?

Полина слабо пожала холодную руку в знак согласия и только попросила:

– Помоги мне выбраться с хутора.

– Помогу, – обещал Семен. – В общем, в Сталинград пойдет грузовая машина, и она вас заберёт. А там, на пароходе доберетесь до Астрахани.

На этом и разошлись.

Насте тогда было 16 лет. Она уже все понимала. И, конечно, все видела и терпела вместе с несчастной сестрой. Она была упрямая, самостоятельная. Не всегда с Полиной соглашалась. А на этот раз согласилась:

– Поедем.

Настя в это время работала в колхозе. Ее с одноклассниками брали убирать хлеб. И за работу ей выписали два мешка: мешок пшена и мешок пшеницы, неободранной. Благодать. Полина с ней решили зерно взять с собой в Астрахань.

Полина тихо призналась Насте, что в душе надеется: «Может, Семен нас так эвакуирует, спасает, так как немец уже в Ростове». Настя промолчала.

Боря очень полненький был, только одеть его было не во что. Полина из простыни сделала ему платье, ну не платье, а так, длинную рубашку, чтобы было в чем спать. Он еще не ходил, конечно.

Полина завернула Борю – одеялочко у него было хорошее, купленное – завернула его так с ручонками в теплое одеяло, а то было прохладно. Взять с собой особенно много нечего. Ну, Полина взяла все свои шмотки. Кроме узелка и мешков особого груза у них не было. Потому что одной Насте только тащить. Полина несла сына.

Полина с Настей пришли с Семеном к машине, которая отправлялась в Сталинград. Он тащил на себе Настиных два мешка пшеницы. Эта открытая машина уже была нагружена мешками, на которых сидели люди.

Отец с сыном не попрощался. Семен погрузил в машину все пожитки: два мешка с зерном, Настю и Полину с дитем, два старых чемодана и узелок с барахлом. Подал руку – «прощай, лавка с товаром».

Боря на дорожку грудь не пососал, так прилег к руке и заснул. Никакого беспокойства не проявлял. Узелок Борин был небольшой, так как почти все Полина поменяла ребенку на молоко и на картошку. Огород перед домом, Полинины шмотки, и все, как было в квартире, – все осталось в Зимниках.

Она подумала про себя: «С пустой котомкой за плечами он проводил меня с крыльца», за все доброе и честное. Бог ему судья!

Полина видела, что Семену тоже тяжело далось это провозание.

Он, мрачный, с сжатыми тонкими губами, прислонился лбом к столбу, когда сестры уже сидели в машине, на мешках с зерном. Он только так мог договориться – они поедут с грудным ребенком в кузове на мешках! А до Сталинграда – трястись триста километров.

«Все же Семен был природным артистом», – подумала Полина.

Она плакала про себя и повторяла: «Господь обиды знает, а нам не велено знать». И все же ей было жалко Семена, а не себя. Она не думала, что это конец совместной жизни.

Только позже она поняла, что у Семена уже тогда был план эвакуации. Вскоре она узнала, что Семена с обозом банка отправили в Тюмень, спасать деньги. После войны он вернулся, но жену с ребенком на Дон не вызывал.

Полина даже не помнила, как она уволилась с работы в Зимниках, никто из учителей ее не провожал. Вот почему в трудовой книге потом пришлось восстанавливать запись о работе в Зимниках с помощью свидетелей – ее бывших учеников.

Так, без шума и крика, Полина уехала из Зимника 12 июня 1942 года в Сталинград на машине. Вот и вся развязка.

Хорошо, что совесть не дала Семену соврать, оклеветать Полину, Польку, как он выразился в злобе, грозя убить за неверность. Не было ее вины, да и люди и ученики ее любили.

От переживаний, Полина даже не замечала, как их трясло в кузове открытой грузовой машины. Ничего не ели в дороге. Да и есть-то, собственно говоря, нечего было.

А Боря очень спокойно себя вел, и не обмарался, ничего. Ехали долго. Он почти все время спал. Потихонечку сосал грудь, а потом опять засыпал.

По дороге в Сталинград один дядечка, ехавший в кузове, разговорился с Полиной:

– Вы кто? Я че-то вас не знаю.

– Да я учительница, – ответила Полина. – Как же вы меня не знаете?

– Вы откуда же уезжали-то? С хутора Зимники.

– Да, я тут работаю все время.

– А кто вам Семен Константинович будет? Я видел, он вас провожал.

– Муж, – ответила со вздохом Полина. – Вот уехала от мужа с дитем и сестрой.

– Кто-кто ваш муж? – переспросил он.

– Семен Константинович Карин, – расстроилась Полина.

– Как муж? У него другая жена, – удивился старик.

– Как это – другая? Вот сын его. Уже второй год мы живем.

– Да что вы мне говорите? У него другая жена, – спорил старик. – Я ее хорошо знаю. Туфли еще ей шил в мастерской. Он сам меня просил.

А Полина все никак не поймет, о чем говорит этот назойливый дед?

– Да что вы! – Полина протянула спящего Борю к его лицу. – Вот ребенок его. Еду домой в Астрахань, к маме.

Когда он сказал, что туфли шил, Полина узнала этого сапожника. Правда, она давно заходила в сапожную мастерскую. Там он не только один был, там несколько человек работало. Хотелось ей заказать зеленые туфли, а этот сапожник отказал: «Да нет, я не могу, и все». Когда она сказала сапожнику, что ее муж заведующий сбербанком, сапожник ей возразил, что у Семена Константиновича другая жена. Но Полина ему не поверила. Болтает всякое, лишь бы отказать.

А сейчас Полина подумала: только один месяц после возвращения с войны Полина с Семеном жила вместе. Когда же он успел другой жене туфли сшить? Значит, он до войны шил туфли? До войны жил с другой женой? Кошмар какой-то!

Сапожник притих, но не поверил Полине. Он долго смотрел-смотрел на нее подозрительно. Наконец убедился, что перед ним другая женщина. Ведь хутор Зимняцкий был очень большой, крупный райцентр. И не все учительницу по математике знали.

– Нет, это не жена... – пробурчал сапожник про себя и замолк.

Вот так Полина узнала от нечаянного свидетеля, что Семен уже до войны имел другую женщину, и выдавал ее за жену тем людям, кто не знал жену-учительницу. Видимо, этот месяц, после возвращения из госпиталя, он жил и с Полиной, и с другой женщиной?

Какое несчастье!

Значит, Семен вернулся из госпиталя с войны сначала к другой жене. Наверное, он ей писал письма, а Полине очень редко – лишь крохотные сообщения.

И Боря однажды с горечью сказал Полине: «А может быть, я всегда и везде считался незаконнорожденным, раз свидетельства о рождении у меня не было».

А пока Полина с грудным Борей и сестрой Настей десятого июня вечером приехали на грузовой машине в самое начало города Сталинграда. Там еще были такие маленькие домишки. Подъехали к небольшой хатенке, въехали во двор, видимо, к родне шофера. Может быть, мешки в машине были на продажу, потому что все выгрузили, и машина уехала.

Сестры остановились у бабушки-хозяйки.

Полина спросила у нее:

– Говорят, что Сталинград бомбили?

– Да ну-у! Кто это говорит? Ничего подобного. Не бомбили. Все тихо, спокойно.

– А пароходы ходят, значит?

– Да, да-да.

– Как, вас немец, не тревожит? – спросила Полина.

Бабушка слепенькая, отвечала в растяжку:

– Да, не-ет. Пароходы до Астрахани хо-дят.

Бабушка сестер угостила чаем.

Полина переменяла Борины пеленки, завернула его во все чистенькое. Он тихо спал, посапывая.

Бабушка постелила гостям постель переночевать. А утром рано Полина побежала на пристань Волги за билетами в Астрахань. Настя осталась с Борей. Полина купила билеты на пароход 3 класса. Наняла извозчика с подводой, потому что нести мешки сами не могли. А на телегу мешки помогли погрузить два мужчины, с которыми приехали в Сталинград. Потому что они как-то прониклись сочувствием, услышав горькую историю Полины. Они посадили сестер на пароход. И поплыли сестры в Астрахань на двухпалубном пароходе, двухколесном, вроде «Марата». Боря с рук Полины так и не слазил.

В третьем классе, по билету они разместились на скамеечках, как в жестком купе, отделенном один от другого перегородками. Не в каюте, а прямо на первой палубе. Там было свободно. Ехали хорошо. Боря был все время у Полины на руках. Она давала ему соску. В пузыречек сцеживала из груди молоко. И как куда идти, так пузыречек этот оставляла для Бори сестре. Настя потом говорила:

– Ну, он и это съел, и это съел, все съел. И молоко все выпил.

Пеленки запачканные складывала в пакет. Где в дороге постираешь?

Боря в пути вообще молчал, а как-то мало плакал. Когда ехали – не капризничал.

А Полина была просто как деревянная. Настя тоже переживала. Так и называла Семена «Змеем Горынычем».

Горе разрыва с мужем отвлекало Полину от горя войны, грозящей сейчас ей и сыну, и сестре гибелью. На пароходе и весь народ – как бы пришибленный. Почти никто ни с кем не разговаривал. В основном женщины, конечно. Может быть, и боялись. Потому что был слух, что уже топили пароходы немецкие самолеты. Предыдущий пароход разломился от взрыва бомбы и потонул. «Раньше немец бомбил не Сталинград, подступы к нему. Были слухи, что немецкие самолеты кружили над Волгой. Полинин рейс был 12 июля 1942 года.

Целые сутки предстояло ехать, даже больше. В Астрахань приехали к вечеру, тринадцатого. На Волге пока было спокойно. Видимо готовился массовый налет, понимала Полина. Потому что прошло всего десять дней – и началась бомбежка Сталинграда. 22 июля 1942 года от Сталинграда остались одни развалины. Докатились удары и до Астрахани.

А домашние считали, что нет войны, потому что пока еще ее не видели.

Боря потом написал стихотворение. Полине оно очень понравилось. Она выучила его наизусть. А когда читала, плакала.

Я БЫЛ С РОЖДЕНЬЯ НА ВОЙНЕ

Родился я в горящем сорок первом,
А значит, был с рожденья на войне.
Пустую грудь сосал, кусая нервно.
Коровий жмых крошили в тюрю мне.

В ревуший ад попал под Сталинградом.
И мать к себе с испугом прижимал.
Мы уцелели под фашистским градом,
А пароход за нами запылал.

Война в меня прямой наводкой била:
Отец мой с фронта не пришел в семью;
А к нам в больницу бомба угодила...
Все это душу ранило мою.

Не свалишь на войну все злключенья.
Но сколько ран заросших от войны?
А покалеченные поколения
И плоть, и дух излечивать должны.

Пароход успел проскочить по Волге благополучно. А многие пароходы были потоплены. Немец губил Волгу. Сколько осталось на дне ее пароходов. Даже Полинина соседка Шурочка, жена капитана парохода, погибла.

Полина с Настей приехали в Астрахань к вечеру. Где-то нашли подводу, погрузились, с помощью извозчика, и приехали домой. Их никто не встречал. И некому. Приехали, вошли во двор.

Аксинья открыла дверь дома и обомлела, увидев Полину. Она была черная, в матежах, худая, с ребенком на руках. И рядом испуганная Настя.

Аксинья до того растерялась, что смотрит на дочь и не узнала ее. Сердце упало. Только выговорила:

– Господи, Полюшка, ты ли это?.. Мешок с костями!.. И сын на руках...

Полина так и залилась слезами, в обнимку с матерью. И Настя, глядя на них, разревелась. Кое-как пришли в себя.

Значит, такая была «красивая» уж очень, что родная мать не узнала. «Мешок с костями!» – эти слова у Полины остались в памяти.

Аксинья, конечно, все поняла, что была права с выводом о замужестве дочери, у которой теперь живот прирос к спине. И черное лицо – все в пигментных пятнах. А матежи, сказала, – это признак рождения человека, приносящего людям зло. Хорошо, Боря об этом не слышал.

Теперь начался новый плач Полины в доме Аксины. Как раньше в кабинете секретаря райкома партии...

Аксиныя, конечно, с первых дней помогала Полине пережить горе. А тут еще беда – у Бори началась диспепсия. От этой болезни скончалось много родных: у Шураньки – дети Мишенька 4 лет и Анатолий 3 лет; у тети Оли – дети Наденька и Сашенька...

Когда Полина возвратилась с Дона, сама третья, и в Астрахани жили трое с Ленкой, опять стала семья в шесть человек: Аксиныя, Полина, сын Боря, Ленка, Лада и Настя...

Два Настиных мешка с зерном хорошо поддерживали семью первое время. Варили кашу из пшена, а потом – из пшеницы.

А работников не прибавилось. Лада не хотела помогать, как Полина, а наоборот уносила из дома, считая, что все ей должны. Она устроилась на работу, и у нее появилось все. Прихватывала и Полины вещи: исчезли бриллианты из дареного Юсупом кольца. Однако Лада сказала:

– Это – квартирант украл.

Потом Лада уехала в Узбекистан.

Шура завербовалась на Сахалин. А Оля уехала с дядейлевой, своим мужем, на войну. И квартиру они, видимо, бросили, так как их там обокрали. Наверху в доме жили воры. А тетушки и развесили уши. Поэтому Оля, вернувшись с войны, с больным дядейлевой жили у Аксины во второй половине дома.

Как-то Полина сказала Боре о первом своем замужестве: «Вот и вся жизнь! Поженились мы с Семеном в 1940 году в июле месяце, в 1941 году – война. Семен пошел на войну добровольцем с партийной группой осенью 1941 года. В ноябре 1942 года я попала в роддом. В мае 1942 года муж пришел домой с палочкой, так как в октябре его ранили и увезли на Дальний Восток. Ровно через год – в 1942 году в июне я уехала от него в Астрахань. Вот и вся семейная жизнь в несколько месяцев... Разве это жизнь?»

Полине было больно, когда сын Боря заступался за отца: «Ты прожила с ним только один год, а с другой женой он прожил почти сорок лет, до ее смерти. Значит, можно с ним было жить долго? Она сумела, а ты – нет». Просто Боря не знал всей правды. А отца парню хотелось, хоть видел он его только два раза, да еще тайно от матери стал изредка переписываться с ним. И проявлялась также детская жестокость! Но мать все простит сыну. Потому что – мать. Потому что – детский максимализм. Потому что незнающий – невинен.

Глава девятая **РЫБСБЫТ – ЗНАЧИТ СЫТ**

Когда Полина вернулась домой в Астрахань, в школах города свободных рабочих мест для учителя не было. Жить с семьей, сама шестая, не на что.

Была военная, тяжелая пора.

Помогало то, что в этом году у Аксиньи, в половине дома жили квартиранты, дядя Гена и тетя Сима Беляевы.

Работать Полина и не могла, так как все в семье – больные. Вскоре заболел Боря диспепсией.

Первые дни семья все-таки как-то прожили. Два мешка зерна Настины помогли. А затем Полина стала метаться, искать, где бы устроиться на работу. Дни стали тревожные и для прифронтовой Астрахани. Полине удалось сначала устроиться работать в детсад. Но вскоре детей не стали водить в детский сад, и всех сотрудников уволили.

А Полину ГОРОНО затребовало на работу, так как многие учителя побросали работу в школах. Полина раньше много раз ходила в ГОРОНО и ОБЛАНО, но ее направляли работать только в села Астраханской области.

– Я уже отработала пять лет по комсомольской путевке в селе на Дону, убеждала Полина. – А сейчас не могу ехать в село, так как на моих плечах семья в шесть человек.

Но ее и слушать не хотели, и работу в городе не давали.

У Бори открылся страшный понос, который дал истощение организма. Врачи ничего не могли понять. Он тоже начал таять... Боря болел до 2, 5 лет. Врачи считали, что Боря заболел из-за астраханской воды. Ведь идет вся гадость к Каспийскому морю с верховий реки Волги. Особенно в ледоход, да с полыми водами.

В это время Полина была, как «мешок с костями», по словам Аксиньи. Но ей сначала было не до себя. Лечила сына, свою мать и нужду. А когда подумала о себе, врач признал у Полины осеменение левого легкого. Очаг Гона она лечила сама рыбьим жиром. Когда в зрелом возрасте Боря слушал рассказы матери о том, что она была «туберкулезная», он вдруг напрямую спросил мать:

– А что же, ты меня молоком туберкулезным кормила?

– Ну, у меня... видимо, не туберкулез был, а только осеменение легкого. Наверное, в первой стадии, что ли? – стала оправдываться, смутившись, Полина. – Но молоко у меня было очень хорошее.

– Ты не понимала, что можешь туберкулезом заразить меня через молоко? – стал Боря оправдывать как-то мать, когда понял, что обидел неосторожным упреком.

А Полина, и правда, не знала сама ничего точно. Раньше она думала, что у нее болит сердце. Что от переживаний с разводом она была чернее земли, как туберкулезная.

Может, и Семен, бросил ее, как больную туберкулезом?

Но остановить свое «расследование» Боря уже не мог. Потому что стала выясняться и его собственная история болезней.

– А не думаешь ты, что ты меня заразила, раз у тебя осеменение легкого было?

– Нет, – не сдавалась мать.

– Почему?

– Потому что, когда у тебя не прекращался понос, я лечила тебя у частных врачей. Ходила по врачам-светилам – к Каплину, Лычманову, платила по 25 рублей за визит. И все говорили: «Ну, понос, понос...». Потому что ты сублильный (имеющий хрупкое телосложение, нежный, тонкий, слабый). Эмульсию тебе давали, а приостановить болезнь так и не могли. Понос черный не проходил.

Себя Полина не лечила, никуда не обращалась совершенно. Да и на какие шиши было ей лечить себя? Она боролась, как могла, за жизнь своего сублильного Бори.

Но мир не без добрых людей.

Как-то в своей поликлинике Полина попала на прием к другому врачу-педиатру – Бурди. Она временно принимала в районной поликлинике. И эта врач велела Полине срочно ложиться с ребенком в больницу.

Бурди заинтересовалась и заживающей уже язвочкой у заднего прохода Бори. Полина объяснила ей историю этой «дырки».

Когда Боря родился, у него как раз на этом месте на попе было красное пятнышко, прямо почти около прохода, как родимое пятно. В роддоме говорили, что ребенок был приросший к какому-то месту в утробе матери.

А Семен об этом, наверное, узнал. Может, в Зимниках ему напели: что родила Полина «Не то сына, не то дочь; Не мышонка, не лягушку, А неведому зверушку». Боре в пожилом возрасте проктолог сказал, что это операционный шов. А на самом деле, когда в младенчестве начался у Бори понос, на этом пятнышке быстро вскрылся родничок. Хоть часто Полина меняла пеленки, но все равно понос проходил и через эту дырочку. И образовалась прямо глубокая ямка. И то, и другое, и третье применяли лекарства – не помогало. А понос продолжался, и ранку разъедал. Эмульсией не мазали это место, давали ее во внутрь. А мазали всякой мазью, пока не нашли купорос.

Полина уверена, что она купоросом вылечила Борю.

Дело было в том, что тетя Шура, крестная мать Бори, однажды шла из церкви и увидела под ногами рассыпанный медный купорос. Она его собрала и принесла домой в носовом платочке.

У нее на ногах никак не проходили какие-то раночки. Тетя Шура решила их помазать раствором этого купороса. И раночки зашелушились и сошли. Так она их сама свела.

Шура рассказала Полине и посоветовала попробовать «полечить» ранку у Бори раствором купороса «Конечно, – сказал неуверенно она, – у

Бори – другое дело, ведь детё». И дала Полине крупный зеленый кристаллик. Полина развела его в блюдечке водой, так чтобы было чуть-чуть зелени, и смоченной в растворе ваткой смазала дырку у Бори, перекрестившись от страха. Смотрит, а дыра стала черной. И гноя нет. Другой день опять ваткой смазала. А Боря даже не дрогнул ни ножкой, ни ручкой. И так она, ранка, становилась все меньше и меньше. Как цветочек, закрывалась и, в конце концов, закрылась.

Врач Бурди тоже со страхом выслушала Полину, и неуверенно сказала: – Ну, что же, вы продезинфицировали рану, и она стала зарастать. Но все равно срочно ложитесь в больницу.

Настя, став врачом, потом сказала, что «дикари» чуть не угробили племянника купоросом.

С Кавказа приехала старшая сестра Елизавета, привезла нового ребенка Юрочку. Елизавета вскоре заболела тифом, и ее отвезли в больницу. Полина за Лизу кормила Юрочку своей грудью вместе с Борей. Волосы у Юрочки были красной меди, глаза синие. Это у Елизаветы был уже третий ребенок, после Лени. Леня был от болгарина Дмитрия Тодорова. А Юрочка был от другого мужа Елизаветы. Еще была дочка, которая рано ушла от Елизаветы. Может быть, поэтому ей удалось выучиться на врача.

К городу приближалась война. Враг пробирался к Баку, но получил хороший отпор. А Волга была целью немцев. Астраханцы еще мало пострадали от бомбежки, благодаря усиленной обороне советских воинов. Однако немецким самолетам удавалось все-таки сбрасывать на город бомбы. Но из-за заградительного огня бомбы бросали, куда попало, в основном в воду. Так, однажды, бомбы попали, в Затон, около Семнадцатой пристани, и в реку Балду. Были частые налеты стервятников на важные объекты, больницы, школы, предприятия. Враг однажды попал бомбой в нефтебазу. Много сгорело нефти и людей, которые тушили огонь. Потому что там горели вода, воздух и земля, где разлилось горючее. Но, несмотря на все, с пожаром флотилия и воинская часть справились. Пожар был ликвидирован, но какой ценой!

Были и другие жертвы. Полина видела сама, как в Братском саду в Астрахани хоронили бойцов из-под поселка Яшкуля в Калмыкии. Там немцу помогали калмыки, которых впоследствии выселили, а позже, в мирное время реабилитировали и вернули. Мать была уверена, что немцам помогали подкулачники, недобитые в октябрьские дни, так называемый «затаенный враг». Под Яшкулем немца остановили. Много погибло людей, но враг отступал.

Бедная Полина, дочь «врага народа», осужденного по политической 58 статье за вредительство, не понимала, что искренне повторяла советскую пропаганду про всю послеоктябрьскую жизнь.

Перед тем, как договорились лечь в больницу, Аксинья сказала Полине:

– Ты знаешь чего? Я видела Брониславу Яковлевну, и она просила, чтобы ты пришла к ней.

Полина дала слово врачу Бурди, что завтра ляжет в больницу на Парбычевом бугре. А сама пришла к знакомой Брониславе Яковлевне. И та дала ей порошок дефицитного сульфидина.

– Вот тебе один грамм сульфидина, – говорила она, взвешивая порошок на маленьких весах. – На десять частей на глаз раздели его ножом. И давай ребенку с водой каждый день.

Сульфидин был тогда новым средством. Некоторые врачи – «светила» даже о нем и не знали, или держали для богатых пациентов.

Полина дважды дала сульфидин Боре и Юрочке. У него тоже понос был, но только, может, не такой сильный. От сульфидина понос у обеих малышей стал меньше.

На следующий день Полина пришла в больницу с Борей и Юрочкой. Ведь их обоих надо кормить грудью.

Врач Бурди пошла ей на встречу:

– Ну, ладно, раз у вас двое грудничков, тогда я вас тоже с ними положу в палату.

Осмотрела детей хорошенько и спрашивает:

– А где понос? Поноса нет.

Полина рассказала ей про сульфидин Брониславы Яковлевны.

– Его днем с огнем не сыскать, – сказала Бурди. Она, вроде, хорошо знала Брониславу Яковлевну. И решила: – Пока подождем делать уколы, так как дети истощены. Но все равно надо лечить. Там все изъязвленное, и надо лечить, твердо сказала Бурди.

И велела продолжать еще давать это лекарство, раз в день.

– А какой диагноз вы поставили? – спросила Полина.

– Диспепсия, – удивилась Бурди незнанию Полины.

Полина, извиняясь, ей рассказала:

– Я была и у Каплина, и у Лычманова. А они мне не говорили об этом диагнозе. Говорили, что понос – и все.

– Что же они, не видят, что у ребенка диспепсия? Самая настоящая диспепсия. Я тоже хотела делать им пенициллиновые уколы. Но раз у вас есть сульфидин, продолжайте давать.

Она продолжала давать Боре и Юрочке сульфидин по одному грамму. Бронислава Яковлевна велела принимать его с водой, а затем давать засасывать грудным молоком. На двоих Полина дала по пять порошков. И проклятый понос прекратился, а дети стали поправляться.

Полина полежала в больнице только два дня. А на третий день объявили налет немецких самолетов на Астрахань. Начался вой сирены, кричат, звонят. «Воздушная тревога!». Дело было днем. Немецкий самолет начал над городом кружить-кружить. Зенитки, недалеко от больницы, около

Парбычева бугра начали стрелять. И его пытались сбить. А он целился в восьмую нефтебазу. Успел, сбросил бомбу.

Говорили, что с нефтебазы кто-то ракету выпустил прошлой ночью, обозначил цель. Стервятники несколько раз налетали. Их бомбы попали в Семнадцатую пристань и в причал для пароходов.

И вдруг рядом бухнуло – так, что все стекла в здании больницы вылетели. Это немецкая бомба упала в Затон.

Хорошо, Полина с ребятами лежала не около окошек. Кругом поднялся ветер, сквозняк, шум и крики. Полина поднялась с кровати – с двумя младенцами на руках. Куда деваться? Испугалась взрывов. И подумала: «Что же я буду лежать-то? Уж умирать, так всем вместе, дома». В больнице на Парбычевом бугре, конечно, паника поднялась! Все разбежались, кто мог. И Полина подхватила, прижала детей, никого не спросила, и бросилась домой. В платье бежала. Наверное, и халат на ней был, но она его сбросила в больнице. Не помнила, как прибежала домой. Хотела сесть на трамвай – да какой там трамвай, когда воздушная тревога? Пешком добралась. А дома, когда бомбили, прятались во дворе в траншее.

Успокоились немного после налета. Война-то хоть еще идет, но налета на Астрахань больше не было.

После этого взрыва, Полина видела вещий сон.

«И вот я вижу сон, – рассказывала Полина Аксины. – Вроде, мы живем на Пушкинской улице. Два цыпленочка, как сейчас помню, вот такие маленькие. Один желтенький, а другой черненький. И двор у нас большой. Около туалета, там недалеко, что-то клюют. Я смотрю, а из-под уборной – рыжая Лиса крадется. Бежит, бежит, бежит. Я как закричу! И побежала, вроде, побежала спасать – и не успела. Добежала я – а Лиса уже желтенького схватила. Я отняла у нее желтенького цыпленка, а он – уже не живой. А черненький остался. Значит, Боря остался, подумала я, когда проснулась».

И вот как-то утром Полина ушла на работу. А из больницы выписали Елизавету. Дети что-то плакали, особенно ее Юрочка, он меньше всех. И Елизавета дала ему свою грудь. Ну, и погубила ребенка. На другой день Юрочка сразу скончался. То же сообразила Елизавета больную грудь, после тифа, дать ребенку! И Аксины не видела, когда Елизавета успела спроворить. Ведь уговаривала Елизавету, чтобы она не давала ему сосать больную грудь, Елизавета не послушалась. Так и не стало рыжего Юрочки.

Елизавета поплакала, и опять собралась уезжать, налегке. От детей освободилась: Ленка – оставался у Аксины, а Юрочку похоронила. Она все время «гастролировала».

Боре стало лучше, он начал поправляться. А вот когда он теперь с аппетитом ел, у него стал расти животик – признали рахит. Полина пыталась лечить его кварцевым облучением – проку не было. Только живот становился все больше, а толку мало. И ножки такие кривые, колесом.

Старая бабушка Поля, Пелагея Александровна, Аксинына мама, еще жива была, в 1943 году, когда Боре было годика полтора, и понос уже кончился, а рахит начался. И вот она сказала тогда:

– Полина, что он у тебя ни туда, ни сюда? Что же такое у него? Не поправляется и все? Давай я его попеку на пороге.

Бабушка Поля взяла Борю и на пороге его похлестала горячим мокрым веником, «попекла», приговаривая:

– Если ему жить, то будет поправляться.

«Дикари и есть!» – возмутилась Настя, «домашний доктор».

– Чего она там на пороге говорила, я не знаю, – успокаивала Полина Настю. – Не видела. Она все сделала без меня. Попросила, вроде, разрешения. И успокоила: «Да я его просто искупаю на пороге». И молитву читала.

Но Боря разнервничался и высказал Полине все, что думал:

– Так вот, мама, слушай. Дело все в том, что не вода виновата в моих болезнях. А беда в том, что ты больным молоком меня кормила. И ты не знала об этом, и этого не знаешь до сих пор.

– Я этого не знаю до сих пор? Может быть, – обиделась Полина. – Ты долго поправлялся, но сумел перебороть все боли. Конечно, я предприняла все возможное и невозможное для твоего излечения.

– И продолжала кормить грудью?

– Продолжала кормить! – заплакала Полина. – Ведь когда я пришла с вами в больницу, все вы были худые, все были черные. Я не знала даже, что я действительно больная.

– Если бы я был один, ладно, но и Юрочка тоже заболел, как только ты стала кормить его этим молоком, – не унимался Боря. – Оно было, мама, токсичным. Понимаешь? И Юрочка уже второго токсикоза не вытерпел, пососав грудь матери Елизаветы, которая переболела тифом. И умер. Ты вот вспомни, когда я перестал грудь сосать?

– Тебе два с половиной года было, когда ты стал есть. А до этого я тебя все время подкармливала.

– И вредила?

«Неужели Боря прав?» – сокрушалась про себя Полина.

А в то военное время есть было нечего. Полина устроила Борю в детсад. И раз, когда пришла за ним в детсад, заглянула в окно. Боря сидел на стуле полуживой, не шелохнулся. Даже когда Полина его позвала. Полина видит, что никому дела до него нет. И утатила его домой. Больше в детсад не повела. Стала поить тресковым жиром. Затем достали где-то по знакомству тюлений жир – не топлёный.

До сих пор Боря проклинал этот мерзкий соленый на вкус, студенистый тюлений жир. Аксиныя его как-то приготавливала, чтобы Боря стал все есть. А Боря залезал весь с ногами в кухонный пустой темный ларь, чудом находил там сухую корочку черного хлеба и говорил сам себе: «Как я люблю черную корочку!» И с наслаждением ее жевал.

Так прожили 2,5 года. Полина то устраивалась на работу, то бросала, пока сын болел. На что жили – не знает. Она все хотела в школу уйти, а ей опять говорили:

– Уезжайте в село.

Все одно твердили:

– Не можем, не можем устроить.

И тогда Полина в ОБЛЮНО больше не пошла, а пошла по объявлению в газете в Рыбсбыт. Бог помог увидеть случайно в газете объявление: «Требуется служащий в Госрыбсбыт». Пришла к главбуху – отказ, нет бухгалтерских знаний. Но все же бухгалтер послал Полину в другой отдел, к заместителю управляющего Ляпинскому. Полина пришла к нему, черная, худая. Ляпинский, видимо, посмотрел на почерневшую Полину и подумал: «Молодая – и прямо гибнет». Полине он показался добрым человеком, и она откровенно ему рассказала о своем трудном положении. Тот посмотрел на нее, послушал, и не смог отказать.

– В школу пойдете – не проживете шесть человек. Погибните сами и иждивенцев своих погубите. Будете голодать. А у нас есть магазин и обжарочный цех.

Полина сидела в его кабинете, ни жива, ни мертва. Ждала решения. Тогда без справок, без всего могли принять. Просто пришла – и работай.

– Ну, кем вы можете работать? – размышлял он вслух. Полина отрицательно мотала головой.

– Ладно, вот я к Капустину вас направлю, и вы будете с ним работать, выписывать наряды. А что не поймете – будете обращаться к нему.

Так, в июне 1943 года Ляпинский взял Полину на работу в Рыбсбыт.

Она работала статистом-нарядчиком со старичком праведным Капустиным, он ей помогал, когда она чего-то не знала из бухгалтерских хитростей. Да и откуда ей было знать?

А напротив Капустина в бухгалтерии сидела строгая Забержинская. После она призналась Полине:

– Я посмотрела на вас, че, какую-то чахоточную принял наш Ляпинский на работу?

Как только освобождали от немцев города, Рыбсбыт посылал туда вагоны со всякой рыбой. Полина выписывала наряды. Завела знакомство с диспетчерами. Заготавливала и подписывала наряды, чтобы им не терять время и доставляла их вне очереди работникам цеха. Обжарочный цех был внизу. Там работницы за услуги старались что-нибудь из продуктов подкинуть и Полине.

Она придет вниз, в обжарочный цех, принесет наряды, а ей девчата нададут хвостов судачка («махалок»), жареных на рыбном жиру. Полина придет на свое место, сидит, пишет наряды, а сама потихоньку ест эти махалки без хлеба. Хлебная карточка дома – семью кормить. На всю жизнь полюбила Полина рыбные хвосты. Так продолжалось с год. И Полина стала белеть. Послеродовые пятна на лице стали блекнуть и совсем пропали. А

уже через год она расцвела. И животик появился. Одна злыдня шипела, что Полина согрешила. И не постеснялась спросить:

- Полина, ты когда пойдешь в роддом? Уже двенадцатый месяц пошел.
- Али ты, кума, считаешь? Скоро! – посмеивалась Полина.

В Рыбсбыте Полина покупала и продуктовые карточки, а Ляпинский их отоваривал, иногда даже черной икрой. И Полина по карточкам получала икорники и пироги с рыбой. А рыбные головы («башки») можно было брать каждый день (служащим отпускали). Иногда давали белужьи головы. Раз одну большую белужью голову Полина с Настей еле дотащили до дома. Аксиныя ее нарубила – целый бочонок. Засолила в нем только одну голову, такая она была большая. Семья ее ела-ела, еле съела. Это было спасение. Так что немного вздохнули. В этом году жили сытно.

Правда, Полина стеснялась этих льгот, но не отказывалась от них, – семью надо кормить – Борю, Аксиныю, Ладу, Настю, Ленку, да и себя.

Боря не возлюбил тетку Ладу. И она его тоже не терпела. Ее злило, что он подсматривал, как она прячет булки за трюмо и тайно от всех ест. Но Боря хранил ее тайны, стыдился ябедничать. Но матери раз шепотом признался. Полина залезла рукой за зеркало – а там булка в газету завернута.

Исполнительному человеку Капустину Полина тоже пришлась по душе, как дочь. Работали честно и аккуратно. Так Ляпинский ей доверял, что подписывал наряды, не глядя. И все же раз она ошиблась. Вместо одной тонны, написала отгрузить рыбы один вагон. Железнодорожники и подогнали вагон. Но об ошибке узнал Ляпинский, и вернул вагон, а Полину отругал. Как ей, бедной, было больно и стыдно за такой промах.

Полина, конечно, не знала, а если бы знала, не поверила, что попала в акцию мошенников. Все рабочие воровали. Только Полина думала, что ее добрые люди подкармливают. А жуликам ворованные продукты надо на кого-то списать. Подстроили и Полине – отпустить целый вагон. Надеюсь, что девчонке простят промах, которая вместо «тонны» написала, под их диктовку, в наряде «вагон». Но кто-то Полину пожалел. Ведь ее могли осудить и расстрелять, как осудили по 58 статье за вредительство ее отца Чернова Алексея Тимофеевича. Может, и сам Ляпинский пожалел, велел вернуть груз. А Полине стыдно «за промах». Наивная душа. Так она и не знала до самой смерти, что была тогда в Рыбсбыте на краю гибели. А Рыбсбыт после этого случая быстро «сдал» ее, как учительницу, в РАЙОНО, от греха подальше.

«Ляпинский, заместитель управляющего, хороший человек, – рассказывала Боре Полина. – Он уважал меня. Все его любили. Всем он помогал. Но он через три года умер от рака. Царство ему Небесное. Я его и боялась, и стеснялась. Я сначала подумала, что он считает, раз устроил меня, молодую... – кто знает? Но я была не таких правил. Других совершенно. Хотела только замуж выйти. Оказывается, у него у самого несчастье в семье. Он мучился со своей разгульной женой, как мне говорили. Дома у него был

кошмар. Сын пошел в шпану, жена – в публичном доме, где – не известно. И он понимал, как мне тяжело. Поэтому разрешил мне отоваривать хлебные карточки, которые я покупала, раз у меня большая семья. Ляпинский меня и всю семью мою поддержал два года. Все скрывал, что я учительница».

Сын Боря тоже стал поправляться. Полина приносила ему эти «кусочки» из Рыбсбыта, каждый раз полную сумку съедобного, пирог, икорник, рыбные «башки». Ему стало нравится обсасывать «башечки». Боря сидел на стульчике (когда еще не вставал, не ходил). В начале астраханской жизни он быстро пошел, а потом от болезни обессилел. Так, что у него в два с половиной года был вес такой же, какой был, когда Полина его привезла с Дона шестимесячного. Худыми пальчиками он брал косточки сам, обсасывал каждую косточку и аккуратно складывал в горку рядом на столе. Видимо, организм требовал жира. Боря и мозг высасывал из голов. Вот этот рыбий жир помог Боре набраться сил и здоровья. Потом стал потихонечку проходить рахит.

Боря только не любил принимать «противный рыбий жир» – лекарство. А таким рыбьим жиром как раз и лечат у детей рахит.

Полина говорила подружкам:

– Кто увидит – скажет: «Ой-ой! Не дай Бог, он может подавиться косточкой».

А бабушка Аксинья успокаивала:

– Ничего. Видишь, как он разбирает каждую косточку, обсосет и складывает?

Глядя на неумеющего ходить маленького Борю, Полина считала эту беду «проделками Скопена» – своего бывшего мужа Семена. Она догадалась, что если бы осталась с ним, то бы навсегда, наверно, загнулась еще в молодости. Выходит, не сердце в левой стороне у нее усиленно болело, а легкое. Отсюда и высокая температура. А тут и трагедия разрыва сказала. Это ее страшно потрясло. Она не думала, что он так безжалостно и безнаказанно ее казнит. И сыну достанутся беды.

И вот Бог дал, два года она и семья питались рыбьими башками да икорниками, пока Полина работала в Рыбсбыте. Причем за это время Полина ничего не спрашивала с Аксиньи. Она и так была вся измотана нуждой.

Слушая рассказы Полины о работе в Рыбсбыте, повзрослевший сын продолжал пенять ей, что она кормила его до двух с половиной лет туберкулезным молоком. И лечила, но и одновременно заражала его туберкулезом, не подозревая этого. А в Рыбсбыте мать перестала белеть, потому что ела рыбий жир и даже икру. А когда стала вылечиваться сама, тогда и он стал излечиваться от рахита.

Но сын уже не упрекал Полину, а жалел. Просто понял, как Полина, да и сам он, беспомощны из-за своей необразованности, своей темноты. Хотя из 12 детей Аксиньи только Полина да Настя получили высшее образование.

И не только мать была темной, считал он, но и врачи в Астрахани были такие же бестолковые «светила». Он считал себя гнилым деревом, и это опять обижало Полину, особенно, когда вспоминал горькие слова Семена: «Ребенок еще маленький – умрет». «Не зря отец отказался от меня, говорил он матери, – не увидел во мне казацкого напора жизни».

А пока шла война, Полина писала Бориному отцу на сбербанк, что сын его жив. Долго ждала ответа. Наконец, письмо прислала пожилая женщина – бухгалтер отца. Она сочувствовала Полине, и много ей помогла.

Особый отдел Рыбсбыта тормозили: нет ли среди их работников учителей? Один год в Рыбсбыте скрыли учительницу Полину Алексеевну, а в 1944 году все же не стали больше скрывать. И после двух лет работы они Полину уволили. Сказали: больше не можем скрывать, что ты учительница.

И Полину взяло РАЙОНО на учет. В селах закрывались школы – не хватало учителей.

И тут Полина случайно узнала, что заболела учительница по физике в 59 школе. Ее положили в больницу на операцию, «удалять шишки на голове». На это место РАЙОНО Полину не хотело брать, пытаясь устроить кого-то из своих «блатных». Но директор 59 школы Александра Ивановна Иванова, которой Полина понравилась, настояла на том, чтобы Черновой дали 14 часов вместо больной учительницы. А потом, сказала, для нее еще будут часы.

В это время заведующей РАЙОНО была Липецкая Раиса Ивановна. И ее сестра директор школы вскоре заменила бедную Александру Ивановну Иванову, которая заболела раком и через год умерла. Так что Полина Алексеевна оставалась в школе без покровительницы.

Но к началу учебного года в 1944 году для нее освободилась вся физика, так как больная учительница из больницы не вышла, умерла, у нее признали рак головы. И у Полины нагрузка возросла до 30 часов в неделю, вместо 14, при норме 18 часов уроков.

Учительница Полина Алексеевна стала получать 1200 рублей.

Когда Полина работала в Рыбсбыте и получала только 200 рублей, семья жила неплохо. А теперь семья у Полина стала пухнуть от голода.

Аксинья искусничала. У нее были все гроши. Закладывала в ломбард вещи мужа. Занимала деньги, чтобы эти вещи выкупить и перезаложить опять. Пускала в половину дома квартирантов. Решили даже продать свой дом, и купили дом на улице Огарева, дешевле, чтобы как-то улучшить обстановку, и какой-то запас денег оставить на хлеб.

Теперь Полина жила очень близко от базара – Большие Исады. Новый дом был лучше, чем на Пушкинской улице. Но там, во второй половине дома, осталась квартирантка Машенька. Она занимала две комнаты, имея свой ход в свой коридор во двор. И эту половину не топила.

Как только Аксинья с детьми садились за стол завтракать в прихожей – так Машенька начинала стучать в закрытую дверь и кричать всякие

непотребные пакости. Такая обстановка становилась невыносимой. И Полина пошла к судье, поговорила с ней о том, как можно избавиться от этих скандалов с Машенькой. И судья сказала:

– Предоставьте ей любую квартиру – и я ее выселю.

Так Черновы и сделали. Полина нашла для Машеньки семь квартир, и все она забраковала по разным причинам. Основное возражение – ее хотят убить. Машенька никому не доверяла. Судья нашла к ней подход и статью закона. Так что квартирантка согласилась переехать на квартиру к своей подруге. Прошло положенное время, но Машенька не уезжала. Тогда пришла судебный исполнитель и вывезла ее. Оказалось, у Машеньки был большой сундук, неподъемный, со старинным хрусталем. А в печке внизу хранился закупоренный ящик, видимо с отрезами материалов. В печных трубах у нее были деньги и новая обувь. Из этих вещей она что-то продавала и на эти деньги покупала пирожки да обеды. Когда ее вывозили, Машенька кричала:

– Люди, меня грабят!

А судебный исполнитель, девушка опытная, ей объясняла:

– Я – казенный человек. Все делаем по закону. Вот, читайте постановление суда, – и показывала ей документ.

Все вещи Машеньки погрузили на телегу, извозчик вывел лошадь из ворот, и отвез Машеньку к ее подруге, через две улицы от Огаревой. А подруга была женщиной пьющей. И быстро дружки этой подружки с Машенькой расправились. Полина узнала от людей, что ограбили Машеньку и убили.

В этот военный год приехала к Аксинье ее дочь Калерия, которая уезжала с Елизаветой на Кавказ. Она попала на фронт, работала шофером на машине. Вышла замуж, но и мужа тоже взяли на фронт. А Калерию, когда она родила ребенка, отпустили домой. Она приехала в Астрахань, и тут же заболела брюшным тифом. А муж Калерии так и пропал на войне, Полина ничего о нем не узнала.

Калерия жила во второй половине дома. У нее поднялась температура. Она пела в бреду песню «Землянка». Полина сказала Аксинье:

– Мама, Калерии плохо.

Вызвали скорую и ее увезли. Калерия умерла от брюшного тифа в больнице в 22 года. Приехала, бедняжка, к матери умирать. Сын Калерии, крошка Коленька вскоре за матерью умер, ему было всего несколько месяцев.

Вскоре вся семья у Полины отравилась сомом, который дали соседи. Оля с Шурой тогда еще жили на Спартаковской улице. Всех Полина увезла на «скорой». А Шуранька – в драку:

– Не поеду!

Всех девчат спасли, а бабушка Пелагея в больнице умерла.

Вообще этот год был ужасный. В общем, в 1944 году в семье было четыре покойника.

Дети умирали и у Шуры, и у Оли. Оля была без угла, больная. Вот Аксинья ее и взяла на половину дома, где жила Машенька, а потом Калерия.

Аксинье все подсыпалось горе: то Полина, то Оля, то Елизавета с детьми, то Калерия с ребенком.

Аксинья еле справилась с тифом, ее тоже выписали из больницы. Сколько же у бедной Аксиньи было сил? На всех хватало, всем кров дала. Но ни Елизавета, ни Лада, ни Оля и ни Шура не ценили ее доброту, а даже дрались.

Жили плохо. Все, что можно было, променяли на продукты, продали. Жалко было продавать ковер 5х3 метра, ушел за 3500 рублей. А кирпич хлеба стоил 600 рублей. Хорошо, что смогли покупать подешевле хлеб у соседки, которая работала на хлебозаводе. Она приносила с завода «шабашку» и продавала ее.

Шуранька и Ольга, чем могли, помогали Аксинье. В основном приносила иногда продукты тетя Шура, так как она работала на картошке на овощной базе, потом на мясокомбинат устроилась.

Когда появился коммерческий хлеб, Полина нашла лазейку – талоны покупала на базаре на хлеб и продавала. Настя училась в мединституте шесть лет. Тоже продавала иногда свою пайку – 500 грамм хлеба, и выкупала остальные продукты. И выкраивала кусочек хлеба себе.

Ведь по карточкам давали мало хлеба, Полине как работнице – 500 грамм, а иждивенцам – 300 грамм хлеба. Боря стал ходить, слава Богу. И был заготовитель, ходил за хлебом в магазин Бурова. Его жалела продавщица, и видимо, подбрасывала кусочек – довесок. А он хвалился:

– Хорошая продавщица, довесок дала. Я съел.

Полина продала свою любимую габардиновую юбку, которую сшила давно из брюк Семена, которые лопнули на нем. И на эти деньги купила целую буханку хлеба. Боря был рад без ума. Обхватил ручонками ее, прижал к себе и кричал:

– Мама, это все нам?.. Целую буханку?..

До слез кричал. С неподкупной наивностью.

Страшно вспомнить, а было тогда Боре 4 года. Он был как старичок, так все видел и переживал вместе с взрослыми. Вся нужда была на виду. Все обносились. Но Полина не любила заплатки. Как-то комбинировала из старой одежды, но не латала.

Лада питалась отдельно, и хорошо, где-то получала деньги, но с родными не делилась. Наверно, она все золотишко у Аксиньи прибрала, и кушала в свое удовольствие. У Лады, видимо, кто-то был, какой-то паразит давал ей деньги за камушки или золото, которое она воровала у Аксиньи, за все, что можно было унести из дома. Аксинью она не слушалась, а Полину – тем более.

Были у Аксиньи спрятаны два браслета, один – цепочкой, другой – с глазками. Очень красивая была брошь, с зелеными камням хризолитами. Были серьги, кольцо с алмазом и Полинино кольцо с бриллиантами от

Юсупа. Это Полина видела до того времени, когда еще училась. Все было в коробочке. И все, наверное, утащили, так как по приезде с Дона, Полина уже ничего не нашла. Кто взял, визитную карточку не оставил. А Аксинья все скрывала. Стыдно было говорить, что дети у нее воруют.

Уже в возрасте, слушая рассказы матери, Боря как-то сказал Полине: «Может, зря на голодных детей грешить? Ведь жить бабушке Аксинье было не на что. Она и сама могла решиться продать свое небогатое наследство на кусок хлеба детям. Хотя я хорошо помню, как Ленька лазил за этими украшениями, может, и украл. Потом он купил пшена, варил в сарае втихаря кашу, и даже меня этой кашей угощал».

Полина не спрашивала у матери, куда девались украшения. Она отдавала ей всю зарплату, до копейки. Аксинья вела в доме расход. А Полина вечно была без денег. Все пресмыкалась перед всеми с детства.

Ей шел 24 год. Конечно, было много женихов, потому что она была симпатичной и порядочной девушкой. Но брать ее замуж не хотели.

Глава десятая

УБЛЮДОК БРОШЕНКИ

После войны жизнь стала входить в свои права. Карточки еще были. Настал день Победы. Все радовались, и Полина тоже. Но знала, что жизнь у нее не будет лучше. Ждать нечего и некого. Люди стали устраивать семейную жизнь. К Полине тоже многие приличные ребята приходили. Но из всех углов выглядывают едоки. И никого в семье нет, чтобы принести копейку в дом. Даже Лада вышла замуж за Аркадия и уехала в Навои. И там оба работали на электропоезде, а потом на электростанции до пенсии.

Купила Полина дешевенькое платье на базаре за 800 рублей. Но Аксинья отдала его аферистке, которая пришла к ним в дом, якобы от Полины, которая попросила сходить за новым платьем, пока у нее уроки в школе. Потому что Полине надо ехать срочно в командировку. А на самом деле эта аферистка подслушала в трамвае разговор Полины с подругой, о том, что она едет принимать экзамены в 10 классе в поселке Второй Астрахани. Поэтому так правдиво рассказала Аксинье. Забрала платье и ушла на все четыре стороны. Какие мы все-таки доверчивые, переживала Полина. Всех меряем на свой аршин.

До 1948 года Полина работала преподавателем физики и математики в школе № 59 на площади Гоголя. Затем в это здание перевели школу № 11. А учителей 59-й школы перевели дальше от Полининого дома. И Полина с одной учительницей решила остаться в школе № 11, где с тех пор и проработала до пенсии.

В новой школе она продолжала преподавать физику. Многих приборов не было в школах. И чтобы показать на уроке действие того или иного прибора, приходилось его создавать силами учащихся. Ребята приносили

сами детали и сами собирали или чинили поломанные приборы. Полина видела, что сила и выдумка учащихся неисчерпаема, только нужно их заинтересовать, организовать и направить в нужное русло.

Когда после войны в школу пришли работать мужчины, Полина отказалась вести физику. Преподавала только математику.

У Полины на четвертом этаже был математический кабинет, там всегда было жарко. А за журналом в учительскую шла по холодному коридору с распаренным и удрученным горлом. От этого у нее участилась ангина. Но разве это болезнь, считала она. Как станет лучше, не закрывая больничного листа, она выходила на работу. Нужны деньги, чтобы свою ораву кормить. Так она стала про себя в сердцах называть большую семью, когда с годами поняла, что родственники «плюют» на нее. Учительница Алина Ивановна заметила это сразу и как-то сказала Полине:

– Когда ты эту, чужую хевру, кончишь кормить?

Даже еще посильнее назвала.

А в первом санатории, куда Полина попала по путевке из школы с больными ногами, врач Ворошилова ей сказала:

– Ангина – коварная болезнь, суставы лижет, а сердце кусает. У вас инфекционный полиартрит.

– Нужно три раза приезжать? – спросила Полина, прикинув, что вряд ли ей вообще дадут путевку – за ними очередь в школе.

– Нет, дорогая, всю жизнь, чтобы ходить, если не хочешь сесть.

Так оно и вышло. Полине пришлось ездить не раз в Пятигорск, в Нафталан, в Цхалтубо. Только Кавказские воды и грязь ей помогали. Если год не поедет – с больничного листа не слезает.

Как ей удавалось ездить на воды, только господь бог знает. В стране карточная система. Полина получала в школе крохи. Хватало только Аксинье на ломбард. Она крутилась, закладывала, перезакладывала вещи.

Настя училась в медицинском институте. Ее все время рвало. Пытались ей готовить щадящую пищу.

Полина хватала уроков столько, сколько давали, всех преподавателей при случае замещала, чтобы лишний рубль заработать. А у самой денег не было.

Боря пошел в начальную школу. Не всегда ему могли дать с собой денег на завтрак, а он просил у матери и плакал, если она не могла ничего ему дать.

По этим воспоминаниям о матери Боря написал стихотворение. Оно так и хранится в заветной тетрадке Полины с переписанными молитвами.

ЛЮБИМЧИК

Клянча рубчик, за матерью плелся я с воем –

И хотела б, да нечем утешить меня.

И трясла в оправдание сумкой пустою.

Нет, отдай, что хранится до черного дня.

И наполнилась чаша терпенья до края:
 Горстью меди хлестнула – лицо обожгла.
 И, от жалости плача и жизнь проклиная,
 За травмаем пешком на работу пошла.

Я все время просил деньги, вещи, гостинцы,
 А встречая отказы, вставал на дыбы.
 Я привык, что любимчику, все мне простится.
 Но с годами все чаще удары судьбы.

Уж теперь за судьбою плетусь я с мольбою.
 Обернулась она – а лицо-то мое.
 И трясу в оправданье мощною пустою,
 И пеняю на скотское наше житье!

Елизавета так с Аксиньей и не жила, а все отдавала ей своих детей.
 Леньку, после того, как Полина отвезла его в Баку, она вновь вернула.
 Посадила его на поезд и прислала Аксинье. А может, он сбежал от матери и
 сам приехал. Только как мог запомнить адрес?

В тот день Полина, возвращаясь из школы, увидела у ворот мальчишку
 лет 10 – 12-ти. Подошла, всплеснула руками:

– Леня, это ты?

– Я.

– Ты как здесь оказался?

– Сам приехал на подножке поезда.

Полина обняла его, привела в дом.

Леня рассказал, что ехал на подножке, а кондуктор его сбрасывала с
 поезда, била по пальцам, чтобы он отцепился. Леня упал на ходу и сильно
 ушибся. Потом долго бежал по бездорожью. Даже волки в степи за ним
 гнались.

Приветила Леню и Аксинья, так и любила всю жизнь больше других.
 Как-то Боря, приревновав, спросил:

– Бабушка, а почему ты все за Леню, да за Леню заступаешься? Больше
 его любишь?

Аксинья, улыбнувшись, сказала ласково:

– Боря, у тебя есть мама, а у Лени – ни мамы, ни папы нет.

Стали спрашивать его:

– В каком классе учился?

– Не знаю.

– Где метрики твои, свидетельство о рождении?

– Нет.

Полина пошла к директору школы Александре Васильевне, все
 рассказала. Поплакала. Директор – чуткий человек, предложила:

– Давай посадим его в четвертый класс. Не сумеет – переведем в третий.

Полина сидела с Леной вечерами – долбила уроки. Удержала – Леня перешел в пятый класс. Потом – в шестой, седьмой. Восьмой кое-как кончил, слава Богу.

В пищевой техникум не сдал. Полина носилась с ним, как с писаной торбой. Решила устроить его в речное училище. Вроде, ему захотелось стать моряком. Она знала заведующего речным училищем, пошла к нему с конвертом (100 рублей). Он ее за этот конверт с треском выставил. Но приняли Леню в училище.

А тот начал дурить:

– Не хочу там учиться. Гоняют, как собак. Пойду на курсы поваров.

Учился в торговой школе. А в 20 лет он исчез из дома. Утащила девка, женила на себе. После того, как Леня окончил курсы и начал работать поваром – он много лет не давал о себе знать. Кто-то из знакомых увидел его, располневшего, с животиком, на Баррикадах (район в Астрахани). Узнали, что живой, слава Богу.

После войны Оля приехала больная с фронта, рот у нее был на боку. Документов никаких нет, так – писулька, что была в трудовой армии и по состоянию здоровья направляется в Астрахань. В больнице (ВТИ) ее лечили. Она стала жить в той комнате, где раньше жила Лада. После приехал с фронта Лева, Олин муж, больной туберкулезом. Вдвоем жили в доме Аксиньи. Долго Леву лечили и в больнице, и дома. Ездил он и на курорт. Но так ему и не помогли. Он умер в 1950 году.

А между тем, Настя выучилась на врача, окончила институт. В 1948 году ее отправили работать врачом на Дальний Восток, в Магадан.

Как-то Настя принесла Боре кусок жмыха, он с жадностью стал его грызть, и потерял передний зуб. Искал его, не нашел, наверное, проглотил.

Полина работала в школе допоздна. И Боря все время ее ждал из школы. Аксинья уговаривала его лечь спать. Но он упрямялся, а потом засыпал за столом. И Полина сама раздевала его и укладывала спать на сундук. Ждал маму. И Полина жила жизнью Бори, и берегла его, как зеницу ока, всю жизнь.

В этот год Аксинье кто-то подарил козленка. Все к нему привязались. Он жил в доме. Козел, видимо, был горный. Раз Полина потеряла его, не могла найти, где он кричит: «Ме... мя...». Подняла голову вверх, оказалось, что козел – под потолком. Забрался на гардероб по этажерке с книгами. Негде было просто ноги поставить, а он как-то спокойненько слез. Полина его бы не смогла достать. Он сам залез – сам и спустился благополучно. Горный козел.

А потом решили все-таки его зарезать. Есть нечего. Собралась большая семья за столом. Аксинья принесла к столу блюдо вареного горячего мяса. От

него пар, душистый. А Боря разрыдался – жалко козла, и отказался есть это мясо, как его не упрашивали «живодеры».

Позже он написал об этой трагедии в своем стихотворении.

КОЗЕЛ

Я с детства вижу сон, один и тот же,
Как я бегу по улице с трудом.
Нет никого – и страх, мороз по коже,
И все ищу я свой любимый дом.

Дом в три окна, с завалинкою, низкий.
Там старенькая бабушка живет.
Она сухарь размочит в синей миске
И мне протянет – и меня спасет.

Откроют дверь тяжелую входную –
Под черный потолок взметнется пар.
И мать внесет посудину большую,
В которой мясо! – расточает жар.

Глаза ее слезятся от мороза.
И я пойму – зарезали козла.
«Вы – живодеры!» – я кричу сквозь слезы...
Еще вчера он бегал у стола.

Такой привязчивый козел попался.
Он с матерью тетрадки проверял.
Я, за рога держась, на нем катался...
Да в горле б у меня кусок застрял!

Прошли года. И не во сне, а в яви
Нашел я эту улицу. В былом
Домов я много на земле оставил,
Не узнаю и свой любимый дом.

Не в три окна – в четыре. И высокий.
И бабушка на лавке – не моя.
Но мальчик, белобрысый, кривоногий,
В костюмчике и с бантом – это я.

Когда прошла война, в 1946 году, Полина решила поехать на Дон с Борей к Семену, в разрушенный Сталинград. Думала, может, когда Семен увидит сына – то решит вернуться в семью.

А что делать? Развода нет. Годы идут. А мужа нет, своей семьи нет. Полине в то время было уже 30 лет.

Заработала, заменяя больных учителей, лишние 1000 рублей. Прибарахлилась, купила себе розовое крепдешиновое платье, выбила на машинке кружева на сорочке. Получила отпускные, взяла пятилетнего сына в зубы и поехала на хутор Зимняцкий.

Добрались с трудом. Пока шли от станции по степи, на Полину напали пчелы. Боря визжал, злые пчелы гудели, вцепились в волосы. Полина отбивалась от звериного танца пчел с остервенением. Почему-то вспомнилось, что она где-то читала о мщении пчел. «За что?» – вырвалось у нее из груди. Хорошо помог встречный мужчина, отогнал пчелиный рой. Искушенные, Полина с Борей пошли к отцу в Сбербанк.

Пришли в Зимняцкий хутор. Анны Кондратьевны не было. Нюрки тоже. Да Полина никого из них и не искала, а пошла сразу в Сбербанк.

Полина надеялась, что сойдется. Но нет, при встрече опять – лишь официальное рукопожатие. Он был чужим. Встретились на работе холодно. Правда, Семен глядел на Полину как-то виновато. Его сотрудники в Сбербанке, видимо, думали, что будут крики и ругань, упреки и оскорбления. Но поговорили мирно.

Семен сразу признался:

– Я женился.

Сказал, что у него семья, двое детей, мальчиков. Конечно, не стоило возмущаться. Что Полина и не сделала. Но ей стало до боли в сердце жалко, что это – настоящий конец «семейного» счастья.

– А как я? – после минутного молчания спросила Полина. – Что мне делать?

– Ты выходи замуж, – ответил он.

– А как же ты зарегистрировался? – спросила Полина, имея виду его отступничество. Но Семен решил, что Полина намекает о двоеженстве, и стал оправдываться:

– Паспорт у меня на фронте отняли, и дали военный билет. А после войны паспорт чистый дали, без печати о регистрации.

Вообще-то тогда за двоеженство Семен мог и партбилет потерять, и в тюрьму попасть. Поэтому Семен должен был бояться, что Полина может засудить его, если захочет. Но ей и в голову такая страсть не могла придти. И ему тоже, он давно подстраховался.

Семен поселил гостей в «отель» для приезжих. После «мирных переговоров» Полине стало плохо. Поднялась температура. Боря в доме приезжих подавал матери воды и лекарства.

Полина все вспоминала, как при прошлом отъезде с Дона Семен сказал ей:

– Езжай к маме. Я тебя разлюбил.

Что оставалось ей делать? Она видела, что на самом деле ему не нужна, со своей непорочностью...

В это время приоткрылась дверь – и две лошадиные морды высунулись из-за двери.

– Что вам надо? – простонала Полина.

А им и сказать нечего

– Как устроились? – спросила одна.

– Хорошо, – напрягла нервы Полина.

Какая из них жена Семена – она так и не узнала.

Все думали, приехала жена с ребенком. Вот и забегались.

Прислушивались, как первая жена устроит начальнику концерт. Но Полина себя вела, как обычно, подчеркнуто вежливо.

Особенно была возмущена тихо разыгравшейся на хуторе Зимник трагедией бухгалтерша Сбербанка.

Это та женщина, которая заочно сама познакомилась с Полиной, когда та обратилась с письмом в банк, и все время писала ей в Астрахань. Она сообщала, что Семен женился на казачке и у них родился ребенок. В письмах к Полине она все сокрушалась о ее несчастливой жизни. В свое время она сообщила, что Семен был с банком в эвакуации в Тюмени. Потом вернулся в Зимник.

Когда же эта женщина бухгалтер увидела Полину воочию, то была просто поражена.

– Я думала, что вы только самостоятельная и семейная женщина, – сказала она. – Но вы ведь красивая. А знаете, какая жена у него страшная?

И все время смотрела на Полину, не отводя глаз, с сожалением, и возмущалась:

– Зачем он так сделал, за что? Такие вы красивые, умные, а он так издевался над вами? Что ему надо было еще?

И сама Полина считала, что она, в розовом крепдешинном платье, белая, цветущая, конечно, лучше второй жены Семена, той страшной казачки с лошадиной мордой, которая приходила с подружкой.

Семен предложил Полине поехать с ним в город Серафимович, заверить справку о том, что он не будет возражать, если Полина Алексеевна Чернова выйдет замуж.

Полина согласилась. А уже в Астрахани раздумывала: на каком основании? Если они были женатыми – нужна не справка – филькина грамота, а свидетельство о разводе, которое датировано до вступления Семена в брак с другой женщиной. Значит, Семен придумал новую махинацию, за взятку нотариусу, чтобы запудрить мозги Полине и отвязаться от нее. Потому что эту справку не примет никакой государственный орган, кроме прокурора, чтобы осудить Семена за подлог и двоеженство. Какой цинизм партийца! Как говорится, спасибо не убил. Обманул, как дурочку, бедную Полину – брошенку.

А в Серафимовиче нотариус заверил согласие Семена, и выдал за взятку справочку о том, что Карин Семен Константинович не возражает против брака Черновой Полины Алексеевны с кем бы то ни было. Эта

бумажка так и пролежала в документах всю жизнь у Полины – не потребовалась.

«Раньше он велел мне уезжать в Астрахань, но просил, чтобы я замуж не выходила, – причитала Полина, вспоминая свой горький час. – А теперь, видите ли, разрешает. Когда уже сам женат... Что мне оставалось делать? Еще раз сглотнуть горькую пилюлю. И вся моя надежда – лопнула».

После этого подлога, Семен вдруг обратился к Боре и сказал:

– Боря, я твой папа.

А Боря удивленно пожал плечами, как взрослый, и хмыкнул:

– Вы – отец-есть? Хмы... Нет! Мой папа высокий, красивый. Мой папа семцев бьет» (так он называл немцев).

Видимо, Семен не понравился Боре. Семен был крайне удивлен и обижен таким обращением к нему сына. Но и Полина не меньше была удивлена. Кроме семьи, никого у Полины и в помине не было, ни высоких, ни красивых мужчин. Несколько женихов мелькнуло. Но осталась она одна с ребенком. Мать-одиночка. Даже Яша давно отстал и женился. Но не стала разубеждать Семена и доказывать, что сын фантазирует. Пусть думает: «Красивый папа семцев бьет».

Выступать Боря с детства любил. Даже когда она с ним поехала на Дон, он «выступал» перед народом, пока ждали перевозчика. Знал очень много длинных стихотворений и декламировал их с большим желанием.

В общем, Семен бросил Полину с ребенком. И встретил холодно, и проводил с подложной справкой, как чужой. Полина не стала больше себя навязывать и уехала ни с чем. Буквально через три дня они вернулись в Астрахань.

Ехали опять через Сталинград. «Все разрушено, как и моя жизнь, – размышляла Полина. – Кругом заборы, где расчищено – там дорожки. Но восстановительные работы идут бегом. И мне от горя надо бежать».

Приехала в Астрахань ни с чем, с филькиной грамотой за 1000 рублей и разбитой, в дребезг, судьбой.

А бухгалтер, которой Полина очень понравилась, выхлопотала ей алименты – 20 рублей в месяц – на четвертушку молока Боре. Полина не подавала на алименты в суд, все бухгалтерша сделала сама. Видимо, пристыдила Семена, пригрозила и заставила платить родному ребенку алименты.

После поездки в Зимник Полине пришло в Астрахань извещение, и Полина стала получать ежемесячно 20 рублей алиментов – одну четвертую зарплаты Семена. У Полины зарплата была, как и у Семена, тоже 80 рублей. Только потом Боря обратил внимание на то, что отец пять лет не платил ему ни копейки в самые голодные послевоенные годы.

А еще запомнил анекдот, который Полина сгоряча рассказала сыну, заронив в нем смутное сомнение.

Когда по достижению 18 лет, отец перестал платить алименты, то об этом предупредил в письме сына:

Выслушав эту дерзость, Полина вся загорелась и сказала Боре анекдот: «Один отец так же написал сыну: “Передай матери, что я рад больше не посылать алименты, которые платил 18 лет”. А она сказала сыну: “Передай отцу, что она рада была получать от него алименты, которые он платил 18 лет за чужого ребенка”. И засмеялась». А Боря не засмеялся, а промолчал.

Полина вспомнила, как сын однажды упрекнул ее из-за этих проклятых алиментов. Обидевшись на то, что Полина не дает ему денег, он сказал ей: «У меня есть и свои деньги – алименты». Причинил ей лишнюю боль. Разве не на ребенка она тратила все, что могла заработать?

Конечно, все со временем изменилось. Повзрослел человек – и мысли другие, и дела другие. Полина, вспоминая пережитое, не хотела кого-то обвинить или укорить. Говорила правду, а правда – у каждого своя.

Можно догадаться, что Семен женился сначала на той казачке, и к ней пришел с войны, а потом к Полине. Месяц жил с двумя женами, и расписался с Полиной без указания номера свидетельства – чтобы оно было недействительным. И Полина – была только гражданской женой. А Боря был после рождения зарегистрированным, а удостоверение о регистрации осталось на Дону, когда Полина уезжала от мужа. И Боря жил без свидетельства о рождении до 1956 года! Как сын – ублюдох! Когда спохватилась школа, накануне получения аттестата зрелости, Полина добилась от Семена, чтобы Боре выписали «повторное» свидетельство о рождении, и оно было выписано в 1956 году. Семен приехал в Астрахань к своему двоюродному брату и привез дубликат Бориного свидетельства о рождении Полине.

Самое страшное – все повторилось с Димой, незаконнорожденным сыном Бори. Мать Димы пыталась женить Борю на себе после нескольких встреч с ним. Избитый прием обмана. Но у нее номер не прошел, Боря наотрез прекратил с ней кратковременные встречи. И Полина просила ее и Диму не звонить Боре, считая ее требования воровством и шантажом. Когда у Димы вдруг умерла мама, ему было лет шесть. Боря пришел к Диме по просьбе его бабушки. Мальчик прибежал домой с велосипедом. Совершенно не похожий на Борю. Бабушка говорит внуку:

– Дима, это твой родственник.

Постеснялась назвать папой.

А Дима удивленно посмотрел на Борю, пожал плечами и протянул:

– Мой родственник? – и хмыкнул.

Как все зло повторяется у отца и сына в судьбе! Ведь шестилетний Боря так же поступил при встрече с отцом. Гены все повторяют? Хоть и причины другие.

Глава одиннадцатая ЛАГЕРНЫЙ ОТЕЦ

Прошло 14 лет. Семья у Аксины не выходила из пяти человек.

Поэтому, считала Полина, она так и не могла найти друга. Годы казались лучше, в 1948 году жизнь стала легче. Но когда в семье нет работников, а только едоки, хорошего мало.

То, что она «дочь врага народа», и поэтому может лишиться не только женихов, но и друзей и знакомых, она не думала.

Квартирант Мотя взял бы Полину в жены. Сам признался.

Сосед Мотя долго жил на Огаревой улице. Он сам ушел от жены, она спилась. Аксиныя всех жалела, и пустила его в спальню, так как все везде было занято. А сами спали абы как. Боре нравился шофер Мотя, но Полине он не нравился.

Мотя стеснялся Полины. Уважал ее искренно. Но Полина не могла его уважать, больно уж простоватый был у него вид, с полным ртом металлических зубов. Он был работягой. Да к тому – очень жадный, как все «фараоны». Он – черепашенский (Черепаша – районный поселок в Астраханской области).

Мотя как-то признался:

– Ты, Полина, лучше всех своих сестер. Я был бы рад, если бы у меня была такая жена.

Он старался помочь Полине по хозяйству, где что прибить, где починить.

Мотя долго жил у Черновых. Боря стал звать его папой. Не понятно, почему. Может быть, привык к мужчине, который относился к нему по-доброму. Полина сказала, что папой называть Мотю нельзя.

Боря сочинил стихотворение, чуть ли ни первое в своей жизни

Прибежал малыш из парка
И вопрос он задал прямо:
– Мама, что такое папа,
Я не знаю, мама... Мама!

В этом году Полину многие сватали. Аксиныя принимала ухажеров, как могла. Матвей еще жил в спальне, угощал гостей и говорил:

– Может, еще придете, а может, и нет, – и смеялся.

Он сказал как-то моей матери, лежа на кровати:

– Ты, Полина, никогда не выйдешь замуж.

– Почему? – насторожилась мать.

– Кто тебя хочет, того ты не хочешь...

Потом Моте дали квартиру. Он поселился недалеко от дома Черновых. Долго не женился. Хорошо оделся. Не пил. Потом женился на хорошенькой женщине с ребенком. Она привезла все свое приданное, а его вещи, наверное, продали. Но жили они недолго. Жена уехала, и все свое забрала.

Полина с Олей были у него. И видели, что в его квартире почти ничего не было. Мотю разбил паралич, отнялся язык. Он что-то пытался сказать Полине, но понять было нельзя. И заплакал при прощанье. А вскоре Мотя умер.

Полина с горечью повторяла иногда подружкам: «Никто меня не брал замуж из-за этой хевры. Как увидят пять ртов, всех нужно кормить, а в конце войны и после военных лет было несладко. Это кто в Торгсин золото нес, те еще как-то жили. А за нас унесли все: Елизавета, Лада, Ленька. Так что жили только на мою зарплату. А из школы ничего не унесешь, кроме двоек».

А, может быть, в Торгсин Аксинья и сдала на общий хлеб некоторые подарки, которые ей когда-то дарили Филимоновы за службу у блюда. Но все исчезло из дома. Аксинья сказала Полине в сердцах:

– Всю меня растащили. Бог им судья.

Конечно, дети растащили. Полина хоть не видела, кто воровал украшения, но знала наверняка.

А семья Аксиньи так и жила плохо. Аксинья по-прежнему ходила в ломбард, закладывала отцовские две шубы, а, как поджимал срок, выкупала. Порой даже прибегала к Полине за деньгами в школу, за получкой. А просрочишь выкуп, и останешься без шуб. Корова давно издохла. Теперь молоко покупали на Больших Исадах, но редко, денег не было.

Однако как-то выжили, только здоровья не спрашивай. Все грыжи, которые потом пришлось Полине вырезать на операционном столе, – отголоски тяжелой жизни. Но Полина часто забывала про эти грыжи, хватала тяжести не под силу. Такая была жизнь. Ведь кроме нее работников никого не было. Полина, наваливала тяжести на себя.

Тетя Шура с мужем Петей, вернувшись с Сахалина, жила у мужа на квартире, это еще когда Полины не было в Астрахани. А потом они разошлись, и Шура в 1948 году второй раз завербовалась и уехала на Сахалин. Она там вышла замуж за Виктора (инвалида войны) и три года там работала.

Родственники жили мирно, – любила повторять Полина, что, кстати, выявляло ее учительский навык, – все годы жили дружно, как товарищи. Решали все вместе, друг другу подсказывали, соглашались или уступали, соответственно тому, на чьей стороне правда. Никогда не было ни ругани, ни окриков. Боялись друг друга обидеть. А сама Полина была всегда сторожем и заступницей. Сторожем – даже единственному мужчине, Леве.

Однажды Леву, больного, два варлыгая – любовника соседки Полюси (варлыга – праздный шатун) чуть не убили. Полина выскочила, как зверь, из дома и давай их со двора гнать, вцепилась в грудь одному мужику и изо всех сил выталкивала его из ворот. Аксинья увидела, что Полину убивают, выскочила из коридора во двор и с криком за волосы стала вытаскивать Полину из этой кучи. Смех, да и только. Аксинья Полине сделала даже больнее, чем эти пьянчуги, но зато «спасла». А бедный Лева еле отдышался. Оказалось, что он заступился за дворовую собаку Полкана. Пьяные мужики

схватили цепь, на которой сидел лающий пес, подняли на ней пса и стали душить, чтобы не лаял. Худой, как рентгеновский снимок, Лева побежал к ним с крыльца и, отгоняя их, махал руками. Пьяницы в него вцепились. Тут и выскочила Полина. Вот и получилась свалка. Но все остались живы, слава Богу, хоть напугались до смерти.

Так и жили дружно, как товарищи. Так, по крайней мере, казалось учительнице Полине. А в жизни все сложнее. Для Полины, из-за отсутствия мужа, ребенок – и сын, и муж, и товарищ. Она считала это хорошо, а сын превращался в бабу, и не мог потом семью завести и сохранить. В бабьем царстве сын не видел опыта семейной жизни мужа с женой, потом поняла Полина. Так же прилежно он – жил и с бабушкой молодой. Они любили сидеть за большим самоваром пить чай, с одной конфетой на несколько стаканов. Любили вместе петь. У Аксиньи был хороший голос, и она пела с внуком дуэтом. Раз Аксинья поехала к своей подруге, дальней родственнице, в Соленое Займище. Так этот дуэт покорило все село своим пением. Боря даже позже сочинил стихотворение на эту тему.

* * *

Давай, как в праздник полагается,
С тобою, бабушка, споем.
Пусть колокольчик заливаётся
В высоком голосе твоём.

Про очи ясные влюбленные
И две гитары за стеной,
И про стаканчики граненые,
И ямщика в степи глухой...

Душа, нуждою не осилена,
И радость выплеснет, и грусть.
Твои, Аксинья-свет Васильевна,
Все песни знаю наизусть.

И кажется, ты где-то рядышком,
Звенишь незримым соловьем.
Давай споем с тобою, бабушка,
Давай веселую споем.

Боря рассказывал, что, когда читал это стихотворение на своем вечере в клубе газовиков Аксарайска, некоторые женщины плакали.

А в детстве Боря выступал по местному радио, и там, сказал, между прочим, о том, что поедет с бабушкой в Соленое Займище, собирать гербарий.

Он и раньше выступал на праздниках. Пел и довольно прилично: «Ой, сторонка моя дорогая...». Декламировал на сцене драматического театра имени Кирова стихотворение «Про Гаврюшу», как Гаврюша штыком галушки помешивал. Сцена большая, а он там, как гномик. Стоит, руками размахивает, и ничуть не волнуется. Но это Полине так казалось, что Боря ничуть не волнуется. А на самом деле, его даже замутило от страха перед выходом на сцену, так волновался. Но взрослые артисты подсказали: «Смотри на рампу, тогда людей не будешь видеть, потому что она слепит глаза ярким светом». Театр был полон людей, но Боря смотрел на рампу и зрителей не видел.

Полина определяла активность Бори в школе, незаметно от него. Договорилась со знакомыми учителями, чтобы он пел на сцене в школе, как пел с бабушкой дома. И некоторые учителя его любили. Школьная врачиха называла его «морковкой» за курносый нос, потому что Полина часто обращалась к ней за советом о его здоровье. А у него были частые ангины, головные боли, и ныло в правом боку не известно по какой причине. Когда он смеялся, врачиха повторяла ему с улыбкой: «У тебя закрываются глаза, когда смеёшься, наверное, потому что кожи не хватает. И глаза черные, потому что плохо их моешь». А Боре было еще больше смешно от этих слов.

Мать контролировала поведение Бори и на улице, выбирала ему «порядочных» друзей, с которыми он потом несколько лет дружил, или водился. Боря дружил с ребяташками по двору, Димой и Поздняевым. Всегда между собой спорили, и Боря старался брать верх. Его противный хвастливый голос был слышнее других голосов на улице, и Полине это не нравилось. Она останавливала Бору: «Не хвались! Не зазнавайся, а то с тобой никто дружить не будет».

Боря любил бабушку «старенькую» (прабабушку Пелагею), которая рано умерла, и бабушку «молодую», Аксинью. Учился Боря в начальной школе очень хорошо. Его даже выбрали председателем совет пионерской дружины.

Любил Боря ходить на базар за овощами и в магазин за хлебом. И мороз его не сдерживал. Только покраснеет. Стал здоровенький. Ничем не болел, кроме каких-то приступов. Раз ему стало плохо, когда он сидел на крыльце слевой. Полина переполошилась, побежала с ним к профессору, который жил недалеко. Лычманов посмотрел его тщательно и сказал, что «ребенок плазматичен». Все пройдет, нужен покой.

А о своем здоровье Полина узнала, когда с учителями своей школы проходила диспансеризацию. Врачиха направила ее на рентген в поликлинику на улице Яблочкова. Полину осмотрели. И старушка-рентгенолог ее спросила:

- Вы не болели туберкулезом?
- Нет, – испугалась Полина.
- Давайте проверимся.

И дала Полине направление в тубдиспансер. Там Полину тщательно посмотрели, и на другой день врач спрашивает:

– Вы, Полина Алексеевна, наверное, всю ночь не спали?

– Да, – тревожно призналась Полина. Боялась, что ей, туберкулезной, запретят преподавать в школе.

– Так вот, это у вас были очаги Гона когда-то, лет десять тому назад, осеменение левого легкого. Но все это зацементировалось. Вы лечили?

– Нет.

– Значит, сам организм справился.

Полина рассказала, что ела жареную рыбу, когда работала в Рыбсбыте.

– Вот-вот, это – как сварка. Больше они не воскреснут. Но если будет причина, могут рядом возникнуть. А сейчас у вас ничего нет. Работайте спокойно. Вы – здоровый человек.

Так Полина уверилась в том, что она сама себя вылечила.

А у Бори болел правый бок много лет. Каких только диагнозов врачи не ставили. И каждые школьные каникулы он лежал на обследовании в больницах. В том числе лечили и от туберкулеза – стрептомицином. У него стали даже руки трястись. А во рту все время чувствовался вкус печенья, которое приносила мать ему в больницу. На большее денег не было.

Дошло до того, что признали мальчишку симулянтом.

После окончания мединститута сестра Настя уехала в Магадан на работу. Видимо, она решила давно распределяться после института туда, куда отправили ее отца в заключение на десять лет. Но десять лет кончились в 1944 году, а отец из Сибири не вернулся.

Полина все время разыскивала отца по просьбе Аксиньи, да и по велению сердца. Писала в разные инстанции. Однажды ей ответили в НКВД, что Чернов Алексей Тимофеевич умер от сердечной недостаточности в 1944 году. Совпадение смерти со сроком отсидки настораживало. Полина шла домой из НКВД и всю дорогу плакала. А потом вспомнила: после войны отец прислал из заключения свою фотокарточку, где написал «1945 год». «Пятерка» ей, учительнице, врезалась в глаза. Полина пришла домой, и лихорадочно стала искать эту фотографию, потому что карточку получили нелегально и хорошенько запрятали. Нашла. Отец сфотографировался там, на Колыме. Пополнел. Хорошо одет. Полина решила написать ему письмо, и дождалась ответа. Но Боре об этом Полина никогда не говорила.

Боря знал, что его дедушка живет далеко. Все старались даже близким не говорить, что они – семья «врага народа», так боялись за свое будущее.

Это и надоумило Настю после окончания мединститута собраться на работу в Магадан. Настя приехала в Магадан молодым специалистом, врачом. И такая проныра, все-таки нашла отца на поселении.

Алексей Тимофеевич отсидел-отмучился десять лет заключения. А потом его оставили на поселение там же, в Магаданской области. Согласия не спрашивали.

Он жил уже с другой женой, с эвенкийкой. Она помогала своему сыну, а о детях отца не знала. Да Алексей Тимофеевич никогда не позволил бы себе явиться к детям с пугающим тавром «врага народа», чтобы своим появлением не испортить им карьеру и всю дальнейшую их жизнь. Хотя они этого, наверное, не понимали. Бедные люди.

А с Настей, наверное, отец договорился о молчании до гроба. Но дал дочери пять тысяч рублей, а 200 рублей, якобы выделил остальным детям. А Полина даже допускала, что Настя не поделилась поровну с семьей большими деньгами. И только 200 рублей дала Полине. Боре купила костюм вельветовый, а себе с Аксиньей купила крепдешину на платье. Полина решила сфотографироваться с сыном, и пошла в фотоателье на главной Советской улице. Боря был в новом темно-синем вельветовом костюме и новой фуражке, а Полина в демисезонном пальто цвета кофе с молоком, как новое платье, и в черной широкой шляпе. Фотограф велел ей немного наклонить голову к сыну. Получилось очень хорошо. Как же они похожи, особенно глазами. И видно на фото одинаковый вырез ушей.

Настя сказала, что призналась отцу о семье: пять человек с Аксиньей. А он сказал второй жене, что она умерла. Позже отец прислал Аксинье 2000 рублей. Ей, конечно, был еще один удар. Она совсем сникла от того, что ее муж Алексей Тимофеевич не вернулся в семью. И не вернется никогда. И надежды больше нет. «За что же это, Господи?» – заплакала Аксинья.

Только много позже, когда можно стало говорить вслух о ГУЛАГе, Боря рассказал Полине, что пережил дед Алексей Тимофеевич в заключении. Узнал о Дальстрое из каких-то газет.

Боря рассказывал, что поселок Ола расположен на берегу Тауйской губы Охотского моря, в 30 километрах к востоку от Магадана. Как же далеко пришлось Насте ехать от Магадана к отцу в поселок Ола, на собаках не добраться, наверное.

Это один из старейших на Охотском побережье поселков. Он стал первым центром освоения Золотой Колымы. Название поселка объясняют так. Ранее река Ола была известна как Кола, что по-эвенски означает «ковш», о чем напоминает изгиб реки у селения.

В 1928 году на территории этого района высадилась первая Колымская экспедиция под руководством Юрия Билибина, с которой началось великое освоение Северо-Востока. А в 1934 году бедного отца 12-ти детей Чернова погнали сюда в цепях «осваивать» эти безлюдные холодные просторы.

В 1937 году здесь организован совхоз «Ола». Может быть, давая тюремный срок, насильно заселяли район рабочей силой из заключенных.

Постановлением Совета труда и обороны СССР 516 был организован Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы — Дальстрой. Этому тресту были поручены

разработка, поиски и разведка золоторудных месторождений. На золотые разработки, отца, конечно, не посылали.

Район деятельности Дальстроя неоднократно расширялся постановлениями СНК СССР. А подразделения Дальстроя обслуживались заключенными Северо-Восточного ИТЛ (СВИТЛ), находившегося с момента организации в подчинении Дальстроя. СВИТЛ по вопросам, касавшимся работы лагеря, был подведомствен ГУЛАГу. Лагерные подразделения, расположенные на территории соответствующих производственных управлений, были не самостоятельными лагерями, подчиненными непосредственно Дальстрою, а лишь частями единого Северо-Восточного ИТЛ. Функция ГУЛАГа сводилась фактически к выполнению спущенных вышестоящим органом разрядок на отправку определенного числа заключенных в распоряжение СВИТЛага. Значит, точно, Чернов Алексей Тимофеевич с 1934 по 1944 годы был узником ГУЛАГа.

В войну поселок перешел на самоснабжение. Вылов рыбы увеличился вдвое. Отец мог участвовать в лове рыбы. Он раньше, на воле, был мастером обработки рыбы. Настя говорила, вроде, что отец умел хорошо коптить рыбу, и коптил ее там для лагерного начальства.

И в каких же страшных условиях он жил? УНКВ Колымы производило массовые аресты среди вольнонаемного населения, в частности, были произведены однажды аресты большой партии инженеров и техперсонала. Основанием к аресту послужило отставание в выполнении плана. НКВД силой добывало показания от арестованных. Вызывали на допрос и задавали один, похожий на утверждение, вопрос:

– Вы изобличаетесь в том, что являетесь участником контрреволюционной группы.

Затем, несмотря на все отрицания, ставили второй вопрос:

– Состоя в контрреволюционной организации, вы проводили активную контрреволюционную агитацию среди заключенных.

Потом силой заставляли подписать протокол допроса. И этого уже было достаточно – протокол допроса и обвинительное заключение поступали на рассмотрение Тройки УНКВД, а у нее решение одно: расстрел. И проверять никто не будет.

Кошмар! Мало того, что отец отсидел 10 лет. Он мог быть также опять репрессирован заново за «невыполнение плана». Отец такой огромный, здоровяк. Сколько его надо было бить, чтобы сломить? Опять, как говорила Настя, «ему приходилось крутиться», чтобы выживать.

Если человек вдруг заболел, его обвиняли как отказчика. Даже если был осужден за уголовное преступление, он мог стать политическим. Приписывали контрреволюционный саботаж, и за это по новому закону стали расстреливать. Чернова ведь приговорили сразу к расстрелу по 58-й статье, потом помиловали. А могли, значит, и после 10 лет отсидки расстрелять. «Боже Праведный! Царица Небесная!» – крестилась, узнав об этих ужасах Полина.

Единственное, что могла сообщить Настя Аксиные, что отец передал о слухе, будто бы Андрюша собирался бежать с несколькими зеками в Америку. Судя по всему, дочери эту новость домой надо было нести с закрытым ртом. Если бы отец попытался что-то узнать об Андрюше, сразу был бы расстрелян. «Бежать – смерть, и не бежать – смерть», – тихо сказал Насте отец.

27 марта 1953 года, всего лишь через три недели после смерти И. В. Сталина, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии» для всех заключенных ГУЛАГа, чей срок не превышал пяти лет. Но эта амнистия не распространялась на заключенных, осужденных на 10 - 25-летние сроки за бандитизм, умышленное убийство, за контрреволюционные преступления и за хищения социалистической собственности в особо крупных размерах. Чернов под амнистию не попадал. И оставался на поселении.

Однако, позже, после встречи с Настей, он смог все же уехать из Сибири с женой эвенкийкой и ее сыном на родную Волгу, под Саратов, к дальней родне. Неужели Настя не переписывалась с отцом, поселившимся под Саратовом? Боялась сказать Аксиные? А кто-то из родни пропавшего без вести Андрюши виделся с Алексеем Тимофеевичем и прислал письмо тете Шуре, что Чернов объявился под Саратовом.

Полина, только после таких подробностей о ГУЛАГе, поняла, каково было Насте поехать и три года работать в этом аду. Настя могла рассказать только о том, как боялась делать операцию ребенку одной эвенкийки, от лечения которой отказался даже шаман. Она делала операцию под пристальным наблюдением аборигенов и самого шамана, ждущими момента, чтобы ее растерзать, если ребенок на «операционном столе» в большой юрте помрет. Однако Настя смолчала про то, что сотрудник НКВД мог ее просто расстрелять «за халатную работу» или отправить в заключение в местном Северо-Восточном исправительно-трудовом лагере ГУЛАГа. В тот лагерь, который десять лет терзал, и десять лет держал под надзором ее отца. Вот когда Настя стала замечательным врачом. А сколько медиков, работавших в Дальстрое, затем были репрессированы и расстреляны!

Не знала Полина (старалась не догадываться), что уже тогда Настя близко общалась по секретным делам с мужем Полининой подруги по рабфаку Клавдии. А дела эти были связаны с работой НКВД в Астрахани. Боря однажды сказа Полине, что сам подсмотрел, как Настя с Александром Александровичем закрывались в спальне в доме Аксины. Это, наверное, и помогло Насте съездить к отцу в лагерный поселок Ола и живой вернуться от туда домой. А у Полины с Клавдией дружба потихоньку затихала. И не случайно, наверное.

После встречи с Настей Алексей Тимофеевич Аксиные больше не помогал. Видимо, эвенкийка, его жена, не разрешала, помогала только своему сыну.

В том далеком 1950 году Боря радостно бежал в новом вельветовом костюмчике по Набережной 1-го Мая реки Канавы в начальную школу № 8. Его выбрали председателем совета отряда, и сегодня он поведет школьный отряд пионеров на торжественную линейку на областной пионерский слет в обкоме комсомола. Правда, ему не нравилось, что новые брюки не длинные, а застегиваются чуть ниже колен. Он давно мечтал о длинных брюках, да подаренных Настей денег не хватило. Потом он рассказывал Полине, как звонко отчеканил рапорт председателю совета областной пионерской организации, закончив словами: «Рапорт сдан». Но забыл дождаться ответа: «Рапорт принят», и пошел к своему отряду в актовом зале. Но все обошлось хорошо.

Не смотря на то, что Настя приехала из Магадана через три года, с работы ее не отпустили, считали, что она должна вернуться в Магадан. И устроиться на работу в Астрахани Настя поэтому не могла.

Полина решила ей помочь, хотя, конечно, боялась строгости властей. Она поехала поездом в Москву. Там нашла Министерство здравоохранения. Пробралась к министру, без спроса, напролом. И у него всё же добилась разрешения, чтобы больную гипотиреозом Чернову Анастасию Алексеевну отпустили из Магадана в Астрахань к больной раком матери.

Только тогда Настя устроилась на работу в Астрахани, и вскоре вышла замуж за Пашу.

Многое для ребенка должно быть покрыто тайной в семье, считает Полина. И порой, до конца жизни ему неизвестно, или известно в искаженном виде. И Полине приходится с этим мириться, чтобы не навредить своему Боре. Да потом, и просто неудобно сыну говорить матери о своих женских проблемах.

Так, покрыты тайной для Бори редкие встречи Полины с Василием Васильевичем. Она познакомилась с ним в Саратове, на учебе в Институте усовершенствования учителей. Полина туда приехала в 1949 году, и занималась на факультете по физике. Василий Васильевич приходил в гости к Черновым. Он, как-то говорил, что в Институте усовершенствования учителей понял, что физику не знал. А был хорошим физиком. Он был маленький, жилистый, черный, весь собранный, крепкий мужичок. Лицо умное, приветливое. Видимо, он ухаживал за Полиной. Но тайно, будучи женатым, отцом кучи детей, он приходил в гости к Полине, как друг, считал Боря. И Боря его очень уважал. Он научил его решать любые задачи по физике с помощью закона сохранения и превращения энергии.

Были и другие женские тайны от сына.

Борю все время надо было спасать от разных болезней. Видимо, Семен это предвидел, сказав, что Боря маленьким ребенком умрет. Сколько детей умерло в годы войны. Сначала Полина заглушила Борину диспепсию сульфидином. Потом залечила рыбьим жиром рахит – ножки стали

выпрямляться, а живот уменьшился. Может, одна болезнь давала начало болезни следующей. Теперь у Бори постоянно болело в правом боку.

И выглядел сын Полины в детстве маленьким старичком, давал всем советы, и достаточно разумные. Так назвала его учительница Алина Ивановна, когда возила Борю со своим сыном Бражкиным Петей и другими детьми в санаторий на Черное море в Геленджик. Это было во второй раз. А в первый раз Полина по путевке из школы отправила Борю в Геленджик на Юг с другим учителем, мужчиной, когда Боре было 6 – 7 лет. Оттуда через Волгоград они вернулись в Астрахань пароходом. Полина встречала сына на пристани. Боря увидел ее в толпе встречающих, и так был рад, что было слышно на берегу, как он кричал, бегая по палубе:

– Вон, вон моя мама! Мама!

Неподкупная наивность. Штанишки держит. То ли похудел, то ли пуговица оторвалась, но он бегал по палубе, держа их, и кричал:

– Это моя мама, моя мама.

А когда обнялся на пристани, и Полина привела его штанишки в порядок английской заколкой, Боря оживленно стал рассказывать:

– Мама, я там выступал, пел. Тянул-тянул, как Лемешев.

Но боли в боку не проходили. Иногда поднималась высокая температура, до 42 градусов. Бежит – и присядет. Полина несколько раз клала Борю в больницу, там ставили разные диагнозы. Настя, врач, подсказывала Полине:

– Ты – мать, настаивай в больнице, чтобы сделали рентген.

Полина попросила сделать Боре рентгеновский снимок живота, а врач ответила:

– Мы не делаем.

Полина тогда решительно сказала:

– Я не возьму сына до тех пор, пока не сделаете рентген. Я знаю, что рентген делают.

И врачи дали Боре выпить барий и сделали рентгеновское обследование живота ребенка. Ничего не нашли.

Боря даже запомнил, как стоявшая рядом хромоножка детский врач попросила:

– Давайте посмотрим ниже.

Сначала не хотели, но все же посмотрели, и увидели большое пятно – камень правой почки, он уже был у мочеточника. Камень двинулся, стал ранить, и появилась в моче кровь. Полина забрала Борю домой, чтобы показать специалисту.

Тогда врачи больницы забегались. Пришли к Полине домой за соглашением делать срочную операцию Боре, в июле месяце – в самую жару в Астрахани:

– Мы его переводим в Александровскую больницу на срочную операцию.

Но Полина им уже не доверяла, и подписала отказ от лечения. Так из-за этого больница даже не дала ей выписку о состоянии здоровья и диагнозе больного ребенка, побоялась скандала.

Настя привезла домой врача-светило Лычманова. Он посмотрел Борю, его рентгеновский снимок и авторитетно сказал:

– Камень большой, как чилим. Сам не выпрыгнет. Надо делать операцию. Везите ребенка на поезде в Ленинград. Там прохладнее, а у нас сейчас астраханская жара. И самолетом не надо лететь – большая нагрузка может навредить. Осторожно езжайте на поезде.

Настя нашла друга-сокурсника, который знал профессора Смирнова в Ленинграде. Друг написал маленькую записку: «Женя, сделай все, что от тебя зависит». Но нового адреса профессора сокурсник не знал.

И Полина поехала в этот же день в Ленинград, так как была в отпуске. По приезде в Ленинград обратилась в адресный стол по бывшему адресу.

– Адресат выбыл, – ответила ей девушка. – И неизвестно куда.

У Полины сердце «упало». Но в справочной такая милая девушка, стала расспрашивать ее, сколько лет профессору. Однако у Полины были скудные сведения о профессоре. Ему примерно 60 лет, и все. Девушка долго искала и нашла. Обе обрадовались. А Боря в это время рядом гнулся от боли – камень сигналил.

Где остановиться в Ленинграде? В гостинице очень дорого. Еще в Астрахани, Полина узнала, как найти квартиру бывших знакомых Кьянских, которые жили с семьей у нее в доме квартирантами в 1934 году. Эта высланная семья Кьянских жила бедно, но дружно. Две девочки и муж с женой и братом. Пять человек в одной комнате. Их реабилитировали, и они вернулись в Ленинград. Благодаря помощи добрых людей, Полина их быстро нашла. И сейчас у них была одна комната 9 квадратных метров. Девочки выросли. А вот брат, прекрасный человек, умер во время блокады. На лето к ним еще приехала погостить сестра мужа из Киева с двумя малышами. Конечно, негде было остановиться. Но они Полине все же не отказали. Она оставила у них чемодан и побежала с Борей с гостинцами искать профессора по полученному адресу.

Подошла к указанному дому. Двор-колодец, четыре стены восьмиэтажных домов. Полина оставила Борю во дворе. И пробегала по многим этажам, не знала номер подъезда. Потом стала искать по табличкам с фамилиями жильцов – и вдруг удача. Она нажала на звонок с замиранием сердца – вдруг пусто. Дверь открыла жена профессора. Он еще не ушел на работу. Рано.

Полина сказала, что она из Астрахани. Подала скромное письмо. Профессор провел Полину в свой кабинет. Она мельком оглядела комнату – кругом картины, шик и блеск. Блязно. Но профессор сразу развеял скованность Полины своим признанием:

– Я ведь тоже из Астрахани.

И нервы не выдержали – Полина заплакала. Он стал успокаивать ее и сказал:

– Не плачьте, а идите по маршруту, – он написал номер автобуса и название Академии имени Вишневого. – Поезжайте девятым автобусом, он там, у больницы останавливается. Входите в приемную и ждите, когда вас вызовут. Я позвоню.

Полина поблагодарила. Оставила на кухне осетра и три килограмма черной икры и побежала, подхватив сына, к автобусной остановке. А Боря часто останавливался, хватаясь за бок, как старичок.

Полина быстро нашла Военно-морскую медицинскую академию имени Вишневого.

Она невольно сравнивала отношение людей в Астрахани и в Ленинграде. Это было небо и земля. В Ленинграде каждый, к кому она обращалась, подробно объяснял, а другие даже вышли из транспорта, чтобы показать дорогу в Военно-морскую академию.

Полина увидела огороженный парк и в глубине его – многоэтажные здания. А с улицы вход в приемную. Полина выполнила все, что сказал Смирнов.

Прошло не более 10 минут, и открылось окошко. Назвали фамилию: «Чернова». Полина подбежала. Сказали:

– Проходите и ждите в здании на углу.

Так Полина с Борей попали в регистратуру.

Там спросили:

– Вы к кому?

– К Евгению Васильевичу, – ответила Полина.

Вскоре профессор показался со свитой врачей. Полина его даже не узнала в халате и белой шапочке. А он сказал всем:

– Этого мальчика нужно положить. – И ушел.

Борю сразу увели, вымыли и переодели.

А Полину стали спрашивать, чем Боря болел. Всё записали.

Спросили:

– Что у вас есть? Направление?

– Мне не дали, – испугалась Полина.

Ее успокоили:

– Но ничего. Сейчас мы заведем карточку.

Расспрашивали корректно, уважительно. Полина и не знала, что подумать. Она была молодая, видная, прилично одетая, с косой вокруг головы. Вдруг что подумают плохое про профессора!

В регистратуре всё сделали за считанные минуты, без всяких затруднений.

А в коридоре Боря, в белом халате до пола, как попенок, увидел Полину и крикнул:

– Мама, меня положили.

На нем длинный халат, потому что маленького не было, ведь там лежали только взрослые.

Десять дней его обследовали. Видно было, как он переживал, лицо его обычно улыбающееся, помрачнело. В палате, где он лежал, были все взрослые мужчины. Все 10 дней Полине сообщали о самочувствии сына. И за это Полина была очень признательна. Ей понравился лечащий врач, очень симпатичный ассистент. Через 10 дней он организовал Полине встречу с профессором Евгением Васильевичем.

Профессор сказал Полине Алексеевне:

– Операцию буду делать я сам. А вести его будет опытный ассистент. Водичка ваша дала о себе знать. Вот и образовался камень.

Полина решила послать с Борей ассистенту в конверте 100 рублей. Но тот подошел с Борей к ограде и вернул конверт со словами:

– От вас я этого не ожидал.

Полина вся вспыхнула. «Конечно, мало!» – подумала она.

И все же после операции послала ассистенту по почте 300 рублей, большего не смогла. Она даже не смогла купить больше одной помидорины больному Боре в день, которая стоила три рубля штука.

Две тысячи еле собранных рублей перед отъездом из Астрахани Полине чуть хватило на эту операцию сыну.

Полина жила у Кьянских в Ленинграде целый месяц, повезло, что все они уехали на дачу, а ее оставили одну в квартире. Может, так решили уехать, пожалев Полину? Вдруг к ним в квартиру пришел интеллигентный мужчина. Полина открыла дверь, гость спросил Василия Ивановича Кьянского.

– А вы кто? – спросила Полина, пригласив его пройти.

Гость оказался чудным собеседником, знающим хорошо своего друга. И Полина проболтала с ним целый час. Он рассказал о себе много смешного. Смеялись от души оба. Как они с профессором хвалились уловом, когда ходили на рыбалку: «Поймали вот такую рыбку, – размахнул гость руки. – Тащим – крестим». А на самом деле поймали малька. Полине было очень приятно поболтать с таким обходительным человеком. Угостить его она не могла, потому что ничем в квартире не пользовалась, а ела в кафе. А вернее, ничего почти не ела. Но гость от души был рад слушательнице. Полина поняла: чем ни выше человек, тем он проще. Как будто знакомы с ним целую вечность.

А много позже Боря сказал ей: «Может быть, это проверял тебя кто из НКВД»...

С сыном Полина встречалась каждый день. Пустили мать к сыну и в день операции. Она ждала внизу, и ей мужчины из Бориной палаты сообщали, в каком часу его взяли на операцию и когда привезли. Был он в операционной четыре часа. Потом показался сам Евгений Васильевич и сказал Полине Алексеевне:

– Пока все благополучно. А там видно будет. Идите в палату, посмотрите, какой он розовенький лежит.

Полина влетела в палату, а Боря еще не проснулся.

Наконец, он открыл глаза, поводит ими по комнате, и вдруг увидел ее, наклонившуюся над ним.

– Мама!

Какая радость на лице. И благодарности полны его глаза. Полина все время была вообще неменяемой, и с той лишь минуты стала постепенно оттаивать. Сделал операцию сам профессор.

Но Боря на другой день стал задыхаться, дышал кислородными подушками. Потом ему полегчало. Камень был большим, твердым, с шипами, как астраханский чилим (водяной орех). Не разобьешь молотком. Но после хранения камень весь рассыпался.

Конечно, Полина отблагодарила профессора Смирнова. И хранила эту большую благодарность всю жизнь. За то, что сделал операцию очень удачно, а главное, по совести. И посоветовал уезжать Боре из Астрахани от волжской воды.

На прощание сказал:

– Тридцать лет, обещаю, что камня не будет.

И не было, слава, Тебе Господи.

Все же Полина за этот месяц в Ленинграде успела увидеть многое. Посещала Эрмитаж четыре раза, и только один раз с Борей. И все попадала в разные комнаты, новые, красивые, не забываемые. С Борей съездила в Петергоф. Была поражена этой сказкой. А Боре, видимо было еще не до красоты, или не понимал еще красоту Самсона и фонтана Шутиха. Обычно Полина была на дворе до 11 часов ночи, читала книгу. Когда спросила сидящих поодаль соседей:

– Сколько времени?

Ей ответили:

– Одиннадцать.

– Это что, утро? – удивилась Полина.

– Нет, это – белые ночи.

Народ ленинградцы – незабываемый. Но его, говорят, испортило время, а не война. Люди в войну спасали не только себя, но и красоту и ценности до последнего издыхания.

Через десять дней после операции Полина с Борей уже поехали в Астрахань на поезде. И благополучно возвратилась домой через Москву.

Глава двенадцатая **ТАЙНА СВИДАНИЯ**

К Полине быстро привыкала домашняя живность. У нее долгое время был козлик. А потом появился петух. Нерастраченной любви у одинокого человека остается много.

На улице Огарева в Астрахани, где Черновы прожили с 1944 до 1956 год, ворота не запирались. Как-то во двор забежал беленький цыпленок. Полина его выгнала, а он опять пришел, видимо, заблудился. Тогда Полина взяла его в дом, накормила, и он начал у нее жить. Захочет в туалет – стоит у двери и ждет, кто пойдет, отворит дверь, быстро сходит по нужде – и опять возвращается в комнату, когда откроют дверь. Полина Алексеевна в это время работала в школе № 59. Когда уходила на работу, цыпленок ходил за Аксиньей. А иногда взлетал ей на голову и удерживался, не падал, когда она хлопотала по хозяйству. Она все удивлялась.

Когда Полина приходила с работы – цыпленок устремлялся к ней. Следил, как только она сядет работать, проверять тетрадки и писать планы, – он взлетал на левую руку, и, сидел на её руке, как на шестке в курятнике. Старался не поранить руку, не запачкать. Ждал, когда Полина кончит писать. А когда она вставала, слетал на пол и не мешал. Так он рос один, без кур.

Соседский петух как его завидит, так – в драку. Приходилось помогать ему, отгонять соседского драчуна. Вырос ручной цыпленок в большого, красивого петуха. А гребень у него – широкий. Вот и клевал этот гребень соседский петух до крови.

Стал Полинин петух уходить гулять к курам, на берег реки Кутума. К вечеру он бросал чужих кур, которые паслись на берегу, и возвращался домой торжественным шагом. Улица от дома – прямая, выходила на мелкий Кутум, а дом был возле реки, у Ямгурчевского моста. В пять часов вечера Полинин «любовник», как Аксинья его прозвала, идет по Огаревой с конца на конец улицы.

Раз Аксинья позвала Полину и говорит:

– Смотри, вон твой «любовник» идет.

А петух – красивый, крылья с позолотой, ноги длинные – торжественно шел домой.

Подходил к дому, пролазил под воротами – и давай есть. Ел все, что и хозяева. Если Полина дома – он терся о ее ноги, чтобы она подставила руку, как насест, и так сидел вместе с Полиной. Она работает, а он дремлет на руке. Все хочется ему прижаться к ее щеке своей тепленькой щекой. Такая у них была любовь.

Но любимого нельзя никому отдавать. Рядом семья развела много кур, а петух-драчун у них издох. Соседка попросила:

– Дайте вашего петуха на время.

Полина отдала любимца. Ждет-пождет, а петуха всё не несут. Полина спросила соседку:

– Сима, ты что не несешь петуха?

А она чуть не плачет:

– Погиб он, боюсь сказать, – сокрушалась соседка. – Напали на него вши. Я и мазала, и отпаивала его, но не помогло.

Видимо, наклевался вшей – и отравился. А они напали на него – от тоски.

Может, от тоски по Полине с Аксиньей. Так и люди от тоски погибают иногда.

Хорошо жить, когда соседи хорошие. А в тот год случился пожар у соседей. Полина, Ленька и Боря залезли на крышу своего дома и поливали ее водой, чтобы самим не загореться. Горящие доски отлетали с задней Туркестанской улицы во двор на Огаревой. Дежурили всю ночь, пока соседский дом не потушили пожарники. Сами домой вернулись все измазанные сажей, с царапинами и мелкими ожогами от летящих горящих головешек. Но довольные – отвели беду.

А к осени все угорели. Полина истопила печь, вроде хорошо догоревшие угли промешала, пока они не потухли, и закрыла трубу. Полина с Борей спали в темной комнате, Настя – в спальне, а Леня – в прихожей. Ночью Полина проснулась от головной боли. Аксинья спала в другой половине дома. Полина тревожно добежала до большого стола и чувствует, что падает без сознания. Приползла к Насте. Сестра вскочила, поняла, что угорела, разбудила Леню. Он схватил ее на руки и упал вместе с ней на пол, но поднялся и вынес Настю в коридорчик. Расстелили одеяло, принесли подушки. Ночь, прохладно. Тишина. Полине показалось, что Боря спит спокойно, не угорел. Но разбудила его, а он сел в трусах на рундук, и его стало мутить и тошнить. Разбудили Аксинью. Настя велела греть скорей воды и прикладывать компрессы к голове. Все лежали в коридорчике с открытыми дверями.

Аксинья всех угоревших до утра отходила.

Настя, по мнению Полины, никого в семье не воспитывала. То сама маленькая была, то училась, а как кончила институт, так уехала, а как приехала – вышла замуж, и чтобы не возиться со всем этим «хороводом», отделилась, а потом уехала в Подмосковье.

Когда Настя с Полиной на Дону жила, тоже верховодила, не раз Полине приходилось плакать от нее в Клетской Почте. Начнет ей платье шить или юбку, так она доведет до слез. А юбку из половины метра шила – вот еще когда у нее был тяжелый характер.

Даже когда Настя отдельно жила от Полины, Ирина – квартирантка – как-то не выдержала, сказала:

– Почему, Полина Алексеевна, Настя так кричит на вас, как на подданную? Поставьте вы ее на свое место.

А подружка Ната Алексина ни разу при Насте не пришла к Полине домой, объявив:

– Не хочу ее видеть за ее обращение с тобой. Свысока, как будто ты дурее ее, и не достойна ее уважения.

Вскоре Настя нашла жениха Пашу – сущего бобра. Щечки пухлые, глаза на выкате, шея толстая, сам упитанный, мичманка на бочек, бывший морячок. Он быстро наложил лапу на все оставшееся домашнее барахло. В доме были прекрасное трюмо, комод, гардероб, большой стол с резными

ножками, кровати, стулья. Все добротное. И Полина молчала, хоть про себя и обижалась на Настю. Вернее, больше ворчала неслышно на себя:

«Все мое пресмыкательство – идет с детства. Я не знаю, почему отец не любил меня, когда я была маленькой. Называл меня – «тухлятью», потому что я очень медлительная была, ела тихо, с опаской. Настя до сих пор покрикивает на меня».

Настя была любимой дочкой Аксиньи, потому что все время болела и ее рвало. Поэтому Аксинья выкраивала ей получше кусочек, а Полина – и так все съест. Так же относились к Насте и тетушки Оля и Шуранька.

Повзрослевший Боря как-то решил переломить эти отношения. Сказал и маме, и тете Оле, и тете Шуре, своей крестной матери:

– Почему вы все Настеньке стараетесь угодить? Моя мать не меньше о вас заботится. Вы просто привыкли только Насте служить. А у нее теперь и муж, и деньги, и положение на работе хорошее.

Они удивились, но прислушались к Боре. Стали меньше носиться со своей Настенькой, и Полине больше уделять внимания и заботы. Настя и Паша Борю за это невзлюбили. Но он остался непреклонным. Он, конечно, был благодарен Насте и дяде Паше за все хорошее, обиды – не стал вспоминать. Но уважение к Полине и к себе всегда готов отстаивать.

И Полина старалась ловить проблески внимания, когда Настя называла ее: «Сестрица!» И то лишь тогда «сестрица», когда ей что-то от Полины было нужно.

Полине было обидно, что Насте удалось найти Пашу, а ей не удавалось выйти замуж. Раньше Яша писал письма из Тюмени, когда у Полины был уже сын. И она приходила к его матери узнать новости о Яше. Но Яшина мать сразу плохо приняла Полину, с выговором. Видимо, из-за того, что она дочь «врага народа». Хоть и не признавалась в этом. Но Полина сначала это еще не понимала. А Яша любил свою мать, поэтому послушался ее, когда она нашла ему жену – свою квартирантку. Яша женился втихомолку. Полина все думала, что он в Тюмени, а он оказался уже в Астрахани.

Как-то Полина с Настей увидели Яшу в Астрахани, в ограде церкви на Татарском базаре. Настя первая заметила и узнала Яшу:

– Полина, это Яня. Да вон там с девушкой, нашей медсестрой-студенткой, – показала Настя за ограду церкви, и Полина сразу увидела Яшу. – Эта девчонка говорила, что выходит замуж за инженера. Оказалось – за Яшу.

Так Полина узнала, что Яша уже окончил институт, был теперь инженером, а не шофером.

Полина разглядела его жену. Хорошая на вид, молодая. И училась в медицинском институте. Вот так сыграла судьба с Полиной горькую шутку.

Она видела еще и еще Яшу. После он предлагал Полине, чтобы быть «и с ней, и с женой». Но Полина не согласилась стать его любовницей.

А в это время знакомый преподаватель английского языка Саша пришел в дом на Огаревой улице с матерью сватать Полину. Аксинья, как

всегда, принимала гостей хорошо, накрыла большой стол широкой скатертью, которую Полина успела купить в хуторе Зимники.

А на другой день к Полине вечером пришел Яша. Постучался в парадную дверь. Полина открыла – смотрит – Яня. Она не стала приглашать гостя в дом. Пока стояли, Яша объяснял, почему не может жить с женой. Помнит, как дружили с Полиной все пять лет. И подчеркнул:

– И ни одной запятой не сделал.

«Он меня берег? – подумала Полина. – Готовил в жены».

И почему-то обозлилась за это на судьбу и сказала Яше:

– Та за запятыми пришел? – И с силой хлопнула в слезах дверь.

– Чуть парню нос не прищемила! – рассказал на другой день милиционер.

Участковый видел эту встречу.

А может, был обязан все видеть, чем живет семья «врага народа».

Последнюю надежду Яня растерял. Полина думала, что они поженятся после войны. А он предательски женился, в тихую. Уступил маме. Тоже маменькин сынок. Или назло Полине, что без него вышла замуж за Семена. Да неудачно вышло. Вот и жизнь у него получилась не такой, как хотелось. Так, значит, было суждено.

Полина устала так жить, устала от всех дрызг. Ей было много лет. Это было в 1954 году. И однажды сказала Аксинье в сердцах:

– Если придет хоть татарин – я соглашусь выйти за него замуж!

Вон, её подруга Ната вышла замуж за татарина.

И как будто услышал Иван Иванович Черкесов. Правда – русский, не смотря на фамилию. Написал ей письмо, сделал предложение. И Полина согласилась выйти замуж за него, преподавателя пединститута, отца двух маленьких детей.

Тайной для Бори был в это время у Полины знакомый Аксенов. Они встречались, видимо, когда он мог приехать в Астрахань. Но он никогда не попадался Боре на глаза. Только в альбоме намного позже Боря увидел его фотографию с несколькими словами на обороте. Видимо, жил он в другом городе, может быть, и в другой стране. Этот заочный роман Полины длился давно. Когда Аксенов служил сначала в Германии, откуда прислал Полине посылку – красивые комбинации. Это были те тяжелые годы, когда платья переделывали даже из комбинаций. В посылке было несколько комбинаций, две – салатного цвета. И Полина сшила из них трикотажное платье. Хорошо получилось, и нарядная была, даже сфотографировалась в нем. Никто не подумал, что платье сшито из материала комбинаций.

Вторую посылку от Аксенова Полина получила из Болгарии. В ней было много гарнитуров. Полина поделилась ими с Настей. Там был так же гобелен с оленями, который долго, вместо ковра, висел потом у Полининой кровати.

На обороте фотографии морского офицера у памятника погибшим морякам было написано: «Полине Алексеевне на добрую память от неудачника

П. Аксенов 17.08. 1958»

А на памятнике, у которого он сфотографировался, можно было прочитать: « Героям советским морякам Констанцской военно-морской базы Черноморского флота, павшим в борьбе с фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.».

Далее мелким шрифтом на памятнике написано еще несколько строк, но прочитать их на фотографии невозможно.

Став постарше, Боря пытался выпытать у Полины эту тайну об Аксенове. Но Полина молчала, как партизан. Для неё эта связь была сокровенной. А Боря узнал и рассказал Полине, что Отдельному смешанному Констанцскому Краснознаменному авиационному полку ВВС Черноморского флота исполнилось тогда 90 лет. Это самый великовозрастный полк в морской авиации Российского флота, и вот уже несколько лет его признают одним из лучших среди однородных авиачастей ВВС ВМФ России.

В ноябре 1921 года дивизион перебазирован в 1-й разведывательный гидроотряд воздушного флота Балтийского моря.

В 1929 году за высокие показатели в боевой подготовке и заслуги по защите Советской Карелии в годы интервенции и Гражданской войны отряду было присвоено имя Карельской АССР и навечно вручено Памятное знамя.

В 1938 году эскадрилья получила самолеты МБР-2, и преобразована в 18-ю отдельную разведывательную авиаэскадрилью. С ноября 1939 года эскадрилья вошла в состав 15-го авиаполка и принимала участие в боевых действиях в войне с Финляндией.

Все это Боря напечатал Полине подробно. Он любил заниматься историей.

Видимо, Боря по этой дате вспомнил рассказы матери о встрече с морскими офицерами летчиками в поезде, отправляющимися на войну с Финляндией. И вспомнил о письмах от любимого летчика, которые увидел Семен у Полины в комодке и заставил сжечь. Но Полина ничего не сказала сыну.

В сентябре 1941 г. 18-я ОРАЭ была перебазирована на Черное море и включена в состав ВВС Черноморского флота. Базировалась эскадрилья на гидроаэродроме оз. Донузлав. В составе ВВС ЧФ 18-я эскадрилья участвовала в боях в небе Северного Кавказа, Крыма и Севастополя, в боях за Констанцу, Варну, Бургас, обеспечивала Яско-Кишиневскую операцию. За образцовое выполнение заданий 18-я ОРАЭ была удостоена почетного наименования «Констанцская», а 25 сентября 1944 г. награждена орденом Красного Знамени. Четырём летчикам присвоено звание Героя Советского Союза. Яско-Кишинёвская операция вошла в историю военного искусства как «Яско-Кишинёвские Канны». Здесь и служил морской офицер Аксенов,

наверное, капитан второго ранга. Может быть, Боря подумал, что Аксенов мог быть его настоящим отцом? – испугалась Полина.

Боря, наверное, все же почувствовал незримое прикосновение Аксенова к его судьбе.

Это было тогда, когда Полина, вызванная Бориным классным руководителем, сказала сыну в коридоре школы, около окна, что если он будет так плохо себя вести, она откажется от него и уедет.

Боря так сильно и жалостливо расплакался, что Полина даже удивилась и смутилась, боясь, что вокруг них соберется вся школа. «Да я пошутила», – сказала Полина, сама всплакнув и прижав рыдающего Борю к животу. Он постепенно пригрелся и затих.

Боря потом, когда обнаружил фотографию Аксенова, мог предположить, что Полина могла к нему уехать, а Борю оставить с бабушкой Аксиньей. Но не мог осудить мать, которая всю свою жизнь посвятила сыну.

Для Бори была более существенная тайна, которую он пытался разгадать только много лет спустя.

В 15 лет с разрешения Полины Боря поехал в Быковы Хутора, где теперь жил и работал его отец Семен Константинович Карин заведующим Сбербанком. Для Бори Полина приготовила свою версию. Якобы отец прислал письмо на адрес школы. Полина не хотела, чтобы он ехал. Потом, после уговоров сына, согласилась. Она купила ему билет на пароход, в каюте с женщинами, которых попросила присмотреть за ним.

Борю удивило в этой версии то, как вообще мать могла отпустить от себя ребенка, которого держала всегда рядом мертвой хваткой.

Когда Боря не мог выяснить, где письмо от отца в школу, Полина «призналась», что Семен, якобы позвонил Полине и сказал:

– Мне нужно с сыном познакомиться.

– Что ж, пожалуйста, – ответила Полина.

Отец же сказал Боре, что позвонил Полине, сказав:

– Что же сына отпустила на маленький срок?

И Полина ему ответила:

– Пусть, сколько ему хочется, побудет.

Но Боря неожиданно рано вернулся. Весь грязный, потому что спал на полу нижней палубы парохода, да еще рядом с подтекающим краном в баке для питьевой воды, и все белые брюки испачкал.

Полина с досадой сказала:

– Оказывается, напрасно я разрешила побыть тебе у отца подольше.

На что Боря ответил:

– Мам, я знал, что ты так скажешь.

Боря рассказал Полине подробно, как пытался, когда подъезжал к Быковым Хутолам, узнать на пристани отца. Какой-то лысый, закатав брюки, и перекинув через плечо на палке свои ботинки, стоял на берегу Волги у кромки воды и смотрел, как причаливал пароход. Оказалось, он и был отец. Боря совсем не похож на него. Чужой дядька.

Когда Боря вошел в дом отца, то заметил, что на стене остался светлый прямоугольник – след от снятой со стены фотографии, видимо его жены, которая, по словам отца, уехала отдыхать в санаторий.

Боря сказал, что пишет стихи.

– На меня похож, – сказал отец, – я тоже раньше писал стихи, – и прочитал свое стихотворение сыну. Боря ничего не понял в нем.

Зато показал отцу на свой курносый нос и сказал, что не похож на него. Семен потянул вниз свой горбатый нос и объяснил, что с годами кончик носа у мужчин опускается.

Они ездили с отцом на велосипедах на бахчу, привезли арбузы, но первый же взрезанный оказался чуть розовым. Боря не хотел его есть, но отец настоял, сказав, что такой арбуз хорошо есть с солью. Из этого случая Боря сделал вывод, что отец жадный. Он решил проверить это мнение, и рассказал отцу, что учится музыке, и мать купила ему баян, но надо еще платить за учебу в музыкальной школе. Отец не одобрил такие затраты ради развлечений. Боря, в поддержку матери, сказал, что с детства поет на школьной сцене. Отец ответил, что тоже любит петь, и необязательно учиться музыке. Он спел свою любимую песню «В городском саду играет духовой оркестр...». Боря подпел ему, и эта песня осталась на всю жизнь в его памяти об отце. Но осталась и уверенность, что отец жадный еще из-за того, что у отца стоял полный таз куриных яиц, но отец не дал в дорогу Боре ни одного яйца.

Из рассказов сына Полина поняла, что отец ему не понравился.

– Не понравился он и на лицо, и по характеру, – рассказывала Полина Насте. – Сказал, что он жадный и страшный.

– Видимо, не в его вкусе, – ответила Настя.

Боря, как обычно, подслушивал в соседней комнате, делая вид, что учит уроки.

– Показала ему сына, – продолжала Полина, сквозь слезы. – «На меня похож», – сказал отец. А сам не знает, сколько мук, и каких, мне стоило спасти сына, дать ему образование. Ведь он был умирающим, и не раз. Чуть ни смыла его диспепсия, которая отняла всех детей у Оли и Шуры. Нет, не сбылись его слова: «Он маленький, все равно умрет». Не дала его смерти. Не дала ему умереть. И слава Богу! А теперь хвалится: «На меня похож». И не единого слова благодарности в мой адрес. Даже не спросил обо мне? Сломал жизнь и выбросил. А почему? Какое имел на это право? Да и Борина жизнь была бы иной.

Полина боялась предположения Бори, что он незаконнорожденный сын.

После приезда из Магадана, Настя ненадолго осталась дома. Она быстро вышла замуж за моряка.

Настя была хитрее Полины. Попросила ее уговорить мать, которая была против жениха. И Полина настояла, на свою голову. Насте сыграли свадьбу в доме сватьев-староверов.

И началась катавасия в доме. И в семье Аксины, дружной и сплоченной, пошли распри.

Опять Насте – все, а Полине – ничего. Все время, трудное, голодное, она жила одна с большим семейством, с мамой. Молодое время для замужества ушло. Работников не было, кроме Полины, с 1934 года, как не стало отца. Полина помогала маме растить – постоянно шестерых человек. Одни умирали, других – Лиза добавляла. Так семья и была из шести человек. Тут было Полине и не до замужества, и не до себя.

И вдруг в 1956 году к Полине посватался преподаватель пединститута Иван Иванович Черкесов. Ему нужна была хорошая работница и мать для его детей.

Черкесов прислал Полине письмо, в котором предложил руку и сердце. У Черкесова были две дочери, одной четыре года, а другой 17 лет. Полина подумала-подумала, полежала и решила послушаться Борю. Мальчишка, конечно, хотел иметь отца, хотя бы отчима. И Полина рискнула выйти второй раз замуж, после 14 лет одиночества души. Устала на нет жить и бороться с судьбой.

Она дала согласие Черкесову, потому что знала его, как ей казалось. Четырнадцать лет тому назад Полина работала с Черкесовым три года в 59-й школе. С ней он был всегда официален, здравствуй – прощай. У нее даже сохранилась групповая фотография учителей школы, где в последнем ряду в центре стоял Черкесов. Он тогда всё присматривался к Полине Алексеевне. Но они не дружили. Полина считала его неприступным, гордым. Потом из рядового учителя он вообще уже стал старшим преподавателем в пединституте. И они долго друг с другом совсем не виделись.

Но вскрылась забытая трудность. К моменту сватовства с Черкесовым Полина имела на руках лишь рукописную незаверенную у нотариуса копию свидетельства о регистрации с Семеном.

Оказывается, в 1939 году на Дону Полина и Семен оба расписались в ЗАГСе, забрали свидетельство о регистрации и не прочитали его внимательно. А там не указан номер регистрации. «Может, забыла девочка-регистратор? – подумала потом Полина. – А может, Семен нарочно это сделал?»

Полина даже стала подозревать, что свидетельство специально не дооформлено Семеном за взятку. Когда Полина, после долгих лет ожидания, и бесполезной поездки к Семену на Дон, решила оформлять документы о разводе и для этого стала снимать копию со свидетельства о регистрации у нотариуса, ей сказали: «Свидетельство не действительное, так как нет номера в книге регистрации». А оригинал свидетельства о регистрации вообще остался у Семена, он ей дал только незаверенную копию. Какая же она простодыра, сокрушалась Полина.

Теперь выяснялось, что Полина была незаконной женой. А законной женой Семена была, наверное, та казачка на Дону, к которой Семен вернулся с фронта. А заверенная в Симферополе в 1946 году справка о том, что Семен

не возражает, если Полина вступит с кем-то в брак, оказалась вообще «филькиной грамотой», не имеющей юридической силы.

Кроме того, была и другая тайна. Бедная Полина уехала в Астрахань без свидетельства о рождении сына Бори. Может, оно осталось у Семена и потом затерялось? Так или иначе, с 1941 года Боря жил без этого документа до седьмого класса школы. Этот факт посчитали просто возмутительным. За Борю вступилась школа. Связались с его отцом. Только тогда Полина летом 1956 года отправила Борю, якобы по просьбе отца – познакомиться с сыном, к нему на пароходе на Дон, в Быковы Хутора. Лишь после этой встречи с отцом у Бори появилось повторное, выданное 26 июня 1956 года, свидетельство о рождении в 1941 году, которое чуть ли ни сам отец Карин заполнял красивым почерком заведующего Сбербанком. А где оригинал? Бедная Полина не сказала об этом Боре, потому что не знала, что сказать. Ничего не подозревая, Боря, только в пенсионном возрасте, заметил и понял свою трагедию, когда сканировал это свидетельство о рождении на своем компьютере при уходе на пенсию. И с горечью понял, в каком беззаконии долго жил и получал алименты незаконнорожденным ребенком. Вот и открыл для себя горькую тайну.

«Господи, спаси и помилуй меня грешную!» – крестила лоб плачущая Полина, вспоминая эти страсти Господни. И сама подумала о том, что Бог, видимо, за это Семена наказал – раз так и не признали власти его инвалидом Великой Отечественной войны. Потому что, оказалось, когда он лечил раненую ногу в госпитале на Дальнем Востоке, правительство еще не утвердило нужную форму справки о лечении раненых воинов в госпиталях. А лишь по этой справке воинов признавали инвалидами Великой Отечественной войны.

Ну, Бог с ним.

«И в ЗАГСе города Серафимовича девчонка не вписала номер свидетельства в регистрационную книгу, тоже, видимо, за деньги, – сказала в слезах Полина уже взрослому Боре. – Я-то, глядя в рот, росла, не думала! Мне казалось, что он очень любит меня. Любит? Держи карман шире! Вот еще когда меня обманывали. Как верить людям? “Паспорт после войны чистый дали”, – вспомнила Полина слова Семена. – Он у него и был чистым, при регистрации, поди, мне поставили печать, а ему нет. Так сумел шельмовать. А я ушами прохлопала. – И в который раз Полина повторяла, беря старую рану: – Но факт-то замужества – действительный. Жила вместе с мужем почти два года в своей квартире у всех на виду. И вот получилось, что жена – не та, что документ (о регистрации) не тот. Благо, что отец тот – твой».

И даже перед смертью Полина взмолилась и почти плача сказала Боре: «Истинный Бог, Семен – твой отец». Такое унижение на восемьдесят восьмом году жизни! Боря пытался ее успокоить. Ведь на Сергея Карина, сводного брата, Боря чем-то похож. Но с другой стороны, Боря, удивительно, был похож на разных чужих людей, даже в других городах и странах. Об этом не раз Боре и Полине говорили в лицо.

Когда подрос Черкесов, со своим «грузом», вдруг Аксинья сказала, что она против замужества Полины. Хотя всегда хотела, чтобы Полина вышла замуж. Ее подруге Нате говорила доверительно о своем желании устроить Полину в жизни. А сейчас всполошилась – на ком же будет держаться дом? Но после Полиных слез и горьких слов, мать согласилась на решение Полины. Ведь Аксинья сама осталась в 38 лет с детьми, никому не нужна. Жила одна с семьей, боролась с голодом и нуждой. А может, Аксинья видела, что за человек Черкесов, но боялась сказать дочери, чтобы не навредить.

Еще замутила Настя. Она, как узнала от знакомой учительницы, что Черкесов уже «двух жен замучил» – схоронил, прибежала об этом рассказать Аксинье и Полине.

Может, Настя не хотела, чтобы Полина бросала мать, а тут удобный случай – жениха опорочить.

Но было уже поздно, «молодые» уже подали заявление на регистрацию. Собака свадебную машину встретила лаем. Плохая примета.

Увез Полину с сыном к Черкесовым зять Паша – Настин муж, двусмысленно пошутив:

– Живи. Больше не повезу.

Как знал.

Так всю семью Черновых раскидало. Остался с Аксиньей только Ленька.

О свидетельстве о регистрации с первым мужем Полине пришлось рассказать Черкесову. Как удалось зарегистрировать брак Ивану Ивановичу с Полиной, сказать трудно. Он не говорил Полине, что их не хотели регистрировать в ЗАГСе. Видимо, были другие «аргументы» – взятка.

А потом, по документам, выходит то, что Полина и не была за мужем. Поэтому и препятствий при регистрации ее с Черкесовым не было.

Глава тринадцатая «ЯРЛЫК» НЕПРИГОДНОСТИ

Единственный раз в жизни Семен прислал Боре подарок – байковую кофту. Он был очень рад. Берег подарок отца. Позже сфотографировался в этой голубой кофте для получения первого паспорта.

А Полина, каждый раз, когда Боря надевал эту кофту, вспоминала, как Боря ездил к отцу.

Настин муж Пашка разделался с Полиной, и стал долбить Леньку. Аксинья переживала. А Ленька убежал из дома к какой-то девке, и в 20 лет женился. Как считала Полина, девка его на себе женила. А Аксинье остались одни горечи и терзания. Что и привело к обострению ее серьезной болезни.

С таким надрывом Акси́нья кричала: «Ленька пропал!» Вместе с ней Полина бегала по больницам – искала Леню Тодорова, звонила в милицию. Нет нигде парня. Акси́нья совсем сдала. Сколько лекарств перепила – не могла успокоиться.

И случайно узнали, что Леня живет недалеко от дома на Пушкинской улице, с Райкой, дочерью пастуха, с их семьей в 14 человек. «Женился на прости́господи», – сокрушалась Акси́нья.

И, когда об этом узнала, не пошла к Лене до тех пор, пока у него не родилась дочка. Мало того, Акси́нья Леню с ребенком и этой «шалалычкой» сама из дом а выгнала. Больная, схватила чемодан с его вещами и вынесла, шатаясь, в коридор. Да, он здорово помог ей «убраться». Когда он дрался с Пашкой, Акси́нья таблетки глотала от мигрени, с вечно перевязанной полотенцем головой. И когда его искала вместе Полиной, тоже глотала таблетки перемиина. Вот и сожгла себе пищевод. Был у нее рак пищевода.

После официальной регистрации сделали небольшой вечерок в доме Черкесовых. Пришла Акси́нья со знакомыми (мужем с женой), да все свои, сестра Черкесова, и его две дочери. Свадьба, казалось Полине, была выдержана с большим этикетом. Но испортил ей настроение Акси́ньин старый знакомый, сказав потихоньку:

– А ты, Полина Алексеевна, выходишь замуж за Плюшкина.

В то время в кинотеатрах шла картина «Мертвые души». Полина уже посмотрела этот кинофильм, и была потрясена до глубины души скупостью Плюшкина. Поэтому замечание гостя поразило Полину в самое сердце.

Акси́нья предупреждала, что нельзя выходить замуж на двоих детей, но Полина не послушалась...

Детей Черкесова от разных жен, Полина постаралась сразу пригреть. Она любила детей, и быстро нашла с девчонками общий язык. Жалко их. Дети сами решили, на своем «совете», звать Полину мамой, а Боря стал звать Ивана Ивановича – отцом. Он не возражал.

Полина положила все силы, чтобы устроить семейную жизнь. Создала, казалось, семью. Стала приводить в порядок запущенную квартиру Черкесова. Черкесов ей говорил:

– Полина, я много слышал хорошего о тебе. А ты, оказывается, еще лучше.

Да и Полине Черкесов все больше нравился. Он был довольно симпатичный. Многим мог приглянуться. Говорил тихо, спокойно. И Полина стала сдерживать голос, не кричать, как привыкла дома. Смотрел Черкесов внимательно, прямо в глаза. Лицо – интеллигентного человека. Чувствуется порода. Уши довольно крупные, изящно прижатые. Губы тонкие, как раз такие Полине нравятся. Лоб большой, с глубокими залысинами. Волосы коротко подстрижены, но видно, что курчавятся. Глаза немного близко к носу – признак жесткости характера. Костюм на нем дорогой, но старый. Он все бережно вешал брюки на спинку стула после работы, а они уже протерлись,

светятся. Купить новые не на что или жалко. Надо ему со временем подарить дорогие брюки.

Полина, как учительница, сплотила всех ребятишек: своего сына и две девочки. Они между собой мирили. Все поначалу было хорошо. Пока Черкесов скрывал свой эгоистический характер.

Полина всю жизнь умела все делать: пылесосить, циклевать, красить, мыть полы... Она все покрасила – двери, окна – и комнаты заулыбались. Третью комнату – темную захламленную кладовую отмыла и сделала столовой, где стали готовить и обедать всей семьей. В общем, навела порядок в доме. Но этого оказалось мало.

И однажды принялась мыть пол вместо приболевшей домашней работницы. Это увидел Черкесов и поднял скандал.

– Что ты хорошая мать – это да, – начал он. – Хорошая хозяйка – да. Жена – да. Но этого мало. Мне жену-поломойку не нужно.

Полина растерялась.

Боря бегал по утрам по Набережной 1-го Мая, и приносил иногда забытые на берегу вещи – то брюки новые принес с ярлыком, то не раскупоренную бутылку вина... Черкесов решил, что Боря ворует и категорически запретил брать чужое.

Еще больше Полина потеряла не в семье, а в школе.

В своей работе Полина не глушила инициативу учеников, а наоборот ее развивала. У нее вырастали учащиеся с хорошей успеваемостью. Первый раз, когда Полина вела учащихся с 5 по 9 класс включительно, у нее была 100-процентная успеваемость. Это небывалое явление в школе в те времена.

И вдруг, когда она вышла замуж за Черкесова, директор школы Липецкая предложила Полине Алексеевне оставить класс. Почему? Полина не могла даже подумать, что Липецкая метила на Черкесова.

Конечно, Липецкая была заметнее и краше Полины. Она была из интеллигентной уважаемой в городе семьи. Породистая, крупная, как Черкесов, ладная молодая женщина. Одевалась красиво, со вкусом. Денежки были. Иногда на школьных пикниках учительского коллектива за городом Липецкая могла, расположившись на траве прислониться спиной к Полине. Это как милость барыни к служанке.

Но Полину, как «дочь врага народа», очень легко можно было дискредитировать. Об этом Липецкая, наверное, вспомнила, и начала ее подсиживание на работе. Ведь только недавно хвалили Полину за 100-процентную успеваемость в классе. А теперь Липецкая вместе с заврайоно Федоренко состряпала приказ, который нигде даже не провели, как документ, о профессиональной несостоятельности учительницы математики Черкесовой П.А. для обучения старшеклассников. При регистрации Чернова взяла фамилию мужа – Черкесова. И отобрали у нее учеников 9 класса в конце третьей четверти. А эти учащиеся поэтому попали в ежовые рукавицы, стали «хромать на обе ноги». Вся работа Полины Алексеевны многих лет

пошла насмарку. Правда, надо признать, что дети остались ей верны, а также сочувствовали Полине и их родители. На выпускной вечер они позвали свою любимую Полину Алексеевну (Полсевну) и преподнесли ей массу букетов цветов. Родители, даря цветы, сказали:

– Полина Алексеевна, у нас и не было другого классного руководителя, кроме вас. Искренне вас благодарим за все.

А одна родительница шлепнула ей на ухо:

– Но мы боролись за вас, как могли. Нам сказали: «Вы что, хотите, чтобы ваши дети не сдали экзамен по математике и не получили аттестат?»

Родители боролись, а Полина за себя не могла бороться. Муж Черкесов запретил ей хлопотать за свое профессиональное имя, чтобы его фамилию «не трепали». И здесь проявился его эгоизм. А все учащиеся Полины Алексеевны были очень сильные и работоспособные, поступили в институты, в какие пожелали. Латыпова поступила в пединститут на физмат, Шеина – в рыбвтуз, Сафина и Хомутова – в мединститут, их было 12 человек.

И пока Липецкая царствовала – на репутации Полины Алексеевны было унижительное пятно. Потом это мнение о ней перешло к завучам, которым выгодно было держать Полину Алексеевну на преподавании в младших классах, так как эти классы – самые не организованные. А в 9 класс шли преподавать избранные учителя, например, там много лет работала жена завуча.

Так червь стал точить основу совместной жизни, и она у Полины опять разлетелась. С Иваном Ивановичем она прожила всего десять месяцев, и сама ушла. Все сделала в доме, всех к сердцу прижала. Дети это поняли, а муж – нет.

Более того, он ревновал Полину. Она сделалась, как автомат, – бежала из школы скорее, чтобы муж не ругался. А ругался он шипом, ночью, и Полине было тяжело отвечать, чтобы не будить детей. Кто-то наговаривал ему на Полину.

Буквально через три месяца совместной жизни Иван Иванович начал беситься от ревности. Убедился, что это – бред, а в душу плюнул.

Черкесов ревновал Полину ко всем. Даже приходил к завучу школы Нине Семеновне и доверительно спрашивал ее о знакомствах Полины Алексеевны. И завуч, вместе с ее мужем, учителем физики в этой школе убедили Черкесова, что Полина Алексеевна ему верна.

Девочки Ивана Ивановича очень привязались к Полине. И в душе переживали скандалы в семье. Они – от двух разных мам. И считали Полину третьей матерью. Но Иван Иванович оказался очень тяжелым человеком. И таким, говорят, был всегда.

Как сам ходил раньше к любовницам, так и продолжал осторожно ходить. А Полину страшно ревновал, до оскорбления.

Шипел: «Ты врешь!»

Он ревнует Полину, а она, и когда одна была, такими вещами не занималась. А тут муж есть. Черкесов срамил Полину ночью, а она все его целовала-целовала, убеждая, доказывая, что она честна и хочет жить в семье. Причем, семья большая, как у Аксиньи, из шести человек: Полина с Иваном Ивановичем, сын и две дочки и их бабушка – помощница.

Полине не хотелось признаваться себе, что ее унижает его недоверие к ней. Хотелось ласками заглушить его несправедливую ревность. Ревнует, – значит, любит.

Даже Черкесов как-то вдруг сказал ей:

– Такая энергичная, красивая женщина – а ползаешь.

И Полина расплакалась.

Он каждую ночь шпиговал Полину, и она плакала. Но скрывала от Аксиньи и Бори обиды мужа.

Слухам о любовницах у Черкесова Полина долго не могла поверить. Не придала значения даже тогда, когда ее сваха, преподавательница русского языка, сказала:

– Ну, Полина Алексеевна, теперь берегись. Ты не из робких женщин, раз вышла замуж за любовника директрисы своей. Ты встала на ее пути.

Боря в 8 классе учился у этой учительницы, которая преподавала у него в классе русский язык. Полине пришлось в это поверить после такого срамы в школе о непригодности, и понять, что она сделала большую ошибку с замужеством. Если бы знала раньше об этом, отказала бы Черкесову сразу.

Оказывается, Черкесов имел и вторую любовницу – медсестру.

Сестренка Настя, уже работая врачом городской поликлинике, – узнала про эту медсестру. Неужели Черкесов с двумя любовницами жил? Полина все не могла этому поверить. Да узнала-то из первых рук. Сам такой, и думал, что и Полина такая изменница.

Десять месяцев Черкесов третировал Полину, с четырех часов ночи. Выспится – с 7 часов вечера ложился спать, и вся семья до 12 часов ночи на цыпочках ходит, потому что отец спит. А ночью начинает шпынять жену.

Дочка его – старшекласница как-то посочувствовала Полине:

– Что еще отцу надо? Вы, мама, молоды –38 лет. Все успеваете. Нас любите. Если вы уйдете, я тоже с ним жить не буду. Уйду к тетушке.

Так и сделала впоследствии.

А Боря по ночам, оказалось, тоже не спал, все слышал, и вставал утром с отеками глазами. И однажды сказал Полине:

– Я каждую ночь слышу, как ты плачешь. Мама, давай уйдем к бабушке.

Он стал уговаривать Полину уйти к бабушке жить в тот дом, который сглотнул всю молодую жизнь Полины. Она пыталась его успокоить, уверяла, что все наладится и будет хорошо. Сама хотела верить в это «наладится».

И вспомнила свой сон про Борю, страшный, в котором она сильно плакала – и во сне, и наяву. Иван Иванович тогда ее разбудил и попросил рассказать этот сон. Но Полина знала, что плохой сон рассказывать нельзя,

чтобы он не сбылся. Она его зареклась никому не рассказывать. Это как знамение.

Хотя сны свои любила часто рассказывать, считая их «вещими».

Рассказывала Аксинье другой сон, который видела в доме Черкесовых. Тогда она убралась и легла на свой сундук отдохнуть. «И вот вижу сон, рассказывала она. – Комната наша, как склеп. И из угла, где моя кровать стоит, слышу голос:

– Уходи, уходи... Пока не поздно.

Я, вроде, вскочила с сундука – и кинулась к двери, а меня кто-то сзади тащит обратно. Я с усилием распахнула дверь – и проснулась».

Тогда насчет разрыва с Черкесовым не было и речи.

Но Борины слова «уйдем к бабушке» напомнили Полине этот сон.

Боря давно выступал в школе в художественной самодеятельности, пел на школьной сцене, получал похвальные листы и подарки за свои выступления. И, еще до замужества с Черкесовым, в связи с этими его успехами Полина поверила, что у него хороший голос, и решила его устроить учиться в музыкальную школу. Купила ему баян, и он с удовольствием стал ходить в музыкальную школу к учителю. Правда учитель был слепой, и это смущало Борю.

А тут еще Боря сорвал голос, когда с ангиной пел песню на уроке сольфеджио. Его даже освободили от экзаменов в школе, так как он не мог говорить. И он, видимо, ночью услышал, как Черкесов недоволен тратой денег на учебу в музыкальной школе. И решил воспользоваться потерей голоса, бросить музыкальную школу и продать баян, так как денег на еду не хватало. До того не хватало, что домработница продавала на Больших Исадах газеты, которые получали Черкесовы по подписке.

Боря сказал Полине:

– Мне стыдно с ребятами маленькими заниматься в первом классе.

И, в конце концов, Боря бросил музыкальную школу.

Что-то стали у него распухать веки. Полину вызвала в школу врач, которая очень любила Борю и часто его лечила. Пришел в школу с Полиной и Иван Иванович.

Врач спросила Борю, глянув на родителей:

– Ты, морковка, что-то заболел, что у тебя болит?

– Ничего, – смутился Боря.

«Душа болит, думаю, но сказать нельзя», – ответила за сына про себя Полина.

– Скоро каникулы. Сходите с ним в каникулы к врачу и обязательно обследуйте его, – уже серьезно посоветовала врач.

Так Полина и сделала. И хорошо, что Черкесов слышал весь разговор с врачом. Полина еще больше теперь волновалась, не только за свои обиды, но и за Борино здоровье.

Полина не показывала Боре, что Черкесов ее все время доводил ночью, как она его ни целовала. А Боря слышал то поцелуи, то плач матери. И сам переживал и плакал по ночам.

В семье Черкесовых обстановка все сгущалась. Последней каплей терпения была продажа Полининого пальто.

Как-то ночью Черкесов елейным голосом сказал:

– Давай, Полина, продадим твое пальто, отдадим две тысячи рублей, которые занимали на свадьбу.

Полина даже испугалась от неожиданности. Она знала, что Иван Иванович на свадьбу занимал эти деньги. Да, думала, что врал. Ведь за столом было приготовлено очень скромно. И вино, не водка была, да и людей было мало.

Он стал настаивать, чтобы Полина продала пальто. Аксиныя его для Полины по крохам справляла, по рублю собирала несколько лет – и сшила.

Такая обида стала душить Полину, что слезы полились сами. Это говорил муж, человек с высшим образованием, но без души. Каким же учитель оказался черствым и гадким человеком. За десять месяцев всю измотал за ее доброту.

В голове Полины звучали слова мамы, которая сказала: «Бросай своего бабая, он же на одиннадцать лет тебя старше. А то и в родной дом не влезешь. Всю молодость нам отдала, а под старость останешься без угла».

Где-то в глубине сознания мелькнула спасительная мысль: «А первая жена с Черкесовым прожила двадцать лет, Как она смогла так долго с ним жить?..»

Но тут «шептун» вдруг окатил её еще одним ушатом горячей воды, сказав:

– Другого пальто я тебе не куплю, так как у меня денег нет.

– А зимой в чем буду ходить? – чуть не вскрикнула Полина.

– А у тебя голубое осеннее есть.

Это голубое-то? Все выцветшее? Так сердце Полине защемило.

«За что такое наказание? Себя берегла, от всего отказалась, пошла на двух детей – строила семью. И вот раздевает муженек. А кому-то, когда выходят замуж, – чернобурки на плечи вешают. Не зря мама была против...», – плакала про себя добитая Полина.

– Продать пальто, и на конфетки «Ромашка» да «Ласточка» с чаем пропить! – зло сказала Полина.

Сердце у нее заломило. Она вскочила с постели. Тихо в темноте прошла в другую комнату, где спал Боря. И стала ходить. «Что делать? Куда податься? Там, в доме на Огаревой, теперь хозяйничает зять Пашка, ему я совсем не нужна. И здесь нет жизни. Десять месяцев бесправных оскорблений, забот, тревог», – металось сознание Полины. Чаша горечи переполнилась. И Полина твердо решила уйти от Черкесова.

А Боря, оказалось, не спал. Когда подошла к нему, он подвинулся к краю кровати – уступил ей место прилечь.

Полина прилегла к нему и прошептала ему на ухо:

– Завтра из школы иди к бабушке на Огареву, а я туда вечером приду.

Полина всю жизнь чувствовала и испытывала свое невезение, даже называла это сглазом и проклятием ее судьбы. Она прямо говорила об этом: «Общались я со всеми, кто меня окружал доверчиво и честно. Врагов у меня не было, кроме, как ни странно, кровных моих сестер, зятя, племянников, которым, наверно, было нужно, чтобы я совсем не существовала. Или, они возмущались – зачем я живу? Интересно узнать, не будь моей помощи им, как бы они ходили по миру с протянутой рукой в голодные годы? А они почти все были на моем иждивении. Всю юность мою».

Однако всему бывает конец. Полина не жалела, что ушла от Черкесова.

Умная была Аксинья, предусмотрительная. Хоть и малограмотная. Звала ее вернуться в родной дом...

Обо всем этом за эту прощальную ночь передумала Полина. А утром собралась в школу молча. Девочки выскочили на кухню заплаканные в ночных белых рубашках. Видимо, все слышали ночью, и все поняли. Жалко стало их Полине. Если бы Черкесов отдал ей маленькую Наденьку, она бы ее взяла к себе. Как она, бедненькая, кричала:

– Мамочка, милая, не уходи!

Полина бросилась к ней, и взяла бы ее успокоить, но Черкесов выскочил в белых кальсонах и рукой загородил:

– Не тронь! Моё!

Полина ему ничего не сказала. Как встала ночью с кровати, так навсегда и ушла от него. Все оставила, что привезла с собой. И платье зеленое, и сундук, и собственную кровать для Бори...

После уроков в школе Полина вернулась домой к Аксинье, в чем была, и больше к Черкесовым не ходила...

Пашка был недоволен, что Полина с Борей вернулись домой от Черкесовых. А Настя – скрытная – молчала. Но сказала, что у мамы рак, уже на пять сантиметров пищевод занял.

Аксинья лежала на смертном одре, когда Полина вернулась домой и решила остаться опять одинокой.

Полина лежала и плакала около матери на сундуке. Аксинья очнулась, испуганно спросила:

– Кто здесь?

– Я, – ответила Полина. – Ушла от Черкесова.

– Правильно сделала, что бросила старого бабая! – вздохнула Аксинья.

– А то бы в дом не влезла. Зовите нотариуса. Я – не жилец.

Аксинья, уже больная, раньше навестила семью Черкасовых. Приходила посмотреть, как живет Полина. Аксинья уже ничего не ела. А только грызла семечки. А затем и этого не могла. Она почувствовала сразу неладное, и с горечью промолчала.

Полина услышала от знакомых, что при раке нужно черепаху найти, панцирь иссушить, растолочь и давать пить. Полина все точно исполнила. Варила три черепахи, бросала их в кипяток, затем снимала с них панцирь, и из мяса делала со свиной котлеты. Акси́нья все съела.

Но становилось все хуже. Глядя на больную мать, Полина вспомнила, как Акси́нья ей сказала у печки: «Жарю пирожки в масле, а есть нельзя».

Боли начались страшные, но Акси́нья не кричала. А в 4 часа поведет глазами, ища Настю, та ей делала обезболивающие уколы, и опять засыпает. Вот такая горькая правда.

Но откуда он пробрался, этот рак у нее, и за что? Мама – доброе и терпеливое существо, всех любила и пригрела всех детей с ребятами. Полину с Борей, Лизу с Леней, Ладу со Славиком, Калерию... Конечно, Акси́нье – удар за ударом. Все накапливалось. Болела у нее всегда страшно голова. Так и ходила с перевязанной головой и стонала от боли. Много она пила аспирина от головы, а к врачам не ходила, некогда. Всё хваталась за горло. Вот и сожгла свой пищевод, а затем пристал рак.

Лечащий врач вместе с Настей смотрели рентгеновский снимок горла Акси́ньи. Ее певучего, как у соловья, горла! И там образовалась раковая опухоль, размером 5 сантиметров. Это когда Акси́нья еще ела. Настя стала советоваться с разными врачами, но они 60-летней Акси́нье такую сложную операцию делать отказались. Когда Настя об этом сказала, Полина была в шоке. Сама пошла в Александровскую больницу к главному онкологу Овсянникову. Он спросил:

– А сколько ей лет?

Полина ответила:

– Шестьдесят один год.

Он замахал руками:

– Нет, не везите. Не примем. Операция трудная и бесполезная.

И объяснил, что нужно сделать четыре операции – больная не выдержит.

Настя написала письмо в Москву, своему учителю в Ленинград, онкологу Шерышевскому. Он ответил: «Дорогая коллега, не советую привозить маму. В лучшем случае она проживет два года, а в худшем – умрет у нас на столе. А встанет это вам 10000 рублей». Это на старые деньги. А у Полины до получки и 10 рублей не было. Полина читала это письмо, обливаясь слезами.

Полина поверила, потому что знала, что у знакомой Таськи Ивиной, с которой дружили девочками в родном селе Петропавловке, была такая операция. Вернее – три, вырезали у нее сначала кишку в несколько сантиметров, затем эту кишку пришивали вместо удаленного пищевода. А у Акси́ньи опухоль была около 5 – 6-го шейного позвонка. А кроме этого врача никто в Астрахани такой операции не делал.

Причем подруге Таське делали эту операцию, когда ей было 20 лет. Полина об этом узнала, когда с ней встретилась в городе. Она, бедная, мучается всю жизнь. Одна радость, что жива осталась.

Так что, все помощники отказались. И сестры пока решили не говорить Аксинье, что с ней. Они ничем не могли своей бедной матерью помочь.

Аксинье, конечно, был сильный удар – узнать, что ее Алексей Тимофеевич Чернов не вернулся в семью после каторги, и женился при живой жене второй раз. Как у Полины муж Семен Константинович, женился при живой жене второй раз. Как все горько повторяется в жизни по наследству! Аксинья думала, что муж, бедный, умер в заключение, а у него, оказалась новая семья и вторая жена, с которой он прожил уже 20 лет.

После встречи Насти с отцом в Магадане Полина стала переписываться с ним. Но он потом замолчал, не стал писать письма. Полина обратилась к его начальнику в Магадан с просьбой сообщить, что случилось с Черновым Алексеем Тимофеевичем. И начальник заставил его ответить семье. Но опять связь прервалась. А когда заболела Аксинья, Полина опять стала искать отца. В 1956 году на ее запрос ответили, что Чернов выбыл на материк. Так Полина и не нашла отца. А Аксинье перед смертью хотелось его увидеть. Полина послала запрос о местонахождении Чернова Алексея Тимофеевича в Москву.

За неделю до кончины Аксинья вспомнила об этом и спросила Полину:
– Что известно об отце?

Полина обманывать не хотела:

– Выбыл на континент, так мне ответили.

А Боря, видимо, подслушал, как от него ни скрывали переписку с дедом в длительной «командировке». И понял со слезами горькую правду. Метнулся из дома, сел на велосипед, который ему подарила уже больная бабушка Аксинья, и уехал на целый день в степь. Он любил туда ездить, когда сильно волновался. Казак – бумажная душа. С детства любил писать, сочинял стихи.

Так Аксинья и не увидела своего Алексея Тимофеевича, не высказала ему свою боль о его каторге, и о своей несчастной фактически вдовьей жизни. Бедная Аксинья!

Полина привезла домой нотариуса.

– Дом пишите на Полину и Настю пополам, – велела Аксинья. – А каждая отдаст Ленке по одной тысяче рублей и шубу из рыжей лисы.

Аксинья подписала завещание на дом Полине с Настей, на двоих.

Полина спросила:

– А Ладе что? Аксинья махнула рукой:

– Она больше тебя взяла. Дайте Ладе, что подо мной.

Полина подумала, что она имеет в виду коробочку с золотым ломом и пустое кольцо без бриллиантов, от Юсупа. Но под старым матрацем ничего не было.

Полина помнила, что раньше в эту половину дома, где она сейчас поселилась с Борей, приезжала Лада со своим сыном Славиком. Полина в тайне допускала, что мстительная Лада, когда приезжала последний раз, могла испортить Аксинье горло щелочью, которую применяла на работе для

очистки труб. Лада привезла эту щелочь в цилиндрическом тонком стакане. И Аксинья ее использовала в стирке. Ладка могла подсыпать щелочь и Аксинье в чай. От нее всего можно ожидать. Но это не доказано. И грех зря наговаривать на родную сестру.

Аксинья еще до обострения болезни ходила к гадалке и, вернувшись, позвала Полину во двор, призналась тихо:

– Гадалка Маргарита мне сказала: «У тебя две болезни. Одна от злых людей, а другая от Бога». Вот и думай всю жизнь.

А в это время пришел с гулянья Боря, весь в слезах.

– Ты что плачешь? – спросила бабушка.

– Сазонов Пашка больше не будет мне давать велосипед... покататься!
– ответил Боря, сдерживая слезы.

– Почему? – удивилась Полина, зная, какие они дружные товарищи.

– Нечего побираться! – сказал Пашка и уехал от меня.

Аксинья помрачнела и вдруг сказала:

– Я куплю тебе велосипед. Не плачь.

Боря даже плакать перестал, так удивился. Не поверил. Но Аксинья велосипед Боре купила. Уж где она взяла деньги, Бог знает.

Действенным было лишь то, что Настя делала ей регулярно, через 4 часа, обезболивающие уколы – и Аксинья не слышала болей. А может, была такая сильная, терпела. Настя подготовила рецепт: яйца, молоко, сахар. Всё взбивала. А у больной это всё загнивало. Как-то Полина начала делать клизму, вдруг Аксинья, как безумная, схватила её за руку – видимо, от боли:

– Ты что, меня убиваешь?

Начались у нее галлюцинации. А когда проходило безумие, Полина спросила ее:

– Мама, делать тебе?

Она ответила:

– А как же! Я умру, если не будешь делать мне клизму.

И Полина продолжала ее так кормить до самого конца.

После очень тяжелого приступа боли Аксинья попеняла Полине:

– Что же вы меня не лечите?

Так было горько!

– Мама, мы бессильны, и медицина бессильна, – тихо заплакала

Полина.

Аксинья поняла, что болезнь ее неизлечима. После этого она прожила два месяца, ничего не ела и не пила. Ничего нельзя было есть, даже вода не проходила. Рак сделал свое дело.

Полина два месяца от матери не отходила. В школе за нее работали другие учителя-подруги – Раиса Васильевна и другой математик.

Один раз Аксинья зимой вдруг захотела чаю с малиной. Но в доме не было ни денег, ни малины. И случайно Полина погорилась соседке на эту просьбу Аксиньи. Вдруг соседка в чашке принесла ей малиновое варенье.

Полина быстро согрела чай, налила маме в чашку кипятка с заваркой и положила малиновое варенье. Акси́нья удивилась. Руки трясутся. Дует на блюдце и пьет. Целую чашку выпила.

– Скорее еще налей!

Полина ещё налила чашку чая с малиновым вареньем. Акси́нья выпила половину и откинулась на подушку, прошептав:

– Все! Клапан закрылся.

Когда у Акси́ньи совершенно не проходила вода, Полине даже самой не хотелось пить чай и воду. Она вспоминала полую воду, грязную от всех испражнений земли. И ей хотелось мстить себе за мать. Как было ей тяжело не пить, бедной. Во рту у нее выросли шипы, как у розы. Полина смазывала ей губы кисленькой водой.

Когда она ничего не пила и не ела, у нее помутился разум. Она видела рядом какую-то цыганку. Просила Полину:

– Прогони ее, опять она пришла, около тебя стоит.

Полина не думала тогда, что доживет до такого же помутнения рассудка перед своей смертью. Тоже видела женщину около себя и прогоняла ее.

Накануне в комнату Акси́ньи пришла её кошка. Притащилась еле-еле и легла у кровати. А потом стала кричать по-страшному – умирала. Акси́нья услышала и как-то зло сказала:

– Убери ее!

Полина унесла кошку из дома во двор. И там бедняга подохла.

В ночь на восьмое марта, как и раньше, Полина сидела около Акси́ньи. Силы покидали Акси́нью. Полина была на стороже. Все в доме спали. Вдруг в два часа ночи раздался страшный гром. Было такое впечатление, что отсырела и распалась печная труба, и камни рассыпались на конек крыши. И Акси́нья начала умирать. Она много дней уже не говорила, только тихо лежала и трудно дышала. А теперь как-то потянулась, раскрыла немного рот – и из него вышел, вроде, белый дым и поднялся к потолку. Наверное, душа покинула тело. Полина отчаянно закричала. Все прибежали из других комнат. Но Акси́нья уже затихла, скончалась. И, конечно, начался жуткий рев родных.

Это было мучительное состояние. Была для семьи тяжелая утрата, особенно для Полины. Она в душе ругала всех, и себя в первую очередь, что не сумели сохранить Акси́нью. И почему же такой мученице – такая смерть? За что такое адское ей терпение? За что?

Позже Боря написал об этом событии притчу, которую Полина очень любила и выучила наизусть:

ПУШКИН ДУХ

(Притча)

Она склонилась над листом.

На нем начертан круг,

И черт с рогами и хвостом –
Кудрявый «Пушкин Дух».

И блюдце с меткою бежит
Под пальцами. И вслух
По буквам круга ворожит
Ее устами Дух:

«Войны не будет... Завтра дождь...
Твой муж среди живых...
Под осень выйдет замуж дочь,
И я – ее жених...»

«Смеется блюдце над тобой?..»
Вновь ворожит: «Пора
Тебе, старуха, на покой
Катиться со двора.

Но будешь сильно ты страдать
От нестерпимых кар,
Пока не сможешь передать
Другому вещей дар».

И вот она уже лежит,
Хватается за крест.
А он в углу ей ворожит
О перемене мест.

Она грозит ему в ночи.
Двенадцать бьют. И вдруг
Ужасный грохот из печи
Весь дом привел в испуг.

На крик сбежалась вся родня.
Я в изголовье встал.
Старуха дунула в меня –
И Бог ее прибрал.

С тех пор дух Пушкина зажег
В душе моей пожар.
Смог получить я, иль не смог
Той ночью вещей дар?

Утром Полина вспомнила про гром с раскатом. Глянула, выходя из дома, на крышу – нет, труба не развалилась. Боря потом говорил, что этот

гром во сне приснился, а наяву его не было. Не знай. Полина сама хорошо слышала, от этого и проснулась.

Помощь в обмывании оказалась не нужна. Всё само из нее вышло. Раньше Аксинья вставала с постели – ходила по нужде в ведро. Она этим проверяла свои силы. Полина кинется ей помочь, встать – Аксинья возражает: «Сама, сама...», – отталкивала дочь рукой от ведра. Такие условия гигиены в трущобах. А сортир был вообще во дворе. Скотские условия постоянной жизни.

И вот Полина вымыла мать в последний раз, в последний путь. Но вымыла и в первый раз, потому что Аксинья сама ухаживала за собой до конца своей жизни. И не только за собой, а за большой семьей.

Много народу пришло хоронить Аксинью, десяток ее подруг и знакомых. Пришли и из Полининой школы учителя-помощницы. Раиса Васильевна принесла Полине деньги, которые получила, работая за Полину. Пашка схватил рыдающую Полину в охапку и с силой оттащил от гроба, не постеснялся чужих людей. Она в рыданиях не помнила себя.

Лиза все не появлялась и не писала. Лене сестры дали по тысяче рублей, а Ладе – не дали, ее тоже долго не было в Астрахани. Она жила в г. Навои с мужем. Полина со временем забыла об этом, но Лада приезжала позже, и напомнила, укоряя сестер, что забрали ее долю наследства.

Потом была реформа денег, и сумма уменьшилась в десять раз.

Бедная, бедная Аксинья, только вдоволь настрадалась – и умерла. Ничего не видела хорошего, кроме нужды да заботы. Делала-делала для всех – а оказалось, что осталась всем должна. Вот такая у нее судьба.

Да и у Полины не лучше. Полине и самой казалось, что она не все сделала, чтобы как-то помочь своей матери.

Памятник Аксинье сделал у себя на заводе друг семьи, который часто был с женой в гостях у Аксиньи, и она всегда их угощала, чем могла. А он любил повторять: «Не жизнь, а малина, – хоть не увольняйся». А у Аксиньи была несчастная жизнь, да и рано «уволилась».

И семья рассыпалась, как пшено или соль... Все сыпучее. Боже, как много зла, видимого и невидимого. И этот дом на Огаревой как будто создан и построен для зла.

Глава четырнадцатая

РАСПАД СЕМЬИ

Прожили сестры после смерти матери вместе на Огаревой улице всего один год, а потом отчий дом продали. Послужила тому задумка зятя, считала Полина. Он уже обшивал дом, достраивал коридор, и вообще считал его свой законной собственностью. Этот родительский дом состоял из пяти комнат. Но две из них, темные, выходили окнами в узкий проулок с глухой

кирпичной стеной соседского дома. В этой задней части был второй выход во двор, на задах. А в переднюю часть дома вела небольшая дверь в маленькую проходную комнату.

Когда Полина вернулась домой на Огареву улицу, Настя работала врачом «скорой помощи», была в положении. Пашка – работал в диспетчерской таксопарка, потом ее возглавил. Стали жить все вместе, но долго не ужились.

Как-то утром Полина проснулась как всегда, рано на своей второй половине дома. Встала умываться.

Надо сказать, что воду Полина провела в переднюю часть дома, когда все жили вместе. А когда Полина вернулась от Черкесовых, ей досталась маленькая комната на другой, темной половине дома. И Пашка сделал вынужденную уступку Полине, из-за того только, что Аксинья была еще жива и потребовала сильным голосом Полину не обижать. С того момента Полина с Борей жили в темной комнате, но проходили через общую дверь во все комнаты дома.

Ноги у Полины болели давно, с 28 лет. И раз ей как-то сердобольная бабушка сказала:

– На кладбище есть крест одного святого, на нем много всегда цветов. Вот возьми землицы в платочек и положи в ноги на кровать.

Полина так и сделала. Но стала слышать странные звуки каждую ночь. Ровно в четыре часа просыпалась и слышала, что кто-то встает с кровати, и шагает к двери. Полина сначала подумала, что это Пашка встает и выходит в коридор – сходить по маленькому в ведро. Туалет-то на дворе, холодно. Поэтому Полина сначала этого не боялась. Но когда стала слышать это каждую ночь, то со страхом осознала что-то неладное. А ноги как болели, так и болят. И это явление обеспокоило Полину. Ну его к Богу в рай. Полина пошла на кладбище и высыпала эту землю с могилы и выбросила там же, на кладбище, и платок. После это ночное представление прекратилось. И Полина не стала по ночам просыпаться.

А сейчас опять тревожно затемно проснулась, решила набрать воды для умывания, толкнула дверь в переднюю половину дома, а она не открывается.

Сначала со сна не поняла, в чем дело. И задумалась. Но недоумение быстро прошло. Полина так и присела на кровать. Вспомнила мамины слова: «И в дом не войдешь».

– Как же мама была права, – тихо сказала Полина, вспомнив, что вчера ночью Пашка со скандалом забил эту проходную дверь в переднюю половину дома.

Пашка вчера кричал на «Полинку» за то, что она попросила опять у Насти в долг до получки десять рублей. Повод нашел.

– Хватит побираться! – вдруг рявкнул он. – Не жилось с профессором и домработницей, из-за своего дурацкого характера.

Полина начала было защищаться. Слово за слово. Разразился скандал.

Пашка извивался и подпрыгивал от злости, размахивая топором. Он подтесывал дверь, которая плотно никак не закрывалась, и стал заколачивать ее огромными гвоздями. Навсегда.

Боря все видел и слышал, и успокаивал плачущую Полину, ненавидя Пашку за то, что он сейчас называл маму «тряпкой» и «подстилкой». Пашку бесило, что Полина вернулась от Черкесовых. И эта злость вскипела, наконец, после смерти Аксиньи, вылилась руганью из-за каких-то пустяков. А Настя не вышла из своей спальни, не остановила мужа. Не заступилась за сестру.

Эта дверь не закрывалась годами, она соединяла раньше две половины дома. А теперь эта забитая в ярости дверь разделила навсегда двух сестер. Богатую жизнь Надежды и бедную жизнь Полины. Между сестрами встала нерушимая стена отчуждения. Настя не заступалась и за Леню, когда Пашка с ним дрался, катаясь по домашнему полу. Оттого Леня и убежал в другую семью. Не заступилась и за Полину. Но ей бежать некуда.

А Настя крепко держалась за мужа. Так и прожила с ним до конца жизни.

Выйдя во двор за водой, Полина стучаться к Насте не стала.

И вот после того, как Пашка заколотил дверь, в августе в доме случился пожар.

На другой день тетя Шура сказала Полине:

– С Пашкой поругалась из-за тебя. Все ворчал: «Полинка карты все спутала».

Еще хуже сказал – «подсрала», что вернулась. Дом пришлось делить пополам. Хотел он поделить все себе сам, да не удалось.

– Я торкнулась утром в дверь – она закрыта, – погорилась бабе Шура Полина. – Я так и присела. И задумалась:

– А что, Настя? Она-то ведь знала? – спросила Шура.

– Я не стала с ней ни о чем говорить, как будто ничего не случилось. Ее мучит совесть больше, что я молчу.

– А может, и не мучит, – вздохнула баба Шура.

Она тоже раньше с Пашкой дралась. Он ее первую выгнал, как приживалку, из дома при живой Аксинье. Хорошо, что ее мужу Виктору дали комнату в трущобах на Первой Перевозной улице, как инвалиду Великой Отечественной войны.

Теперь Полина убедилась, что и она не попала бы в дом, если бы не ушла за два месяца до маминой смерти от Черкесова.

С Настей Полина не стала говорить на эту тему и поднимать скандал. Теперь ясно, что он сделал это с ее согласия, разделил дом по своему усмотрению, взял себе львиную долю чужого добра.

Стала ходить за водой к соседке, а потом опять пошла и к Насте. Все же – родная сестра. Хорошо, что в доме было два хода-выхода.

И вот в эту нервную пору, вскоре случился у Полины пожар.

31 августа Полина пришла из школы домой, села за стол в коридоре готовить план урока на первый учебный день. Ведь завтра начинается учебный год. Была в нижнем белье. Потому что в августе в Астрахани еще сильная жара. Сидела в коридорчике, с открытой настежь дверью во двор. И одновременно поставила кипятить белье на керосинке-трехфитильке в чулане, в котором окна не было, была только дверь. Перед стиркой Полина всегда сначала парила (кипятила) белье. Думала, после подготовки к первым урокам, потом постирать. Чулан был у Полины и кухни. Хоть и темный, но сравнительно большой. В нем стоял ларь для посуды и продуктов, и сундук с зимним барахлом.

Полина время от времени поглаживала за бельем, чтобы пена не вытекала из таза. Вдруг видит, керосинка погасла. Видимо, кончился керосин. Она встала, подождала, чтобы керосинка остыла. Налила в нее литр керосина, и опять зажгла фитили. Осторожно поставила горячий таз с бельем, и опять села за работу. Как беда случилась, непонятно.

Вдруг приходит Настя, в белом домашнем платье. Она ходила последние месяцы грузно, и ее все время подташнивало.

– Что это у тебя, Полина, так огонь в керосинке бушует? – сказала громко Настя. – Неси скорей одеяло!

Полина оглянулась – и верно, пламя в керосинке рвется из-под таза. Она побежала в свою комнату за одеялом, выбирает, тканьеовое одеяло взять или теплое с кровати. А Настя кричит:

– Побыстрее!

Прибежала с теплым одеялом, и с Настей они накрыли пылающую керосинку вместе с тазом, чтобы затушить огонь. Думали, что пламя погаснет. Но керосинка не погасла, а взорвалась! Разлетелась на три части. Одеяло упало, керосин с огнем – переметнулся на него, и вспыхнул пожар. Настя отпрянула к стене чулана. А таз и весь огонь опрокинулся на Полину. Она загорелась и побежала к двери. Обернулась, и увидела, что в дверном проеме чулана – столб огня. Горело одеяло, политое керосином. Полина испугалась и от страха даже зарычала. От боли остановилась. Видит, что пламя бежит уже у нее по груди до лица. Она стала его мять руками – нижняя рубашка расплавилась, раздвоилась и погасла. Полина добежала до середины стола, и, как после сна, вспомнила, что в чулане осталась сестра. Оглянулась, а там за столбом огня замерла Настя, только платье белеет. Полина кинулась к ней, а столб огня мешает достать Настю. Сестра – за ним, как мертвая, одеревенела. Полина крикнула:

– Дай руку!

А Настя стоит намертво. Тогда Полина сунула левую руку в огонь, схватила Настю за руку и с силой выдернула ее из горящего чулана и отбросила. Та выскользнула из огня, не загорелась, а только волосы, брови опалились. Настя дико закричала что-то невнятное, и побежала через двор на свою половину дома – звонить. В доме был телефон, но она набрала 02,

вместо 01. Попала по телефону в милицию и, потеряв сознание, упала на пол и отключилась.

Полина была невменяема, рычала. Стала тушить пожар в чулане. Выволокла во двор горящее одеяло, затоптала, замяла во дворе. Остался один дым.

Затем опять побежала в чулан. Там все занято огнем, горело везде. Воды нет. Хватала из таза горячее белье, из кипятка, и хлестала им, сбивая пламя. Теперь все стало страшно дымить. Остаток воды из таза вылила на горящий пол.

Полина была в шоковом состоянии. Но контролировала свои действия. Все взяла на себя. Помощи не у кого было просить. Пашки не было, и Бориса – тоже.

Вспомнила, что Настя ведь беременная, могут начаться преждевременные роды от испуга.

Полина кинулась к Насте. А она лежит без памяти на полу, и трубка от телефона висит, болтается. Полина втащила Настю на кровать. Взяла трубку, услышала, в трубке кричат:

– Милиция слушает... Какой адрес?

Полина тихо положила трубку, побоялась, что оштрафуют. Набрала 03, вызвала сама «скорую помощь». Настя как раз работала тогда в «скорой помощи». Полина сказала в трубку:

– Я обгорела... Огарева, пять...

И бросилась вновь тушить пожар.

По пути в Настиной половине дома схватила таз под краном-рукомойником, полный грязной воды, еще не сознавая, что вся обгорела. А такие руки не выдержали тяжести. Таз у Полины выпал из левой руки, когда она со ступенек спускалась во двор. Полина упала с тазом на землю, вся грязная вода выплеснулась на её обожженные руки и ноги, и разлилась у порога. Подлая вода! Только тогда Полина увидела, что с каждого пальца у нее на руках спускаются белые мешочки кожи, как перчатки. И что она вся обгоревшая. Но ничего не чувствовала, от шока боли нет.

Полина вскочила с земли и побежала на другое крыльцо в свою половину дома. Увидела, что у неё стоят на полке в коридоре горшочек с солью и бутылка с постным маслом. Она стала быстро обливаться и руки, и ноги постным маслом и засыпать их солью. Боли опять не чувствовала. Только, как зверь, рычала. Подбежала опять к чулану, а там пламя ушло под пол, горели доски пола, и сундук с барахлом. Опять обгоревшим мокрым бельем сбивала языки пламени. Всё тушила, уже не зная, чем.

В это время соседка увидела, как Полина, вся обгоревшая, полуголая, бегала по двору. Соседка стала кричать ей:

– Что у вас случилось?

Увидев, что во дворе одеяло дымом курится-тлеет, соседка догадалась, перелезла через забор и прибежала к дымящему чулану с водой. Вылили ведро воды на сундук и под пол. Но пламя не стихало. Соседка вновь побежал на речку за водой.

Стала носить воду с реки Кутума. Тут мимо проходил друг Бори – Славик Поздняев. Он сразу пришел на помощь, схватил ведра, и через соседскую калитку они вдвоем принесли четыре ведра воды. Полина кричит:

– Под полом горит! Лейте!

И соседка вдвоем с Поздняевым заливали водой все дымящиеся доски и тлеющий сундук.

А Полина в это время стала закрывать ворота, потому что народ рвался посмотреть пожар. Она закрывает ворота на засов, а люди из любопытства лезут во двор. Кто-то недовольно сказал:

– Сама обгорела, а ворота закрывает.

А у Полины свое мнение в голове: «Пока я тушу, у Насти все растащат. Она лежит без памяти».

Быстро приехала «скорая помощь», и начали оказывать первую помощь Полине. А она кричит:

– Сделайте Насте укол! Она без памяти.

Сделали укол и Насте.

В тазе развели марганцовку, опустили в него Полинины обгоревшие руки, и только тогда она стала кричать от боли. Боль была невыносимая.

Настя после укола встала, как чумная. Ходит, говорит своим врачам:

– Обработайте ее и привезите домой, я за ней сама буду ухаживать.

Увезли Полину в больницу, сразу положили на хирургический стол.

Полина увидела: мальчик рядом лежал на диване без сознания.

– Займитесь пока с ним, а потом со мной, – сказала Полина врачу. Та промолчала.

Сделали ей уколы, и, видимо, от этого она перестала чувствовать боль. Только слышала, как врачи говорили:

– Чего только нет в ранах.

У неё на руках и ногах – горелое мясо, на нем – пепел, гарь, соль, грязь.

Врачи спасли Полину. Всё долго, но правильно обработали. Ведь одна треть тела была поражена ожогами.

Затем на «скорой» привезли Полину домой – как просила Настя, потому что, боялась, что иногда в больнице халатно ухаживают.

А вечером Полина собралась умирать. Кричала все время:

– Откройте двери!.. Нет воздуха... Задыхаюсь!..

Настя испугалась, пожалела, что оставила больную сестру дома. Снова вызвала «скорую». Опять Полину отхаживали. После обезболивающего укола она утомилась, даже немного заснула.

Утром к Полине пришли хирург с сестрой из районной поликлиники на дом. Все пальцы у Полины от волдырей сделались, как подушки. Хирург посмотрел на эти «двойные ладони» и заключил:

- Да, работенки здесь много.

У каждого пальца – сплошной волдырь. Вдруг врач начал эти нарывы ножницами срезать, не сделав укола. Полина вся посинела от боли и оранья. Настя кричала:

– Сделайте ей обезболивающий укол.

А он, как живодер, режет. И только после этой экзекуции сделали Полине укол, и ей стало легче.

Полина пробыла на «больничном» 15 дней – и все у неё зажило. Даже не осталось рубцов на руках. А какие были страшные руки после пожара!..

«Это потому, что я солью засыпала да маслом поливала, – говорила она Насте. – Дезинфицировала свою кожу и раны».

Полина не поверила Насте, что как раз это и было живодерством.

Врач, выписывая Полину на работу, сказал:

– Вы легко отделались.

Затем все улеглось.

Но у Насти ребенок перевернулся в чреве. Врачи выправляли, и ребенок родился нормальный. Родилась дочь Ксюша.

Вот так Полина потушила пожар, который сама развела. И спасла Настю с Ксюшей, ведь могли все сгореть. Так и не узнала Полина, почему керосинка разлетелась на три части. Она была разборной. Какой-нибудь фитиль, может, загнулся, и оставил просвет, или еще не остыла она, а Полина налила керосин?

Надо было бы выбросить эту керосинку, но Полина лишних денег не нашла на новую. И вот потом в керосинке опять забушевало пламя. Полина кинулась за теплым одеялом, повторить пожар.

Но дома был Боря. Он ее остановил. Снял кастрюлю с супом с керосинки. Взял керосинку на пуки, под истошные крики Полины:

– Не трогай! Взорвется!

Боря осторожно вынес пылающую керосинку из чулана, коридора, с порога в четыре ступени и поставил осторожно ее на землю, на середине двора. Только отошел – керосинка взорвалась и разлетелась на три пылающие части. Полина чуть в обморок не упала от страха за сына.

После этого сразу купили новую керосинку, лучшей конструкции.

Прошло много дней, Полина ходила на могилку к маме часто. Раз на именины Аксиньи, когда надо обязательно поминать. Полина пошла на кладбище совсем поздно. Когда она после уроков добралась до кладбища, уже темнело. Какая-то женщина, выходя из ворот, ей сказала:

– Вы куда идете? Я самая последняя выхожу.

Когда Полина добежала до могилки, было совсем темно. Но ей нужно было навестить маму. Немного побыла у могилки, помянуло маму – и обратно. Различить дорогу было совсем нельзя. Темная ночь. Но дошла она благополучно. А, главное, успокоила совесть, что побыла на могиле матери.

А после этих событий приходит на Огареву улицу соседка с Пушкинской улицы. Её прозвали Килушкой. Потому что она всегда говорила: – Хоть килушку дайте (астраханское рыбацкое слово, – например, поймал килушку).

Килушка пришла рассказать Полине сон:

– Полинушка, я вашу маму видела во сне. Я ей говорю: «Аксинья Васильевна, твои девчата-то чуть не сгорели!»

А она отвечает: «Я знаю. Я за них Богу молилась».

«А, батюшки, ведь ты померла!.. А как же Богу молилась за них? Что, и на том свете тоже можно Богу молиться?» –

«Можно и там молиться Богу, просить о помощи», – ответила она.

«А, батюшки! А, батюшки!» – я ей говорю.

И она, Царствие ей Небесное, скрылась».

Вообще, это удивительная старушка. Полина в свое время спасала её от брани и издевательства снохи. Такая ведьма попалась – вторая сноха.

А первая сноха очень хорошая была, но погибла во время войны. Вместе с её сыном поехала по Волге – «Умирать, мол, так вместе». Он капитан. Налетели на мину. Пароход разорвало, он стоял на мостике, и его выбросило в воду. А жену так и не нашли.

В другой раз Килушка опять приходила к сёстрам с новым сном:

– Девчата, я видела во сне вашу маму. Она говорит: «Что они мне рукопись не напишут?» Какую-то рукопись спрашивает.

Полину, как огнем, обожгло. Она отдала гравировать доску с маминими инициалами на памятник, дядюшка принял заказ, а сам заболел. Полина срочно побежала на Эллинг к нему и рассказала о сне соседки. Он ответил:

– Хоть через силу, но скоро сделаю – уже начал.

И сделал.

А то памятник стоит, а надписи нет. Вот Аксинья и приснилась Килушке. А это слово – гравировать – она не знала, и назвала – рукопись.

Вот Полина и сделала «рукопись» с опозданием.

Семен дважды неожиданно приезжал из Быковых хуторов в Астрахань после смерти Аксиньи.

Однажды он приехал в гости к двоюродному брату Абрамову. Этот брат был «шишкой» в Астрахани. Привез Семена на Огареву улицу на ЗИМе. Боря прятался, когда приезжал отец. Показался только тогда, когда Абрамов стал показывать правительственную коллективную фотографию всех членов ЦК партии и правительства. Боря удивился. Маленькие лица и Сталина, и Хрущева, и Микояна... А все четко видно.

Вот в этот приезд Семен и привез Полине повторное свидетельство о рождении Бориса Семеновича Карина. А оригинал, говорит, не нашел. Врет, поди.

Второй раз Семен пришел на Огареву улицу со своим сыном пяти лет. Рассказал Полине, что у него на Дону большому сыну уже 15 лет. Но растет хулиганом.

Семен признался, что жена ему изменяла.

– Я ее застал с другим. Попросил её разделить детей и разойтись.— А потом неожиданно предложил Полине: – Давай сходитьсь.

Полина не поверила. «Но я и не разводилась с тобой, – подумала она. – Нет и документа о разводе. Что же это за жизнь моя!»

А у стола стоит мальчишечка маленький, глазами хлопает. Жаль его стало. Да и Боре, наверно, тоже станет жалко.

Полина подумала: «Жизни не будет. Буду рваться между отцом и сыном. А характер у него не лучше Черкесова».

Оналышала, как еще после поездки к отцу в Быковы Хутора, Боря рассказывал Паше:

– Дядя Паша, Иван Иванович – такой же Плюшкин, как и отец. Все ужимки и прыжки одинаковые. Где у мамы были глаза, когда выходила замуж?

А Полина это обнаружила через три дня, когда сошлась и зарегистрировалась с Черкесовым. А когда три года с ним вместе работала – этого не смогла увидеть, так человек притворялся. Настоящий оборотень.

Боря, видимо, подслушал разговор Полины с отцом. И ночью тревожно спросил Полину:

– Мама, ты не спишь?

– Нет, а что? – повернулась Полина к нему на кровати.

– Мама, ты хочешь опять за отца выйти замуж? Он меня не воспитывал, пусть этих ребят воспитывает. – А потом подумал и пожплел мать:

– Ты на меня не смотри. Мне – он не нужен. А если ты хочешь – то сходишь...

Как могла Полина это сделать? Конечно, согласие Семену не дала. Он увез малыша. Потом не этому, а старшему хулиганистому сыну стрелой выбили глаз. А бедный парень кончил тем, что повесился на батарее отопления? Или повесили? Кошмарная судьба!

А Семен с женой помирились.

Полина всё простила Семену за отвергнутую верность свою.

У нее росла крепкая опора. Сын старался помогать Полине выходить из трудностей в жизни. Иногда по-детски – очень жестко.

Дома он часто наводил порядок. Был у Полины целый мешок старых платьев и всякой рвани для починки. Раз, когда Полина уехала отдыхать, лечить ноги, Боря затопил печку и весь этот мешок засовал в голландку и сжег. Купить мешок новых платьев было бы лучше, да денег не имел. Пожалел мать, что тряпье носит. Эх, голова садовая.

Однажды Настя предложила Полине продать дом. После пожара, еще до рождения ребенка, Настя остановила Полину во дворе и сказала:

– Давай продадим дом. Делить дом поровну нельзя, не равноценные половины. А мама сделала завещание перед смертью нам на двоих поровну. И разделим деньги пополам, как мама завещала.

Совесть ее, наверное, замучила, а может, боялась за себя. Поди, говорили между собой с Сашкой: «Спалит она дом – и останемся без наследства».

Тут навалилось на Полину сразу все: и развод с Черкесовым, и тяжелая утрата матери, и деспот – новый хозяин Пашка Ненашев, который греб под себя, а Настя ему подпевала. И страшный пожар, обе еле живыми остались. Наверно, до Насти дошло, что из-за закрытой двери, без воды, чуть все вместе не сгорели. Вот и решила продать дом. Полина не возражала разделить деньги от дома пополам, пока отдадут.

Написали объявление о продаже дома. Хотя и боязно было, потому что, по слухам, деньги собирались менять, как в 1947 году. Это тоже подтолкнуло Настю к продаже наследства.

И в эти дни Полина видела «вещий сон», что Аксинья ночью открыла забитую Пашкой дверь.

Об этом Полина рассказывала позже бабе Шуре:

«Вдруг мама стучит в дверь, которая забита, от Насти:

– Полина, открой!

Полина вскочила с кровати, и хочет зажечь свет, а он искрит, и не зажигается. А я думаю: «Как я открою, ведь она заперта от них?» И вдруг дверь полуоткрылась, и луч света разлился, и мама пролезла через эту щель и приглашает людей.

И дверь вдруг открывается полностью, и сноп света, и вижу – мама ведет старика и женщину, и все проходят в мою темную комнату.

Уселись за стол – женщина полная и старичок, борода у него лопаточкой. Он мне особенно запомнился».

Прошло совсем немного времени. Раздается звонок. Полина открывает свою дверь во двор – перед ней стоит тот же старичок, которого она видела во сне. Полина так и остолбенела. Смотрит на него испуганными глазами. А он улыбнулся и любезно спросил:

– Извините, я слышал, что вы продаете дом?

– Да, – кивнула Полина. – Только нет сестры.

– Я не себе, я маклер. Если можно, мы придем с хозяином?

Полина назначила день встречи, чтобы была дома Настя.

И маклер пришел в этот день с толстой хозяйкой. Она покупала дом сыну. Полина позвала Настю. Быстро сговорились. Наверно знали, что деньги будут меняться. И в той же темной комнате у Полины произошла купля-продажа. Продали дом за 60 тысяч рублей, сразу же. Но покупатели попросили, чтобы из дома продавцы выехали побыстрее.

Настя и Полина разделили деньги пополам. Сделали так, как велела мама. Леньке дали по тысяче рублей и отдали отцову шубу на лисьем меху.

Настя сказала Полине:

– Дай еще Паше тысячу рублей. Он строил коридор и обшивал дом. Что Боря ему помогал, не сказала. Да и какая помощь от подростка.

Полина отдала сразу 2000 рублей: Лене дала 1000 рублей, как велела мама, и Паше дала 1000 рублей за коридор, который он так и не достроил. И еще Настя продала – навязала Полине за 500 рублей старый холодильник и дорожки. В общем, деньги потекли. Полина 28000 рублей отнесла в сберкасса, через дорогу. Тряслась, боялась жуликов. А на другой день объявили о смене денег. И так было у Полины за её бытность два раза. Один раз при маме – тогда они продали корову, и второй раз – после смерти Аксины. Деньги в 10 раз стали меньше. То есть у Полины осталось 2800 рублей. Новые хозяева торопили, чтобы освободили проданный дом. А купить Полине новый дом за такие гроши не так было легко.

Пашка-то заимел капитал, когда работал раньше на китобойном флотилии «Слава». Да и Настя от отца в Сибири большие деньги получила. Пашка с Настей купил за 5 000 рублей хороший дом, недалеко от Больших Исад, через речку Кутум.

А Полина долго ходила и ничего не могла купить. Наконец, нашла старый, столетний дом, на две половины, на Красноярской улице. Половину этого дома купила за 2500 рублей. На другой половине оставалась жить хозяйка дома. Пришлось делать ремонт. Наняла плотника, прорубила из окна себе дверь в коридор, подняла полы в коридоре, открыла осевший в землю парадный вход на улицу на своей половине. Навела порядок. Все оплатила из этих маминых денег. И в 1957 году в августе месяце Полина поселилась на новом месте с сыном.

Полина считала, что Аксины за нее, и мертвая, все беспокоилась.

Когда Полина нашла на улице Красноярской полдома, никак не могла договориться с хозяйкой. Не понимала, почему хозяйка не хочет ей продать. Но вот все же купила эти полдома, видимо, мамиными молитвами.

И после видела ночью сон, и рассказала его бабе Шуре, которая помогала Полине наводить порядок в новом доме:

«Вхожу через дверь, которой еще не было, в большую комнату. Стоит в зале большой наш стол, и сидят за столом в два ряда незнакомые люди. А мама стоит у стола с другой стороны и говорит:

– Ну, как?

Я отвечаю:

– Все сделали. Документы у меня.

А она – в ответ:

– Ну, слава Богу. Теперь я успокоюсь.

И я проснулась».

– Думаю, Аксинья довольна, что все деньги от дома ты истратила в дело, – заключила баба Шура. – Теперь в отпуск езжай в Пятигорск лечить ноги, – посоветовала она Полине по-матерински.

Переписка с отцом Алексеем Тимофеевичем, после смены адреса у Полины на некоторое время прекратилась. Через год отец приехал в Астрахань, повидать дочерей. Пришел и к Полине на Красноярскую улицу накануне 8 марта. Боря выскользнул из дома, молча, мимо деда – и был таков. Потом он жалел, что зря осудил несчастного родного деда, и так к нему и не прижался ни разу в жизни. Боря тогда еще не знал о трагедии заключения деда в Сибирский ГУЛАГ. Боялись говорить об этом.

Полина со слезами встретила, обняла отца. Было много обид, но и великая радость, что удалось увидеть отца через 20 лет. Угостила его всем, чем могла. Дед увидел на столе сберкнижку Полины, открыл, и поразился, что на книжке всего три рубля.

– Что так мало? – спросил отец, и осекся.

При встрече Полина сфотографировала отца на Борин фотоаппарат «Смена» напротив веранды старого дома, где Боря развел огород и виноград в небольшом полисаднике.

Полина не раз потом в жизни пеняла про себя отцу за эти несчастные три рубля на сберкнижке. Но самая большая заноза осталась от другого. Полина сказала отцу:

– Мама, завтра год, как умерла. Вот тесто готовлю. Останься помянуть.

– Это предрассудки, – отмахнулся дед. – Надо ехать, у меня билет уже на завтра.

– Как жалко, – сдавила сердце у Полины.

– Не плачь! – сказал в утешение отец. – Всех зарюют. Поверх земли не положат...

И на могилу Аксиньи не пошел.

Осталась Полина с сыном одна. После привычки к большой семье, это состояние одиночества было особенно тяжким. Но привыкла. Помогали от одиночества подружки.

Подружка Тася своего сына Славика, который тоже рос без отца, погибшего на войне, отдала в учетно-кредитный техникум. Боря же не захотел туда поступать, учился хорошо и мечтал поступить в институт. А жили тонко. Полина получала 800 рублей, на бумаге, а в получку за полмесяца – 370 рублей. А после денежной реформы – еще меньше стала получать – 37 рублей. Попробуй, поживи! Но решила тянуть сына до института, как мать Аксинья тянула ее, чтобы она закончила четырехгодичный пединститут.

Полина ходила к ректору института, просила, чтобы сыну дали стипендию, ввиду материальных трудностей матери-одиночки. Не дали. Пусть учится без троек. Боре об этом не сказала, да он и подтянулся сам. И на следующем курсе стал получать стипендию.

С Борей в этом старом доме на Красноярской улице Полина прожила девять лет...

Глава пятнадцатая РАЗЛУКА С СЫНОМ

Чернов Алексей Тимофеевич приезжал в 1957 году, навестил Настю, Полину и потом поехал в Навои к дочери Ладе. Он видел, что его первая семья без него распалась. У Насти с мужем – свой дом, у Полины с Борей свой дом. Ленька живет с женой на Пушкинской улице у пастуха. Баба Шура с Виктором на Перевозной улице живут. Бабе Оле, как участнице войны, с мужем Петей дали комнату в коммунальной квартире во дворе, где когда-то отбывал ссылку в Астрахани писатель Чернышевский. Дочь Елизавета совсем пропала, ни слуху, ни духу. И сын Леня о ней ничего не знает, а может, и знать не хочет. Лада уехала с Аркадием в Навои в Узбекистан. Слава, их сын, женился, и тоже от родителей отделился. Теперь все дети отделяются от своих родителей. Так что у Алексея Тимофеевича осталась только своя семья – жена эвенкийка, с которой он прожил двадцать лет.

Полине было трудно одной воспитывать сына. Она с большой готовностью замещала заболевших учителей, чтобы получить дополнительный заработок. И с большим горлом, с ангиной, работала. До тех пор, пока ангина не дала осложнений. Настя при очередной ангине у Полины, осмотрела ее и сказала:

– У тебя, Полина, гнойные пробки во рту.

Но больше-то некому работать. В школе простывала. А весь урок говорить надо, иногда приходилось и покричать на нерадивых учеников. Дети без отцов, в 5 – 6 классе, еще не смышленные, а хулиганы. Работала по 12 часов. Зарабатывать надо.

Полина больше следила за здоровьем сына. Болезни у Бори давали о себе знать.

Однажды Полина с Борей в каникулы купила круиз, билеты на теплоход по Волге от Астрахани до Горького и обратно. Сидела с ним на палубе, любовалась на волжские просторы, и вдруг почувствовала, что он как-то неуверенно перебирает складки на ее платье. Полина посмотрела, а у него глаза светло. Она быстро позвала врача. Уложили Борю в постель, врач дала какое-то лекарство, потеряла ему виски нашатырным спиртом, и он очнулся. Затем все путешествие был вполне здоров.

Когда Борю хотели призвать на службу в Армию, то положили на обследование во ВТИ. И по состоянию здоровья освободили от службы в Армии. Так он и остался – рядовой необученный.

У Бори было много хороших друзей. Володя и Толик часто бывали у него в гостях. Полина с Борей жили на 80 рублей в месяц. Но, несмотря на скудный заработок, обед и ужин был всегда. Полина никогда друзей Бори не отпускала голодными. Вначале Володя смущался садиться за обеденный стол, а затем привык, так как домой не торопился. Иногда он не ходил ночевать домой, а иногда сразу после института оставался у Бори до 12 часов ночи.

Потом появились новые друзья – Миша Молдавский и Миша Мамаев из пединститута. Они много читали, декламировали наизусть стихи, много шутили и смеялись. Иногда Полина угощала их домашней наливкой.

Боря чувствовал себя хозяином в доме. Помогал Полине по хозяйству: нарубить дров, истопить печь, приготовить ужин, убрать комнаты.

Однажды Боря привел домой двоюродного брата Леньку с вокзала в 12 часов ночи. Давно Полина ничего не слышала о Леньке. А Боря провожал друга на железнодорожном вокзале. Видит, человек лежит пьяный, подозрительно знакомый. Боря его растолкал – Ленька. И довел до дома на Красноярской улице. Когда умылся, очухался, Леня рассказал, что жил с женой очень плохо. И от горя начал пить, так что дошел до ручки. У него даже брюки были разорваны. Вот и привел Борис опустившегося брата. С жопой на виду – одна рвань. Полина его отмыла, обшила. Он устроился на другую работу в столовую. Полина, по договоренности, всю его зарплату складывала. А скопил он деньги – купила ему драповое пальто. Купила отрез темного бостона, добавила денег – и сшила в ателье Лене и Боре по бостоновому костюму. Тогда закройщик обнаружил, что у Бори одно плечо немного ниже другого. Потому что привык неправильно сидеть за столом. В общем, Леня оделся, как франт.

Красивый был Леня, черный, вылитый болгарин. «Мой отец – болгарин Дмитрий Тодоров, революционер», – хвастался Леня в столовой, где работал кондитером. Боря, как внештатный корреспондент молодежного городской газеты, пытался искать Лениного отца, писал в разные инстанции запросы. Даже в Болгарию писал. Хотел помочь Лене найти отца. Когда стало можно говорить о репрессиях, Полина сказала Лене, что, может быть, его отца репрессировали или выслали, как иностранца, из СССР.

Никто ничего не ответил. Так и пропал Ленин отец.

Когда Леня жил у Полины, она запретила ему приносить с работы продукты. Хотя все в столовой воровали. Жить на одну зарплату было трудно. Но Полина и Боря привыкли с нуждой бороться, и жили честно.

И у Лени при всех финансовых проверках в столовой все показателт сходились копеечка в копеечку.

Правда, однажды случился у Лени срыв.

Полина пришла домой пообедать – в перерыве между первой и второй сменой в школе. Смотрит – на столе лежит большой кусок сливочного масла.

Как же ей, бедной, захотелось хоть капельку этого настоящего масла! Дома ели обычно маргарин.

– Ленька, это что такое? Где взял? – спросила Полина.

Леня признался, что взял в столовой, и попроси Полину продать кому-нибудь из учителей это масло. У Полины даже горло перехватило от страха. Она отказалась наотрез. Что-то засуегилаь, даже толком не поела. Всё – бегом, спешила на работу. Пошла перед школой в туалет. Сортир зимой и летом был на дворе в деревянной кабинке над выгребной ямой, которую время от времени очищали ассенизаторы на подводе. Полина нечаянно увидела в очко: что-то белое плаваеа в выгребной яме. Пригляделась – похоже на тот большой кусок сливочного масла. Полина, как пуля, выскочила из туалета, прибежала домой – а масла на столе нет.

– Борис, где масло? – в истерике крикнула Полина.

– В яме, – дрогнул, но решительно сказал Боря.

Полина сильно испугалась: чем платить за эту драгоценность? Ведь оно стоило 60 рублей за килограмм.

Соседка из второй половины дома потом вытащила это масло – и отдала свинье. Может почистила да сама съела? А Полине намекнула:

– Кто-то масло бросил в уборную.

Так Борис отвадил Леню приносить продукты с работы. Больше Ленька никогда и не заикался об этом.

– Пусть знает, что мы не продаем свою совесть, – сказал Боря матери.

А Леня опять пропал, и в драповом пальто, и в бостоновом костюме. Полина его искала, а он, как в кинофильме «Шведская спичка», отсиживался у любовницы. Его, как и первая жена, утащила официантка к себе домой.

В школе у Полины были истории и похлеще.

Однажды по плану работы в школе должен был состояться педсовет. Почти все учителя были в сборе.

Полине пришлось на этом педсовете рассказывать о работе в подшефном колхозе на каникулах класса, в котором она была классным руководителем.

«Так много стало не любящих труд, – начала свое выступление Полина Алексеевна, которое, она написала дома. – Вот девочки сколько грязи оставляют после себя, и что страшно, не любят труд. После себя им убрать не хочется. Какие же они будут жены и матери, что привьют своим детям, если их не волнует мусор? Грязь в комнате по колелю – а они ложатся спать. Так и в колхозе они не хотят работать. Кто приучен с детства, тот и в классе, и у себя в комнате наводит порядок. А кто за счет мамочки выезжал, тот будет выезжать за счет мужа. Отсюда – и распри дома, и разлад в семье, и разводы. Но, конечно, не все такие. Многие девочки убрали все этажи, убрали мусор после себя и других. Они не потеряли приличие, уважение старших. Они и в колхозе хорошо работают, по 130 рублей заработали, а некоторые только 10 –

20 рублей за все время получили, и то спасибо. Хорошо, что нет уравниловки, каждый работает за себя, выполняет посильную работу...». Слушали ее с одобрением.

Вдруг, приходит на педсовет запоздавшая учительница и сообщает о страшном случае. Сейчас рядом со школой, на углу улицы Бера обокрали сберкассу и убили двух сотрудниц. Убийство было зверским. Топором. Народу собралось много. Кто сделал – неизвестно.

Педсовет прошел в этот раз не на должном уровне. Все были взволнованы. Много раз милиция объявляла по радио: «Может, кто что видел, сообщите». Но безрезультатно. Уголовный розыск вел усиленный поиск преступника. И в Полининой школе шли проверки.

Наконец выяснилась жуткая правда. В Полинину школу из другой соседней школы на исправление перевели одного ученика 9 класса. И вдруг у ребят стали пропадать авторучки. Затем кто-то обокрал школьный буфет. Потом пропали четыре пальто с вешалки. Принимались меры. Пытался найти виновных и милиционер. Но все было раскрыто значительно позже катастрофы в сбербанке.

Летом нашли преступника, который обокрал сберкассу и убил двух женщин. Оказалось, это тот самый ученик, переведенный на исправление. Его в день убийства утром видела классный руководитель, когда шла на педсовет. Он еще с ней поздоровался. А сам только что успел смыть кровь и переодеться. Классный руководитель и директор школы из-за этой трагедии очень пострадали, получили строгий выговор по партийной линии. А этому преступнику ученику Москва утвердила высшую меру наказания – расстрел. А было ему 17 – 18 лет. «Приговор приведен в исполнение», – сообщила городская газета. Вот такой трагедией оборвались три жизни. Директор школы вынуждена была уйти с работы. Видимо, ей предложили уйти, и она осталась жить только на маленькую пенсию. А ведь проработала 25 лет и была на хорошем счету.

Полина вспоминала, как она работала с учениками в колхозе. Ей много раз приходилось выезжать с учащимися в колхоз, чтобы помогать в тяжелой работе. Тогда она была еще классным руководителем 9 «б» класса. Их привезли на грузовой машине в барак, где предстояло жить, недалеко от предстоящей работы. Помещение было неказистое, кругом дыры, невысокие топчаны с рваными грязными полами, земляной пол. По полу прыгали лягушата, особенно – после дождя. Обед варили невкусный, постный крупяной суп – баланду. Учащимся предстояло кормить маленьких червячков – шелкопряда, пока они не вырастут и не сошьют себе убежище – кокон (куколку). Затем коконы собирают и сдают на фабрику. Где после обработки коконов получается шелковая нить, из которой ткут высококачественные шелка. Но у ребят до этого периода дело не дошло. Каникулы заканчивались. Кормить этих червячков нужно было листвой тутового дерева. И вот Полинины девятиклассницы должны были лазить по деревьям и собирать листья тутового дерева в мешки. На работах в подшефном колхозе были

только одни девочки. В то время девочки и мальчики учились отдельно. Полина тогда работала в женской школе. Червячков было видимо-невидимо. В длинных лабазах стояли ярусами вешала их рогож, и на них лежали червячки шелкопряда. Ученики должны были поверх них класть листву, и те с жадностью набрасывались на эти листья. Такой шел треск, как будто они сахар хрупают.

Когда дети приехали в бригаду на помощь, на рабочем месте была только одна женщина работница, и та – беременная. Больше никого. И только вечером приезжала учетчица – записывать ученикам отработанные трудодни. Трудности были невыносимые. Дети все ободрались. Так как деревья утыканы очень колючими сучками, листвы мало, а потребность большая. Набирали с трудом мешки, разбрасаешь листву по вешалам – через полчаса нет ничего, после ожесточенного хрупа. А у девчонок уже и сил нет. Их приехало 20 человек, а вешалов – очень много. А шелкопряд, как проголодается, начинает желтеть. Полина Алексеевна опять, без отдыха, ведет ребят к этим деревьям. И так они, бедные, наработались, что почти все разболелись. Полину саму, больную, увезли в город. И никто из колхозников за целый день так и не появился помогать шефам. Дети уехали вместе с классным руководителем. На смену прислали другую бригаду школьников.

Полина после такой работы была несколько дней на «больничном листе». Когда врач увидела ее отекающие ноги, всплеснула руками.

Полина смущенно сказала ей:

– Комары искусают.

– И не только комары. Это сердечные отеки, – погрозила ей пальцем врач.

Бригада колхозников не показывалась ни разу. И была ли она? Видимо, только на бумаге. Полина Алексеевна ходила за помощью к председателю колхоза – все безуспешно. Почти все колхозники в рабочее время на базаре торговали, а труд школьников присваивали себе. Учетчица им тоже писала трудодни. Липовые. Такая бесхозяйственность возмущала Полину. Была просто безвозмездная помощь колхозу. А на педсовете об этом прямо не скажешь в то строгое время.

Такое повторялось часто. Повторялось и на прополке травы. Подшефный колхоз просил однодневную помощь. И школьников отвозили с утра пораньше на поле и привозили вечером в город. Все, что было в колхозе посажено, зарастало травой по пояс. А трава с толстым стеблем, мотыгой не срубить, нужно дергать. А силенок у Полининых пятиклассников нет. Тогда она вела уже только младшие классы. Вот и раздавались по полю возгласы:

– Полина Алексеевна, помогите мне... Мне!..

Один день Полина Алексеевна так напомогалась, что опять попала на «больничный» с распухшими ногами. Потому что работала всегда с рвением, по-хозяйски. И до глубины души возмущала её бесхозяйственность начальства колхоза, безжалостное отношение к первоначальным трудам своих же колхозников – к посадке овощей и фруктов. Просто это – халатные и

корыстные люди, им «колхозного добра не жалко». А Полина, чем могла, помогала ребятам, уговаривала их преодолевать трудности, заражала своим пылом. И ее класс всегда перевыполнял нормы. Находила к ним подход: «Помогите растениям, которые пробиваются сквозь строй сорняков, тонкой былинкой – к свету. А сорняк нахальничает, отнимает у всходов последнюю влагу, которой и так мало в наших полях». Дети понимали учительницу. Где бы ни работали – на колхозном участке или на ремонте школы, или на уборке астраханских улиц.

Много раз ее воспитанники благоустраивали площадку около своей школы. Ребята так дружно работали, что просто приятно было смотреть на них. Каждый не хотел выглядеть хуже или маломощнее другого. И работу заканчивали на много быстрее остальных школьников. Поэтому приходилось идти на выручку соседним классам. У Полины Алексеевны вырастали трудолюбивые и правдивые дети.

Но это всё равно не спасало Полину от женского одиночества.

Она ждала, «не уставая ждать». Как написал в своем стихотворении Боря: «И сколько горьких вздохов услышала твоя холодная двуспальная кровать, которая любимого не знала?» Какое правдивое это стихотворение! Повернешься ночью на другую сторону, а там ледяная кровать, и опять вспомнишь эти строки. Опять у Полины широкая кровать, и опять на ней она одна. «Наверно, отняли у нас с Борей судьбу, – горько размышляла Полина. – Разве это не насмешка? Как отделаться от этого? А годы прошли. Лучшие годы...».

Полина всё вспоминала, свадьбу Бори с Ириной.

Боря заканчивал рыбный институт, когда ему исполнилось 22 года. И подружился с девочкой.

И вдруг, до окончания института, сказал Полине:

– Мама, я хочу жениться. Пойдем свататься.

Рассказал Полине о ней много хорошего. Она учится на первом курсе рыбвтуза. Участвует в студенческом драмкружке. Талантливая, веселая. Полина, по материнскому обычаю, его разубеждала, что рано заводить семью, пока не встал на ноги. Но бесполезно.

– Мама, я Киру люблю. И не возражай. Сама – несчастная. Хочешь, чтобы и я был несчастным.

И настоял. Полина пошла с Борей к невесте домой. Она жила далеко, на другом конце города, с матерью и отчимом.

Когда подошли к двери ее квартиры – услышали, что там разгорелась ссора, до крика. Полина подумала: «Не хорошо это, хоть не стучи». Но постучалась. Крик прекратился, сразу наступил мир.

Вошли – хозяева засеменили, как будто ничего не случилось. Мать с дочерью накрыли на стол. Угостились, разговорились. Полина считала, что в свахи она не годится. Но хорошо посидели. Участвовал в переговорах и отчим. Мать с Кирой обещали ответный визит.

Была и ответная встреча родителей невесты на Красноярской улице. Полине запомнилось, что за столом, пред свадьбой и регистрацией молодых, Кира остановила Веру Васильевну:

– Мама, а ты говоришь ложь.

А та улыбнулась в ответ:

– А вам не все равно слушать, ложь или правду?

Нет, не все равно, считала про себя Полина, ложь – это нож в горло. Не понравились и плохие суждения сватья о людях, которые впервые пришлось со вниманием слушать на смотринах.

Полина приняла невесту с матерью должным образом. Невеста Полине понравилась. Смазливая девица. Так что – хорошая пара. А учебу обещала не бросать. Все обговорили. Решили, что свадьбу Боря делает у себя дома, на Красноярской улице.

Он пригласил на свадьбу почти весь свой курс, а Полина – позвала родных и друзей.

Полине пришлось занять деньги на свадьбу в «черной кассе» в школе. Все хлопоты по проведению свадьбы взяли на себя Полинины и Борины друзья. Танцы были под гармонь – до утра. Так отплясывали, что весь дом трясло от радости. А затем тетя Оля осталась ночевать у Полины, а молодые пошли справлять первую брачную ночь к ней на квартиру в центре города. На другой день пришли поздно, долго спали. Но настроение невеселое – что-то не так получилось. Ещё на день свадьбу продолжили, опять посидели хорошо. Обговорили планы и надежды. И Кира стала жить с Борей у Полины.

Полина отдала молодым свою кровать в спальне, а сама спала в зале на диване. Поначалу всё шло хорошо.

Потом время стало поджимать. Боря работал временно штатным корреспондентом молодежной газеты. Но не успевал начертить диплом. Поэтому работу пришлось бросить. Защитил диплом на «отлично». По распределению института был направлен на молочный комбинат в Рубцовск инженером-холодильщиком. Жена Кира была уже в положении, но твердо решила поехать с Борей на Алтай.

И вот Полина поняла, что остается одна. Жутко! Девять лет вместе прожили на Красноярской улице. Боря с Кирой уезжали на Алтай, а Полина бежала за вагоном, давась от слез. Бежала в одиночество. А Боря уехал, оставил мать на три года.

Чтобы забыться, Полина решила заняться своим домом. Дом старый. Навела марафет. Сама сделала ремонт. И ждала писем от Бори с Кирой. Вначале приходили хорошие письма, а потом – плохие. Чувствовалось в них, что молодые живут холодно и не дружно. Мечтают вернуться в Астрахань. Но кто отпустит? По закону молодой специалист после института должен проработать на одном производстве три года.

Полина выхлопотала Кире в рыбвтузе документы для заочной учебы, и срочно выслала ей. Но Кира не училась на заочном отделении института, как в молодости училась Полина.

Она жила одна на Красноярской улице, как уехали Боря с Кирой. Когда выходила утром на работу в школу, любовалась, как в переднем углу лежала ее любимая собачка Валет в обнимку с кошкой Муркой и безмятежно дружно спали.

У Киры и Бори родилась дочка Анечка. А вот жизнь не сложилась. Полина, как всегда, крутилась, не подавала виду, что ей трудно. Это было в 1963 году. А там, на Алтае, без поддержки, молодым еще трудней. Полина купила полушубок Боре, все теплые вещи, валенки и выслала почтой в Рубцовск. Как раз к зиме. Кира начала проситься домой. Молодая еще, выделка, избалованная. Ее мать не зря говорила Полине:

– Не посылайте им деньги. Не соглашайтесь, чтобы они приехали. А то разойдутся. Я знаю свою дочь.

Кира и в Астрахани мудрила над Борей. А он ее очень любил. Полина узнала от людей, что Кира не добрая девочка, и баловница с детства. Учительница, ее соседка, рассказала. Но Полина об этом не говорила сыну. А жизнь у него не состоялась. Еще до Алтая несколько раз Кира, после очередного скандала, уходила ночевать к матери. Однажды в час ночи Полина, почти одна в трамвае, ехала на Ахшарумову улицу за Кирой, уговаривать ее вернуться к мужу. Встретила знакомую родительницу своего пятиклассника, и было неудобно признаться, куда едет. Родительница-то знала, где живет Полина Алексеевна. В этот раз Полина смогла уговорить Киру вернуться и привезла ее домой на такси.

Но и после Кира мудрила над Борей, будучи уже беременной. И по приезду в Рубцовск продолжала капризничать, зная, что он ее любит. У него – первая любовь, но жизнь она не красила. Прошел год работы – молодые собрались в отпуск и поехали на Полинины деньги из Рубцовска домой через Москву.

Безуспешно хлопотали в Москве, в министерстве, чтобы, в связи с рождением ребенка, и ухудшением здоровья родителей, отпустили досрочно с работы молодого специалиста из Рубцовска.

Наконец, телеграмма: «Мама – встречай!». Боря с Кирой и крошкой дочкой Анечкой приехали в Астрахань.

Кира, конечно, была рада. И Боря стал спокойнее. Но, как куда пойдут, так приходят надутые, разругаются.

Боря стал хлопотать, где бы в Астрахани устроиться на работу инженером. Без документов все же устроился в проектный институт. Трудовую книжку завели новую, когда прислали справку из отдела кадров молкомбината.

Жизнь сорвалась с места. Кира начала опять ходить в рыбвтуз, на второй курс, но училась плохо. Продолжались скандалы. Полина, как могла, кормила теперь троих, сама четвертая. Вспомнила большую голодную семью. Боря получал 90 рублей, Полина – 80 рублей, вот и весь семейный доход. Приходилось опять занимать у подружек. Но Кире всё не нравилось, она всё накручивала Борю втихомолку. Полина стала Анечку купать, Кира пристально смотрела на нее и кривила рот в улыбке – не нравилось.

Раз пошли они в город вместе, а пришли нахмуренные, так как чужая женщина ее насрамила, вступилась за Борю, когда она на него кричала. Женщине стало жалко парня, когда он унижался, успокаивая молодую жену.

Да и Полине однажды учительница русского языка с сожалением сказала:

– Полина Алексеевна, что это у Бори за жена? Как она над ним измывается!

Боря все терпел.

А потом Полина Алексеевна приходит с работы, после второй смены, уставшая, а дверь не заперта, в доме – тревожная тишина:

– Кира? Ки-ира?– позвала Полина.

А ее нет. Дверь открытая. Соседка сказала, что Кира толкнула дверь ногой и ушла к матери. А мать повадки дочери знала, были у них на этот счет и потасовки.

Наконец, однажды пришли домой, и Боря заявил Полине:

– Мы уйдем от тебя на квартиру.

– Почему? – обиделась Полина.

– Зачем вы ночью воруете дочку у нас, когда она плачет?– спросила Кира.

– Как ворую? – удивилась Полина.

Анечка ночью кричит, плачет, хочет сосать грудь. Полина, чтобы молодых не будить, потихоньку возьмет ее к себе на диван, положит на подушку выше, и она заснет, согреется. Ведь к утру в квартире ей холодно, пока не истопишь печь.

Полина поплакала от обиды, но потом согласилась. Нашла ребятам квартиру на своей родной Пушкинской улице. Но они не пошли туда. И Кира ушла с ребенком к матери. А там отчим пьет, скандалы устраивает.

Полина после полочки набирала продуктов и привозила на Ахшарумову улицу, где жили сватья с молодыми. А Кира при Полине говорила дочке:

– Нет у тебя бабушки Полины. Есть бабушка Варя.

Затем Боря стал сам не свой. Кира начала вихляться с ребятами, недалеко от Полининой школы. Она теперь жила не далеко от одиннадцатой школы. И Полина слушала о ней от своих коллег-учителей плохие отзывы. Как-то русачка сказала Полине:

– Она твоим сыном прикрылась. А сама недавно неподалеку от нас плохо вела себя с какими-то моряками.

Полина советовала Боре вернуться с ребенком к ней на Красноярскую улицу.

А Боря сказал:

– Все напрасно, мама. Она не изменится.

Полина дала деньги Боре, чтобы он привез семью домой на такси. А Боря вернулся один. Погорился:

– Мама, все равно она не хочет со мной жить. Любовь прошла.

Полине жалко было сына. Но он сам пришел к нехорошей мысли, что навяжут еще второго ребенка, а он жить с Кирой не сможет. И решил, больше на Ахшарумову не ездить. Все равно нормальной жизни не будет. И подал заявление на развод. Ирина не возражала.

Так Боря и развелся с Ирой.

Полина все время себя корила за промашку при сватовстве.

Когда она с Борей вошла с заснеженной улицы, то невольно наследила у порога в квартире будущей невесты. Полина растерялась, извинилась и сказала:

– Дайте тряпку, Боря вытрет.

Она так сказала, потому что самой тяжело наклоняться из-за больных ног.

А Боря вспылит. «Сына представила тряпкой перед будущей женой», – шепнул ей на ухо, вытирая следы в прихожей от мокрых ботинок.

Кира так и считала его «тряпкой».

Правда, просчиталась. «Тряпкой» была Полина, а нее сын.

Так жизнь сорвалась. Кира начала гулять на центральных улицах города с другими ребятами, чтобы Полина и Боря видели, что она не пропадет и без них.

Боря сильно страдал после развода. Кира сказала Боре после суда, что он Анечку больше не увидит. А Боря сильно тосковал по дочке Анечке.

И Полина согласилась на решение Бори – уехать в Подмоскowie к тете Насте. Может быть, удастся там найти работу.

Боря в очередной раз латал крышу дома. И сказал Полине, что крыша сильно прохудилась и стала крениться. Ночью бегали мыши со своим выводком мышат. Дом сидел низко, и внизу под полом все время стояла вода. Полина вспоминала новый высокий дом отца в Петропавловке, под который она ходила пешком. И то полые воды там прогнали их на чердак.

А у Бори появилась возможность вступить в жилищный кооператив у себя на работе. Появилась потому, что его в институте уважали. И Боря стал убеждать Полину, чтобы она продала свой ветхий дом. Трудно ей за ним ухаживать, запасать дрова, топить печь, иметь холодный туалет на дворе. Надо купить кооперативную квартиру со всеми удобствами на деньги от дома, а остальные взносы делать в течение нескольких лет из зарплаты.

Полина плакала, не хотела прощаться с домом, который стал ей родным. Боялась, что не сможет выплатить кооператив, и тогда вообще потеряет жилье. Но решилась, потому что помощник уезжал. Продала дом и вступила в кооператив, в доме, построенном на Ужгородской улице.

Собираясь покинуть Астрахань, Боря решил съездить в Петропавловку, на родину своих предков. И потом рассказал Полине о своих переживаниях.

Когда Боря стоял на Семнадцатой пристани, собираясь взять билет, вдруг ласточка полетела ему прямо в глаза, он еле успел отпрянуть.

– Это плохой знак, – сказала Полина.

– Вот я в этот день и не сел на пароход «Ласточка».

Полина помнила этот пароход «Ласточка», на котором шестилетняя Полина со своей старенькой бабушкой Полей ездила продавать молоко и сыр панер из Петропавловки в Астрахань. Только теперь «Ласточка» состарилась и ходила по Волге, наклонившись на бок.

Но на следующий раз Боря все же поплыл в село Петропавловка по Волге. Навестил дальних родственников. И пожалел эту нищету и развалины сгнивших деревенских домов. Бедные люди, мужики и бабы, выпивали в течение дня стаканами ящик водки, сидя за скудным столом из неструганных досок. Закусывали сухим ржавым судаком.

Боря наловил удочкой в Волге рыбы, сварил уху, поел сам и покормил голодных грязных детей. Таким он должен был бы быть в селе Петропавловке, если бы мать в свое время не уехала в город Астрахань на кривом пароходе «Ласточка».

Полина прожила с Черкесовым только 10 месяцев, и потом 20 лет носила его фамилию – Черкесова. Все документы у нее были записаны на Черкесову, даже кооперативную квартиру нужно было покупать на эту фамилию. И тогда, по совету сына Бори, Полина решила оформить развод с Черкесовым. Несколько раз, возвращаясь домой из школы, заходила она на Татарский базар рядом с Набережной Первого Мая, где жил Черкесов. Наконец, «нечаянно» его встретила. Рассказала о том, что хочет продать дом на Красноярской улице и внести эти деньги за кооперативную однокомнатную квартиру.

Иван Иванович быстро сообразил, в чем дело, и предложил:

– Давай оформим развод.

Договорились – и отлегло от сердца. Необходимо было развестись, потому что по закону неразведенный с ней муж Черкесов мог влезть в кооперативный пай неразведенной жены. Такая зануда может это провернуть и за деньги, за взятку. Так Полина с ним, наконец, разошлась, развели ее с Черкесовым из-за большого срока отдельной жизни – 20 лет.

Боря молодец, что подсказал. Он был самостоятельным. Стал писать стихи и корреспонденции в местную газету. Когда-то написал басню про Америку, когда американцы запустили спутник, а он плюхнулся на землю. Эту басню опубликовали в партийной газете «Волге». И Боря получил большой гонорар, принес матери 100 рублей – первую поддержку.

А к концу лета Боря уехал в Москву. Полина опять бежала за поездом, и махала сизым платком, как подбитым крылом.

А потом, спасаясь от тишины одиночества еще в доме на Красноярской улице, Полина взяла билет в Минеральные воды лечить ноги. Такие поездки помогали заглушить ее неизлечимую болезнь полиартрит, чтобы уцелеть для

дальнейшей долгой жизни. Эти лечения помогали не сидеть дома на «больничном листе» целый год.

Опять Полина осталась одна, одна теперь – надолго. Осталась смотреть свои «вещие» сны о том, что ее сглазил Юсуп. Это было для нее подспудным оправданием перед другими, почему у нее, такой симпатичной и энергичной женщины, не складывалась личная жизнь.

И она рассказывала: «Вот вижу сон. Бегаю от колдуна под землей в лабиринте, хочу выбраться на волю, а не найду дорогу. А он преграждает мне путь. Так было долго, пока я не нашла дорогу. Но вышла на кладбище. И заперты на цепь ворота. Меня не пускают, говорят: “Поздно”. Так и проснулась»...

Позже Боря прислал Полине из Москвы 400 рублей, закрыть досрочно вклад за кооперативную квартиру.

Глава шестнадцатая **НЕРВНЫЙ СРЫВ**

Полина считала проклятием то, что в доме на Красноярской улице, который она продала, все потом умерли. И купившая этот дом дрессировщица собак с мужем умерла, и все дрессированные ее собаки передохли. И никто в нем после не жил. Пока сгнивший дом не рухнул – выпал, как зуб, из «челюсти» четного ряда домов на улице. Остался только туалет на дворе.

Однокомнатная кооперативная квартира на Ужгородской улице, в которой Полина прожила 23 года, тоже родной не стала, как отчий дом на Пушкинской улице.

Жить с Борей Полина мечтала с тех пор, как он развелся с первой женой и уехал без матери в Москву, к сестренке Насте. Она молча согласилась остаться, и прожила несколько лет одна. Опять одна. Такая несчастливая жизнь.

Полина видела, что судьба у нее и сына одинаковая – одиночество. И считала, что это наколдовали злые люди.

Боря больше скучал о семье, а не о матери, ревниво думала она, получая от него регулярные письма ровно на одном листе.

Но однажды Настя прислала осторожную телеграмму: «Вылетай, Боре плохо. Твое присутствие необходимо». И Полина пулей помчалась в Москву.

Ночью с аэропорта поехала на такси разыскивать Гжель, где теперь Настя работала врачом. Хороший таксист попался, но ругал Полину, что пришлось искать дорогу по темному Подмоскovie. Бывают и такое, что попадаются на пути хорошие люди. Снега было много, даже машина застревала, садилась на сугроб, как на стул. Старый шофер сам пошел искать Настю, а Полина сидела в машине. И редела, сочиняя всё худшее в этой тревожной ситуации. Да и денег у нее особых не было, чтобы заплатить лишнюю копейку за труды водителю. Таксист пожалел ее, как мать,

поспешившую к больному сыну. Полина издалека увидела, идет к машине Настя в валенках по колено в снегу. Шофер ночью нашел её по адресу.

– А где Боря?

– В больнице.

Полина еле дождалась рассвета. Пошли с Настей в больницу. Полина спросила лечащего врача:

– Что с ним?

А врач спрашивает Полину:

– Чем болел?

Полина рассказала, что был у Бори какой-то приступ. Потом ее провели в палату на шесть коек.

Полина склонилась над Борей, а он говорит:

– Мамочка, умираю. Сердце болит.

Полина его поцеловала и, не подавая тревожного вида, как бы возразила:

– Разве можно сыну раньше матери умирать?

Что это было у Бори, Полина так и не поняла. Почему приступ? И сердце, вроде, у него здоровое, сказал врач.

У Полины спрашивали: почему мог возникнуть приступ?

– А я почему знаю? – удивилась она.

Полина обо всех болячках Бори рассказала врачам, что и как его лечила. Но о письме бывшей жены не говорила, потому что о нем узнала, когда осторожно порылась в вещах сына у Насти. Боря, должно быть, сильно расстроился, прочитав письмо от Киры. Это письмо Полина нашла ночью в вещах Бори, прочла и была сильно возмущена. Сколько же в ней злобы! А больше – дури. «Об Ане забудь. А я поступлю в институт назло тебе, я закончу. А ты хоть и закончил институт, а остался дураком».

Вот и причина. Все эти неурядицы и стрессы расшатывают нервную систему, и обессиливают организм.

Слава Богу, все обошлось благополучно после болезни. Из больницы домой к Насте Боря не поехал. Полина сняла ему комнату за 30 рублей в месяц у хозяйки в Москве. Чтобы Боре было легче добираться до работы.

Полина перетащила его с вещами на эту квартиру. Сколько она ездила и ходила по адресам. Не хотели парню сдавать комнату – вдруг будет пить-гулять. Но матери хозяйка поверила, что парень хороший. Полина нашла квартиру в Медведково, «угол» в трехкомнатной квартире у хороших людей. Боря очень подружился с их маленьким сыном. Но Полину ждала работа, кончались школьные каникулы, и она вернулась в Астрахань.

А в Астрахани Полина старалась наладить контакт с внучкой Анечкой. Знакомая классная руководительница Ани говорила, что внучка – умная девочка, хорошо учится. Однажды Анечка посоветовалась с классной руководительницей, что ей делать:

– Отец прислал ботиночки белые с коньками. Они мне нравятся.

Отсылать их обратно или нет?

Учительница посоветовала ей:

– Зачем отца обижать? Ведь он делал подарок от всего сердца.

Полина, как бабушка, отвергнутая всеми, старалась завоевать сердце внучки. Это началось с 1 класса, тогда Полина принесла Анечке шоколадку в школу. Но девочка смутилась и убежала в класс. Потом Полина не раз приходила к Анечке в школу, но девочка пряталась от Полины. Видимо, её мама Кира запретила ей встречаться с бабушкой Черновой. После развода с Черкесовым, Полина вернула себе девичью фамилию.

«А что я плохого делала Кире? – причитала бабе Шуре расстроенная этим Полина. – Я сватать Борю пошла. Сыграла настоящую свадьбу, веселую. Выхлопотала документы из рыбвтуза, которые Кира просила выслать в Рубцовск. А вернулись домой – всё старалась Кирочку получше накормить, ребеночка Анечку согреть ночью, когда молодые крепко спали и не слышали, что она проснулась. Нашла молодым квартиру на Пушкинской улице, после того, как они решили уйти из моего дома с Красноярской улицы. Наревелась, но нашла. – Как всегда, слезы непроизвольно лились у Полины, прижимавшей к глазам мокрый платок. – Себя в душе хвалила – хорошо, что не разводила молодых, не ставила вопросы ребром, как делают характерные матери. В Боре вся моя жизнь, и до конца жизни будет. Я учеников любила. Но разве я своего дитя могла не любить? А он взял и уехал. Я после этого поняла, почему он уехал. Подумала, что ему, после развода, плохо с Кирой встречаться в родном городе.

Учительница Полина Алексеевна знала, как бывает ранена детская душа.

В повседневной работе в школе ей часто приходилось встречаться с подранками.

Обычно дети пятых-шестых классов, которые Полина Алексеевна вела, шаловливы, доставляют много огорчений учителям и родителям, очень подвижны и непосредственны.

Но вот увидела тихого ученика, замкнутого, молчаливого. Казалось, он решал в уме трудную задачу, не по годам был серьезен и застенчив. И вид у него – как не у задорного ребенка. Вызывая его к доске, Полина убеждалась, что он сбрасывает с себя эту вялость, и как бы пробуждается, начинает очень хорошо излагать свои мысли. Всегда подготовлен ко всем ответам. Получал только хорошие и отличные оценки. Но после ответа быстро сникал и вновь уходил в свой внутренний мирок. О нем Полина мало знала, потому что только вела уроки математики, и не была его классным руководителем.

А однажды вошла в его класс на перемене, и увидела его очень возбужденным. Он дерзко говорил с какой-то женщиной, которая, как потом Полина узнала, принесла ему гостинец. А ученик не только его не брал, но как-то весь сжался, чуть не плача. Ребята сообщили Полине Алексеевне, что это его мать.

Полина сказала:

– Камиль, разве можно обижать маму? Я была другого мнения о тебе.

А мать, что-то возбужденно сказала сыну по-татарски и ушла.

И вдруг Камиль сказал учительнице со слезами на глазах:

– А вы знаете, зачем она приходила? Она хотела последние деньги у меня отнять. Чтобы я отказался от алиментов, которые она мне платит. А вы меня упрекаете. Вот какая у меня мать.

И столько горечи было в этих словах, что Полине стало искренне жаль мальчишку. Она не нашлась, что сказать. После узнала, что эта мать и сына Камиля и его брата оставила с отцом, а сама уехала с любовником. Долго ее искали, и судом взыскали с неё алименты. Теперь она платит, а новый муж – против. Оба пьют и часто меняют работу. И вот эта мать набралась наглости придти в школу и отнять у родного сына алименты, задобрив его шоколадкой. Пришла отнять последний кусок изо рта своего сына. В ней не заговорила ни тоска по ребенку, ни утрата сыновней ласки. Вот и причина печали этого еще не сформировавшегося подростка. И больно за него. А он растет умненьким. Окончил 8 классов с похвальной грамотой. Все время был в числе лучших в классе. Поступил в техникум. Выучится, не пропадет.

Неужели, думала Полина, не страшно видеть раненое кровное дитё, которое бросает тебе в глаза обвинение в том, что родная мать, погубила его, виновата в том, что он растет с опустошенной душой? Ведь душа ребенка легко ранима. И эта рана остается на всю его жизнь.

А мать ещё пришла уговорить Камиля, чтобы он отказался от алиментов. Видимо, ему было очень больно, что последняя материнская нить рвется. И он рассказывал Полине Алексеевне о своем горе, заливаясь слезами.

Случались у Полины и поражения в работе с трудными детьми. Были недисциплинированные ребята. Но одного из них, особого ученика, Полина не могла отнести ни к кому из них. Он всех превзошел. Учился в 5 классе. Парень способный. Но настолько желчный и ехидный, до невозможности. Полина Алексеевна сказал даже ему:

– Где у тебя скапливается зло и откуда оно берется?

Он буквально не давал вести урок. Дети были на стороне учителя. Сами выводили его из класса. Но и это не помогало. Он становился еще агрессивнее. Полина давно поняла, что ругань и уговоры его не остановят. Он умный. Делал свой «ход конем», чтобы обойти все запреты учителя. Тогда Полина решила молчать, не делала ему замечаний, совершенно игнорировала его поведение в классе и призвала к этому всех учащихся. И ему стало скучно сидеть на уроках. Но агрессивность его только увеличилась.

Когда кончился урок, он был крайне недоволен, что не весь яд израсходовал. И на перемене, пока Полина занималась с ребятами у доски, он схватил девочку – отличницу, и положил ее спиной на стол, прямо на дорогие очки в золотистой оправе, которые Полине подарил сын Боря. Очки поломались. Полина даже расплакалась. И так ей было не по себе, что первый раз в жизни ей захотелось залепить ему затрещину.

Тогда этот злобный подросток скривил рот, ехидно усмехнулся и сказал при всех учительнице:

– Попробуй!

Полина остановилась, и ушла из класса.

Но нервы было трудно унять. Она решила пойти к провинившемуся ученику домой с этими очками. Ей хотелось выяснить, почему он такой невыносимый. В его квартире застала бабушку и двух братьев. Бабушка, мать отца, рассказала, что отец их оставил. Дети, действительно, не выносимые змееныши оба, и их мать – такая же. Мать – инженер, отец геолог. Хулиган выскочил из комнаты – и кинулся на бабушку с кулаками:

– Заткнись, старая карга!

Полина пыталась его остановить:

– Разве так можно говорить старшим?

– А вам нечего здесь делать, – ответил ученик.

Полина поняла, что действительно очень трудно сделать из мальчишки что-нибудь хорошее.

На другой день завуч отдала Полине Алексеевне ее сломанные очки, которые она оставила бабушке. Оказалось, мать, вместо того, чтобы как-то наказать сына, обвинила учительницу и вернула с бранью очки.

А завуч ещё и попеняла Полине:

– Не тронь – не воняет. И надо вам было отнести поломанные очки. Что у вас двух рублей не нашлось отремонтировать?

Вот так оба повоспитывали наглеца, и родная мать и завуч.

Очки Полине удалось отремонтировать. А вот гадкую душонку так и оставили ядовитой. Правда, при встрече через три года парень извинился.

Полина Алексеевна спросила его:

– Ну, как, изменился, или такой же?

Тот ответил, ухмыляясь:

– Повзрослел, стал умнее.

А его классная руководительница сказала:

– Такой же ехидой был во всех классах. Зол на всех.

Полина, как учительница, была всегда на людях. И не только в школе на уроках. Она устраивала постоянно, как классный руководитель, в целях профессиональной ориентации, экскурсии учеников на предприятия города. На них учащийся знакомился с заводом или стройкой, чтобы после окончания школы легче выбрать профессию в жизни.

Например, посещали судостроительный завод имени Карла Маркса. Собирали собрания с учащимися и передовиками производства, которые знакомили ребят с различными видами работ на заводе. Желающих узнать больше, прикрепляли к мастерам, и они показывали школьникам работу на своих станках. После окончания 8 класса многие мальчишки пошли работать на подшефный завод.

При посещении Молочного завода технолог провел Полининых ребят по всем цехам. Дети видели, как изготавливают масло, мороженое, как работают автоматы, делающие вафельные стаканчики. И ребята, в длинных белых халатах, с горящими любознательными глазами, получили неизгладимое впечатление. Организация таких экскурсий по профориентации

поднимал в глазах учеников авторитет любимой учительницы Полины Алексеевны.

С гордостью Полина сказала им, что ее сын Боря работал инженером-холодильщиком в Рубцовске на таком Молочном заводе. И это повысило еще больше внимание ребят к этому предприятию.

Ходила Полина Алексеевна с ребятами и в Инкубатор. Ученики видели весь процесс появления цыплят. Их много, очень много. Каждому ученику захотелось взять в руки, маленький желтенький комочек – новорожденного цыпленка, прижать его к щеке и поцеловать. А они, глупышки, доверчиво, лезли к ним в руки, суетились.

Полина проводила и классные собрания на производственную тему. Приглашала на них родителей с конкретного предприятия. И они рассказывали классу о своей работе, о ее положительных сторонах. Рассказывали, как получить соответствующую специальность, какие учебные заведения нужно окончить, чтобы стать, например, летчиком, наборщиком в типографии, инженером на маслозаводе, мастером в лаборатории инкубатора. Так это увлекало учащихся, открывало им целенаправленность в жизни. Конечно, все это Полине Алексеевне нужно было организовывать и действовать по определенному плану.

Впоследствии, некоторые ее ученики поступали работать на знакомый со школы завод.

Полина доверяла детям, считалась с их мнением, особенно на классных собраниях. Отрадно было наблюдать Полине, как сами дети «воспитывали» своих товарищей, как болели друг за друга, если кто получил двойку, и старались ему помочь. Назначали сами «репетитора», и репетитор болел за нерадивого ученика больше, чем он сам. И успеваемость в классе была всегда хорошая.

Мало того, что власти лишили Полину возможности обучать старшекласников, так еще часто давали ей 5 «Г» класс, самых отстающих детей. Не была Полина в милости у дирекции, оправдывая себя тем, что горой была за детей. Она никого никогда не отсеивала, а работала, не покладая рук, привлекала коллектив класса, родительский актив, доходила до руководителей предприятия, где работали родители неуспевающих учеников. Полина понимала, что тяжело им с такими неуправляемыми детьми, и старалась, как могла, вместе с ними положительно влиять на ребенка. Вначале подросток не понимал стараний учительницы, но потом все ее благодарили: и дети, и родители. Сколько она слышала добрых слов благодарности на своем веку.

– Полина Алексеевна, если бы не вы, я потеряла бы Любочку. Только благодаря вам она окончила десять классов. А теперь она счастлива. Работает хорошо. Вышла замуж. Все удачно, – благодарила ее родительница Любочки Хомутовой. Потом Полина встретила эту повзрослевшую Любочку, когда она приехала с Курил, где стала работать врачом. Как она хорошо говорила своим детям – десятиклассникам при Полине Алексеевне, с какой искренней

благодарностью: «Моя и наша любимая учительница»; «Милая наша Полина Алексеевна».

Как-то Полина встретила в трамвае своего бывшего ученика Сашу. Он выучился на инженера-наладчика по автоматике. Он так уважительно говорил с Полиной Алексеевной и благодарил ее за учебу, что все пассажиры в трамвае обратили внимание и с благодарностью смотрели на нее, как ей показалось. Полине было немного неудобно. Но приятно, что то добро, которое она сделала, дало хорошие ростки. Так Полина старалась поболролить свое одиночество.

Полина знала прекрасных учителей, с отличной дисциплиной в классе и твердым характером. Ученики их боялись и послушно выполняли все требования, а уважать их по-настоящему не уважали. Давали им прозвища, замечали их недостатки.

– Мы знаем, – говорили они Полине Алексеевне, – кто отдает нам здоровье и все свое свободное время, а кто урокодатель, только получает деньги.

Полина понимала, что дети хорошо раскрываются, когда с ними ходишь на прогулки, в походы, на экскурсии, в кино, то есть когда общаешься в непринужденной обстановке. Тогда они могут откровенно доверять наставнику. Но если не оправдал доверие, дети не могут прощать.

Одна мать бросила своего ребенка со слепой бабкой, а сама вышла замуж. Мальчик был уже готов распрощаться со школой. Много пришлось Полине с ним повозиться, чтобы он окончил восьмой класс. И вот встретила его после службы в Армии. И что понравилось, он вначале осведомился о здоровье учительницы. А потом рассказал:

– Вот устроился работать. Матери нужно помочь, у нее семья. Теперь на моих плечах две семьи.

Так тепло о ней отозвался. А ведь когда-то она и в школу к нему не приходила.

У Полины Алексеевны не было семьи в квартире, но в классе была всегда дружная школьная семья: один за всех и все за одного. С ними она не боялась ходить в походы, так как знала, что у нее помощники – все.

Правда, были случаи, когда их за городом окружали хулиганы, и ребята жались к учительнице. И Полина Алексеевна была уверена, что их защитит, что это её кровное дело, и не может быть иначе. Она подсказывала детям, как себя вести, и все заканчивалось благополучно. Полина считала, что она – хозяйин положения. Она – друг, мать, учитель, заступник – и ничего с детьми не случится. Их защищала вера и сплоченность.

Полина не раз встречалась с фактами, когда трудные подростки ушли из-под повиновения родителям, которые опустошили свою душу. Мирок их закрыт и узок: водка, брань, разочарование. Эти дети не получили тепла ни в школе, ни дома, и зачахли физически и морально, не успев расцвести.

Хорошо помогали Полине Алексеевне в работе с учащимися председатели родительских комитетов. С некоторыми из них Полина подружилась на всю жизнь. С ними она посещала квартиры нерадивых

родителей и неблагополучных детей, ходила на предприятия, где работали родители трудных подростков, вызывала отцов и матерей на родительский комитет школы. А хорошим родителям помогала советами, добрыми примерами.

У Полины был замечательный актив класса, где учащиеся сами прорабатывали нерадивых учеников за их плохую успеваемость и поведение в школе. Иногда это были более действенные меры, чем даже работа с родителями. Учащиеся организовывали им помощь, настоятельно требовали от своих одноклассников изменить отношение к учебе, требовали с них по своим «законам».

Задача была одна – оторвать неуспевающего ученика от плохих дружков и от улицы. Полина Алексеевна боролась за судьбу ребенка, и часто побеждала. Все подопечные учащиеся стали настоящими людьми.

Первый, конечно, Христофор. Как он плохо и лениво учился! И только при хорошей обоюдной работе Полины и его родителей, окончил школу. Она без конца была у него дома, вызывала его на родительский актив. Просила, требовала, приказывала и проверяла. И если бы вот так не тянуть за уши, не удалось бы сделать его человеком. А он поступил в мединститут и окончил его. Даже не верится, что Христофор уже работает врачом. Теперь его и рукой не достать, во всех отношениях.

Или второй – Саша Катмарчиев. Он не хотел учиться, был трудным ребенком. У Полины Алексеевны училась его старшая сестра. Она как-то сказала:

– Вот, Полина Алексеевна, кому попадет Саша, хлебнёт с ним горя.

Саша «попал» случайно в класс Полины Алексеевны. И она убедилась, какое «золото» ей досталось. Ходила к его родителям, не раз объяснялась с его отцом и матерью. Была у них на производстве. Отца много раз вызывала на актив. А однажды парень так рассвирепел, что угрожающе пошел на неё. Учительницу! Она так и думала, что он ударит ее по лицу. Но Полина безмятежно смотрела на него – и в нем что-то заклокотало. Он остановился, ничего не сказал и не сделал, а сел на место. А Полина поняла, что была резка с ним. И это был переломный момент. После она видела его обескураженным и даже заискивающим. Он позже часто был у неё дома в гостях с ребятами. И корил себя:

– Каким я был дураком! Непростительно.

Полина Алексеевна его утешала:

– Саша, не казни себя. Что было, то было. А вот теперь этого нет. Я рада за тебя.

Он окончил школу. Хорошо учился в мединституте. Был общественником, уважаемым студентом. Может, и работать будет хорошо.

Так что нужно верить в исправимость трудных детей, считала Полина.

Был у неё ещё один «уникум». Очень недисциплинированный. Сидел на последней парте и не хотел совершенно работать, порой лежал на парте. Взглянешь, а его нет, где он – или сидит под партой, или лежит на сидении.

Полина Алексеевна билась-билась с ним, и наконец, перестала обращать на него внимание. Все его трюки не стали действовать на неё. И парень сразу бросил хулиганить. Кое-как, но сдал экзамен за 7 класс. И куда-то уехал с родителями. Прошло много лет.

Однажды Полина идёт по школьному коридору, смотрит, стоит в коридоре молодой человек. Одет, как говорится, с иголки, в коричневом костюме. Поздоровался.

– Полина Алексеевна, вот я приехал. Зашел в школу. И мне стало стыдно за себя. Сколько я вам причинил вреда! Простите меня, дурака. Как плохо, что мы тогда это не осознавали.

Полина узнала его:

– Хорошо, что ты самокритичен и что раскаянье пришло.

Поговорили о его жизни. Он живет в Москве, женился. Рассказал о своем брате, который тогда учился в Полининой школе. Удивительно, но его брат был совершенно другим, спокойным, талантливым ребенком.

Опыт Полины Алексеевны по успешной внеклассной работе с детьми дошел до городского руководства, и ей предложили выступить уже не на педсовете, а на городской учительской конференции. Она, конечно, сильно переволновалась. Но подготовила тезисы доклада и хорошо выступила.

Вот, например, что она сказала о педагогическом такте в воспитании детей.

Все мамы и папы хотят воспитать своих детей людьми, отвечающими самым высоким моральным требованиям. Конечно, личность ребенка складывается во многом под влиянием семейных отношений. Успех воспитания часто зависит от умения найти подход к ребенку. Наиболее распространенной ошибкой, приводящей к неудачам в воспитательной работе с подростком, является незнание, недооценка или игнорирование родителями его возрастных особенностей. Многие родители в недоумении спрашивают:

– Ну, что за трудный возраст? Как хорошо вел себя сын два года назад. Мы с ним обращаемся так же, как и раньше, а мальчика не узнать. Словно подменили. В чем дело?

Трудности во взаимоотношениях с подростком потому и наступили, что все осталось так же, как и раньше. А в действительности дети понимают, что они далеко не те, какими были. Они, в какой-то степени, достигли зрелости. И окружающие должны относиться к ним, как к взрослым. Как видите, взрослые считают подростка еще ребенком, а он сам себя считает уже взрослым, – зачитала Полина по подготовленному конспекту. И старалась больше в конспект не заглядывать, а обращаться к учителям на первых рядах, некоторых она знала и искала в их лицах поддержку.

Дело в том, что в подростковом возрасте школьник изменяется. Эти изменения и дают основание считать его взрослым. Требуют иного подхода к нему, чем раньше. Самое важное – всегда проявлять уважение к

человеческому достоинству ребенка, к его стремлениям. Бестактное поведение родителей, непонимание взрослыми возрастных особенностей детей порождают подчас тяжелые конфликты в семье. Подходить тактично к ребенку – не значит угождать его прихотям, капризам. Педагогический такт предполагает сочетание высокой требовательности с пониманием души ребенка, умением вовремя найти нужную меру и форму воспитательного воздействия. Источник такта родителей – в любви к детям, в сознании своей ответственности за их воспитание. В подростковом возрасте повышается роль разъяснения, убеждения, всякого рода словесных воздействий, так как значительный рост духовного и морального уровня подростка, развитие у него способности к логическому мышлению представляют большие возможности для того, чтобы доказать, внушить, разъяснить своему ребенку соответствующую идею, правильную мысль.

Подросток часто бывает польщен, что взрослые обращаются к его разуму, рассчитывают на его понимание, тем самым высоко оценивая его мыслительные способности. У него возникает желание оправдать эти надежды, быть достойным такого отношения.

«Был у меня такой случай, отвлеклась от конспекта Полина Алексеевна. И рассказала.

Неблагополучных детей скопилось по школам так много, что решили их собрать в одну из школ с трудовым воспитанием. Учащихся, которые не желали учиться, отправляли в эту школу.

В одном из классов, где Полина преподавала математику, но не была классным руководителем, она обратила внимание на способного ученика Петрова, с пытливым умом и доброй душой.

Ведь хулиганы есть бездарные, а есть способные. Вот и Саша имел способности по математике. На всех уроках безобразничал, а на уроке математики, у Полины вел себя хорошо.

И вдруг он ей говорит:

– До свидания, Полина Алексеевна. Завтра меня переводят в семнадцатую школу.

– А тебя-то за что? – удивилась Полина Алексеевна. – Ты хорошо занимаешься по математике.

Ей стало жалко парня. Не разовьет способности, если дальше не будет учиться.

Саша замялся и ничего не сказал. Но душонка дрогнула.

В этот раз из Полининой школы была отправлена довольно большая партия неуспевающих школьников из разных классов.

И вот в день 8 марта, который тогда не был праздничным, когда Полина Алексеевна вела урок, вдруг открывается дверь. Улыбающийся школьник Петров говорит:

– Полина Алексеевна, можно войти?

Она приостановила урок. Дети все устремили взгляд на своего бывшего одноклассника. Он идет и торжественно несет первые цветы – подснежники

и кладет на стол. Поздравил учительницу с Международным женским днём. Полина поблагодарила его. И все ребята притихли, видимо, не ожидали такого поступка от парня, которого хорошо знали по школе, как хулигана. Но математику он любил и видел, что Полина Алексеевна его понимает.

Значит, искра добра не погасла.

Другой хулиган был в школе, тоже способный. Директор хотел от него избавиться. Парень не хотел учиться и рвался поступить в ФЗО.

Полина его просила только об одном:

– Дай слово, что ты будешь продолжать учиться в вечерней школе, занимаясь в ФЗО.

Он обещал. И сдержал обещание. С какой стати он терпел с утра до вечера – учась и в ФЗО, и в школе? Увлёкся самовоспитанием.

Полина учила своих ребят ставить перед собой цель: самого себя содержать. Для этого надо получить специальность. Предложили учиться на сапожника – стань хоть сапожником. Тем более работа – не в грязи, но с лапкой и молотком, и в чистоте, и в тепле. Люди рядом хорошие. Машины есть, светло. То, что он учился в ФЗО и в средней школе одновременно, приучило его распределять силы на два фронта. Потом и в судьбе эти два фронта были: работа и общественная нагрузка. Работа на 200 процентов, было тогда такое соревнование под девизом: «За себя и за того парня». Потом, продолжая работать, учился в Высшей партийной школе. С детства, со школы взял на себя большую нагрузку, второе дыхание открылось – и большего добился. Итак, стал передовиком.

Некоторым родителям кажется – раз дети взрослые, то можно ослабить к ним внимание, мол, сами справятся с трудностями. Действительно подросток сообразительнее младшего школьника, и все-таки он очень нуждается в руководстве, в чутком внимании родителей, потому что развитие его личности в эти годы идет через преодоление противоречий. Большое значение в формировании характера подростков имеет личный пример родителей. Начиная считать себя взрослым, подросток стремится подражать поступкам и действиям людей, наиболее близких и авторитетных для него. Родители должны предъявить к себе, к своему поведению самые строгие требования. Они должны стать примером принципиальности, волевых качеств, скромности, чуткости, трудолюбия. Для детей младшего возраста родители – закон, их мнение обычно не нуждается в доказательстве, принимается ребенком на веру. Опыт и знания подростков дают им возможность критически относиться к мнению и поступкам старших. Не удивительно, что рушатся родительские авторитеты, не подкрепленные личными примерами. Попытки использовать грубую силу, принуждение все чаще встречают решительный отпор. Разумеется, нельзя ожидать, чтобы все родители не имели недостатков и не допускали промахов в своем поведении. Если подобное произошло, то самое лучшее – это в подходящей и тактичной форме признать перед ребенком свою неправоту.

Полина на собственном примере убедилась в этом. Когда на какую-то провинность она сгоряча взяла ремень, десятилетний Боря вдруг сказал, как-то по-взрослому: «Не бей! А то хуже будет». И у Полины руки опустились. И ремень был навсегда забыт.

«А как же наказывать?» – обратилась Полина Алексеевна с трибуны к внимательной учительнице по русскому язык, сидящей в первом ряду актового зала. И потом продолжила рассказ, опять заглядывая в свой конспект, чтобы не сбиться, тем более не исказить цитату.

Макаренко писал: «Я не видел ни одной семьи, где физическое наказание приносило бы пользу. Ударить – это значит признать свое полное бессилие. Это значит, может быть, навсегда разорвать хорошие отношения».

Необходимо, чтобы наказание было справедливым и переживалось, как справедливое. Осуждая подростка, очень важно выбрать правильную форму этого осуждения. Очень тяжело переживает подросток, когда осуждение происходит в присутствии посторонних, особенно – при его друзьях. Ни в коем случае нельзя подвергать подростка физическим мерам наказания, так как они могут привести или к озлоблению, или к лицемерию и лжи.

В центре внимания отца и матери продолжает оставаться школьная учеба детей. Помочь в этом труде теперь сложнее, особенно если родители не имеют достаточного образования. Но это не страшно. Главное, ребенок знает, что его проконтролируют, и ваше постоянное внимание дисциплинирует его. Иногда утверждают, что подростки якобы прекрасно понимают правильность нравственных требований, да вот только выполнять их не желают. Отсюда их раздвоенность сознания и поступков. В действительности же подростки имеют лишь поверхностное представление о сущности многих моральных норм. Обязанность семьи, вместе со школой настойчиво и терпеливо разъяснить подростку содержание моральных принципов. При этом надо действовать убеждением, опираться на положительные примеры окружающих ребенка взрослых.

Аплодисменты зала ободрили Полину Алексеевну. И она, вся разгоряченная, под села к своей знакомой русачке на первом ряду, которая одобритительно пожала ей локоть.

Но руководство школы было удивлено, что Полина Алексеевна хорошо выступила на учительской конференции. И это ей сказали чуть ли ни в глаза. Полина очень расстроилась, а Боря неожиданно предложил матери восстать против ярлыка, который к ней несправедливо приклеили из-за мести директора школы Липецкой. Уж и соперница ее давно умерла.

И Полина восстала. На педсовете она добилась положительного решения – ей разрешили преподавать в старших классах. Она не отдала

другой учительнице по математике свой 8-й класс, а стала его вести до 10-го класса. Но далось ей это с большим трудом.

Почти на каждый урок ходили к Полине Алексеевне или завуч, или работник РАЙОНО, изводили ее по страшному. Но Полина выдержала эти нервные трепки, и дети ее не подвели.

Это – чудные ребята, всех национальностей, но больше – татар, так как школа находилась в районе Царева, где жило много татар. Полина вела их с 5 класса. Они росли у нее на глазах. Так дети сдружились с ней. И очень её уважали. Дети почувствовали беду, и решили ей помочь, были «на стреме». Они от кого-то из родителей даже узнали, что когда-то Полина Алексеевна отняла у директора этой школы любовника. И за это ее лишили преподавания в старших классах. И вот эта месть заработала. Завуч методически приходил на уроки восставшей учительницы. И все ему у неё было не так.

А дети успешно учились по математике. Хотя немилость завуча была чрезмерной. Видимо, он считал, что дочери «врага народа» можно так вредить.

Завуч ходил и ходил на уроки Полины Алексеевны. И не только учительница, но и ученики уже еле выносили эту нервотрепку.

И однажды хороший ученик Рафик шепнул учительнице:

– Полина Алексеевна, разрешите нам сделать ему «темную».

Полина даже испугалась:

– Что вы! Ни в коем случае! Иначе я пропала, – взмолилась она.

Испытания стоили Полине многих сил и здоровья. Особенно тщательно готовилась к урокам. И доказала, на что она способна.

Однажды Полина вошла в класс. Как всегда, начиная урок, подняла глаза на последние ряды, ожидая увидеть завуча. А там, на последней парте, сидит незнакомый, интеллигентный мужчина. Полина подумала – может быть, какой-нибудь родитель. Но почему без просьбы?.. В классе ребята сидят чинно и готовы к уроку, словно к бою. В этот раз была исключительная активность учеников. Только учитель задаст вопрос – сразу лес рук. Все работали лучше, чем раньше, Много сделали. Гость всё записывал. Полине урок самой понравился – всё успела сделать, что наметила, до звонка. По окончании урока все встали и облепили Полину Алексеевну с вопросами. А незнакомый мужчина подошел, подал Полине Алексеевне руку и сказал:

– Спасибо за урок. – И ушел.

Когда Полина зашла в учительскую, менять классный журнал, её доброжелательница – учительница русского языка спросила:

– Ты знаешь, кто у тебя был на уроке?

– Нет, – призналась Полина.

– Сам заведующий ОБЛАНО, – привстала со стула русачка. – И сказал, я слышала сама, в учительской: «К этому учителю хоть пятнадцать проверяющих присылай. Прекрасный урок. А дети – знающие...».

Полинины учащиеся всё старались сегодня это показать. Но и на самом деле дети знающие. Десять человек сдали экзамен по математике в рыбвтуз на «отлично». Одна – в пединститут. И несколько – в мединститут, отчитывалась позже Полина перед своим сыном Борей. И он был рад, что мать победила: «Ты сделала это!»

Они сами и развивали свои способности, а Полина им помогала. Так, Жалилов, татарин, хорошо рисовал – и оформлял сцену. Они КВН впервые в Астрахани устроили, и много давали концертов. Полина их защищала от зажимов. На выпускном вечере родители устроили прекрасный ужин, а дети все от классного руководителя не отходили – ни на шаг. Для детей было организовано родителями чаепитие, и всякие сладости. А для учителей – особый стол. К этому столу вдруг подошли два высоких парня, взяли Полину Алексеевну под руки, подняли из-за стола и усадили за стол с учащимися. Дело пошло, как всегда в класс часто бывали огоньки на 8 марта и на 23 февраля с угощением. Все организовывали сами, а Полина Алексеевна – гость у тортов за столом.

И вот что случилось в конце. Жалилову решили на педсовете поставить «тройку» за поведение. Полины Алексеевны на этом педсовете не было, она заболела. А когда пришла в школу, то стала разбираться с директором. Выслушав её, он сам предложил собрать новый педсовет и изменить оценку в дипломе парня. Полина Алексеевна собрала учителей и доказала, что это ошибка. Просто одна учительница разозлилась на Жалилова и сказала, что он бесплатно ничего не делал. Но эта поговорка была не к месту. Жалилову никто ничего никогда не платил. Он просто любил рисовать. И мог всю ночь просидеть над стенгазетой, чтобы она была лучше всех и радовала не только его, а весь класс. Вот как было. Есть же такие завистливые люди, что рядом с добром обязательно сделают зло. Учителя поддержали Полину Алексеевну и решили исправить оценку. Директор заверил исправление печатью.

Полина переживала за то, что из-за неё в немилость попали и её дети. Завуч не унимался, он поставил себя ассистентом на экзаменах и прямо в глаза сказал Полине Алексеевне:

– Посмотрю, какие у тебя пятерочки.

Но самому пришлось поставить пять пятерок, а две снизил до четверки, хотя эти учащиеся весь год занимались на 5. Из-за этого у него разразился конфликт с родителями этих отличников – Шамяля и Рауфия. А они поступили в рыбвтуз, на отделение автоматики и сдали математику на отлично, и стали получать повышенную стипендию.

Так, Полина Алексеевна выпустила учащихся 10 класса. Были дружные ребята. После они еще 10 лет встречались вместе со своей любимой Полиной Алексеевной в ее кабинете № 5 на четвертом этаже школы. Многие из них окончили институты, рыбвтуз – 10 человек, медицинский институт – 4 человека, пединститут один ее ученик, главное – окончил математический факультет.

Шамиль был и остался первым учеником. Этот парень – с особыми способностями. Он учился полушутя, полусерьезно. И был всегда первым и в школе, и в институте. Юра в Москве окончил МЭИ на «отлично», был секретарем комсомольской организации своего курса.

Полина считала, что она правильно давала широкую возможность детской творческой работе. Не ущемляла их любознательность и инициативу. Когда Полина во время её болезни заменила другую преподавательницу, она была поражена активностью ребят, и сказала Полине:

– Почему ты им даешь право спорить с собой? Я своих держу в кулаке.

А это как раз плохо. Если учащийся сам увидит, что неправ, он прекращает с Полиной Алексеевной спор. А в здоровом споре рождается истина. Такое свободомыслие в рамках программы, а иногда и за рамками ее, развивает ребенка. Это с годами формирует личность молодого человека, не ограниченного и не парализованного авторитетом и строгостью наставника. Учителю и ученику нужно уважать друг друга. После своей победы Полина почувствовала, что, оказывается, она могла хорошо работать, но инициатива ее и творческие возможности раньше были принижены и скованы, несправедливым ярлыком самовластных людей. Но для детей Полина Алексеевна осталась настоящим учителем и другом.

В Москве Боря познакомился с Валей. Свадьбу сыграли в ресторане «Прага».

Сын женился уже второй раз, и Полина думала, что, слава Богу, его определила. Сын далеко, в другом городе, у него своя семья. Теперь нужно и себе жизнь устроить, чтобы была рядом живая душа. Ее так не хватало Полине. Женское одиночество её заедало. Но все было непросто.

Глава семнадцатая

«ЗАЧЕМ СОРВАНА ТЫ, НЕСЧАСТНАЯ РОЗА...»

В Москву теперь Полина ездила часто. Ведь появился внук – Борин сын Максим. Полина почти каждый год выезжала на каникулах для лечения ног в Пятигорск. То дикарем, то Боря доставал для нее путевку у себя на работе. Так сильно болели ноги, полиартрит их ковал и травмировал. А из Пятигорска она заезжала к сыну в Москву.

Берегла внука, как и сына, до исступления. Даже грозный свекор, глядя на ее старания, разрешил один раз Полине Алексеевне с маленьким Максимом приехать к нему в Киев на отдых летом. Он с женой Верой Алексеевной жили в центре Киева в хорошей трехкомнатной квартире. Жена в это время гостила у дочери в Москве.

Когда-то Георгий Константинович работал в Госснабе Украины замзавом отделом. Конечно, у такого бывшего начальника в Киеве Полине было тяжело, но справилась. Максим был настолько мал, что еще не понимал страха. Бежит-бежит, а Полина с больными ногами – за ним, и с замирание

сердца от страха за него, потому что не успевает. Гаркуши жили недалеко от Крещатика, на углу улицы Кирова. Мальчик вырвет ручонку – и выбежит из бульварного садика, а здесь нет загоронок, и машины снуют, как сумасшедшие. Но Господь спас, все обошлось хорошо.

Полина даже решилась на самовольный поступок, не сказав никому ни слова. Только у Бори, при разговоре по телефону с Москвой, попросила, чтобы он прислал на главпочтамт ей немного денег.

Боря выслал 30 рублей. У Полины было тоже немного денег, но 50 рублей она сразу отдала деду. И он кормил гостей кроликами. А на базаре столько прекрасных фруктов! Густой настой опьяняет. Полина решила сама покормить внука фруктами, особенно крупной сладкой черешней (лутовкой). Зашла с ним в кафе, попросила у официантки блюдце с ложечкой, помыли руки, сели за стол. А денег, чтобы отблагодарить официантку, у неё после базара уже не было. Все сделала за спасибо.

Дед тоже угощал внука клубничкой, но мелкой.

– Она кислая, – ёжился Максим. – Кислая. Не буду.

Он его стегнул веревочкой:

– Ешь!

Полина кинулась к Максиму и отняла его у сердитого деда. Полина и у родителей иногда отнимала ребенка, когда они сильно раздражались от его капризов. А Максим синел в слезах от их шлепков.

– У него младенческая будет! – кричала Полина. – Нервный приступ – смотрите, как закатывает глаза.

Молодые родители, еще не знали подхода к воспитанию ребенка, как хорошо знала учительница Полина Алексеевна.

И в этот раз дед разозлился на Полину Алексеевну. Но все быстро прошло.

Полина купалась с Максимом в Днепре, загорала с ним на пляже. Покупается – и садится на песочек греться на солнышке. А Максимка намажет себя грязью и бросится в воду. Полина начеку – бросается за ним в Днепр. Ребенок не боялся, знал, что бабушка рядом.

Но однажды случилось непредвиденное. Какой-то пьяный мужик купался недалеко от Полины. И вздумалось ему пройти мимо неё, волоча за собой воду. Музырил ногами – и брызги долетели до Максима, попали ему в лицо. Он испугался, схватился обеими руками за лицо. Полина его подхватила из-под брызг, и он вцепился в неё. Конечно, оба перепугались.

Полина узнала из разговоров на берегу Днепра, что церковь находится недалеко от пляжа. Уходя с Максимом из дома, Полина взяла с собой 10 рублей и решила узнать, сколько стоит крещение ребенка. Но когда подошли к церкви, увидели, что служба уже кончилась, и церковь была полупустая. Полина спросила сначала монашку, сколько стоит покреститься. Та направила Полину к двери в келью священника.

Осторожно войдя туда, Полина поздоровалась и спросила батюшку:

– Можно окрестить ребенка?

Он ответил:

– Нужно согласие отца и матери.

Само крещение, Полина знала, по правилам коммунистов страны, может на работе выйти боком отцу и матери. Но была готова принять этот поступок на себя. Она стала объяснять, что она бабушка, учительница, в гостях с внуком, что у нее ничего с собой нет.

Батюшка задумался, но потом решительно сказал:

– Зайдите, – и указал Полине на другую приоткрытую дверь, а сам ушел.

Полина с Максимом вошла в другую комнату, наверное, крещальню. Там стояли купель и висят иконы. Подождала священника. Он вернулся с теплой водой в кувшине.

Крестной матерью Максима назвали Полину, а крестным отцом – Бориного другу Мишу Мамаева.

Батюшка взял священную книгу и начал читать молитвы. А Полине велел раздеть Максима. Вначале Максим испугался, вцепился в бабушкину шею, прижался к ней.

А Полина стала его раздевать и успокаивать:

– Максимка, я с тобой. Все хорошо.

Максим успокоился. Священник поставил его в купель. Читает молитвы и обливает Максима водой. Ребенку понравилось. Батюшка долго читал молитвы, и гладил Максима по голове. А потом спросил, есть ли рубашонка. Полина крестильную рубашку не успела купить. Но она, как всегда, взяла ему чистую рубашку на пляж – переодеться после купания.

Батюшка кивнул головой и спросил, есть ли крестик на ленточке. Полина отдала ему 10 рублей, смутившись, сказал тихо:

– Больше у меня нет с собой.

Батюшка ничего не сказал. Затем дал поцеловать Максиму крест и иконку. Полине казалось, что Максим все выполнил с большим «пониманием». И Полина пошла с ним к иконам. Батюшка велел надеть на Максима чистую рубашку. Полина, крестясь, шептала молитвы, какие знала от своей матери Аксины. И Максим, подражая, то же самое стал делать и кланяться. Что уж он там лепетал, еще говорить, как следует, не умея. Полина и Максим поцеловали иконы и ушли.

Приехали домой, дед спросил:

– Что-то вы долго?

Полине пришлось сказать, что трамвая долго не было. А Максим сказал:

– А мы были в цирке.

Дед подумал, что Полина с Максимом были в цирке, и успокоился. А цирк действительно был недалеко.

После еды, укладывая Максима, Полина сняла с его шеи крестик, чтобы партийный дед не видел, а то бы ей попало. Потом сказала о крещении Максима только Боре. А признавшись уже студенту Максиму в крестинах, спросила:

– Ты не обижаешься на меня?

Он обрадовался:
– Наоборот.

Максим отдыхает, а Полина читает и все прислушивается, поглядывая за занавеску. У деда там был какой-то закуток, в виде чуланчика или темной комнаты, куда они складывали старые вещи. И раз слышит, что-то Максим кряхтит и не спит. Полина открыла занавеску, а он стоит на кровати, и рядом с ним лежит груда вытасченного с полок старого барахла. А он из пузырька поливает всё это каким-то зловонием. Полина схватила Максима, подумав, что хорошо – не задремала, а то ведь ребенок мог задохнуться. Дед был в другой комнате, не чувствовал во сне этот кошмарный запах какой-то жидкости от тараканов или от моли. Полина всё быстро убрала, проветрила комнату. А Максима, умыв, положила с собой на диван. Ему сделала тихо внушение, что нехорошо самовольничать, и, кажется, он почувствовал – что за дело. И вот такая нервотрепка была у Полины почти целый месяц, пока не приехали в Москву.

А в Москве – свои волнения от раздоров молодых. Да, убеждалась Полина, глядя на Валу: есть среди жен такие коварные женщины, как пантеры. Боре на таких везло. Добрые и умные женщины ему не нравились. А властные, злые, мстительные были в его вкусе. Вот бы сменить ему отношение к ним. Правильно сказала квартирантка Инна, которую Полина пускала, чтобы иметь хоть какую-то лишнюю копейку – ездить к Боре или на лечение на Северный Кавказ:

– Ему нужна добрая, тихая, душевная подруга жизни, которая могла бы по-настоящему любить и ценить его ум и талант.

Полина в тайне даже хотела бы поженить Борю на этой скромной молодой женщине. Именно такие, как она, могли бы ценить и беречь Борю. А не насмеяться над ним, вроде Вали. Которая его «трудами» в туалете оклеила стены. И после каждого слова дураком его называла. От большого ума. Не понимает, что сама свою дурь выказывает, и свое невежество. Нужно пересмотреть Боре свое отношение к жизни и, наконец, наладить ее. Он писал в своем стихотворении, посвященном Полине:

Как только жизнь свою налажу,
Я сеть морщин твоих разглажу...

А Полина уже в таком возрасте, что особенно ощущает не налаженность своей жизни, видит, сколько уходило и уходит счастливых минут, дней, лет и десятилетий безвозвратно. И время не остановишь.

Она видела, что в их семье всё делалось Боре назло. Полина решила, что это проклятие – дело поганых рук Люськиной матери. Первой девочки, с которой в юности познакомился Боря. Так она в него вцепилась, что решила шантажировать его своей беременностью. И вот ее мать пришла к Полине с

претензиями, что Боря должен жениться на Люсе. Приехала сбить с рук свою дочь.

С такими людьми надо, по мнению Полины, вести разговор резко и справедливо. И Полина, выразив сомнение в вине Бори, сказала такой свахе:

– Даже если бы что-то и было. Но вы знаете народную поговорку: «Сучка не захочет – кабель не вскочит»?

И гостья замолчала, а, уходя, пригрозила:

– Ну, хорошо! Будете помнить.

И вот Полина как-то приехала к Боре, а на полу рассыпано пшено. И она первая прошла по этому пшену, посчитав это колдовством. Она бы могла подумать, что это пшено рассыпала нечаянно Валя. Но была и вторая порча. Когда все спали, а Полина утром открыла окно (Боря с Валей жили в полуподвальном доме в центре Москвы на Софийской набережной), то увидела, что лежит горсть соли за ставней. «Хочешь верь, хочешь нет», – говорила она Боре. Правда, он потом сообщил, что соль кладут между двойными окнами, чтобы стекла не потели в полуподвальном помещении.

Один только светлый случай запомнила Полина в жизни Бори с Валей.

Аксинья хорошо пела романсы. А Боря ей подпевал. Даже хотел в Москве учиться пению. И Полина тоже могла спеть Аксиньины песни. По просьбе Бори, решила их ему записать: «Стаканчики граненые», «Несчастную розу» и другие. Как-то он с Валей упростили Полину спеть ее любимый романс. И где упростили? В метро «Кропоткинская». И она в уголочке перед пустой лестницей в метро им спела.

РОЗА

Зачем расцвела ты, прекрасная роза?
 Зачем сорвана ты жестокой рукой?
 Не лучше ль увянуть от вьюги – мороза,
 Чем быть позабытой и блекнуть с тоской?

Но ты расцветала, тобой все гордились.
 Сорвали, прижали к горячей груди.
 Но ты надоела, тебя все забыли.
 И бросив на землю, сказали: «Цвети!».

Но как же цвести, когда жизнь вся отнята?
 Завял лепесток и погиб черенок.
 И то, что помято, не будет поднято.
 Ах, бедный несчастный цветок!

Полина, конечно, всплакнула. Эта песня и про нее тоже.
 А Валя, кажется, посмеялась про себя над свекровью.

Боре в Москве была нужна ее помощь, нянчить маленького внука. Ведь это – счастье.

Как-то на день рождения Боря подарил Вале голубой халат, стеганный шелковый. В этом месяце нянчилась с Максимом у Бори тетя Оля. Она вошла с ним на руках в большую комнату. Посмотреть, что Боря купил. И Максим спросил:

– Ну-ка, ну-ка!

Валя подала маленький сверточек. Ему захотелось увидеть, что матери подарили. И когда тетя Оля открыла халат, он протянул разочарованно:

– Ну...

Дескать, маленький. Полина переглянулась с Олей. Даже испугались выражения его лица, как у взрослого, обиженное и недовольное. Нашли, мол, что подарить. Только слов не знает еще. Мимикой показал.

Другой раз Максим вышел из большой комнаты. Лицо злое. И сказал сердито Полине:

– Я ей сказал. – И пальцем показывает на тетю Олю.

– В чем дело? – ласково спросила его Полина.

Оказалось, тетя Оля расстилала постель. А Максим лез с головой под простынь, и все сворачивал в кучу и смеялся. Она его толкнула или шлепнула по попе. Вот он и «сказал» ей, только слов не знает.

Смеялись и над другими причудами маленького Максима. Над тем, что он любил все выбрасывать в форточку, с восьмого этажа.

Однажды Полина подметала пол, убиралась, хватилась, а веник исчез. Поискала-поискала, наконец, догадалась спросить Максима:

– Где веник?

И он показал на открытую фрамугу. У Полины сердце закатилось. Поехала на лифте, а веника на дворе у дома уже нет. Жалко, ведь широкие веники – дорогие на базаре. Вот кто-то его и подобрал. Полина поругала Максима, а Валя поругала Полину за то, что не досмотрела за Максимом.

А он, как нарочно, стал выбрасывать все подряд, что попадало под руку. Хорошую лакированную Валину сумку выбросил. Но Полина успела поднять ее около дома. А раз Полина мыла посуду, отвернулась – Максим положил в чистую посуду Борин тапок. Полина схватила тапок и кинула к двери. А в это время Максим бежал к ней с другим тапком, и летящий тапок попал малышу в лицо. Полина испугалась больше ребенка. Схватила Максима и стала его гладить и убеждать, что нельзя тапочки класть на стол, нельзя выбрасывать вещи в окно. И Максим понял, что это не игра. Перестал все швырять с восьмого этажа.

Одно перестал, нашел другое занятие. Стал сам запирается в маленькой комнате. Сдвинет стул, кушетку, и забаррикадирует дверь. А ведь может сам и фрамугу открыть. Вот Полина и мучилась с ним в тревоге. Но все заканчивалось хорошо.

Только стал побольше, Полина пошла с ним гулять. Ребята играли в футбол, а его не принимали. И вдруг исчез, нигде его не видно. Полина стала искать. А он за машину спрятался от обиды, закатился в слезах. Полина его

схватила, прижала – он перевел дух и рассказал, чем его обидели. Полина тогда предложила:

– Пойдем мы с тобой играть в футбол.

Она достала из сумки мяч, положила его перед собой на землю, прицелилась ударить ногой в мяч – да мимо. Нога у пенсионерки Полины не гнется. И упала на спину. Хорошо пальто теплое, не разбилась. Максим к ней подбежал, дал ей свою маленькую руку и старался ее поднять, весом 90 килограмм. Полина даже рассмеялась:

– Спасибо, мой дорогой.

Внук у Полины – настоящий мужчина. Он, выходя из трамвая, когда Полина пропускала его вперед, обязательно потом поворачивался и подавал ей руку помощи. Понимал, что бабушка с больными ногами...

Сколько таких счастливых воспоминаний о внуке у бабушки Поли?

А Боря с Вале́й так и разошлись. И Полина очень переживала, что в разводе обвиняют её, что она – настоящая злодейка. Господь все видит, верит Полина. Она не виновата ни в чем. Она не умеет и не способна мстить людям, которые её напрасно обвиняют. Ангел-хранитель её бережет, как ей сказала во сне её мать Аксинья, и помогает во всём.

Полина видела, что Боря выбивался из сил, чтобы сохранить вторую семью. Но жизнь и судьба, считает Полина, у неё и у Бори одинаковая. Об этом ей сказала гадалка – татарка. При подруге Нате. Ната вышла замуж за татарина и жила в Казани. Иногда приезжала в Астрахань, и встречалась с давней своей подругой Полиной. Ната немного знала татарский язык, научилась от мужа. Поэтому она поняла и записала слова гадалки, которая читала по-татарски в старинной книге. Удивительно, что татарка говорила Полине всё правильно – и что было, и что будет.

Гадалка, после чтения по книге, сказала Полине:

– Ты – несчастная. И жизни замужней у тебя не будет. Твоя семейная, личная жизнь отнята.

Вот так. Верь или не верь.

Оля и Шура хорошо помогали проживающей в одиночестве Полине. И она не оставалась в долгу перед ними. Заботилась о старых тетушках. Как-то тетя Шура заболела – простыла в церкви, стояла на сквозняке. Полина делала ей горчичники и йодовую сетку, бегала к ней два раза в день. Сбила у нее высокую температуру – так она стала рваться на улицу.

Тете Оле, с помощью Бори, Полина выхлопотала однокомнатную квартиру, как участнице Великой Отечественной войны. Тете Шуре с больным Виктором местные власти дали однокомнатную квартиру в микрорайоне судоремонтного завода имени Ленина. И она выехала из своей труппы, отдав прежнюю квартиру Лене с женой и пасынком. Шуранька часто клала мужа в сумасшедший дом, когда у него возобновлялись приступы болезни. Но не бросала его, жила с ним по-христиански до его смертного часа. Говорят, на том свете есть только один супруг.

Полина забывала свои несчастья только в работе с детьми в школе, отдавала им свою материнскую любовь. Это ее, в какой-то степени, спасало от одиночества. Так, 23 февраля устраивали торжество для мальчиков. Девочки готовили им подарочные блокноты, устраивали торжественное чаепитие. Грели два ведра чая и угощали всех. Полина всегда была у них на почетном месте. После чаепития начинались танцы. Ребята сами приносили музыку в класс, и веселились всё время, которое было отпущено дирекцией. Восьмого марта мальчики делали подарки девочкам и классному руководителю. Ребята подносили им первые цветы, хоть небольшие букетики. Покупали торты и конфеты. И никогда не было никаких неприятностей. Повеселились, за собой убрали и разошлись мирно по домам вместе с учительницей. Бывала непринужденная обстановка. Никаких приказов и требований. Все понимали: нужно – значит, нужно.

А, как начинались теплые дни, класс устраивал пикники в воскресные дни за городом. Заходили утром за Полиной Алексеевной к ней домой. Делегация из трех человек входили в комнату, остальные ждали на улице. И всей гурьбой шли за город к речке. Там – ловля рыбы, игра в волейбол, купание, общая еда, смех. Никогда ни один не подумал принести даже пиво – хотя были уже взрослые, но не позорились.

Создать такой, по-настоящему сплоченный, коллектив помогали эти прогулки за город. Эти прогулки Полина считала очень полезным мероприятием. Только они должны быть хорошо организованными, продуманными и целенаправленными. Дети понимают и оценивают тот факт, что учитель тратит свое личное время на них даже во внеурочное время. Но это окупится. Дети доверчивей открываются учителю и друг другу на воле, чем в классе. Организуется дружный детский коллектив. Учащиеся начинают подражать друг другу, в хорошем смысле слова, каждый впитывает то доброе, нужное, чего у него нет. Но здесь глаз и умение учителя необходимы, чтобы не передать дурных наклонностей, а естественное подражание учащихся направить по должному руслу. Этот факт называют самовоспитанием. То есть, когда подросток сам заставляет себя отвыкнуть от плохих манер и привычек, а впитывать то, что у друга или товарища есть хорошего. Наглядные примеры – лучшие помощники в этом деле. Так, некоторые воздерживаются от грубости, избавляются от трусости и страха.

Но бывают и нежелательные моменты – тогда надо учиться, как в этих случаях себя вести.

Однажды, когда Боря еще учился в школе, Полина взяла его в коллективную поездку всей школы на теплоходе за город. Высадили на берег около леса всех учащихся, а теплоход отправили до определенного часа в город. Все отдыхали очень хорошо. Классных руководителей было много, и был заведующий учебной частью школы. Но к вечеру началась гроза, пошел проливной дождь. Укрытия в выбранном месте нет, пристани нет – какой-то небольшой плотик. Дети сгрудились на нем – как только не упали в тесноте в воду.

Полина так переволновалась за всех, что сына из виду упустила. Это закономерно, когда, отдаваясь делу целиком, человек забывает о личном. Вдруг Полина увидела, что Боря стоит на краю этого плотика. Малейший толчок – и он будет в бурлящей воде. И опять всколыхнулся страх перед полыми водами детства. Даже сердце зашло. Побежала, оттащила Боря от воды на берег под дерево.

Пока Полина собирала детей по лесу, все столпились на этой «пристани», ожидая парохода. Срок не подошел, поэтому его нет, – и все тут. Так все «отдыхающие» вымокли, что вода струйками текла по телу. Полина всех согнала со скользкого плотика, расположила на берегу под деревьями. Хотя под деревьями в дождь от грозы прятаться опасно, молнии страшно сверкали и сверкали недалеко. И никто не подумал из-за дождя раньше прислать за школьниками теплоход. Пришел он лишь тогда, когда все выбились из сил. Погрузили на нижнюю, закрытую палубу продрогших и вымокших детей. Но все равно там сквозняки. Пока ехали, немного обсохли. Но по прибытию на пристань гроза пришла в город. И снова дождь всех вымочил. Многие потом расхворались. Так было всё неорганизованно, что эта прогулка, кроме вреда, ничего не принесла. Еще хорошо, что отделались простудой, а не несчастными случаями. Страхом гонимые, дети, в основном из 5 – 6 классов, были недовольны такой прогулкой. Все, конечно, прошло безнаказанно, так как само начальство было на этой прогулке. Не наказывать же себя за свою непредусмотрительность и за опоздание парохода.

Полина относилась к прогулкам творчески, иногда и рисковала. Продолжала в воскресные дни выходить со всем классом отдыхать на Волгу. Вначале родители организовано подвозили детей в один конец, а обратно дети с учительницей возвращались своим ходом. Потом стали организовывать прогулку и вовсе самостоятельно. А это были пяти – шестиклашки. Наберут сумки с провизией и удочки, и всей гурьбой – за город. Небольшой лесок растет вдоль берега Волги, там в жару прохладно. А весной и воблы можно наловить. Сколько крючков, столько и рыбок ребята вытаскивают одновременно из воды удочкой. Полина с девочками чистили улов, жарили рыбу, кипятили чай, пекли в притушенном костре картофель. А потом был пир на весь мир, все вместе – на скатерти-самобранке завтракали или обедали. А потом купались в реке, от души.

Как любила Полина плавать, ведь всё детство и юность прожила на реке. Любила Волгу, плавала подолгу и дальше буев. Когда она решила научить плавать Боря, оказалось, что он уже давно умеет плавать. Его быстро научил брат Леня. Поддерживал, поддерживал его живот, пока он бултыхался в воде, а потом вдруг бросил на большой глубине в реке Кутум и ушел к берегу. «Я захлебнулся, чуть не утонул, – рассказывал Боря, – но в последний момент он меня спас».

Обычно Полина Алексеевна ходила на прогулки с ребятами одна, без мужской поддержки. Дети её слушались, и каждый, как мог, помогал. Все проходило хорошо. Но однажды вдруг появились из кустов два пьяных

парня лет по 25 – 30. Схватили девчонку и потащили в кусты. Полина, как разъяренная клушка, кинулась на них. Один пьяный подошел к учительнице с угрозой:

– Что тебе надо? Я вот раз стукну – и мокрое место от тебя останется.

Полина об этом и не успела подумать. И тут все дети бесстрашно окружили парня с учительницей, все, как единая семья. И пьяницы ушли.

И вспомнилось это уже в 10 классе. Тоже ученики пошли на прогулку на Волгу, только в противоположную сторону от города. Ребята играли в мяч. Полина с девочками, как обычно, готовили чай и пекли картофель. На этот раз 12 подростков лет по 15 – 17 окружили учеников и стали к ним приставать. Тогда ребята бросили играть, пришли и сели в кружок около Полины Алексеевны.

Полина строгим голосом прикрикнула на хулиганов:

– Ребята, идите своей дорогой.

А сама шепнула своим ученикам: «Не разговаривайте с ними. Я поговорю сама».

Хулиганы посоветались между собой и ушли. После ученики сказали Полине, что все эти хулиганы из колонии. И один говорил другим: «Если бы не Комар, мы бы всех порезали».

Что за «комар» – не известно.

Но ребята и в этот раз сварили уху. Ели кто в чем. Пили уху из кружек, а рыбу ели на чистых листах бумаги. Все было вкусно, с дымком. А сколько попили чаю! Но и второй опасный случай запомнился на всю жизнь.

Был памятным и третий случай. Ребята на прогулке расположились на берегу реки Волги – рядом с селением Ватажное. Место хорошее. Было половодье. Вода подмывала берега, но все об этом не знали. Когда занялись подготовкой к трапезе, одна девочка пошла за водой. Стоял там недалеко от берега пароход, который привез отдыхающих. И вдруг под девочкой край берега обвалился – и она оказалась в воде. Полые воды – подлые воды, вспомнила Полина ворчание сельчан. Девочку омут потащил под колеса парохода. Полина кинулась, было, ее спасать, но женщина нырнула с парохода и опередила учительницу. Ну, конечно, все напугались, и девочка больше всех. Ведь в классе давнишний девиз: один за всех, все за одного. Поэтому был поднят такой крик. Девчонку буквально вытащили из-под колес парохода. А течение было очень сильное, как всегда бывает при разливе Волги. Успокоившись, ребята отдыхали хорошо. И ничего больше не омрачало отдых. А Полина Алексеевна всех детей на этом примере предупредила, как опасно вставать на край берега, особенно когда бурлят полые воды. И, от греха подальше, набирала воду сама с пологого берега реки.

Со временем эта виновница происшествия выросла, вышла замуж. И вот в последний год работы в школе, Полина Алексеевна неожиданно с ней встретилась. Она привела своего сына в четвертый класс, который стал

учиться по новой программе. И эта новая программа, конечно, досталась Полине. При встрече было много слов благодарности замечательной учительнице, прозвучавших особенно приятно при новых учащихся.

Класс достался Полине дружный и сильный. Там у неё было 80 процентов учащихся, занимающихся на 4 и 5, в том числе и сын бывшей ученицы. Она стала работать в родительском комитете. Много раз вспоминали и тот «опасный» случай с пароходом, и как Полина Алексеевна волновалась за нее и за всех ребят. Как ученики её любили.

Хорошо – когда дружный коллектив в школе. Вливаясь в большую жизнь, ребята цепко хватаются за жизнь. Это они являются передовиками производства. Это они выполняют по две нормы на производстве, считала Полина. Не смотря на перегибы власти, она оставалась патриоткой.

Она верила, что хорошие специалисты начинаются со школы. И воспитывает их дружный коллектив и правильная душевная наставница, которая отдает много сил, все свое время и много тепла в эти еще начинающие жить души. После они идут в правильном направлении и по верной дороге. Нет у Полины воспитанника, который бы не стал хорошим специалистом, и не было никого с кривой душой.

Все выпускники её десятого класса стали специалистами различных профессий: учителя, врачи, инженеры, техники-радисты. Все её учащиеся окончили вузы. Все вышли в дело. Когда Полина встречает тех учащихся, которые особенно тепло к ней относились, они, не стесняясь окружающих, называют Полину Алексеевну: «Любимая наша учительница».

Конечно, многие разъехались по стране. Но, когда приезжают в родную Астрахань, то бывают у своего классного руководителя дома. И учащиеся последнего выпуска – лучше всех любимых за всю её бытность. Всего в этой одиннадцатой школе Полина проработала 27 лет.

Пытались её однажды дискредитировать. Завистливому завучу хотелось доказать, что были правы, сфабриковав позорную для неё фикцию о недостатках. Да все-таки не удалось стереть её в порошок.

У психологов есть термин – «эффект ореола». Он обозначает инерцию восприятия: человек изменился, в нем проявились новые черты, но всмотреться в них мешает давно сложившееся о нем представление.

Коварство «эффекта ореола» так велико, утверждают психологи, что нередко ситуации, когда общаются друг с другом в рамках привычных стереотипов не сами реальные люди, а их маски. Как тут не быть внезапным открытиям, если мало-мальски нестандартная ситуация вынуждает давно знакомых людей на неожиданные поступки! Ведь так легко, так спокойно жить прежним представлением о других, о себе. Но с каким же мужеством, с какой беспощадно честной зоркостью нужно всматриваться в окружающую жизнь и в себя самого, чтобы не обманываться! И – не обманывать.

И Полина преодолела этот неприступный «ореол» недоверия.

Глава восемнадцатая ПЯТЬ ТЫСЯЧ УЧЕНИКОВ

В 1972 году Полина ушла на пенсию.

Стала слышать шум в голове, и врачи сказали: «Уходите с работы, а то будет вам плохо».

До 55 лет Полине оставалось только полтора месяца. Но Полина их не доработала из-за болезни. Поэтому СНАЧАЛА получала пенсию только 60 рублей в месяц. выяснилось, при оформлении пенсии, что Полина проработала в одной школе преподавателем математики ровно 30 лет.

Следующим летом, когда началась пора прогулок на пароходе по Волге, Полину пригласила в свою компанию ее подруга Александра Афанасьевна. Они собрались ехать на пароходе всей семьей с внучками. Но утром поднялся холодный ветер, началась привычная для Астрахани пыльная буря. Так что прогулка состоялась на следующий, солнечный день.

И вспомнилась Полине прогулка на пароходе с её выпускным классом в 1971 году. С её первыми и последними учащимися, которых она вела по жизни с пятого по десятый класс. И хорошо, что она совершила твердый шаг на педсовете, когда не отдала этих учеников после восьмого класса другому классному руководителю. И доказала недоброжелателям, что могла бы еще лучше работать все эти 15 лет, которые ей не давали вести старшие классы. А ведь из ребят, отторгнутых от неё, стали все учителями, врачами, инженерами. Её хорошо поняли в душе последние десятиклассники. Не вышел трюк у завуча затоптать её, хоть сдаваться он не хотел. Испортили бесправно ее учительское счастье – и ни кто не извинился.

Но пройден трудный этап, и вот успешный выпуск. По традиции в школе выпускникам устраивали званый бал. Торжественная часть, море цветов, улыбок, благодарностей. И после этого родители устраивали угощение. Все учащиеся сели за общий стол, а учителя – за другой, как и раньше. Выпускников было два класса, десятый «А» и десятый «Б». Столы стояли буквой «П». Полина Алексеевна тоже села со всеми учителями. Но её питомцев это не устроило, столько лет – вместе и вдруг прощаться – врозь. Они подхватили свою Полину Алексеевну под руки и водрузили во главе их стола. Второй раз в ее жизни проделан такой благородный поступок. Сколько неподдельного смеха, шуток. Ведь Полина Алексеевна бывшим малышам теперь почти подмышки по росту стала. Вот они, как перышко и приподняли её. Лица их сияли от радости. А в глазах проскакивала грусть. И вот тогда за общим столом выдвинули предложение – быть всегда вместе, не забывать друг друга, чтобы ни случилось. И, конечно, не забывать своего любимого классного руководителя.

Шум, крики, закуски, даже шампанское стреляло в потолок. И это на глазах учителей, которые всю жизнь тиранили Полину. И неслучайно директор «Чинарик», когда ребята ушли танцевать, а Полина опять подседа к столу учителей, сказал ей:

– Как бы сын был доволен сейчас за свою маму!

Но сверлила мысль и жгла сердце Полины пережитая неправота к ней, которую и директор чинил, пользуясь своей властью. Когда-то в молодости она отвергла его ухаживания, и аукнулось, когда он пришел директором в её школу.

После застолья, после того бурного веселья, в два часа ночи, ребята взяли все друг друга и её под руку и, растянувшись во всю улицу Бера, пошли через спящий город на центральную площадь Ленина, а оттуда – на Волгу. Сергей, который взял любимую учительницу под руку, сказал:

– Полина Алексеевна, я с вами.

Хотел показать, что он не пьяный. Это его Полина приняла в свое время на исправление из другого класса. Он сейчас, видимо, хотел выразить: «Вот видите, Полина Алексеевна, какой я стал. А был в числе трудных детей. Участвовал в драках, курил и выпивал». А теперь бросил пить и курить. И в свой главный день, благодаря вам, по праву праздную со всеми.

Правда, получилось как-то по-детски проявление этой благодарности. Еще ребенок.

– А я около вас, – прижалась Полина Алексеевна к его локтю. – Нет, лучше я тебя возьму под руку, Сережа. Вырос ты, и тяжело тебе будет согнутым идти.

С песнями прошли выпускники всю площадь Ленина, вышли на берег Волги. А там уже ждали три катера. Ребята договорились через родителей заранее. Каждый ученик старался быть поближе к Полине Алексеевне, как к матери. Она тогда поверила в прозвище, каким её потихоньку называли ребята: «гусыня». Да, гусыня, а это её хорошие гусята. Все ее утяточки и поросяточки около неё. Полина только следила, чтобы не отстали:

– Где Ильдар, где Рафик? Все ли сели? Где девочки?

– Здесь. Здесь.

Все разместились на катерах, и Полина скомандовала:

– Ну, трогайте!

И берега поплыли. Ночная прохлада. Тишина. Поплыли в новую жизнь.

Они все распетушились. Сколько на этой прогулке у ребят было рассказов о себе, о книгах, о хороших людях, и о самовоспитании, как они боролись с дурными привычками, ставили в пример хороших ребят. А таких в классе было много, и они старались быть похожими на «шефов». Побеждали свою грубость, лень, нежелание участвовать в школьной жизни. Но главное, учились воспитывать в себе доброту, и брали пример с Полины Алексеевны. С каждым шагом, с каждым классом они понемногу приближались к своим добрым делам, поступкам, особенно к потребности трудиться. Полина сама любит труд. И все, кто проходил через её руки, впитывали трудолюбие и радость за свои хорошие дела. В классе считалось позором, если ученик что-то не сделал, что ему поручалось. Если не приходил на субботник, то только потому, что был болен.

А потом они станут орлами. Многие окончат институты, техникумы в два года, и все встанут на ноги, для жизни с пользой.

Теплые и душевные разговоры. Мерное тарактение двигателей. Все так располагало ко сну. Как ни боролись ребяташки со сном, но многие заснули.

Занимался рассвет на Волге – первые далекие лучи солнца. Какая же это красота, как цветущий сад на волнах! Полина вспомнила, что с учениками раньше так подплывала к Замьянам. Как будто Северное сияние. Горизонт вначале был голубоватый, потом розоватый, и, наконец, золотой. И вдруг – клич:

– Ребята, рассвет!

Вернулись обратно на пристань в шесть часов утра. Усталые, но счастливые. Первый сон прошел, настала бодрость. Все проводили Полину Алексеевну и посадили в первый трамвай, а сами разбрелись по домам.

Домой приехали счастливые, довольные, дружные, в шесть часов утра. Эта ночь останется у них на всю жизнь.

Вскоре после этой прогулки Полина уехала в Москву, к сыну, любимому внуку. И в её жизни клин выбивался клином. Все дрызги жизни сгладили эти две радости – проводы на пенсию в Астрахани и встречи в Москве.

А потом, перед выходом на пенсию, Полине Алексеевне дали 9 класс, где она была классным руководителем. Дети были слабенькие в учебе. В основном те, кто не поступил в техникумы и в другие средние учебные заведения. Это был очень разнохарактерный класс. Дети не привыкли выполнять требования учителей – да и родителей. Полине пришлось вести большую работу с коллективом. В основном сплотили ребят прогулки за город.

Полина заостряла внимание трудных ребят на хороших чертах других учащихся. И, в конце концов, дети стали ближе друг к другу. Не стало таких вспышек задир, как было раньше. Затем в классе стали организовывать КВН, где многие стали обогащать свой запас знаний.

Весной, в мае, ходили на прогулку на Кривую Балду. Многие ребята начали купаться, даже переплывали эту довольно широкую речку. Раззадорившись, с ними поплыла и девчонка, которую всё не принимал коллектив. И обессилела. И здесь случилось чудо. Мальчишки помогли ей вернуться обратно, и ругали ее, как взрослые, зачем она без разрешения Полины Алексеевны поплыла за ними. Хорошо, что все обошлось благополучно.

Поначалу было сложно Полине вызвать у ребят желание к сближению с одноклассниками. На прогулке каждый ел то, что сам приносил из дома. Но она добилась того, что стол стал общим. На прогулке расстилали одеяла, выкладывали все свои запасы. Затем вместе садились за трапезу. После опустошения скатерти-самобранки, играли в волейбол. Было много смеха,

рассказов, все всегда были вместе с учительницей. За еду садились не раз, пока не наступал вечер. В 5 – 6 часов трогались с места. В 8 – 9 часов вечера были все дома. Отдохнувшие, довольные, счастливые и радостные. Когда наступали теплые дни, такие прогулки бывали почти каждое воскресенье.

Приезжала Полина Алексеевна к ребятам своего класса и в трудовой лагерь, где учащиеся после окончания 9 класса отрабатывали целый месяц. Хотя дети там работали с другим, ответственным, учителем. Когда же Полина приехала, дети решили придумать что-то необычное для встречи с ней. Нарядили парня в костюм Нептуна, пристроили ему длинную бороду, сделали жезл-трезубец. Другие ученики нарядились пиратами. Так себя украсили, что Полина их сразу и не узнала. Ряженные начали всех купать. Ответственного учителя затащили в воду в ботинках. Полину с часами на руке тянули до тех пор, пока она не сняла часы, чтобы не испортились. Нептун всех искупал. Было столько смеха! Речка кишела от людей. Кто как барахтался в воде. Затем, мокрые, пошли все домой. Весь класс провожал Полину Алексеевну. А далеко до автобусной остановки, пока шли – высохли. Полине понравилось, как догнавшие их по пути ребята сказали:

– Мы хватились, а вас нет. Как же это без нас вы ушли?

Когда соединились две группы, начали петь песни. Эти хорошие встречи дети долго помнили. И работали, и отдыхали хорошо. Заработали усилитель для концертов, который через год подарили школе на выпускном вечере. Поддержали традицию: каждый класс что-то дарит школе на заработанные деньги, или сделанное силами учащихся. И дети этого класса у Полины все делали сами.

Так, учащиеся в вечернее время оборудовали класс, стенды, позже – делали Ленинскую комнату. Электрифицировали многие витрины, схемы по физике. Оформляли зал – изготавливали декорацию. Готовили концерт. Два ученика в классе хорошо пели, пять человек играли в джазе на гитарах, используя заработанный в совхозе усилитель.

А как оборудовали сцену для вечера! Чем взрослее ребята, тем совершеннее дела их. Вот настоящие березки на сцене – целая роща. Вот русский хоровод, цветные сарафаны, только лица артистов, которые выступают, знакомы. И Полина убеждалась: дай волю детским выдумкам, не сковывай их инициативу, желание, стремление – они сделают очень многое. А гусары – танец гусар с саблями. А неаполитанские танцы, в костюмах, сделанных своими руками.

Другие ребята участвовали в соревновании КВН между учащимися школы. Составляли под руководством Полины Алексеевны смешные вопросы и ответы. Вечера такие проходили очень весело. Были в классе две ученицы с вокальными данными, которые прекрасно пели. В классе был свой квартет, который играл на общешкольных вечерах, концерты проходили очень хорошо. На конкурсных вечерах класс получил однажды диплом первой степени за лучшую декорацию оформления и интересную тематику вечера.

Ученики сами устраивали в школе свои «Огоньки», где был только класс Полины Алексеевны с ней во главе.

Полина Алексеевна прикладывала все силы, чтобы помочь родителям в воспитании детей. Так, училась у нее «оторви и брось» девочка Люба, у которой отец пил, а мать редко была дома, потому что работала проводницей на железной дороге. Ребенок один. Но Полина сразу стала помощницей, и дала возможность девочке окончить десятый класс. Люба потом выучилась на мелиоратора. Выросла миленькой и стала уважаемым на работе человеком. За что её мать благодарила учительницу:

– По гроб буду вам обязана, Полина Алексеевна.

А сколько таких милых Любочек было у Полины все годы работы в школе?! Но не было ни одного случая, чтобы её учениками заинтересовались внутренние органы власти. Много было разных характеров, но коллектив ребят был дружный. И Полина им, и они ей помогали добиваться того, чтобы вырастали настоящие и нужные обществу специалисты и порядочные молодые люди.

Боря как-то подсчитал, утешая приунывшую мать, что она за свою жизнь в школе воспитала и обогрела своим сердцем более пяти тысяч учеников. До чего же знаменательна математика! Такая цифра тронула Полину до глубины души.

Но самой Полине в личном плане так и не везло.

Случился стресс в последний год работы в школе. Она подала заявление о том, что начинать учебный год перед пенсией не будет, а работать будет до сентября месяца. Каждый месяц стажа влиял ведь на размер предстоящей пенсии.

Новый директор, молодая женщина, по национальности татарка, решила завести свои порядки в школе – избавиться от тех, кто ей не по нраву. Она приближала больше подхалимов, и избавлялась от старых настоящих тружеников.

Полина заметила, что за 30 лет работы в этой школе не было ни одной смерти в коллективе учителей. А с приходом нового директора за два года две учительницы повесились. И что удивительно, эти трагические случаи даже не расследовались. У третьей учительницы случился повторный инфаркт с летальным исходом. Полина считала, что это новая директриса перешагнула через три трупа и вознеслась вверх. А подхалимы ей пели дифирамбы. Видимо, была у неё основательная «рука», раз не было расследования самоубийства. Свалили все на плохое здоровье и неполадки в семьях умерших. За пять лет директриса совершенно раскидала весь учительский коллектив, набрала новый, но даже из него некоторые учителя ушли.

У Полины в последний год была очень большая нагрузка. Она вела уроки на четвертом этаже, с больными-то ногами, в две смены, буквально по 12 часов в школе. Не считая времени на подготовку к этим урокам дома.

Поблажки не ждала, так как сама попросила перед пенсией дать ей четыре класса под пенсию. Нервы и силы – на пределе. Но год закончила.

Так её, чтобы занять работой до сентября, оставили работать с отстающими учащимися. Да ещё Полина должна была следить за работами по ремонту электропроводки. Грязи от этого было ежедневно очень много. Учащиеся мыли этажи с первого по четвертый. Мел сразу не отмывался. А директриса за всем следила, как цербер, и делала замечания:

– Здесь нехорошо вымыли... Там не так сделали.

А учащиеся, из уважения к своей учительнице, убирались на совесть, и всегда работали лишние четыре часа, чтобы отмыть оставшуюся от ремонта грязь. Хотя, по закону, они должны уходить домой в шесть часов. Из-за этого, пожалев их, Полина Алексеевна сказала:

– Ну, хорошо. Раз сегодня так задержались, то завтра придете работать не к восьми часам, а к девяти.

И сама Полина в этот день пришла в школу без пятнадцати минут девять. Директриса встретила её буквально с бранью. Полина Алексеевна спокойно ей пояснила, почему так пришла на работу она и дети.

– Сама опоздала и детей распустила, – взвилась директриса, и начала кричать.

Полина ей тихо объяснила, что из-за переработки велела детям прийти в девять часов:

– А вы меня уж за тридцать минут отчитываете, как девчонку. Да еще кричите.

Так директриса буквально взвизгнула:

– Вон из моего кабинета!

Тут Полина разрыдалась. Попыталась в ответ себя защитить, но бесполезно. Со слезами на глазах она вышла из кабинета директора и ушла к врачу. Состояние было жуткое. Этому руководителю, видимо, не привыкать доводить людей до белого каления. Вот так же и одна из учителей-самоубийц выбежала раньше из этого кабинета, рыдая. Так что, видимо, ее эта чинуша довела до петли.

Хорошо, что Полина отделалась только легким испугом. Ушла на больничный, наблюдалась целый месяц у невропатолога и кардиолога. Но больше в школу не вернулась.

Как-то в то время Полину Алексеевну увидели на улице родители учеников её класса, и сказали про директрису:

– Мы ей дали за вас.

Полина уехала в Москву к сыну. А когда был выпускной вечер класса, родители прислали Полине телеграмму в Москву с приглашением, и она приехала в Астрахань на проводы своих питомцев.

В школу выпускники не стали ходить, так как никто из прежних учителей не остался. Всех директриса разогнала. И школа стала её вотчиной.

Уходила на пенсию Полина ещё с одной учительницей. Надо как-то отметить. Даже при новом недоброжелательном директоре. Не хотелось обижать учителей. Ведь Полина с ними проработала столько лет.

Проводы на пенсию Полина устроила на свой день рождения 16 октября 1972 года. Набрала два стола угощений, и ждала друзей, учителей из своей и из других школ, с кем давно дружила. Вдруг звонок в квартиру. Полина открыла – и поразилась, пришли пять её выпускников из последнего 10 класса. В руках – магнитофон и громадные сумки. Кто что принес, и подарки, конфеты – большую коробку «Мелодия», и красивую тортницу, и, конечно, букеты цветов.

– Полина Алексеевна, а нас много, – сказал один из них, вручая цветы.

Услышав это, Полина растерялась. Как же уместимся в одной комнате кооперативной квартиры в 16 квадратных метров? В тесноте, да не в обиде. Решили потесниться. Пришли 8 учителей и 29 выпускников провожать свою учительницу на пенсию, с подарками и музыкой, все, кто не уехал из города на учебу, или на службу в армии. Это было так неожиданно! Сидеть и танцевать было тесно, но веселья – хоть отбавляй.

Так ребята на диване «ребрышком» сидели и почти на месте танцевали. Но провели день рождение любимой учительницы тепло и дружно.

Было очень весело и сытно. Полина, как всегда, настряпала сама. Свои пряности и дети принесли, боялись, чтоб не поставить учительницу в неловкое положение, если закуски не хватит на большую компанию. И угощали своими соленьями.

Все хвалили кушанье хозяйки – мясо, тушеное с луком, аджапсандал. Даже самый недисциплинированный, или, скорее, неорганизованный, Саша, и то говорил извиняющимся тоном:

– Вот чудо! – Вы – и вдруг такое вкусное кушанье. Как-то с математикой не складывается. А я думал, вам не до стряпни. – И добавил: – А я, Полина Алексеевна, специально сам закатывал помидоры, и хочу вас угостить.

Все блюда и торты быстро уничтожали, только успевали нахваливать.

Полина была очень благодарна ученикам за то, что они преподнесли ей такой сюрприз. Да еще в присутствии её знакомых учителей. А дети были благодарны ей за то, что много сил положила на их обучение жизни и отдала им много материнского тепла.

За тесным столом слились три поколения, нашли общий язык. Ребята, как всегда, взяли заботы на себя:

– Полина Алексеевна, сидите. Мы все сами подадим.

И подавали на стол, угощали друг друга, мыли посуду, и снова танцевали и пели. Песни всех сблизили и породнили.

Потом все ее выпускники любимую учительницу не забывали. Приходили, то группами по 5 – 10 человек, то поодиночке, к ней домой. Им

хотелось поделиться с ней радостью, что имеют своих детей, любимую работу, посоветоваться, раскрыть душу, зная, что их всегда поймут.

Одна девочка, ставшая врачом, как-то в такой камерной встрече в квартире Полины Алексеевны сказала:

– А ведь из нас никто не потерялся.

И это образное выражение было справедливо во всех отношениях.

Решили все встречаться в традиционный день 2 февраля – День открытых дверей в школе № 11. В первый год собралось 29 человек. Взяли ключ от своего класса, все сели за парты и начали докладывать о своих успехах. Сколько поступило в рыбвтуз. Сколько стали учиться в мединституте и пединституте. Кто уехал в Московский энергетический институт учиться. Кто в Тольятти. Кого забрали в Армию.

А после встречи Полину Алексеевну отправили с букетом цветов домой на такси, на свои деньги, со словами к водителю:

– Берегите нашу любимую учительницу.

Некоторые бывшие ученики приходили на квартиру к Полине Алексеевне со своими детьми. Уже женатые, приходили. Витя и Люба с девочкой. Полина подарила их маленькой дочке куклу, а они принесли киевский торт. Тепло было взаимное.

Однажды пришли на квартиру Полины восемь человек, отслуживших в Армии в Москве и на Дальнем Востоке. Были дети – а стали прекрасные «длинные» юноши, выше Полины Алексеевны. Был ученик и с Тихого океана. И вот судьба всех разбросала по стране. Некоторые после рыбвтуза ходят в заграничные страны.

А сколько благодарности при встрече от бывших учеников и их родителей.

Вот мать Наиля, встретила Полину, обнялась и похвасталась:

– Сын-то у меня реставрирует наш Астраханский кремль после архитектурного техникума...

«Все уходит в область предания», – с сожалением вздыхает Полина.

Между Ирой Поливиной и Юрой Минаевым была в школе хорошая дружба. Боря позже в Москве дружил с писателем Поливиным. Полина думала, что у этих ребят – настоящая любовь. Так приятно было ей видеть их вместе после окончания школы. Но время и расстояние – враги человечества. Юра уехал в Москву учиться в Московский энергетический институт. Ира осталась в Астрахани, поступила в мединститут. Трижды они с классом в День открытых дверей встречались в школе. И приходили даже вдвоем к Полине. Но не поженились. Однажды Ира была у Полины в гостях одна. И грустная. Принесла целый килограмм шоколадных конфет. Полина еле её узнала, так она изменилась. Полина хорошо знала семью Иры. Была у них в трудный день, когда умер Ирочкин отец, которого дочь очень любила. Когда-то он был в школе частым и желанным гостем. А позже Полина по телефону

позвонила её маме поздравить Ирину с окончанием мединститута. И узнала от неё, что Ира получила направление в Пермь, а Юра женился на другой девушке и уехал в Ленинград. Сердце кольнула грусть в голосе матери, которая уже собралась на пенсию. Ведь Юра и ей нравился, как и дочери. Полина просила через Иру передать поздравление с окончанием института другим своим ученикам – Саше и Вите. Кстати, парень Витя очень славный. Ему тогда еще один год оставался учиться в институте, хотя он шел сначала вровень с одноклассниками. Но из-за своей жены чуть не расстался с институтом. Как и догадывалась Полина, эта ученица из параллельного класса, ставшая женой Вити, плохой человек. Полина даже сказала ему:

– Выбери другой объект. Мне кажется, что мало в ней хорошего, душевного.

Но узнала от девочек, что они после 10 класса поженились. Ждали ребенка. Витя тогда был только на первом курсе института, а невеста училась в торговой школе. Делать было нечего. Родители разрешили, а вскоре появилась у них дочка. Девочка очень хорошая, такая лепетунья. Когда они вместе с ребятами были у Полины Алексеевны, девочке исполнился год. Как всегда, Витя – весь нараспашку, а жена все его одергивала. Даже ему стало неудобно за неё. А позже она вышла замуж за другого, а Виктор запил. Полина встретила как-то мать Виктора. Она была с этой девочкой, которой исполнилось уже шесть лет. Обрадовалась встрече. Пригласила к себе в гости. И мать рассказала Полине всю трагедию Вити. Они после свадьбы оставили молодым квартиру, сами уехали на Север на три года. Виктор невесту любил. Носил ее на руках, когда купались. Была неразлучная пара. Она стала работать в магазине. Но вышла растрата, мать Виктора заплатила за нее. А она их так «отблагодарила». Стала водить любовника к себе домой. Мать трижды прилетала, разбиралась, мирила их. А после друзья набили физиономию этому любовнику, застав их у Виктора дома. И тогда Виктор решил порвать с изменницей женой, а то дважды прощал ради дочери, которую он очень любил. Теперь дочка Вити живет с отчимом. А мать Вити берет ее три раза в неделю. Витю хотели отчислить за «хвосты» из института, но дали академический отпуск на один год. Уговорили его учиться. Теперь он успокоился, и все стало на свои места. А изменница высохла, осталась у разбитого корыта. Живет в землянке, в полном смысле слова. Новый муж сидел в тюрьме.

Мать сказала при встрече Полине:

– Сын говорит, как мы любили Полину Алексеевну. Мало она нас ругала: «Матери – все для вас, и хлеб с маслом. А вы что им дали – фиг с маслом?» Но мы Полину Алексеевну всё равно очень и очень любили. И не забудем никогда.

В общем, открытый урок доброты Полина Алексеевна продолжала и на пенсии, и для некоторых ее учеников становилась как родной.

За свою бытность в школе, Полина убеждалась, что очень многие родители ее уважали. И при встрече обязательно делились с ней своими

заботами, как родные. Одни похвалятся успехами своих детей, другие расскажут об их неудачах, как Витина мама.

Особенно Полина старалась обогреть брошенных детей.

После войны брошенных детей было много. Воспитывать их было трудно, они никого не хотели слушаться. Полине сначала часто приходилось повышать на них голос. Но позже она поняла, что именно доброту такие дети ценят в людях, особенно сами добрые в душе, подранки. Полина решила: не надо ставить себя выше их. Детская душа сама поймет быстрее, чему поверить.

И особенно трогало Полину внимание учеников к её личным переживаниям, их по-детски доброе сочувствие.

Вот однажды она пригласила нового мужа Петю с собой за город на прогулку с ребятами. Он захватил удочки. Стоит на берегу, забросил леску, а на поплавок смотреть у него не хватает терпения. Полина сама увидела, что он не умеет ловить рыбу. А ученица Ирочка, которую уважала больше, тихо говорит ей:

– Полина Алексеевна, бросьте вы этого человека. Для чего он вам нужен?

Это участие ребенка удивило и тронуло ее душу. Полина не нашлась, что ответить. Промолчала.

Так и ученики становились родными детьми любимой учительницы, проявляли заботу о ней..

На пенсии Полина подрабатывала, положенные два месяца в год. Так, в школе № 4 Полина временно замещала больную учительницу по математике. Оказалось впоследствии – что это бывшая Полинина ученица. В школе она была маленькая, как шестилетняя девочка. Конечно, сейчас она выросла, но была тоже маленькой. Окончила институт и сумела от нервной учительской судьбы заболеть, работая пять лет по новой программе в 5, 6 и 7 классах.

Полина в 6 классе обратила внимание на одного ученика – малышку, с пытливым умом. У него раньше была тройка по математике. Но Полина видела, что он тянет руку, хочет ответить на заданный классу вопрос. Спросила, похвалила за ответ и поставила ему четверку. Эта оценка стала роковой. Потом он не давал Полине покоя, постоянно поднимал руку. Спрашивала его несколько раз – все он отвечал хорошо. Был конец года. Получил годовую четверку по математике. Через два месяца пенсионерке Полине пришлось по закону уволиться. А через два года Полина устроилась на работу, где работала и мать этого ученика. Разговорились. Она благодарила Полину Алексеевну за хорошую отметку сына и с радостью сообщила:

– Саша мой сдал математику на четыре в автодорожный техникум. Учитель говорит: «Мал золотник, да дорог». Это вы его подожгли. Все время стал учиться на четыре, вот и сдал экзамены хорошо.

Полина лишний раз убедилась в том, как бывает обидно ученику, когда учитель не увидит его стремление к учебе.

У нее самой были в жизни такие примеры.

Однажды девочки Таня и Соня выговаривали ей:

– Полина Алексеевна, вот вы говорили, что нигде вы не сдадите, а мы в Москве сдали в институт культуры, и нас приняли.

Окончили они институт успешно. Теперь одна работает заведующей учебной частью культпросветучилища, а другая заведует дворцом культуры где-то в райцентре. Ну, и слава Богу.

И еще один был подобный промах у Полины. Когда она матери ученицы Беляевой сказала:

– Девочка у вас болезненная, пусть идет в техникум, чтобы скорее окончить.

А эта девочка успешно окончила рыбвтуз.

Иногда Полине было трудно установить потенциал ребенка. А надо бы ориентировать его и родителей на большее. Так Полина и стала делать после случаев, которые были в первые годы работы. Недооценкой сил ребенка можно нанести незримый удар по самолюбию самого учащегося и его матери. На ошибках и учительница училась.

А, в общем, у Полины Алексеевны было много желанных встреч с бывшими учениками, которых она учила. И первое, что они говорили при встрече: «Любимая моя учительница».

Куда не пойдет, встречает своих учеников или их родителей. И все здороваются с улыбкой и с поцелуями. случаев много.

Один был в разгар лета. На астраханском базаре ярко краснели помидоры. Один сорт краше другого. Полина купила для посылки Боре в Москву два ведра помидор. А потом ей попались другие, Борины любимые помидоры – «бычье сердце». Как не взять таких красавцев. Купила еще ведро. Подняла, на радостях понесла. Но быстро остановилась, а дальше не могла ступить ни шагу, хоть реви. И вот совершилось чудо. Вдруг ноша ее стала легкой. Обернулась посмотреть, кто назвал ее по имени-отчеству?

– Здравствуйте, Полина Алексеевна! Куда вам отвезти?

Оказывается, шофер такси, мимо которой она проходила, – бывший Полинин ученик. Но она не была у него классным руководителем. Он схватил все ее кошелки, погрузил в машину, и очень быстро довез её до дома. По дороге много сказал учительнице лестных слов. Как весь класс её любил и за что. И уверял, что все помнят Полину Алексеевну. Полине было приятно, что не зря она тратила свое здоровье. Что доброе зерно дало хорошие всходы. Полина, откровенно признаться, мало помнила этого ученика, так как он учился у нее давно. А он, на счастье, помнил все. И за все хорошее помог в отчаянный миг, довез и донес корзинки с помидорами до двери, и ушел, очень счастливый. И Полина была, конечно, счастлива – взаимно. Долг платежом красен.

Были и другие приятные встречи – оценки её давнего труда. Из 5000 ее воспитанников.

В трамвае Полина встретила, казалось, незнакомых девочек. Но они её узнали. Потом она все же их вспомнила, даже имена пришли на память.

Глаша, такая умница, была в классе «первый математик». А после 8 класса она куда-то уехала. Окончила пединститут, математический факультет, и работала в райцентре – Енатаевске преподавателем математики. Как эти девочки были рады встрече. Даже весь трамвай заразили, сколько заметила Полина благодарных взглядов пассажиров трамвая. А Полина была с букетом, подарили её питомцы из 6 класса, которые пришли всей гурьбой провожать любимую учительницу. Столько было смеха, гвалта. И после этой шумной радости – такая теплая встреча в трамвае с девочками, которые уже давно стали взрослыми. Они были искренне рады, что Полина вспомнила их имена. И долго не прерывались разговоры, до тех пор, пока распрощались на очередной остановке у вокзала. Они уезжали к себе в Енатаевку. Учитель в подобные моменты такое внимание воспринимает как артист – бурные аплодисменты. Такие теплые встречи были у Полины даже в разных городах. Значит, не зря отданы силы. Люди ее помнят.

Пришла Полина как-то на вокзал за билетами. Тогда их выдавали по справкам, так как выезд из Астрахани из-за эпидемии был ограничен. И вот кассирша говорит:

– Вы ведь Полина Алексеевна, преподаватель школы номер одиннадцать?

– Да, – ответила Полина.

– А вы меня помните? Я у вас училась.

И это самый важный вопрос для человека – помнят ли его? И Полина должна на него правильно ответить.

А женщина говорит с улыбкой другой кассирше:

– Вот моя любимая учительница.

Полина ее еле узнала. Прошло много лет. И бывшая ученица захлопотала. Пошла, достала все справки, чтобы выдать учительнице билет. Такая радость. И Полина подумала: «Кем только мои ученики не стали. Годы были тяжелые. Эта девушка учиться больше не могла. Большая семья. Пошла работать. И вот она – в билетной кассе. Но кем ни быть, а иметь хорошую душу очень ценно. И приносить пользу людям».

Только Полина отошла от кассы, и вдруг опять услышала:

– Здравствуйте, Полина Алексеевна!

Обернулась – перед ней знакомое лицо.

– Я ваша ученица, а это мои дети. Сын окончил десять классов, и дочка учится в девятом классе. – А мы с Курил. Вот к маме приезжали. Едем в Москву. – И представила ее детям: – Это моя любимая учительница.

Дети смотрели на Полину с удивлением. Как это мама все помнит? О многом вспоминала, и много лестных слов было сказано. Полина её тоже помнила. Очень тихая, скромная была девочка, с длинными косами. Поговорили о многом. А Полина подумала потом: «Какая наша большая земля. И у каждого ребенка своя судьба. Разбросала она моих питомцев по белому свету сеять доброе, вечное».

Таких случаев очень и очень много. Часто встречала Валю Хомутову. Она мать двоих детей. Врач в Подмосковье. При встрече обнимает:

– Здравствуйте, Полина Алексеевна, моя миленькая!

Так просто и душевно может сказать человек, который тебя уважает.

Полине на пенсии было тяжело жить одной. Стала работать в финансовом техникуме, преподавателем математики. Так как пенсионеры тогда имели право работать только два месяца, затем в следующем году устроилась поработать воспитателем училища в общежитие к девочкам.

Годы уходят, вот уже 12 учебный год начали в школе без Полины Алексеевны, «миленькой». И подумает: «Напрасно ты прожила жизнь?» Нет, не напрасно. Понесли твои ученики твою теплоту и доброту по свету в любые города нашей родины.

Глава девятнадцатая У ВСЕХ СВОИ РАЗВОДЫ

Полина прочитала свой дневник до 1980 года. Пришла к неутешительному выводу, что тон прожитой ею жизни – жалобы и плачи. Так воспринимала она свою трудную личную жизнь. Много оптимизма и хвастливой радости было только в тетрадях, где она писала о своих учениках. Получается, что счастье её было в основном в работе.

Как могла, прожила. Никто не может укорить. Полина жила искренне. Как писал её сын Боря в первом стихотворении: «Я жить желаю искренне». И он так живет. И Полина продолжает жить честно и с открытой душой. А это значит, что на душе Полины покой. А это – уже много, это и есть утешение за все несправедливости жизни.

Поэтому Полина поняла, как тяжело живется трудным ученикам. Вот, взять Игоря. В нём она заметила большую любовь к труду, хоть и был он хулиганистый. Как-то Боря, когда был председателем совета отряда в своем классе, предложил Полине перенять его опыт: давать важные поручения именно хулиганам и заводилам. Они же имеют большое влияние на других ребят, с одной стороны. Но они будут благодарны за доверие и внимание учителя, с другой стороны. И расшибуются, но выполнят поручение. И Полина убедилась в этом. Обратилась к Игорю за помощью, он был готов гору свернуть для Полины Алексеевны. А раньше плевался из трубочки на уроках в пятом классе. Она вызывала его к доске – он ничего не знал, не учил. Но Полина не ударила его по рукам, не ругала, а помогала ему решить задачу, ободряла его. Он смысленный, но знаний нет, потому что не хотел учиться. После поощрения, на другой день Полина заметила у парня все принадлежности для урока – тетради, ручка, дневник – все есть. И он стал тихо работать. Вторично вызвала к доске – и поставила ему положительную оценку. Хулигану-то? Да. Добротой, вниманием и участием помогала ему учиться. Заставила поверить в себя. Он пошел в ФЗУ, а вечером ездил в школу учиться. Втянулся. И Полина продолжала его одобрять. Какой молодец, и специальность осваивает, и учится. Сыграло роль его честолюбие,

и любовь к труду помогла осилить себя. И хулиганить некогда. На улицу выйти нет времени выйти погулять. Это и спасло Игоря – и он не покатился по наклонной плоскости. Отошел от хулиганства, получая специальность. Отошел от нужды, став работать. Отошел от низменных запросов – появились духовные запросы.

Нет, Полину в работе особенно привлекали те дети, которым позарез нужно помочь. И вот таких людей Полина жалеет и уважает, стараясь им как-то помочь. Но сил тех уже нет, какие были раньше.

Таких ребят было немало за много лет работы. Полина воевала за детей сама. Так, была в ремесленном училище № 1, где вместе с месткомом и партийной организацией, по ее инициативе, разбирался вопрос о нерадивом отце трудного подростка. Была на швейной фабрике № 2, уговаривала оказать помощь матери своего ученика, которую бросил муж с двумя детьми. Обошла с больными ногами все уголки Астрахани, где жили ее подопечные дети. Не считалась со своим временем и здоровьем. А старалась помочь родителям понять, что они не на верном пути в воспитании своих детей.

И самих учеников брала за душу только добром, советами, хорошими делами. А с хулиганистого ученика спрашивала по большому счету:

– Что ты дал такому большому нашему государству? Как и что ты взял у него? Ты же станешь браком для государства, если не поддаешься обработке. Из тебя делают человека, а ты упрямисься. Ты вредишь себе, а фактически – государству. Способный парень, но невозможно хулиганистый. Ты и классу не даешь работать, вредишь классу на уроках – превращаешь в брак работу своего класса.

Помогали Полине проводимые ею собрания на тему: самовоспитание. Каждый ученик высказывался, какую черту характера он в себе воспитывал.

Иван поделился:

– Когда был маленький – стал бояться спать в темной комнате. Стал большим – боюсь, осмеют. Поэтому хочу преодолеть страх.

Игорь разоткровенничался:

– Я хочу побороть в себе бешенство. Иногда расплывлюсь, трясусь от злости. Я вспыльчивый, дерзкий. Вот работаю над собой. Останавливаю себя. Я много читаю, подражаю героям книг, начинаю сдерживаться.

Прошли годы – и все эти откровения дали положительные плоды.

Городничев, старший брат Бориного однокурсника, учился у Полины в школе в Астрахани, а встретился в Москве. Хулиганил на уроках в пятом классе по-страшному. Сидел на последней парте иногда вверх ногами. А когда стал взрослым, пришел в школу и извинился перед Полиной Алексеевной. А брата его, замечательного парня, Боря привел из рыбвтуза в редакцию молодежной газеты, и он стал постоянным фотокорреспондентом газеты.

А в астраханском магазине была другая знаменательная встреча. К Полине подошла женщина, приветливо поздоровалась. Полина ее сразу

узнала – Талалаева. Она с родительским комитетом была ни раз у них на квартире.

Один раз пришли с этим комитетом, а пьяный отец на них двинулся с кулаками:

– Я отдал вам сына – учите. А не ходите с жалобами.

– Но кого учить, – спокойно спросила Полина Алексеевна, – когда ваш сын в школу не ходит.

– Как не ходит? – осекся отец.

– Да так. Нет уже три дня.

– Я сам разберусь, – отмахнулся он.

Пришли в том же составе на другой день – застали ученика дома.

– Не пойду в школу, – встретил он учительницу.

Выяснили, где пропадал. Играл в карты под забором с дружками, и, конечно, на деньги. Забили тревогу. Вернули сына в школу. Окончил восемь классов, позже окончил техникум. Вот мать и подошла поблагодарить учительницу:

– Спасибо, Полина Алексеевна, что помогли в свое время. Он окончил техникум. Женился, живут хорошо. Если бы не ваша забота, мы бы потеряли сына.

Позже Полина встретила и её сына. Узнали друг друга. Перед пожилой учительницей стоит «громилла», с наивным и виноватым видом, и кается:

– Простите, Полина Алексеевна! Сколько я вам причинил неприятностей. Большое вам спасибо и от моей семьи. Работаю техником. Надо ведь, какая дурь была раньше в голове. Вы выбили её – спасибо вам, спасибо.

Помимо личных встреч Полина получала и письма от ребят.

Вот был в Полинином классе гроза всех ребят, первый заводила. Он подговаривал одноклассников на дурные проказы, что мешало вести уроки всем учителям. Открывали двери в класс во время урока, выкрикивали бранные слова и с топотом убегали по пустым коридорам школы. Вызвали этого сорванца на педсовет. Стоит Саша перед учителями, герой школы, независимый вид, всклокоченные волосы. Что интересно, и его мать не отличалась порядочной внешностью. Началась проработка. Учителя жалуются: мешает всем ребятам, первый заводила в хулиганских поступках.

Полину заинтересовал мальчик этого класса. Хотя она не была там классным руководителем, а только вела уроки. Математику знал слабо, но не был дерзким с Полиной Алексеевной.

И Полина однажды пошла с ним из школы, сказав ему, выходя вместе из школы:

– Сяду на трамвай на Волжской, с тобой по пути.

Саша жил в тех краях. Начала с ним беседу и выяснила: его мать – грубая, отца выгнала. А отец – инвалид, без ноги. Есть у Саши братишка, которого он забирает из садика. В общем, обстановка тяжелая. И везде –

грубость, и в школе, и дома. В мирной беседе парень все больше раскрывался. Оказалось, что он оставался во всех почти классах на второй год. И вот нынешней осенью его забирают в Армию.

После такого откровенного разговора прошел год. Вдруг Полине приходит письмо с Дальнего Востока. Фамилию она сразу не вспомнила, но чувствует, что знала и забыла. Распечатала письмо. Саша в письме благодарит Полину Алексеевну за то, что её разговор с ним вселил ему веру в жизнь. И вот он служит хорошо. Отличник боевой подготовки. Полина, конечно, ответила. И получила от Саши еще два письма. Потом он вернулся домой. Устроился работать на завод слесарем. Часто его встречала. Он всегда останавливался и делился с Полиной Алексеевной событиями в своей жизни: женился, работает, не пьет. Парень вошел в жизнь.

Время разбросало её питомцев по всему свету. И люди долго, при случае, а порой, и при встрече, вспоминают свою учительницу добрым словом. Рад таким встречам и ее сын Боря. Когда она была в Москве у сына, к ним приезжал Саша Топоров с Тихого океана, через Москву возвращался в Астрахань после службы (этот Саша, в отличие от бывшего хулигана, был всегда отличником, а с его матерью из родительского комитета Полина подружилась на всю оставшуюся жизнь). Был в гостях в Москве и Юра Минаев. Полина удивилась, как этот бывший десятиклассник нашел ее у сына. Он тогда был студентом Московского энергетического института, окончил его с отличием. И получил направление на работу в Ленинград.

Сколько их, ее питомцев, в разных краях России. И Полина рада, что есть частица её материнского тепла в их праведных трудах и в личной жизни. Так что жизнь прожита не зря. Многие вспоминают учительницу с благодарностью за то, что в свое время сумела посеять в их душе благодатное зерно. Все равно всходы будут хорошими. Это ясно видишь при встрече с бывшими питомцами. Как они благодарны, какими теплыми глазами смотрят на неё.

На пенсии Полина работала то в школе № 4, то в учетно-кредитном техникуме. Эти учебные заведения находились рядом с её квартирой на улице Ужгородской. Устраивалась работать там на прорыве – когда учителя болеют. Без детей Полине было трудно, она чувствовала себя не у дела. И тогда одолевали её всякие боли. А стоило ей устроиться на работу, она вновь оживала. Приходилось изощряться, готовясь к урокам по математике по новой программе. И невольно замечала, что дети стали более развитыми, чем были раньше. Лучше усваивали математику, если их заинтригуешь. Но дисциплина в школах стала в эти годы бичом для учителей. В основном из-за нежелания ребят из простонародья учиться и получать соответствующий минимум знаний. Да и новая программа, особенно по геометрии 6 – 7 классов, была все-таки трудна для восприятия такими учащимися. Сильные ребята осознали, конечно, учебный материал, а для учащихся со средними способностями он был трудным. А раз трудно – и не хочется его зубрить.

А учащиеся техникума Полину Алексеевну приняли очень радушно. Причем было шесть групп, три – первого курса и три – второго. Но и в той, и в другой группе ребята говорили:

– Полина Алексеевна, мы только сейчас по-настоящему начали понимать математику. Спасибо вам.

И в следующий раз Полина пришла в этот техникум – и снова ей дали три курса, и такой же положительный результат.

Потом Полина устроилась работать в общежитие воспитателем. Здесь встретила с взрослыми девочками. Раньше на этой должности была какая-то кликуша. Она – кричала на девчат, а они – на нее, и были ссоры, грубость, даже кражи. Но месяц прошел – и ничего такого в общежитии нет. А продолжали жить те же девчата. Детей, как подменили, все здороваются, жмутся к Полине Алексеевне, как к матери. Раз девчонки побойчей зазвали её в свою комнату. Не знали, чем угостить и где усадить. Так хорошо поговорили. И всё удерживали, чтобы она ещё посидела, поговорила с ними.

Раньше в какую комнату не войдешь, – какое-то стеснение, беспокойство, что разбросаны вещи, и девчонки кидаются всё убирать. Потом в комнатах стало чисто. И грубостей не слышно. Девчонки в коридоре говорили:

– Стыдно что-то грубое сказать. У нас очень добрая и хорошая новая воспитательница. С ней можно обо всем договориться, и не хочется перечить. Она понимает нас.

В общежитии теплота молодежи подкупала Полину. На первых порах она доверительно беседовала с опоздавшими, которые привыкли гулять до двух часов ночи. Полина делала замечания, не унижая их, хотя есть такие, какие заслужили и строгого выговора. Но Полина с ними говорила на равных, с сочувствием, теплом и добротой. Привела им тысячи примеров, и они поняли, к чему ведут эти ночные гулянья. По-матерински их убеждала ради здоровья беречь себя, беречь свою честь смолodu. Все добивалась тактом, умелым тихим разговором с ними и убеждениями, а не криком и не угрозами. Вот это все и нравилось им и нравилось и дирекции.

Как-то приехала машина, чужой парень вызывал девушку – выйти на улицу.

Полина спросила эту девушку:

– Кто это?

– Земляк.

– Только быстро возвращайся, – по-матерински попросила она девчонку.

И как этот чужой парень ее не уговаривал, даже силу применил – она не поехала с ним. Видимо, сказала, что воспитатель не разрешила, и он ее отпустил, после бесплодных убеждений и уговоров. А Полина была «на стреме». Девушка быстро вернулась в общежитие.

И вот на собрании директор похвалил воспитателя Полину Алексеевну. Признал, что взрослые девушки перестали оскорблять друг друга, как было раньше. Нет крика и брани. Нет пропаж и беспорядка в комнатах

общежития. «Полина Алексеевна – воспитатель настоящий», – оценил директор общежития.

В Москве Полина получала толчки от спешащих людей, что не свойственно для Астрахани. А сейчас она ходила еще медленнее на больных ногах, и москвичи ее толкали хуже прежнего. Полина, как и другие жители провинции, любила называть столицу большой деревней. Только добрых людей в ней нет или очень мало среди 10 миллионов человек. Но, несмотря на эти неудобства, в Москве Полина была во многих музеях. В театре была восемь раз, водил в театр Боря, когда она приезжала к нему в гости. Однажды через знакомого артиста Полина посетила Большой театр с отдельного входа и сидела в отдельной ложе у сцены. Красота на всю жизнь.

Как у Полины наберется 3000 рублей (или 300 рублей после обмена денег), так она покупала билет на поезд и ехала в Москву. Так было 10 лет, которые Боря прожил вместе с женой Валею. К Полине Валя относилась хорошо, культурно. Боря старался, чтобы Полина не видела их разрыв, но он назревал. Этому помог и отец Вали, когда у него умерла жена. Отец решил переехать в Москву к дочери по состоянию здоровья. И Валя быстро развелась с Борей. Опять семейная жизнь у Бори оборвалась. В этот год его сыну Максиму было уже 7 лет. Так что судьба-злодейка у Бори похожа на Полинину судьбу. За добро и Полине, и её сыну платят не добром, а злом. Полина всё мерит на свой аршин. И Боря думает, что люди живут по правде, а кругом – ложь, и плевки за добрые дела. Она и он всегда переоценивали других, а себя недооценивали.

Внук Максим не понял, почему его мать с отцом развелись и разъехались.

– Я их не понимаю, – сказал он с досадой. Маленький еще. Хорошо, что любовь к отцу Боре и бабушке Полине сохранил.

У всех свои разводы.

У Полины в доме на Ужгородской улице были хорошие соседи. Евдокия Константиновна, из квартиры на ее лестничной клетке, много сделала для Полины доброго. Когда муж ее умер, она позвала Полину на поминки. Полина испекла рубленый пирог и принесла с собой. За столом было много мужчин из села, где Евдокия Константиновна жила с мужем. И вот один, сидя напротив Полины, стал рассказывать своим приятелям про свою несчастную жизнь:

– Ушел я из своей семьи – от пятерых детей и жены через то, что не мог на нее смотреть – «страшную». Видеть не мог! И детей не жалко. Нет ее – я другим стал. Как увижу ее – стерву – лучше и краше ее нет. Делаюсь такой безвольный, и такой счастливый. Чем она меня приворожила? Так вот и мучаюсь, а сделать ничего не могу с собой. Вот уж сколько лет.

И Полина вспомнила, что Боря говорил о Вале после развода: «Иногда смотрю на Валу, а её лицо постепенно становится чужим и страшным, как у ведьмы. А через мгновение – опять обычное лицо. И так несколько раз было одно и то же явление. Может, она, действительно, ведьма?»

Может Борино здоровье его жен не устраивало. Хотя он без жены долго не оставался.

Полина всё не могла понять, почему она одинока. Когда была молодая, вроде, была неплохая. Ездил на курорт – почему-то не видят её мужчины. На некоторых отдыхающих женщин смотришь: только от мужа – и на другой день она уже с мужчиной. А к Полине липнут всё такие же одинокие девчата из различных городов. И дружат очень хорошо, как родные – из Мурманска, Кишинева, Львова, Пензы. Почему – сама не понимала. То ли уничтожили её, как личность, то ли судьба такая? Гадалка сказала, что сделали ей так злые люди до смерти.

Через пять лет после того, как Боря уехал в Подмоскovie жить к Насте, Полина попыталась выйти замуж. Ей показалось, что встретила хорошего человека. На курорте познакомилась. Лишь один вечер, уже в темноте, разговорились. Лица ни его, ни её не видно было. И он заверил, что ему такая женщина и нужна, добился от неё адреса, проводил её до санаторного корпуса.

Полина долго была одна, поэтому и решила выйти замуж за Петра. Поговорила о нем с жилищкой по номеру в санатории, прогуливаясь по терренкуру. Одиночество съедало душу. А Петр стал с утра её поджидать, чтобы проводить. А потом в Астрахань прислал телеграмму: «Встречай 12 числа вагон 8 Петр».

Полина думала, что встретила мужа. Думала, что за все одиночество ей судьба послала человека для совместной жизни. Но, как выяснила позже, он оказался алкоголиком бездомным. Какая-то насмешка судьбы!

Полина его одела, купив ему костюм в кредит. Поехала с ним на Дон к его родному брату, на смотрины.

И вот брат Петру говорит:

– Живи! Хватит выступать.

Полина насторожилась. Но всё его отбеливала, защищала.

А его племянница сказала Полине:

– Он у нас пропащий человек.

И правда в скором времени раскрылась. Петр один год держался, не пил. Сначала жили, как брат с сестрой. Петр Полину не обижал. Она даже похвалилась в письме Боре, напомнив его стихи:

И он придёт, чтоб оценить число седины,

Чтоб заплатить сполна за опозданье.

А когда Боря приехал погостить в Астрахань, сразу сказал Полине:

– Мама, он пьяница. У него водка стоит в буфете, и он её потихоньку попивает весь день.

Прожила с ним всего один год хорошо, тихо, спокойно. После Петр начал пить, сначала понемногу, затем все больше и больше. Менял часто работу. Полина старалась думать, что ему не везет с работой случайно. А затем поняла, что безделье – его система. Он не может работать, а может только пить, и много. А потом каждый день совместной жизни проходил в ожидании какого-то кошмара. Подсознание ей сулило беду. Она искренно уже не верила этому человеку. И это оправдалось. Он пропивал все, что она зарабатывала.

Тогда Полина решила брать в кредит какие-то вещи и посылать их в подарок внуку, чтобы больше сохранить заработанных денег не для себя, так хотя бы для родного человека, а не для пьяницы. Все ей говорили: ты прогони его.

Боря когда-то ей прочитал стихи Хаяма:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Но Полине сначала было жалко своего Петюнчика, как обозвала его тетя Шура.

А потом жизнь покатила вниз. Он разорил Полину, все продавал, что было в доме, и пропивал. Три года пил. А приходит – обзывается матом. Жили с ним вместе, а были врозь. Полина уже доходила до отчаяния. Сыну не признавалась в письмах. А сама уже не понимала, как осталась жива. Видимо, только доброта её спасла.

Тетя Оля набралась храбрости и выгнала его из квартиры.

А Петр каждый день стоял перед окном. Холод, снег с дождем. Хороший хозяин собаку не выгонит. Петр домой к Полине не приходил, а бросал комок в окно. Стоял на улице перед окном. И Полину опять одиночество стало тянуть за душу.

Сердце у Полины не выдержало, она выбежала, сторя от стыда, одела его, опять пустила в свою квартиру. Он какое-то время держался, искал работу.

Вскоре к ней наведалься тетя Оля. Увидела Петюнчика пьяненького за столом – наругала и избивала Полину за ее мягкотелость. Плюнула и ушла домой.

Полина не хотела расстраивать Борю, и писала, что у нее все хорошо. А потом проговорила: «стало лучше». И Боря сразу понял, как ей было «хорошо».

Она перестала замечать, какие вещи пропадали из дома. Вообще превратилась в автомат, в работа. Кажется, стала иногда терять рассудок. Да и Петюнчик превратился в скотину. Кроме водки ничего не видел. Как он оскорбляя Полину, как терзал в пьяном угаре! Вначале Полина стыдилась бросить его. Ведь он – третий муж, длинный счет для сплетниц. Четыре года мучилась с ним. Когда он стал систематически воровать её вещи и продавать на пропой, она решила с ним расстаться. Она знала, что идти ему некуда,

кроме вокзала. Знал и он. Но не стремился исправить себя, а, может, алкоголик и не мог жить по-другому. А Полина уже стала его бояться, потому что он напивался до белой горячки.

И Полина в отчаянии опять ушла из своей квартиры к тете Шуре, второй раз сама ушла. И даже не поняла, что оставила всё открытым. Тащи все последнее. Ничего не жалко. Это было у неё не в первый раз. Она везде за барахло не держалась. Даже на Дону бросила квартиру, и все, что было куплено тяжелым трудом, оставила Семену. Взяла лишь то, что необходимо на первых порах ей и сыну, да два мешка зерна, заработанных Настей. Ничего не жалко, если её доброту и порядочность не сумели оценить. Вот сестренка Настя была иной. Она отбеливала все время поступки мужа, а барахло только увеличивала, все прибирала к рукам.

Петр, конечно, вошел в квартиру. Да у него был и свой ключ, как у хозяина. А когда Полина через несколько дней вернулась домой с работы – на столе ее ждала огромная петиция от Петюнчика. Полина вынуждена была прочесть её, и убедилась, что этот пьяница совершенно правильно понимал, что она из себя представляет. Он хвалил её, как доброго человека. И просил, чтобы она его не выгоняла.

А Полина собрала все его вещи, которые купила ему на свои деньги и в кредит, и решила окончательно с ним расстаться. Искала, кто отдаст ему его чемодан, но никто из родных и подруг не соглашался связываться с пьяным Петром, боялись. Только тетю Шуру он уважал. Полина даже боялась потерять квартиру. Ведь раньше она сама прописала его в свой кооперативной квартире, чтобы он устроился на работу. Петр проработал три месяца, и его за пьянство уволили с работы.

Сейчас Полина уговорила Шураньку все вещи Петра вынести ему на улицу. Она согласилась помочь. Вынесла во двор его чемодан с узлом обуви. А Полина была в этот момент на балконе «на стреме». Она видела, как Петр еле шел, качаясь, к тете Шуре. Подошел, взял свой чемодан – и заплакал, думая ее разжалобить. Но Шура твердо ему сказала:

– Я тебя предупреждала, а ты не послушался. Вот теперь уходи на все четыре стороны.

Полина заперла дом, и ушла ночевать к Шуре. На другой день купила новый замок, и сосед-плотник его вставил за бутылку.

Вскоре начались каникулы. Полина взяла билет на поезд и уехала в Москву.

Была у сына два месяца. Приехала домой только к началу учебного года. Полина вела урок в школе на четвертом этаже. Вдруг осторожно открывается дверь, и Петр стоит в дверях, как проклятие, в черном плаще. Полине даже дурно стало. Она по-настоящему его боялась.

Но при детях она взяла себя в руки, и решила с ним не ссориться. А он тоже думал, что сделал ход конем, и опять ее разжалобил. Но на этот раз Петюнчик ошибся. Кульминационный период их совместной жизни прошел. Теперь Полину никто не заставлял, даже наоборот, она сама пошла ему навстречу. Он начал встречать её ежедневно из школы. Жалкий, голодный.

Она давала ему булочку. Он все свои вещи пропил, а ей говорил, что его чемодан украли на вокзале в камере хранения. Написал целый список, что у него было в чемодане, и заявил в милицию.

На квартиру к Полине пришел незнакомый мужчина в штатском. Подозрительно осмотрелся по сторонам и представился, показав удостоверение:

– Я из уголовного розыска.

Вынул из кармана список и показал Полине. Она подтвердила:

– Все перечисленное в списке в чемодане было. Список написан его рукой. Но, думаю, что он всё это сам пропил.

Офицер сказал:

– И мы так думаем.

Потом Петюнчик, разозлившись, что она его не пускает в квартиру, начал бросать в окно Полининой квартиры камни. Нечаянно попал в окно соседа. Тот ему вlepил этим камнем в спину.

Тогда Полина решила вместе с подругой детства Натой, которая в это трудное время жила у нее, пойти в милицию и попросить помощи. Милиционеры согласились помочь и пошли проводить испуганных женщин домой. А в это время Петр навстречу им вышел из-за дома. Милиционеры его забрали. А дежурный милиционер спросил Полину:

– Чего вы хотите?

Полина попросила их помочь выписать Петра из ее квартиры:

– Он меня всю измучил! – сказала она и расплакалась.

Услышав это, Петр стал ругаться и грозить Полине. Этим только навредил себе. Милиционеры крепко его предупредили. Все же милиция помогла Полине выписать его из квартиры на Ужгородской улице. И Полина опять осталась одна.

«Вот Ирочка и была права, – вспомнила Полина совет своей ученицы: «Оставьте его. Он вам не нужен». – Детское сердце и любовь к любимой учительнице ей подсказали».

Полина больше не видела Петюнчика. Через много лет от кого-то узнала, что Петр после неё дважды женился – с тем же результатом.

И на пенсии Полина ещё ждала, не уставая ждать, любимого. Все помнила Борино стихотворение: «И сколько горьких вздохов услышала твоя холодная двуспальная кровать, которая любимого не знала?» Какое оно правдивое и до сегодняшнего дня, повторяла она.

Когда Полина первый раз прочитала его своей подруге детства Тасе, она залилась слезами. Так как у нее жизнь была похожей на Полинину, с небольшой разницей.

Опять у неё широкая кровать, и опять она одинока. Разве это не насмешка? Прошли годы желаний – и сейчас Полина еще больше ощущает одиночество.

Бедная, бедная Полина!

Глава двадцатая **НИ СЕМЬИ, НИ РОДА**

Полина на пенсии долго утешалась воспоминаниями о своих учениках. Этому помогали их письма, встречи с некоторыми из них и их родителями в городе. Утешали её их успехи и огорчали неудачи в жизни. Интересовали Полину и полученные от учителей сообщения о событиях в её родной школе.

За её бытность сменилось пять директоров школы. Сильно изменился состав учителей. Из прежних коллег почти никого не осталось. А ведь раньше школа № 11 была базовая. Все родители старались отдать своих детей в одиннадцатую школу. За процентами учителя здесь не гнались. Действительная успеваемость в школе была 70 – 80 процентов. Теперь дутая успеваемость в школе 99,8 процента, а толку мало, хотя и крику много. Теперь другая установка, другие средства, другие способы приобрести все необходимое. Говорят, что школа оснащена первоклассной аппаратурой. Это хорошо. Ведь прошло уже шесть лет, как Полина ушла на пенсию.

А раньше сами, силами учащихся и учителей, ремонтировали и подновляли школу. Оснащали пособиями, где делали сами ребята вместе с учителями, а где и покупали на те деньги, которые отпускало РАЙОНО. И учителя работали не за страх, а за совесть. Старались учить подростков качественно, чтобы они могли успешно сдать экзамены в высшие и средние учебные заведения.

Как-то одна из родительниц, страхделегат, пришла к ней на работу в школу и вспомнила интересный момент. Дети ведь дома делятся впечатлениями об учителе. Вот, рассказывала, отвечает учащийся в классе у доски, а плохо выучил урок. Полина Алексеевна ему помогает наводящими вопросами. А потом увлеклась так, что все почти за него ответила. А ученик только поддакивал, и потом ей говорит:

– А дальше?

Полина Алексеевна встrepенулась, и погрозила ему пальцем:

– Что, дальше? Ах ты, паршивец, ты еще спрашиваешь, что дальше?

Понравилось, что учитель за тебя все отвечает.

Так смешно родительница рассказывала, что обе посмеялись хорошо. Не любила Полина ставить двойки, а старалась заставить ребят выучить урок. Вот, такие добрые её дела переживают годы, и навсегда остаются в памяти учащихся и их родителей.

Примеры учительского опыта и после ухода на пенсию всё кружили в голове Полины, как привычный шум впечатлений, который долго не оставляет после ухода с работы на пенсию.

Вспомнился интересный случай, который подтверждал то, что дети впитывают от учителей все хорошее. Невольно становятся похожими, а, может, даже лучше их. Полина любила трудиться, и дети у неё вырастали трудолюбивыми. Но была Полина и стеснительной, и дети становились немного робкими, пробыв с ней пять лет вместе, с пятого, по десятый класс.

Однажды из-за «малокровных» классов, пришлось объединить эти классы в 8 класс. Так попали к Полине дети от преподавателя, которая была по характеру напористая, меньше сделать – больше показать, умела защитить себя, даже если и была виновата, то есть выкрутиться из любых обстоятельств. Так её ученики и в новом классе не чувствовали себя новичками. Пришельцы были заносчивы, своенравны. Они повели себя в точности так, как их бывшая учительница. А «хозяйева» класса спасовали, забивались в угол. И долго пришлось Полине выравнивать в классе детей противоположного характера, чтобы была настоящая дружба, чтобы стал прочный коллектив. Полине удалось добиться успеха. И потому, что никогда не пресекала инициативу отдельных учащихся, а наоборот ее развивала. Следовала правилу, чтобы ребенок мог свободно мыслить и не бояться, если окажется неправ. Ученик мог с учительницей не соглашаться, но до тех пор, пока не осмыслил, что он не прав. А это двигает его к истине. Истина рождается в споре. И, видя это, другие дети осознают, что учитель прав, и это поднимает его авторитет.

У Полинины ученики не будут молчать, пока по-настоящему не поймут объяснение. А когда знают предмет, ловят объяснение Полины Алексеевны с полуслова. Даже контролирующий ее завуч школы, посетив урок, сказал удивленно:

– Что это они тебя понимают с полуслова? Ты ещё вопрос не закончила задавать, а они отвечают на него верно. Просто как-то чудно.

Просто ученики «чудно» свыкались с Полининими требованиями, понимали, о чем она хочет спросить и что хочет сказать. Такая у неё была система в работе. Вроде, и не система, а чуткое взаимопонимание учителя и ученика, везде и всюду.

Поэтому и благодарности от учеников и их родителей Полина получала много раз в жизни, и даже подарков, скромных, но ценных для неё. Вот тикают перед ее кроватью настольные часы с надписью: «Дорогой учительнице, любимой, от учащихся 8 «Г» класса, 1969 г.». Они до сих пор ходят без ремонта.

Родительница поделилась с ней:

– Витя говорит, что как не ругала нас Полина Алексеевна, а мы ее все равно любили. Обида на нас – минутная, которая скоро у нее проходит. А за нас она гору свернет и в обиду никого не даст. Ей попадает ото всех за нас.

Полина Алексеевна всегда заступалась не только за своих учеников, но и за их родителей, так как сама испытала все трудности прошлых лет.

Хорошо от таких слов родительницы, и лестно ласкает слух слышать слова благодарности учителю.

Неслучайно, что у Полины учились за 30 лет работы в этой школе два-три поколения одной семьи. Как-то пришла к ней бывшая ученица, которая привела к Полине Алексеевне свою внучку. Заранее сказала ей, что в начальной школе она очень часто стояла за дверью. Не было сил ни у кого с ней справиться. А когда она стала учиться, спросила свою проказницу Людмилу: «Ну как, ты миришь с учителями? Опять тебя выгоняют?» – Она же замотала головой: «Нет, ни разу. А классный руководитель Полина Алексеевна – хорошая, не злая. Я с ней помирилась и ее люблю».

Эта Люда хорошо училась у Полины, все время, с 5 класса по 10 класс. У нее оказалось много хороших черт. А о плохих её чертах у Полины и разговоров не было. Она стала просто исполнительной младшей помощницей у Полины Алексеевны. И бабушка пришла к Полине посмотреть, чем она покорила ее внучку. А Полина и сама не знала. Просто полюбила девочку, доверяла ей выполнять какие-то поручения, учила её добру. Как и всех. Есть у Полины, наверное, какая-то нотка, что задевает учеников за живое.

С родителями у Полины почти никогда не было инцидентов. Даже если она их и вызывала в инстанции на разбор, то старалась помочь справиться с нерадивым ребенком. Чтобы их ребенку втолковать при чужих людях, что он срамит свою любимую мать, что все собравшиеся хотят ему или ей добра. Делала она это доходчиво и тепло. После дети осознавали это и не винили своего классного руководителя, а, взрослев, становились благодарны, что она им помогла.

После школы Полина проработала на пенсии еще 12 лет, до 1984 года. И везде с молодежью находила общий язык. Хотя вначале боялась, что не справится. Трусиха. Ведь ситуации на новых местах временной работы иногда были острые.

Однажды воочию увидела и плоды грубости.

Уезжали по домам молодые ребята после третьего курса. И напоследок забузили. Какой у них был независимый вид. Как они хотели насолить тем, кто их «не понимал». Они прошли с вызывающими песнями мимо техникума. И решили наглубить всем, зная, что диплом у них в руках, и никто теперь им не сможет сделать ничего плохого. А они сделают – всем.

И Полина предприняла свой «ход конем», как любила она говорить, подражая сыну Боре. Решила не допустить их беснования. Она осталась на ночном дежурстве одна с вахтером, и приняла их вызов спокойно. Полина Алексеевна поздравила выпускников с получением диплома. Тихо и спокойно выслушала их представителей, и они перестали «корезиться». Когда пришла девочка за паспортами отъезжающих выпускников, Полина все же поинтересовалась, почему они так вызывающе себя вели. Девочка тихо ей объяснила, что к чему. Оказалось, ребята умеют тактично говорить с тем, кто с ними тактичен. И Полина осталась уверенной, что после душевного разговора, они всё за собой уберут и сделают так, как положено. Обещала им обязательно проверить в 21.30. Проверила. Все убрали. И мало того,

написали в книгу жалоб и предложений отзыв на прощанье: «Дорогие наши наставники, искренне благодарны вам за все то, что вы сделали для нас за эти три года, за вашу родительскую заботу о нас, доброту, за тот домашний уют, который вы создали для нас. Желаем вам крепкого здоровья, успехов в вашем труде, счастья. Извините нас за все те хлопоты, которые мы вам причинили. 31 группа, 1978 год».

В первые строки можно не поверить, но извинились осознанно. Все распрощались с улыбкой. Полина Алексеевна им пожелала счастливого пути и большого счастья. Пусть, если и было им плохо, то после выпуска из техникума будет лучше.

Полина общалась заботливо со всеми, кто её окружал. Она не отворачивается и от родных, а наоборот жметя к ним. Так, она решила раньше поехать к Ладе и пожить у нее в Навои, когда та вынуждена была забрать из подмосковного пансионата подросткового сына с синдромом Дауна. Предложила сестре помощь по уходу за этим племянником Сережей, которого она с Борей навещала в пансионате, приезжая к сыну в Москву. Полина пожила в Навои четыре месяца. Она была довольна, что Ладин муж Аркадий чудный, душевный человек. Он Ладу уважал. Но если Лада начинает ковырять при нем Полину – он сейчас же остановит:

– Ладок, перестань, я прошу.

И Лада замолкала. Слава Богу, прожили они жизнь хорошо. У Аркадия была несладкая жизнь. Его мать очень много пила, и от пьянства умерла. Детства у него не было. А душа была и есть. Про жизнь Лады Полина знала по своим заботам о ней в юности.

Беспризорная сестра Елизавета, по словам её сына Лени, тоже остепенилась, стала другой. Вроде лечилась от алкоголя, ходила на какой-то Священный родник. А то всё куда-то едет, кто-то ее ждет. А везде – одна нужда, и нет никого. Нашла мужа – потеряла.

Но под старость вдруг Полина стала «нужна родным». К ней на квартиру из Навои приехали сразу пять человек, приехали, как хозяева. Племянник договаривается при Полине по телефону с женой, задержавшейся в Навои, что остаются жить в ее квартире. Полина обомлела.

Лада потребовала от Полины, чтобы она прописала в свою однокомнатную квартиру приехавших родных – Ладину беременную внучку с мужем, которого Полина даже еще не видела. И новоявленные хозяева удивленно возмутились, что Полина не хочет их прописывать у себя.

Тогда родная сестра Лада злобно сказала Полине:

– Не хочешь? Ну и сгниешь одна в этой своей засранной квартире.

Черви тебя сожрут.

И Полина, после такой атаки родных, стала думать, как объединить свою квартиру с квартирами тети Оли и тети Шуры. А то и у них отнимут жилплощадь.

Полина говорила тете Оле:

– Ладкины дети в два счета меня бы отравили, как соседку Ниночку отравили зять с беременной дочкой.

Была у Полины соседка Нина на Ужгородской улице. Она осталась с больной дочкой, которую долго не брали замуж. Отец умер, домотался. И дочка решила выйти замуж за отсидевшего в тюрьме парня. Мать Нина была против, но дочь уже забеременела от него. Соседка Нина в то время приходила к Полине, какая-то замученная, но ничего о своей дочери не рассказывала. Полина предложила ей поужинать с ней, она с удовольствием согласилась. И стала чаще к ней приходиться. Раз призналась, что дома она не ест ничего.

– А дочь не варит? – спросила Полина.

– Нет.

Но не стала ничего рассказывать. Не рассказывала и про двух своих сыновей, которые жили своей жизнью где-то за городом. Так, Полина ее иногда подкармливала.

Когда Полина нашла вариант обмена своей квартиры и квартир Шураньки и Ольги на 4-комнатную квартиру, Нина ей сказала:

– Полина Алексеевна, выезжаете? Ну, это – мой конец.

Полина не придавала этому значения. А через месяц Нина отравилась. Якобы выпила эссенцию. Полину позвали на поминки. Этот парень, тюремщик, был любезен с ней, а две сестры Нины со слезами кричали:

– Прости нас, сестренка, не уберегли!

Соседка Нина раньше ездила с дочерью к сестрам, но, видимо, не жаловалась на свою жизнь. Стыдно. И вернулась домой.

Полина сидела на поминках за столом, а сказать ничего не могла. Только спросила дочь:

– Что, «скорую помощь» вызывала?

Дочь промолчала. Видимо, не вызывала. Так и звучали в голове Полины слова Нины: «Теперь мне конец». И он настал, ужасный конец. Конечно, можно было бы все рассказать и на поминках, и заявить в милицию, но Полина боялась тюремщика. И за себя, и за сына. Полина этого парня из тюрьмы не знала совсем. Он влез в трехкомнатную квартиру к дочери. А два брата этой дочери даже не приезжали на поминки матери. Так вся семья рассыпалась.

Мертвые не говорят. Что толку, две сестры приехали, ревели, что не сберегли. Не знали, что Нина уксусную эссенцию выпила? Или Нину заставили, или влили в рот? Считают, что она с ума сошла. Бедная Нина, она искала помощи. Приходила к Полине поесть. Полина помогала ей. А люди делают зло, даже родственникам. Бог им судья.

Вдруг пришла Полине телеграмма о смерти отца.

У Полины застряла занозой в душе обида, почему отец не любил её, когда она была маленькой. Вот Настя была его любимой дочкой.

Настя до старости покрикивала на Полину. Даже подружка Ната Алексина при ней перестала приходить к Полине домой, сказав однажды:

– Не хочу видеть твою Настю, за ее обращение с тобой. Свысока, как будто ты дурее её, и не достойна уважения.

А Настя, даже когда маленькой жила на Дону с Полиной, уже верховодила, не раз приходилось от неё плакать. Начнет Полина ей платье шить или юбку, так Настя доведет её до слез. А ей тогда юбку Полина шила всего из половины метра ткани – вот еще когда у нее был тяжелый характер.

И молодая квартирантка Ирина, которая одно время жила у Полины, тоже возмущалась:

– Почему, Полина Алексеевна, Настя так кричит на вас, как на подданную? Поставьте вы ее на место.

Настя все внимание всегда уделяла мужу Паше. И инвалидность по глазам ему выхлопотала. И от тюрьмы спасла, когда его чуть ли ни посадили за растрату на пищевом комбинате, где он работал директором. Тогда и Боря водил Пашу в суд, как слепого, в черных очках под ручку. Насте даже говорили, чтобы она о себе не забывала, заботясь о Паше. Вот и убралась раньше, чем он. Значит, столько на роду написано, как говорят.

Полина плохое старалась забыть. А хорошего не было. Вот и нечего Полине вспоминать про семейство. Разве что о неразделенной любви к отцу.

А отец то был на каторге, то жил в Баланде. Отцу Полина посылала соленую осетрину или воблу в посылках после их встречи в Астрахани. Вот с такой посылки жена и списала Полинин адрес для телеграммы в Астрахань о смерти отца. Полина помнила, что, когда отец приехал в Астрахань, он дал ей полную тарелку меду. Полина сделала лекарство для Бори, как врач велел: мед, алоэ и красное вино. И Боря его пил, чтобы кровь стала лучше. Анализ подтвердил улучшение.

После телеграммы Полина срочно выехала в Баланду. Тогда она еще работала в школе, но 3 сентября, в начале учебного года, её отпустили на похороны отца. Отец и в Баланде построил дом, как в молодости в Петропавловке. Но не успел сделать в доме перегородки на комнаты. Полина на дворе оббивала красным полотном его гроб. Было много народу. И слышала, как один мужчина спросил:

– Кто-нибудь из первой семьи приехал?

Ему ответили:

– Старшая дочь.

И Полина почувствовала гордое удовлетворение, что она сумела приехать от огромной когда-то семьи в 12 человек к родному отцу на похороны.

Мачеха говорила на поминках Полине:

– Я с ним прожила двадцать лет. А он при смерти кричал: «Аксинья! Поля!». А обо мне не вспомнил...

Потом Полина во сне видела отца. Он её поцеловал. Они были в одной комнате с Калерией. Отец любил маленькую Калерию. Она в том сне пела в

углу комнаты, сидя за прялкой. А отец во сне был в другом конце этой комнаты.

Так они вместе и на кладбище лежат. Полина предала его земле и на кладбище в Астрахани. Ей землю дал в церкви священник, сказав:

– А землю с его могилы не надо.

А куда деть землю с могилы отца, которую она привезла из Баланды? Полина помучилась сомнениями из-за запретов, но все же положила землю с могилы отца на могилу Аксиньи и Калерии на кладбище в Астрахани.

В Баланде пьяные сельчане вырыли отцу страшно большую могилу, как яму. Это жена дала им много бутылок водки, вот они и «помянули» от души Алексея Тимофеевича Чернова. Бог им судья. А дома все гости из одной чашки ели рисовую кашу ложками. И, видимо, баптисты, как показывали в кино. Отцовский бокал с молоком женщина нечаянно разбила на поминках. А он был единственным в доме. Тарелку для Полины заняли у соседей. Так жили эти люди, «по-черному». Народ темный. Его жена хотела с Полиной дружить, но Полина ей в ответ так и не написала письма.

Вот и Аксинья в гробу отвернулась от мужа Алексея, когда Полина, помолившись в церкви, рассыпала на кладбище между своей мамой и бабушкой привезенный из Баланды песок с могилы отца для предания его земле. «Лежат, бедненькие, уже 44 года и... вечность», – помолилась Полина и всплакнула.

А потом видела сон.

«Будто вошла в большой дом в Петропавловке, который отец сделал сам. При входе в него была дверь в просторный коридор, а другая – в чулан. Полина входит в чулан, а там стоит гроб и в нем лежит Аксинья, как мукой обсыпанная. И повернута на бок, как отвернулась. А Полина говорит:

– А я и не знала, что здесь мама».

Вот и осталась, до смерти, Аксинья надолго одна с шестерыми детьми. Полина помнила, что говорила ей уже больная Аксинья о приговоре Алексея:

– Десять лет отца можно ждать. А вот если он совсем не приедет? Заведет там семью?

Как в воду глядела. Так и получилось. Но не знала, бедная Аксинья, что такое ГУЛАГ.

Вот почему Полина не захотела признавать мачеху. Эта женщина знала, что у Алексея в Астрахани осталась семья – пять детей и жена. И, тем не менее, увезла его под Саратов, к себе в Баланду. Хотя, и она боролась за свое счастье.

И большой отец лежал в огромном пространстве полупустой комнаты в углу, когда прилетела Полина на самолете. Посмотрела – вокруг народ грязный и чумной. А ведь всего четыре часа езды до Саратова, центра науки и культуры. Полина в Саратове была в молодости на повышении квалификации учителей. В этом городе тоже бедно живут. Одно лакомство – пряники и ситро.

Вся семья рассеялась по городам после смерти Аксиньи.

Пошло второе поколение, потом третье, с претензиями, что Полина всем осталась должна. А жизнь становилась все труднее, и так до сегодняшнего дня.

В общем, все несчастные и одинокие жили в этих квартирах. И когда съехались в одну четырехкомнатную квартиру с Полиной, жизнь не улучшилась. Пришли старость и болезни. Полина увидела в этой квартире перевалочную пристань.

6 марта 1986 года умерла тетя Оля. Рак поджелудочной железы всю ее съел. Исхудала донельзя. Боря прилетел из Москвы, пришел в больницу навестить тетю Олю. И не поймет, кто кричит в общей палате не своим голосом. Он в скелете не узнал тетю Олю. А она его узнала. Как же она была рада! Попросила у него кофе с молоком. Она еще что-то могла пропустить в желудок, то сметану, то кофе. Боря быстро ей принес полный чайничек теплого сладкого кофе. Она много попила, в охотку. Последнее счастье в ее жизни.

Но у Бори не было возможности оставаться долго в командировке. Похоронили тетю Олю, а Боря прислал Полине денег на памятник тете Оле, а за оградку заплатила Полина.

После смерти тети Оли Полина видела такой сон. Она стоит в комнате, где сидит на табуретке тетя Оля. И такая больная и обреченная. А Полина говорит:

– Мама, ты заткни чекушки, а я болты с улицы заткну.

(Так в Астрахани в собственных деревянных домах закрывали ставни окон).

А мама, вроде, где-то в другой комнате.

И Полина вышла. А потом проснулась.

Видимо, Полина считала тетю Олю второй матерью после смерти Аксиньи. Да, одинокая тетя Оля так и относилась заботливо к ней всегда, как к родной дочери. Тетя Оля была неграмотной, но талантливой женщиной. Она стала работать уборщицей в кинотеатре «Октябрь» и поливала там высоченные пальмы, которые за десятки лет выросли за стеклянными окнами до потолка. И как же точно и кратко рассказывала тетя Оля содержание кинофильмов, Боря восхищался.

А с тетей Шурой под старость Полине пришлось постоянно ссориться. И Боря заступался то за Полину, то за свою крестную, тетю Шуру. Обоих жалко. Но все же мать не сдавал. Старался их мирить. Из ничего у них постоянно раздувался скандал.

Шураня любила выходить «побалакать» с соседками «на воздух». «Курорт ей, да и только, – жаловалась Полина в письмах к сыну Боре. – Все готово и убрано, и подано, и заплачено. А за какие заслуги, не могу понять. Она говорит, всю жизнь она меня растила. Но с 1934 до 1938 – четыре года ее и в Астрахани не было. А до 1934 года был отец. А с 1938 года я сама стала кормить Настю и себя, и половину зарплаты маме отдавала. Тетя Шура носила мне продукты. А сейчас я ношу, так что сто потов прольет с меня, и

все время на больных ногах. Да уничтожает ведь как! А кто? Чурбак с глазами». Но Боря помнил, как Поля «хвостиком» бегала за Шуранькой, не давая ей пойти на свидание.

Но и Шуранька стала придирааться и драться. В квартире не было уюта. Проходная комната, в которой жила Полина, мешала Шуре. Пусть Господь её простит. Она и раньше любила драться. Она же дважды вербовалась на работу на Сахалин. А там каждый зек – хороший учитель жизни. Столько было скрыто от людей страшного в сталинской жизни. И, работая журналистом в Москве, Боря заподозрил, не отправляли ли его крестную бабу Шуру за острый язык в тюрьму на Дальний Восток, на пятилетний срок, два раза. Поэтому Боря не удивлялся, что баба Шура прижала однажды Полину между горкой и этажеркой и стала бить по голове, еле та вывернулась. И голова в этом месте ударов у нее долго болела. Потом Боря уговаривал свою крестную, бабу Шуру пожалеть Полину.

Под старость, тетя Шура призналась, когда стало можно не бояться тюрьмы за длинный язык, что она перестала всем верить. Всех лицемеров, наконец, рассмотрела. А жить уже некогда. Ладно, сколько положено, столько и проживем, заключила Шураня, не больше и не меньше.

Наконец, Боря посоветовал Полине опять разъехаться с тетей Шурой. Та закапризничала. Чтобы она согласилась на размен, Боря предложил Полине отдать бабе Шуре лучшую квартиру, а себе взять похуже. Только этот маневр удался.

Еще десять лет – одиночества прожила Полина.

И вот соседка посоветовала Полине в женихи капитана. У него умерла жена. Он долго ухаживал за ней, парализованной. Одно это уже характеризует человека положительно. А может, под старость и улыбнется судьба, подумала Полина. Встретились с Георгием Федоровичем, поговорили, стали жить вместе на квартире у Полины.

По комплекции и по возрасту Георгий Федорович подходил Полине. Только мужских сил у него уже не было, обижалась на судьбу Полина Алексеевна. Георгий был ветераном Великой Отечественной войны, имел какие-то льготы. У него было много наград, больше десятка медалей, вместе с юбилейными, несколько орденов – даже орден Красного Знамени. Перед Борей он похвалился орденом Ушакова. Боря сказал, что это редкая награда. Георгий Федорович служил на крейсере «Молотов». Накануне войны крейсер «Молотов» входил в отряд легких сил эскадры Черноморского Флота. Георгия Федоровича пригласили приехать в Севастополь на празднование дня Военно-морского флота. Он надел морской китель, с орденами и медалями в два ряда во всю грудь. Надел фуражку с кокардой. У Полины даже дух захватило. Полный, содидный капитан. Правда рыхлый, но нос кверху. Идет, переваливается. Говорит не от старости качается, а от качающейся все время палубы у моряков такая походка. Полина тоже надела медаль ветерана труда, сделала окраску и завивку волос. И поехали в Севастополь. Их встретили на равных. Полно морских пожилых офицеров, от орденов и медалей в глазах

рябит. Несколько отставных офицеров были с крейсера «Молотов». Выпили по бокалу шампанского за праздник, за советский Военно-морской флот и за крейсер «Молотов».

Счастливая Полина была поражена рассказом одного ветерана о том, что они группой были в гостях у Молотова. Оказалось, что он был еще жив. Ему почти сто лет. Ел только домашний творог. Гости принесли бутылку коньяку, и выпили за его здоровье.

Полина удивилась еще тому, что Иосиф Сталин не пустил наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова на его «именной» корабль.

А после войны Георгий Федорович работал в основном на судах Волжского нефтеналивного пароходства «Волготанкер». И, к сожалению, тоже был заражен пьянством. Правда, пил меньше, чем Петюнчик. И вещи из квартиры не продавал ради водки. Он давал на общие расходы часть своей маленькой пенсии. Но утаивал из общего бюджета ежедневно то рублевку, то трешницу. На бутылку хватало. Как пойдет проведать свою пустую квартиру на завод имени Ленина, так напьется с соседями по дому. А много ли нужно старому и больному человеку? И обратно еле приползет к Полине. А, как мужчина, капитан давно ничего не мог, о чем Полина без стеснения говорила своим одиноким подругам.

Георгий был себе на уме. Стал просить Полину, чтобы она его прописала в своей кооперативной квартире. Предлагал даже выплатить 2000 рублей – наследство Бори – и после этого прописаться у Полины. Но Боря посоветовал Полине не соглашаться, чтобы её не мог выгнать из своей квартиры капитан со своей дочерью. Ведь зарегистрировать брак с Полиной он не хотел. Так Полина и разошлась с «капитаном разбитого корабля».

Таким образом, бедная Полина бежала от одного, от другого, третьего, даже от четвертого мужа, когда наступал кульминационный момент её терпению. Такая уж уродилась. Ее сестра Настя умела цепко держаться за мужа, а Полине Бог не дал такой хватки. А от себя не убежишь. Боря как-то сказал Полине, что и Семен, и Иван Иванович после неё прожили с новой женой по 30-40 лет. Как же эти жены вытерпели, а у Полины не получилось? Обидно было слушать матери упрек от сына. Сам-то он почему трех жен поменял? Тоже не считает себя виноватым.

Только сны дают Полине смутное объяснение её судьбы.

Вот опять видела она сон, что блуждает под землей, как в лабиринте. И хочет освободиться от муллы, а потом от «рогатого». Может, это и миф – с проклятием. Но не один из четырех мужей не только не любил, а просто не терпел Полину. А условия жизни с ней и её доброта их не устраивали. Вот и нет счастливой судьбы у неё.

Полина считает, что она всегда жила для всех, кроме себя, иначе не могла. Убили в ней – «Я». Его не было уже с детства. Вот и мели ею, как помелом, все, кому она делала добро и для кого жила. И продолжают до старости так обращаться с ней. Только мать Аксинья её жалела, бабушка

Поля любила, да сын Боря уважает. Вот и все её благодетели. Подруга Ната как-то не вытерпела и сказала ей:

– Не выходи замуж, ты не можешь жить для себя.

И действительно, она была и есть – рабочий скот, как выразился Черкесов. Почему так?

Ведь где бы она ни была – у неё всюду всегда были друзья и приятели. Даже на Дону, где вообще русских не любили.

На улице Победы, когда жила в четырехкомнатной квартире, сблизилась с соседкой Марией Ивановной, дружила с ней душа в душу. А для бабы Шуры стала врагом номер один. Почему?

Приехал из Москвы навестить Полину её внук Максим. Он уже через два дня удивленно спросил:

– Бабушка, почему у тебя так много друзей и приятелей?

Полина обняла его и ответила с гордостью:

– Надо любить хороших людей, а с нехорошими быть вежливым.

Полина рада, когда к ней приходят друзья, и любит их угощать своими «деликатесами». Она придерживается всю жизнь заповеди Аксиньи: «Дающая рука не оскудеет». А Шураня стала отбивать у нее друзей. Троих подруг позорно прогнала. Родительница Топорова, с которой Полина давно подружилась, и подруга с юности Ната не хотят простить тете Шуре ее тиранство к Полине. Не стали приходить к ней домой из-за Шураньки под любым предлогом. А к себе в гости приглашают, рады видеть.

Ната Алексина вышла до войны замуж за любимого человека, который увез ее в Сибирь. Было так нужно, объясняла Полина в прежние времена. А на самом деле убежали от сталинской компании арестов в глушь. Но и там её мужа нашли, репрессировали и расстреляли. Ната вернулась в Астрахань во время войны, и поселилась тихо в области, в селе Оля у своей тети Маруси. Дружба Наты с Полиной вновь возобновилась. Потом вышла замуж за татарина и уехала в Казань. Полине было очень жалко подругу. Муж её тиранил. А Полине он оказывал знаки внимания, якобы любил её. Не скрывая, говорил об этом при жене Наташе. Но она терпела тяжелую жизнь, до самой смерти мужа. А теперь ее гложет одиночество. Жалеет она, что у нее нет детей.

Так что у Полины из подруг тоже мало кто счастливый. Все Полинины подруги одиноки, Александра Афанасьевна, Нона Александровна, да и другие учителя – Рая и Вера...

Даже у замужней подруги Топоровой жизнь кажется хорошей только со стороны. Её муж на своем дне рождения, танцуя с Полиной, сказал; «Не пойму, вы такая энергичная женщина. Живая, красивая, – а не замужем». Полина улыбнулась в ответ. И только когда дожила до «перестройки», ответила на этот вопрос Топорова. Он, полковник КГБ должен бы знать, почему нет судьбы у «дочери врага народа». И еще Полина про себя озадачилась тем, что всю жизнь в ее друзьях были работники внутренних органов, то муж Клавы, то муж Топоровой... И у Бори такое же окружение

друзей. Неужели они с сыном под присмотром? Или под присмотром вся страна? Господи помилуй!..

Один раз на домашней вечеринке, Ленька, когда ему исполнилось 45 лет, сказал Полине:

– Хватит, Полина, жить для других, поживи для себя.

– А я умею? – ответила Полина.

Столько она отдала другим, не опишешь, и здоровья, и молодости. А под старость пришлось собирать ей выброшенную пьянь, никому не нужную, которая и не представляла семейной настоящей жизни. Полина поверила пьяницам. Думала, а может быть, это – судьба. Нет ее, судьбы, и не будет никогда, а теперь и не надо.

Только сын – её радость в жизни. Окончил два института. Помнит, как она с жаром целовала корочки студенческой зачетной книжки, когда Боря поступил в институт кинематографии на сценарный факультет. Со слезами радости на глазах. Сколько лет он упрекал мать, что окончил не тот институт. Слава Богу, стал журналистом и писателем. Есть за что хвалиться сыном. И люди добрые видят и понимают, какой у нее хороший сын. При многолетнем ее одиночестве сын был всегда с ней, в любых ситуациях, дома или вдали. Это её светлое пятно, её стимул жизни.

Так увлекается он творчеством, что за стихами не видит иногда жизни. Однажды признался в одном стихотворении «Так и некогда пожить».

Ну, допустим, по молодости, не увидел, что из себя представляла первая жена Кира. После развода она сразу выскочила замуж за другого парня, и тут же стала изменять. Свекровь застала ее в постели с любовником и прогнала из дома. Обе матери старались ее исправить, жожалую, но бесполезно.

Потом она вышла замуж за милиционера. Видимо, только военный парень смог ее приструнить. Живет до сих пор с ним. Или набегалась? Полина знала, что Кира работала в милиции секретаршей. Институт, конечно, бросила.

Полина узнавала о Кире потому, что больше думала о внучке Анечке. Ведь Кира запретила Боре общаться с дочерью, а дочери – общаться с отцом. И приходится Боре узнавать о жизни Анечки через друзей и знакомых. Ее учительница младших классов даже приезжала к Боре, по его приглашению, в Москву. Всё рассказала ему об Анечке. Докладывали им с Борей об успехах Анечки и в пединституте, где она выучилась на учительницу математики, Полинины знакомые учителя и Борины друзья, с которыми он продолжает дружить с института.

Прислали даже газету в Москву с заметкой Ани о театре. И Боря подумал, что Аня тоже мечтает в пединституте быть артисткой, как мечтала её мать. Но внучка Анечка позже окончила успешно второй институт и стала юристом в адвокатской коллегии.

Когда внучка Аня оканчивала пединститут, который в свое время окончила Полина, она вышла замуж. И теперь у Полины есть правнук Саша.

Полина ходила на встречи с Аней все годы, начиная с первого класса, до института. Вначале внучка Анечка хорошо принимала бабушку, подаренную шоколадку все поглаживала. Но потом Кира узнала об этих встречах и запретила Ане общаться с Полиной Алексеевной. Поэтому после этого Анечка, бедная, только пряталась от бабушки, и, наверное, расстраивалась. Писать дочери Боря перестал, потому что писать письма Кира не разрешила. Выбрасывала, не читая. А Боря стал присылать Анечке подарки на день рождения и Новый год. Полинины ученики носили Борины подарки Ане на её квартиру. Она жила в том районе, где находилась Полинина школа. Её ученики знали все об Аниной семье.

Зимой Боря часто присылал мандарины и апельсины, и ребята 10 класса – Юрочка с другом-соседом носили их Анечке домой. Один год ребята отнесли к ней на квартиру от Бори большого пушистого медведя. Кирина соседка дала им ключ, пока хозяев не было дома. Но подарки, видимо, Кира выбрасывала, или прятала от Ани. Как в свое время её мать прятала от маленькой Киры подарки от разведенного отца в большой сундук. Об этом Кира сама рассказала Боре, когда они познакомились. После медведя Боря купил и послал Ане ко дню рождения белые ботинки с привинченными коньками.

– Полина пришла к внучке и в пединститут. Оказалось, что заведующая учебной частью – бывшая Полинина ученица Романова.

– Вы к кому? – спросила она Полину Алексеевну.

– К внучке, – улыбнулась виновато Полина.

Заведующая быстро организовала встречу в своем кабинете. Здесь Полина хорошо поговорила с родной внучкой. Анечка ответила ей по-взрослому:

– Не волнуйтесь! Вы-то здесь совершенно не виноваты. Я – не первая росла без отца. Так у многих складывается жизнь.

Полина подарила ей золотые сережки, которые ввинчиваются, с розовыми камушками. Анечка взяла. Полина оставила ей номер телефона, просила звонить. Но, к сожалению, звонков от нее так и не было.

Но все равно внучка – в Полининой душе. Хорошая и умная девочка. И работяга, пошла в Полину с Борей. Вышла замуж за хорошего парня. Теперь у нее уже семья. И – фамилия мужа. Она знала, что Полина приносила ей подарки из Москвы от Бори. Знала, что приносили подарки от Бори и Полинины ученики. Как ни прячь, а земля полнится слухами.

А здоровье у Полины все хуже. Особенно издерганы нервы. «Износились – не спросились», – любит она повторять.

Вот как-то соцзащита предложила ей путевку в Тинаки № 2 – кардиологический санаторий под Астраханью. Громко сказано, санаторий. Условия – казарменные, кормить отдыхающих нечем. Сердце там лечат только таблетками. Но уезжающая женщина сказала приехавшей Полине, что есть врач психотерапевт, который лечит гипнозом. Полина попросилась к нему у своего лечащего врача. Оказалось, что к ней попасть очень трудно.

Она вела четыре группы по 14 человек. В специальной комнате, где стояли мягкие кресла, а на полу разложен мягкий палас, всё располагало к покою. Звуки в эту комнату доходят глухо. Полина пришла с приятельницей на первый сеанс. Полина быстро знакомилась, и надолго. Выполняла все, что врач нашептывала больным. И стала постепенно тихо засыпать. Все расслабляется, и слышен только голос врача. И вдруг у Полины потекли слезы из глаз, причем так обильно потекли по щекам, носу, губам. Она хотела вытереть слезы рукой, а рука не поднималась. Полина почувствовала, что врач подошла к ней – и слезы сразу высохли, как будто их не было. Она с юности часто повторяла, что врач нашел у неё слабость слезоточивых канальцев. А с возрастом трудно стало плакать. Сердце плачет, а слез нет.

На другой день снова сеанс. Полининой приятельнице врач сказала, чтобы она больше не приходила. Может, потому, что та сидела и бурчала: «Все это ерунда!»

Полина стала засыпать и на втором сеансе. И её стало корежить, так, что не знала, какое положение лучше занять. И было желание освободиться от тяжестей, которые давили и грудь, и голову. В общем, Полина металась-металась. И слышала издали голос, скорее, шепот врача:

– Выйдите, выйдите, откройте глаза.

Полина глаза открыла, а двинуться не может, вся, словно ватная. Кое-как вышла из комнаты и встала около двери, подумав: «Вчера попросила не приходить Валю, а сегодня – меня».

Вдруг вышла врач. Полина обратилась к ней:

– Как мне хочется подлечиться, избавиться от навязчивых страшных мыслей и от бессонницы.

Врач после паузы ей сказала:

– Приходите завтра в хлопчатобумажном халате и ситцевой ночной рубашке. Захватите одеяло – укрыться.

Полина так и сделала. И на следующем сеансе гипноза быстро заснула.

И только заснула – поднялись сильные боли в левой руке, какие у нее были в прошлом году. Так хотелось потереть руку, чтобы облегчить страдание, а руки онемели. Полина натерпелась от боли, еле дождалась окончания сеанса.

Врач, как всегда, спросила:

– Что мы чувствуем?

– У меня сильные боли в руке были, – ответила Полина.

Врач успокоила:

– Пройдут, – и добавила: – С вами можно что угодно делать. Хоть на сцену выводи.

И правда, больше в левой руке Полина болей не ощущала. Теперь слышала боль в правой руке. Может быть от того, что она стала много вязать крючком. Раньше боль чувствовала изредка, а теперь – периодически. Видимо, это полиартрит дает о себе знать. В общем, атеросклероз и полиартрит разрушают постепенно организм. Но Полина не сдаётся. Все же

Кавказские воды, на которые она ездила в прежние годы, помогли ей доработать до пенсии. Да еще подрабатывать периодически десять лет.

У Бори в Москве тоже здоровья нет. Новая жена Маша с ним мучается. Наверное, его беспокоит новый камень в больной почке. Минеральную воду тоже нужно пить осторожно, и диету соблюдать надо только по назначению врача. Так писала Полина в письмах сыну. И осторожно добавила: «Вообще-то, нужно жить поблизости всем, так как в этом нуждаются и старые, и молодые. И жить дружно и любя». Так запросилась Полина переехать в Москву. Боря должен понять.

И Полина вновь разменяла квартиру на две однокомнатные. Лучшую квартиру с горячей водой отдала Шуре, по совету Бори. А худшую квартиру с колонкой, развалюху взяла себе. Осталась с «пшиком». Но Боря с товарищем привели её в порядок. Оклеили обоями, исправили унитаз. Покрасили полы. Жить можно. А жить ноги не дают. Полина уже стала ходить с клюшкой, но чувствовала, что с больными ногами скоро не сможет пройти даже до хлебного магазина. Боря это понял. Продал за копейки её квартиру, с дыркой на балконе, и забрал Полину к себе в Москву.

Глава двадцать первая МОСКОВСКАЯ СТАРОСТЬ

Прошло еще десять лет одиночества.

Вот уже 28 лет Полина на пенсии. Живет в Москве у сына Бори. Ее больные ноги лечить на Кавказских минеральных водах отказались, потому что сердце не позволяет. Вместо ванн и грязи она принимает таблетки от артрита, мажет ноги троксевазином.

Полина осознала, что под старость остаются лишь воспоминания о прошлом. А грядущее – и грустно, и темно, как говорил, кажется, Гоголь.

Судьба уготовила Полине тяжелую старость. Она упала и вся разбилась, возвращаясь со двора, куда ежедневно выходила подышать свежим воздухом. Встала со скамейки, открыла дверь подъезда – и сознание помутилось. На время увидела полную темноту, как черную занавеску, шагнула в темноту. Как будто ее кто-то схватил и толкнул в бездну. Полина не успела зацепиться за что-нибудь своими цепкими и сильными когда-то руками. Упала и вся разбилась. Хваталась за перила лестницы уже при вставании с пола, очнувшись от безумной боли и страшного своего крика. Ей помогли подняться соседи – два знакомых по подъезду алкоголика, которые всегда с ней приветливо здороваются. Эти парни имеют хорошую душу, но плохой рот. Сами это знают, а помочь себе не в силах. Полина их понимала. Полина поняла, что у нее нет уже такой силы, какая была когда-то. После падения у нее болтались руки и ноги в суставах. Все суставы разболтались. Боря кричал от страха со слезами на нее, что же не дождалась пять минут, пока он спускался с десятого этажа во двор проводить ее домой. Его жена Маша Гладышева умоляла всех не кричать и пожалеть Полину Алексеевну.

Вызвали скорую помощь. Положили Полину в больницу. Перелом шейки бедра левой ноги и сильный ушиб правой руки – дали заключение врачи. Операцию в бедре делать отказались, так как старое сердце не выдержит. Боря давал деньги врачам, чтобы помогли матери. Нанял сестру из этой же больницы, ухаживать за Полиной. Учил Полину ходить с ходунками, которые подарили друзья-врачи. Но Полина боялась упасть с этой новой техникой. Ну ее к Богу в рай! Тогда Боря принес в больницу венский стул. Полина ходила с этим венским стулом, ставя его перед собой.

Когда Полину выписывали домой, нянечка сказала:

– Сынок ее спас от смерти. Деньги давал.

Тяжело старому человеку, а больному – в первую очередь. Но надо жить до конца в своем углу до выноса. Полина уже и не думала, что доживет до нынешних лет. Спасибо тому парню и огоньку, который она видела во сне после лечения.

Полина вспомнила этот вещий сон. Будто в глубине двора показался огонек в ночи, и Полина пошла на него. И вошла в дом, где светил этот огонек. Увидела в комнате много серых куч. А за столом сидел парень. Перед ним на столе стояла горящая лампа с закопченным до половины стеклом. Парень встал и прибавил огня, стало светлее.

Полина, как всегда, сама разгадала этот сон. Серые кучи – это, видимо, могилы. Парень – это Боря, который Полине прибавил огонька жизни.

Который год Полина ходит со стулом по комнате у сына, который заботится о ней, как говорится, не выпускает ее из зубов. Тяжело им с Машей. Но Полина теперь беспомощная. Боря выхлопотал ей пенсию инвалида I группы. Хоть какая-то её поддержка семье.

А из дома Полина давно не выходит. Как она ни старалась не заедать Боре век, а ничего от неё не зависело. Конечно, тяжело ему вставать рано и обслуживать Полину, принести воды, чтобы она умылась, принести еды, чтобы позавтракала, оставить в термосе теплый обед. Он молчит, что тяжело. Но так пришлось. Вот думала Полина, когда ногу сломала, что скоро уберется, а ведь уже восьмой год мешает Боре. Знает, грех на сына обижаться. Он из кожи лезет, а старается её накормить досыта. А жизнь дорожает каждый день. Вот давеча принес коробочку сладкого творога, ее можно съесть за раз, а стоит она, одноглоточная, говорит Маша, 13 рублей. Вот и глотаешь десятки рублей зараз. А где их взять? Много денег не дают. Приходится тянуть зарплату от получки до получки. Воровать не умеем, и не можем, как сейчас воруют, миллионами. Телевизор о бандитах только и говорит, по всем программам. Нахлынули на страну как полые воды. Миллионщики, а на самом деле – один мусор и грязь несет эта подлая вода.

Полина видит сама трудности молодых, старается чем-то помочь. Но бесполезно, так как привязана к кровати. Хорошо, что еще передвигается до кухни и туалета. Полина наловчилась пользоваться венским стулом. Весь груз свой располагает на стул. Зато сама может дойти до туалета и умыться в ванной, и то хорошо. Нога побаливает. На дом приходит врач, выписывает

бесплатные лекарства от болей. Полина чувствует, что травмируется мозоль на переломе бедра при ходьбе, вот он и болит. Так и будет дальше, лучше вряд ли будет. Увидим, если придется.

Полине, потомственной работяге, тяжело сидеть без дела. А начнет делать – только навредит. Сейчас с больной правой рукой, но стала иногда ребятам гладить белье. Поставят ей рядом с кроватью гладильную доску, включают утюг, наложат на стул груды белья. Гладь – не хочу. Сколько даст Господь, столько и продержится на белом свете. Сил только мало.

Конечно, Полина и раньше знала, что будет мешать. Но деваться некуда. Да и стыдно от друзей жить в старости вдали от сына. Подружки все знали, какой воз всю жизнь Полина везла. Да и учащиеся спрашивали:

– Что вас Боря не берет в Москву?

И Полина решила, что ноги её уже не держат, нужно сообщить сыну и соединиться. А, в Москве, как назло, упала.

Полина и без перелома знала, какой груз везет сыну из Астрахани. Ребята ютились с ней сначала в однокомнатной квартире. Полина сама нашла по телефону обмен в Москве – Борину однокомнатную квартиру поменяла на двухкомнатную раздельную малогабаритную квартиру. Но не в центре, к сожалению. За обмен весь заплатила два миллиона из квартирных своих денег. Так что у нее осталось только полмиллиона дутых денег. А потом деньги обесценились, и вообще у нее остался пшик – 47 долларов. Но на эти рты собачьи торгашей и миллиона мало. Каждый день накладывают себе в карманы, увеличивают цены. Да, обманывают честный народ.

Но зато теперь Полина живет в Москве, с сыном. Многие знакомые завидуют. Хотя и не хотела Полина мешать жизни сыну. Видимо, оказала все же ему медвежью услугу. Здоровье у Полины с каждым днем ухудшается.

Сын у Полины был и есть на первом месте в её жизни, и останется светлым пятном в темной ночи ее жизни. Сейчас жизнь немного все же просветлилась. Но здоровье истрчено, жизнь прошла стороной со всеми своими дрязгами, заботами, проходимцами-пьяницами и иудушками. Хорошего было мало, и прошлого не жаль. «И не жаль мне прошлого ничуть...», – пела мать Аксинья стихи Лермонтова.

Время у Полины много для размышлений. Только и живет воспоминаниями.

Думает о внуках. Их у неё двое. Анечка в Астрахани. Стала адвокатом. Говорит быстро. Зубу-губы говорят!

Второй внук – Максим. Её Максимка – единственный близкий родной человек, и до сих пор. Как придет навестить – у Полины радость. Часто звонит. А раньше Полина, приезжая к Боре, решала с ним задачки по телефону, так как он приходил редко. Сейчас тоже много работает. Хороший малый. Ему уже 30 лет, этому малому. Не женился еще, пока один, и это его устраивает. Живет со своей мамой. А Полина с Борей могут только ждать, сколько Бог даст, его продолжения.

Он выпитал от Бори самое хорошее. Умный парень. Полина рада, что продолжение рода следует. И дай Бог.

Все, что вспомнила Полина, это истина, как перед Богом.

А жизнь у Полины прошла. Жизнь только у человечества – вечная. Так зачем грустить? Все идет, как надо: старый старится, а молодой растет. И машину Максим себе купил. Теперь ездит. А Полина с Борей не смогли это сделать, да и не жалеют. Водить некому. Боря не смог бы, нервы не держат. Хотя и не пьет, слава Богу. Боря хороший, не пьющий, не гуляющий. А что плохой стол, не обильный, так у него не так много бывает денег.

В Москве много женщин пьют и пропадают от вина и курева, от этого вредного зелья. Хоть Борю эта участь миновала. Слава Тебе, Боже. Пока так, а там, что будет, то будет. А кончик Полининой жизни приближается. Все в доме убегают на работу. Боря заготавливает Полине теплую еду на целый день. И Полина в основном сидит на кровати или ползает со стулом по квартире. Иногда звонит по телефону, да мало кому можно звонить. Все на работе. А кто – в земле, успокоился или нет, это как распорядится Господь. Полине порой кажется, что и на земле жизнь остановилась, в этой каменной коробке на 10-м этаже, вот уже восемь лет. «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка», – вспоминает Полина какого-то поэта. Все от Бори она таких правильных стихов набралась. Видимо, люди не так сильны, чтобы сделать жизнь милой и прекрасной. Это вначале ей так казалось. А сейчас вообще в стране все по-иному и по-глупому. Надо было себя обожать, учат теперь по телевизору. А Полина старалась как-то облегчить жизнь других, а о себе забывала. И вот «финал».

Может быть, надо было Полине жить до конца в своем углу в Астрахани, до выноса, как сделала Аксинья, а Полина не выдержала?

А в Астрахани ей все равно не дало бы жить третье поколение родственников. Лада считает, что Полина ее обидела с наследством Аксиньи. Хотя Полина раньше сказала матери: а что оставить Ладе? Аксинья ответила: «Она больше тебя взяла в несколько раз».

И вот приехали к Полине в Астрахань пять человек из Навои с претензиями. Затем из Москвы хозяева приехали – Настя с Пашей. И все требуют от нее квартиру, вспомнила она опять.

Полина поняла, как говорится, «без меня меня женили, меня дома не было». Полина боялась, что молодые родственники ускорят ее существование, а это – великий грех. Поэтому решила продать свой угол и съехаться с тетушками. А напрасно. Деньги в третий раз поменялись – и получился «пшик». Есть притча о том, что такое пшик. Мужик продал дом, купил баню. Баню продал, купил ворота. Ворота выменял на иглу. Стоит ведро с водой, раскалил иглу, бросил в воду – игла издала «Пшик!» – и только этот «пшик» и осталось от дома у мужика.

Мама предупреждала Полину: «Не нужно оставаться без своего угла до последнего дня». На чужих людей нельзя положиться.

Конечно, жизнь продолжается, и новое поколение требует жилье. Вот и нужен обмен, только «свой угол» надо беречь напоследок жизни.

Смотришь на бомжей: когда-то имели и семьи, и свой угол, а умирать приходится на скамейке. Вспомнила опять Полина одну старую женщину, которая в больнице ей сказала, когда ее выписали:

– Опять пойду на скамейку, на улицу.

Полину жуть взяла. Вроде у этой женщины и вид вполне приличный. На бомжиху не похожа. А пришла в ее дом беда жуткая.

Ни у кого из Полининых родных, кроме Насти и Лады, жизнь не сложилась. Война, голод и нужда. Полине не хотелось об этом говорить при Бориной жене Маше. Стыдно. И когда он вспоминал, как ел с водой сушеные чужие куски, которые одно время доставала Аксинья, Полина его останавливала: «Не было этого. Ты что-то путаешь». Тетушки тоже работали всегда на тяжелой работе. Дети у них умерли. Оля родила четыре ребенка, ни одного в живых не осталось. Олин Анатолий, ровесник Боре, умер шести лет.

Некоторое время все несчастные и одинокие тетушки Полины жили в своих квартирах. И вот началась у Полины менка квартир. Сначала Полина съехала с Шурой. Потом поменяли эту двухкомнатную и квартиру Оли на четырехкомнатную кооперативную квартиру на 9-этаже на улице Савушкина. Оля вскоре умерла от рака поджелудочной железы. Все ела пшеничную кашу, да пила мочу – ничего не помогло. А Полина с Шурой остались в 4-комнатной квартире. Но Полина поняла, что и это жилье будет только перевалочной пристанью.

Но Полина жила вместе с тетей Шурой только один год. Замучила зависть всех родственников, как это у Полины такая большая квартира, а у них меньше. Золушка не имеет права шиковать! Пришлось разменять квартиру на двухкомнатную. Одна была отрада, что Полина расплатилась с Борей за наследство – от дома отца. В результате неравного обмена Полина взяла себе шесть тысяч рублей. Пять из них отправила Боре. А вскоре пришло второе изменение цен, и деньги подешевели в 10 раз. Только жизнь все дорожала.

С Шурой было нелегко жить. Две хозяйки в одной квартире обычно ссорятся. А потом в этой четырехкомнатной квартире не было уюта. Проходная комната, в которой жила Полина, мешала Шуре. Пусть Господь простит ее, но она любила драться.

Шура начала Полину бить. И Полина решила разъезжаться с ней. За все платила и все оформляла сама, из последних сил.

Конечно, с обменом квартир Полина сделала большую глупость. Но в жизни несчастной Полины судьба преподносила ей много глупостей.

Надо бы в развалюхе спокойно доживать, а жить – ноги не дают, стала ходить с палочкой. Боря, наконец, забрал Полину к себе в Москву.

Боря во время пустых ценников в магазинах, из последнего отправлял из Москвы Полине полные посылочные ящики продуктов. Мясная тушенка и банки лосося в собственном соку у нее с Шурой не переводились. Сейчас-то Полина убедилась, как было трудно жить Боре. Да и на золотые подарки Полине по праздникам Боря находил деньги. Все это мать помнит и ценит. Особенно ценит то, что сын не забивал себе голову подозрениями, что мать не такая, какой представляется другим. Полина только хотела, чтобы Боря был счастливее ее, но не получается у него лучшей жизни. Но гневить Бога не будем. Пока хорошо, что есть. И, хорошо бы, чтобы и в дальнейшей жизни было не хуже. Надо беречь здоровье. Полине ведь много лет. Не вечно будет помогать сыну.

А перед этим умер в 1992 году Леня. Его мать Елизавета так с ним и не жила. Она все отдавала своих детей Аксинье. Моталась по Северному Кавказу. Даже не писала в Астрахань. Леня скончался в 57 лет, так неожиданно, что Полина не могла и поверить. За четыре дня до его смерти Полина была у него в гостях. Леня жил с женой Любой, которая возила его на их собственной машине, и с ее сыном Сашей. Он толстел, раздувался от болей, и никто из врачей ему не мог помочь. Настя, узнав как-то от Бори о болезни Лени по телефону, только поплакала. Жалко! В последнюю встречу Леня сказал Полине:

– Умирать нужно.

– Да ты что? – испугалась Полина.

– Я видел во сне женщину и мужчину в белом, – затянулся сигаретой Леня. Так и не прекращал курить и пить.

– Ну, это ерунда, – пыталась успокоить его Полина, знаток вещих снов. А оказался сон в руку. Остановилось у Лени сердце.

Боря чуть успел прилететь из Москвы на похороны двоюродного брата.

И вот, уже в Москве, Полина видела свой вещий сон.

Будто в помещении – много народу, и Леня с группой людей. Их в клетки опускали в шахту. Леня ничего не говорил, а только подал Полине стул. Она села. А в руку ей кто-то вложил бумагу. Полина пыталась прочесть, но ничего не разберет. Только в середине листа разглядела, что напечатано «Колдун». И Полина проснулась.

А через пять лет умерла сестра Настя.

В Подмосковье Настя проработала 30 лет. Очень ее уважали, как хорошего врача, да и было за что. Она любила больных, о них пеклась, а себя не спасла. Лечилась от всяких болезней. Боялась только тромба в ноге. Он и погубил ее.

Царствие ей небесное! Перекрестилась Полина, вспомнив похороны сестры. Настя работала главврачом в Ильинке. Сорок минут езды от Москвы. Вот уже четвертый год пошел, как умерла Настя, в Ильинке. Теперь там ее муж Паша доживает свою жизнь. Как она его берегла! А себя не сберегла.

Вот Паша теперь остался за городом один в трехкомнатной квартире. Дочь с семьей живет и работает в Москве. Они ездят к нему каждое воскресенье. А помогает ему по домашним делам какая-то нанятая женщина.

Настю похоронили хорошо, богато, в красивом саване. Справили поминки в кафе. Народу много. Так люди ее любили. Не меньше, чем Полина. Но Полине у гроба сказать об этом не дали. Слезы душили. Пашка у гроба Насти одернул Полину:

– Без истерик!

Полина боялась, что он ее осрамит при людях, поэтому слезы все зажимала. Как ей было тяжело Настю хоронить. Жалко, что она умерла раньше Полины. Да и Леню – тоже жалко, рано он умер, бедняжка. Так распорядилась судьба. Что написано, то не обойдешь, не объедешь.

Теперь Полина съездить на могилку Насти не может, так как со сломанной ногой не выходит даже на улицу.

Теперь у Полины осталась одна сестра – Лада.

Полина написала ей письмо, только не уверена – отправят ребята или нет.

Она написала Ладе осторожно, чтобы не задеть за живое:

«Здравствуйте, сестренка Лада, Аркадий и Сережа!

У меня ночевала ваша Надя, сноха. Вначале она позвонила мне, я ее, конечно, пригласила, дала ей адрес, и она пришла с ночевкой. Я ее еле узнала. Плохо стала видеть. Бори и Маши не было дома. А утром послала с ней письмо и гостинец. Спасибо вам за кишмиш. Так я и не получила от тебя письма, Лада. Может, это не та Надя? Пускаем в дом мощенников, а потом без головы остаемся.

Вот Настенька наша ушла от нас, нарядная, в саване. Много было людей и теплых речей односельчан.

Я вновь тебе послала письмо, но ответа нет до сих пор. Может, вы не получали мои письма?

Живу у Бори, сломала ногу и хожу со стулом. Замучился он со мной.

Вот из всех только мы с тобой остались, Черновы. Последние из могики. Но жизнь идет. И думать нужно на много вперед. Я еще раз убеждаюсь, что надо не оставаться без своего угла к старости. Это совсем не эгоистично, а разумно. Мы знаем, что жизнь – это процесс, который мы не в состоянии остановить. Но нужно готовить себя ко всему и рассчитывать путь наперед. Думать о здоровье, как его в любых условиях сохранять. Самому за себя решать, чтобы не сваливать свою вину на других. Возраст уже солидный, нужно серьезно думать об этом. Конечно, все не предусмотреть, но кое-что можно уже сознательно изменять в лучшую сторону и правдиво.

Пиши. Целую, твоя сестра Полина».

Да, из родных остались у Полины только Боря и Лада с детьми, которая не хочет писать. Полина два письма ей послала в Узбекистан. И раньше ее с детьми всегда привечала.

Хорошо, что у Лады еще жив муж Аркадий.

Полина вспомнила, что на другую ночь после смерти тети Шуры увидела новый вещий сон. «Будто стоит она на пороге какого-то дома. Около двери видит Шуру. Тетя Шура говорит:

– Ты что?

А Полина, обнимая ее, отвечает:

– Я во всем городе вас ищу.

А вдали Полина видит, что стоит Оля, ясно видит ее лицо. Но Оля ничего не сказала».

И Полина подумала: «Вот и осталась одна наша Полина Чернова. А Лада не отвечает на письма. Хорошо живет». Когда Полина гостила у Лады, сестра показала ей много золотых колец, но не украденных у Аксиньи, и много ковров. Хорошо Лада живет! И Слава Богу.

А Полина все ждала подходящего жениха. Жизнь молодая прошла быстро. Но с таким приданным – шесть человек семьи – ее никто не брал, только удивлялись, почему она еще не замужем? И исчезали.

Писатели пишут, кто не долюбил в детстве, тот любит в старости. Может, и так. Но как любить человека, если видишь чужой взгляд, что он вот-вот плюнет на тебя. Вот Полина и убегала от таких мужчин. И снова встреча – и снова надежда на хорошую судьбу. И попадались одинаковые люди. Наверное, потому, что мы остаемся одинаковые, тоже по воле рока.

«Тебе все не везло. Из тысячи мужчин, поклонников знакомых и случайных, ты не нашла его, который до седин всю жизнь в тебе души не чаял... И сколько горьких вздохов услышала, твоя холодная двуспальная кровать, которая любимого не знала?» Вспомнилось Полине опять стихотворение Бори. Очень и очень правдивое. Да, в этих стихах – сущая правда. Что-то оно нигде не опубликовано. Ведь оно не обязательно о Полине. Миллионы подобных женщин это испытали и испытывают до сегодняшних дней.

Полина неслучайно советовала в письмах: «Ты, Боря, все же не бросай поэзии. Хоть по строчке, по удачному слову, а находи каждый день. Не пяться назад. Это у тебя бывает. Не сердись».

Полина всю свою сознательную жизнь хотела и стремилась создать здоровую семью, выйти замуж смолodu, да не получилось. Полина верила в судьбу. Но на роду, видимо, написано – одиночество. Ведь не только одна Полина думала о себе, что она имеет все основания и все женские данные выйти замуж и создать семью. И другие о ней так думали.

И вспоминала свой очередной вещий сон.

«Как будто она была в храме. Но икон не видела. Подошла к стене, а она зеленой темной краской покрашена. Полина подумала: «Почему зеленой?» И увидела силуэты людей в темноте. Вдруг от одной стены пошел в ее сторону священник. Она гадает: вроде, женщина, но женщин священников никогда не встречала. Значит, мужчина? И в руках у него

кинжал – он светится, как прожектор, разрезая темноту. И все люди в одну сторону отбежали, и Полина – тоже. И заметила в своих руках рожки, как у быка (такая пробка была на бутылку из-под масла), и клещи. Полина стала срывать эти рожки клещами. И не знала, куда все положить. И положила на выступ в стене. И побежала к двери в стене, похожей на дыру. А у второй стены заметила стол, и за столом сидят люди. Полина схватила чашу, стоявшую на столе. В чаше было немного молока. Она выпила (как в пекарне персиянина, где пекли витые) и побежала к этой дыре. Вылезла наружу, и оказалась во дворе церкви у ограды. Из ворот ограды в этот момент уходили две старушки под ручку. И Полина проснулась».

А когда-то давно Полина стояла в церкви около иконы Михаила Архангела. Это его она видела и в этом сне, и на этой иконе. Какой-то молодой человек долго стоял и молился перед этой иконой. Она висела в третьем предделе церкви. На ней Михаил Архангел был изображен со светящимся мечом, как с лезвием огня. Оказывается, как позже Полина узнала, Архангел Михаил помогает заключенным в тюрьму – «тюремщикам». Они ему молятся. И Полина помолилась, чувствуя себя заключенной во зле, и поставила перед иконой зажженную свечу. Думала, что Михаил Архангел выведет ее из подземелья, куда ее в молодости Юсуп с муллой отправили, раз она отказалась выйти за него замуж.

И после этого замужество Полине не давалось.

Она знала пословицу: «Муж – это голова семьи, а жена – шея». Она считала, что вообще все пословицы проверены жизнью, веками. И эта – не исключение.

Но с отцом Бориным – Семеном не получилось. Недавно Семен Константинович умер, в 1998 г. Полина, не по своей воле, оказалась незаконной его женой – самозванкой. Срам какой-то и унижение. Вышла замуж за Черкесова – так попала, опять не по своей воле, в еще больший срам! Из-за того, что невольно перешла дорогу директрисе и вызвала ее месть. Директриса спровоцировала отстранение учительницы Полины Алексеевны от старших классов из-за недостаточной компетенции (почти профнепригодность). И Полина не стала себя защищать из-за вечного страха перед властями, не разрешил оправдываться ее же муж Черкесов – любовник директрисы. И двадцать лет, как кандалы, носила Полина этот срамной «ярлык».

Хорошо сын, когда подросток, подвигнул ее вступить за свою честь и профессиональное достоинство.

Правда, по юному возрасту, он не знал тогда всех причин. Просто пожалел униженную мать. Но еще и обстановка в стране полегчала. Полине разрешили вести старшие классы. Но и вздумали дать ей бой ежедневными проверками, уверенные в том, что она оскандалится. Ведь ей пришлось заново выучить новую программу преподавания математики в 8 – 10 классах. И каждый день Полина шла на урок как на экзамен. К ней приходили на уроки бесконечные комиссии, ходил вредный завуч-математик почти на каждый урок. Каждый день – открытый урок! Сколько же надо сил?

Старшеклассники вместе с Полиной Алексеевной боролись за ее честь и умение. Все отвечали хорошо, не предали ее. И Полина выиграла бой. А позорное дело о лишении ее старших классов – пропало. Просто вырвали этот листок из папки ее личного дела.

Потом были у Полины попытки создать семью с пьяницами – и тоже один лишь срам.

Кого винить, ее или себя, власть или войну? В общем, все виноваты. Теперь старость одинокая. Вот и моталась она на поездах между Москвой и Астраханью. Светлое пятно в ее жизни – только сын, а теперь и внук. Нужно жить для них, а не для каких-то проходимцев. Силы все истрачены. Здоровья нет. Раньше хоть надежда на семейную жизнь согревала душу, а теперь и она рухнула. Бывает, у людей и хуже. Многие Полине завидуют. И она рада, что такие родненькие есть у нее, которые согревали и согревают до конца жизни ее душу. Дай им Бог здоровья, удач и огромного счастья, и сыну, и внуку.

Так и проворачивалась в сознании постаревшей Полины Алексеевны вся ее жизнь.

Вся молодость прошла в заботе и работе на других. Не только родных, но и подруг. Ведь когда училась на двухгодичном отделении пединститута, Полина с Мусей и Галей втроем жили. И она помогала им в учебе, работала на них за кусок хлеба.

Галя недавно умерла, а Муся – давно. Как-то под старость Галя была в гостях у Полины на улице Победы. Пришла парализованная, руку и ногу волочила. В то время жила она с Мусиной дочкой. От Гали узнала Полина, что сын Зины – Гена – хороший малый – стал ассистентом во ВТИ больнице. Полина потом у него лечила ноги, так как его уважала и доверяла его лечению...

У Полины осталась в живых из подруг Ната Алехина. Она тоже, бедная, на перепутье. Не знает, как быть под старость? Племянница хочет взять ее к себе с ее квартирой. А Ната боится отдавать квартиру. Хотя прижаться к своим нужно в старости обязательно, и, может, вопреки своему «я».

Подруга Тася перестала писать Полине, сама сообщила, что больше не будет писать ей письма, потому что нет сил. Живет или нет с Люсей, бывшей женой Бориного друга Славы Писцова. Сын Слава женился на другой женщине и ушел от матери. А состарившаяся Тася с его бывшей женой Люсей и внуком остались жить вместе в трехкомнатной квартире. Как уживаются? Все подруги Полины – только в Астрахани. Живы или нет – она не знает, и не узнает. Да, тяжело терять насиженное место. «Старые деревья пересаживать нельзя», – прочитал Боря из стихотворения какого-то поэта. Так же не знает Полина и о том, что у Аллы с Сергеем, родных Таси. Жива ли Мария? Хорошо бы от кого-нибудь узнать, что и как? По старому адресу писать бесполезно. Это надо, чтобы кто-то рассказал при приезде, или самим съездить в Астрахань в отпуск, на следующий год. Полина уже не поедет. А родных в Астрахани никого не осталось.

Она всех умерших и пропавших на астраханском кладбище земле предала, а сама вот уехала из Астрахани. Некому за отчими могилками ухаживать. Теперь, наверное, займут чужие покойники это место. Жизнь продолжается. Народ, кто нищает, а кто богатеет. Бог им судья! Вот и подружки задушевные разбрелись по разным местам. Но земля – одна на всех. Наверно, так.

Полина сейчас еще больше ощущает одиночество – на пороге конца.

Как-то 6 ноября Полина позвонила в Астрахань к друзьям Топоровым, никто не ответил. 7 ноября опять позвонила утром. И старинная подруга Валерия сообщила, что вчера похоронила мужа Валентина Ивановича. Как будто он позвал Полину позвонить? Захотелось ей услышать их. 40 лет Полина с ними дружила. И часто было тепло и дружно ей в этой семье.

В этом году Боря с Машей хорошо справили Полине день рождения – ей исполнилось 83 года. Полина считает, что она бы не дожила до такого возраста, если бы не ушла во время на пенсию. А теперь, что Бог даст. На фотокарточке за нынешним праздничным столом она, конечно, уже совсем не та, кем была раньше. Но сидела на стуле еще бодро, в оренбургском платке на плечах. Боря подарил на день рождения. И надел ей золотой кулон, который он подарил раньше. В нем, если открыть створки, фотография Полины в одной скорлупке и фотография Бори – в другой скорлупке. Это большой кулон на Бориной золотой цепочке.

Самое главное на праздновании этого дня рождения было стихотворение Бори о Полине. Это его подарок, кроме букета цветов. Полина давно ждала, чтобы Боря написал о ней такое стихотворение, которое можно опубликовать. В юности Боря посвятил ей стихотворение «Неугомонная», которое было опубликовано в молодежной газете. И на одном школьном вечере ученица из параллельного класса прочитала его на концерте со школьной сцены. Полина вся загорелась от удовольствия, слушая на первом ряду с учителями. Они поздравляли Полину Алексеевну, когда актальный зал громко захлопал.

Полина решила выучить наизусть и новое, зрелое Борино стихотворение.

МАТЕРИ

Я с работы опять
 Возвращаюсь к тебе очень поздно.
 Ты устала стоять
 На изломанных жизнью ногах.
 Как в киоте, в окне
 Вижу облик твой в мареве звездном,
 И меня охраняет
 Молитва твоя на устах.

Сколько детских сердец
 Ты согрела за долгие годы,
 И душевного льда
 Растопила своей теплотой!
 Не жалела любовь материнская
 Силы природы
 И цветы, и надежды
 Дарить и в грозу, и в покой.

А взамен телефона звонки,
 Писем редкие строчки,
 Отучавшее от полноправья
 Молчанье окон.
 Да на праздник – на горле
 Березовым поздним листочком
 С бриллиантом росинки
 Дрожащий скупой медальон.

Но вечерний залиvistый звон
 Нас зовет из былого.
 И поднять выше дерево жизни –
 Задача одна.
 И, прощая по божьи,
 Мне страсти удела земного,
 На скорбящую мать
 Ты похожа в киоте окна.

Я минувшую жизнь
 С твоего исчисляю рожденья.
 Ты во мне продолжаешься
 С вести благой в кронах лет.
 Мы друг другу нужны, как себе,
 Как земле воскресенье,
 Теплый светоч любви,
 Путеводный охранный мой свет.

А через месяц, отметили Боре день рождения. Стол был богатый. Жена Маша хорошо потрудилась. А у Полины 9 ноября – день ангела. Раньше на именины Полина ходила в церковь. Теперь это ушло в предание навсегда. За столом собрались все дети, Боря, его сын Максим, Маша, её дочь Татьяна с мужем Аликом и маленьким внуком Сашей, и с ними Полина во главе стола. У Маши мама умерла, у Алика умерли отец и мать. Полина – одна мать на всех. И поэтому чувствовала себя главной за столом. Алик с Борей наладили

компьютер, включили тихую музыку. Слушали стихи Бори. Полина даже всплакнула, когда дрогнул голос Бори, декламируя строчку из стихотворения «Матери»: «Дрожащий скупой медальон». Напрасно он переживал, что маленький глазочек в новом медальончике, зато это настоящий бриллиант. Единственный, после бриллиантиков на кольце Юсупа в ее молодости. Боря до этого отдыхал на Белом озере, и там писал на лоне природы эти стихи. Хорошие. Ему там понравилось очень. Домой звонил каждый день, хоть по 2 – 3 минуты. Немного отдохнул. Но приехал на пять дней раньше, 7 ноября отметили и посидели хорошо. Объелись вкусенького.

Полина крупными буквами написала на красочной большой открытке поздравление Боре с юбилеем. И за столом прочитала его, дважды прерываясь, от слез:

«Милый мой сынок, Боря! От всего сердца твоя мама поздравляет с твоим юбилеем!

Оглядываясь, вижу весь наш пройденный тернистый путь: война, голод, большая семья родных – они никогда не заглушали любовь матери к тебе. Всегда, с шести месяцев в Астрахани и до сегодняшнего дня, и еще неизвестно, сколько в Москве, мы единое целое, что бы ни встречалось на пути. Так будет до моего финала. Желаю, мой сердечный сын, чтобы тебя не коснулось холодным крылом одиночество. Желаю от души, чтобы ты жил долго. Хорошо, по-нашему честно, и был любим другими, как женой Машей, так и близкими друзьями, сыном Максимом.

Не зови старость, а гони. Береги здоровье, как сумеешь. Творческих успехов тебе, исполнения всех задумок и любви. Знай, что тебя ценят не только я, но и хорошие люди, правдивые, это мне всегда говорили, и завидовали мне по-доброму.

Еще раз желаю тебе счастья, любви, удач, радости и исполнения всех желаний. Целую тебя крепко и обнимаю, твоя мама Чернова Полина Алексеевна».

У Бори еще 20 дней осталось от отпуска. Он продолжает писать драматическую трилогию в стихах по вечерам дома. Пишет и после работы, и в выходные дни. Конечно, устает, но не остановишь.

У Бори сил тоже мало. Ведь 60 лет исполнилось. Жизнь его тоже не сладкая, работа, забота и мало любви и благодарности за все.

Что сам Боря решит, то и должно быть. Мать сейчас не указ. Но не обижается, слушая советы матери.

А Боря с Машей тоже ругаются часто.

Полина довольна, что этот год, слава Богу, был у Бори плодотворнее других. Боря оформил пенсию и уволился с работы в министерстве. Именно в этом году министерство закрыли, и всех, с грамотами за хорошую работу, уволили. Но если только писать все время – значит, не работать. А как жить? На что? Даже Борина и Полинина пенсии не всегда дают свести концы с

концами. Отсюда – его трехжильная работа, сидит за рукописью часть ночи. А это – за счет сна. Вот получили из Ростова-на-Дону журнала «Дон» от хорошего Боринова товарища. Все завет он его в гости к родному Дону. Он много печатал в этом журнале подборок его стихов, периодически. А в этом номере журнала напечатал и стихотворение «Матери». Одно из лучших стихов Бори.

Поэзия хорошо отражается на сыне, он выглядит моложе своих лет.

Все подружки мои завидовали, почему у Полины такой хороший сын, а у них наоборот. У Ноны Александровны сын и вовсе повесился. А у Александры Афанасьевны совсем было отбился от рук. Хорошо, Полина вступилась за своего крестника. Кончил школу. И прижался к Полине душой, как родной. А две учительницы русского языка даже бросили с Полиной дружить из ревности.

Полина и до сегодняшнего дня, только и слышит: «Какой у вас хороший сын!»

Знакомая учительница Нина Семеновна, после замужества, оказалось – переехала в Москву. Созвонились, возобновили знакомство, правда, только по телефону. Иногда перезванивается с ней Полина. Нина Семеновна тоже говорит: «У тебя сын – золотой». Да и не только она, а все. Здоровье Господь бы улучшил ему.

«Господи, Господи, помилуй нас, грешных, молящихся тебе и Богородице!»

Здоровья нет. Сносились – не спросились. Полина пять раз лежала в больницах. Боря ее отвозил с приступами. Каждый день после работы приходил навестить больную Полину, кормил ее и приносил вкусные передачи, а ведь у него скудные деньги. И в больницах только о нем и говорили. Всем он нравился, даже врачам и больным, которые хвалили его – говорили о нем добрые слова Полине после ухода Бори. Вот уже девятый год на исходе, как живет Полина в Москве вместе с сыном, видится с внуком. Не знает, сколько еще продлит ее жизнь Господь. Но силы у Полины истощаются, она чувствует. Вроде ничего не болит, а мочи нет. Благодаря Бориной заботе живет. Полина твердо надеется, что Боря и похоронит ее похристиански. Это последняя мечта всякой матери.

Даже когда во ВГИКе учился, звонил без него его руководитель мастерской, профессор Юнаковский, и говорил:

– Какой у вас талантливый, умный сын!

Друзья из «Юности» очень его уважают до сих пор. И главный редактор говорил Полине Алексеевне: «Спасибо за сына».

А судьбой Полина недовольна.

Единственное у нее утешение – это долголетие. Господь подал. Дай Бог и сыну с внуком долголетия и благополучия.

В нынешнем году Полина опять попала в больницу, в пятый раз в московской жизни. Лежала в тесной палате – собралось десять бабок, злых, со сжатыми губами.

Участковый врач настаивала, чтобы Полину положили в больницу с болями в животе. Увезли на «скорой помощи» во время приступа в районную больницу, а там стариков не хотят принимать. Лежишь, кричишь криком от боли, а медицинская сестра пробегает мимо, кричи-не кричи – бесполезно. У Полины три дня болел живот, несло ее семь метров против ветра. Бурлило все, как полая вода. Еле боль остановилось. А есть утром не велели пока, чтобы кровь взять. Все остыло на тумбочке у кровати: каша манная, четыре кусочка сахара, масло и какао. Полина и дома это ела, но все было заперто в желудке. А в больнице потом стала три раза ходить со стулом в туалет. Боря, как всегда, опять приходил к Полине в больницу каждый день. Весь измучился. Но придет – вдвоем спокойнее. Выписали быстро. Говорят: лечите дома все это, старое, изношенное. Полина решила больше не ложиться ни за что в больницу. Хватит мучить Борю. Он только улыбается, успокаивает.

А она еще дома видела сон. Будто на потолке за люстрой вдруг открылась какая-то местность и дорога. Издалека идет старец и на вытянутых вперед руках несет блюдо с печевом, вроде, что-то горкой разложено на блюде. И будто бы который раз Полина видит этот его путь. Но старец ничего не сказал, так и исчез с блюдом. Это знаменье. Но что он принес?

Полина рассказала этот сон в больнице, а молодая больная ей растолковала сон:

– Это Николай–угодник. И он тебе ничего не сказал, значит, не может тебе помочь. А печево – это печаль.

Николай исчез. Но Полина то место за люстрой хорошо запомнила, и невольно смотрит в ту сторону, потому что это место над ее головой, его видно, когда она сидит на кровати. А ведь много часов просиживает, и меняет положение, только когда устанет сидеть, и ляжет подремать. Хорошо хоть телевизор поставили перед ней. С ним и разговаривает. Ходить до кухни тоже нелегко, и тяжело что-то делать. Но иногда Полина готовит что-нибудь себе на обед дополнительно. Любит с детства жареную картошку, видимо, организм масла требует, а сейчас и это стало вредно. Придется опять переходить на Борино кушанье в термосах.

А у Полины все сердце изныло. Ни она, ни Боря не видят испорченных людей. Всех меряем на свой аршин. Мы – добрые, значит, и они делают добро нам. Но это не так. Всё дается не бесплатно, а втридорога. Полина возмутилась тогда в школе, когда услышала от учительницы: «Да, твой Шамиль все делает не бесплатно». Шамиля она защитила. Но много таких людей, только присмотрись. Как легко обмануться со своим доверием к людям. Такие мы с рожденья, и дети наши такие добряки. Боря сказал на это: «Это христианское учение в нас». Полина встречала в жизни много хороших людей. Но людей с обратной стороной медали – еще больше. Только под старость она начала это понимать. Но лучше поздно, чем никогда. А такие испорченные люди хорошо умеют преподносить показуху, получая выгоду в

любом деле, личном и общественном. Доверяй – но проверяй, учила она Борю.

Боря тоже дает советы матери. Иногда и не очень приятные.

Он решил, что Полина с детства привыкла уделять много внимания другим, «угождать», поэтому она считает себя «угодницей». И ждет, что и ей должны уделять такое же внимание. Хотя это в жизни необязательно. Когда Полине не уделяют внимания столько, сколько, она считает нужно, ей становится обидно, и она плачет. Когда ей уделяют внимания больше, чем она привыкла получать от других, она удивляется и гордится, как и все люди. Но люди-то – другие. У каждого – своя правда.

Потом, вечно заботясь о других, она не привыкла защищать себя. Поэтому эгоистически настроенные люди с ней не считаются, обзывают ее тряпкой, помелом, подстилкой, как Паша Ненашев обозвал ее, когда она сбежала от Черкесова. Но, возмущаясь вслух, что ей не уделяют внимания, что люди (даже родные) неблагодарны, она отталкивает от себя даже тех, кому делает добро.

Полину такое суждение сына обижало. Но, как мать, она его не укоряла. Сейчас, в 2000 году ей пришла в голову мысль о том, что она переняла многое, видимо, от своей матери Аксиньи, которой нельзя было защищать себя, так как она была всю жизнь в услужении Филимоновым. Да, Полина вырвалась из конюшни, но не из родовой угоднической привычки.

А потом ведь было время страха из-за репрессий в стране. Посадили отца по политической статье. Всего боялись «дети врага народа».

Но в душе Полина сопротивлялась своему недостатку – незащищенности, генетическому неумению за себя действительно постоять. Да у нее и не было таких возможностей. Пусть она затравлена внешне, но не сломлена внутри. Она понимает, что ею повелевают, как хотят, но не умеет, хотя и хочет, воспрепятствовать этому.

Возмущаясь вслух, что ей не уделяют внимания, неблагодарны за ее угодничество, она оскорбляет людей. И ее не любят все родственники. Пашка, например, в лицо ей говорил:

– На копейку сделаешь, – а на рубль упрекаешь.

– Неблагодарные свиньи, – ответила ему Полина.

Даже сын маленький обиделся и запомнил навсегда, как за небольшую провинность, простуженная Полина его упрекнула словами из басни Крылова:

– «Свинья под дубом вековым, наевшись желудей досыта...»

Да, прав, наверное, Боря – в Полине жил раб, но который уже чувствовал свое унижение. Раб, но еще не Эзоп.

Размышляя об этом, Полина вдруг остановилась перед иконами, которые висели в изголовье ее кровати, и с тала молиться, осеняя себя крестным знаменьем;

«Господи, – шептала она, – прости меня за дерзость, может быть, я не имею права обращаться к Тебе. Но я хочу поведать Тебе, что мы втроем

живем во зле. Помилуй нас, Боже, и помоги избавиться от этого зла. Ложь и показное – для людей, а для сердца – одна ломота. Мама всегда мне говорила, что враг силен. Помоги нам всем троим. Прости, Господи, за мою дерзость в обращении к Тебе, но сил нет у меня, чтобы помочь сыну родному. Все, что хорошее говорю, – считают ложью и лицемерием. А лицемерие и злоба – для них правда. Научи меня, Господи, что дурного слышу под старость, – простить и забыть. Помоги исправить наши нравы и дела. Ты – Свидетель и все видишь и слышишь. Я была в храме, когда могла ходить, и запомнила из проповеди священника: если человек обижает словом или делом другого напрасно, то в его душу вселились бесы. Так и у нас стало, вот уже восемь лет скоро. Как помочь сыну, как избавить его самого от ложного в словах и делах? Сын весь исстрадался, а я бессильна ему помочь. Господи, спаси и сохрани нас во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

У Полины за душой ничего не было, кроме сына Бори, и она спасала и защищала его, как могла. Она была не безропотной – она была запуганной строем, подневольной, нищей жизнью. А профессия учителя, весь многолетний опыт ментора над учениками приучал ее повелевать. Ее благие намерения, действительно, наверное, выстлали дорогу в ад. «Ты меня задушишь в своих объятьях! – кричал на нее упрямый Боря. – Тирания угодничества!»

И Полина плакала от обиды. Проклятая судьба.

Проклята, как и родной дом на Огаревой, 5. Он, после Настиной продажи, переходил от одного хозяина к другому. До сих пор стоит, как нежилой. Как мертвый. Последний его хозяин был священником. А после дом стоял брошенный, выла собака. Оставили ее хозяева что ли – не известно. Перед отъездом из Астрахани в Москву, десять лет назад, Полина с Борей были около этого столетнего деревянного дома, где прожили с 1944 до 1956 год. Да ему и больше ста лет. Сгорбился, закрытые окна, и как-то посерел.

Полина видела этот дом во сне. Видела, как с козырька его крыши что-то спустилось и взорвалось огнем. Дымящая труба, что ли, развалилась? И Полина вспомнила, что там она одна тушила раньше пожар голыми руками.

Все прошлое затихает.

Как-то Полина, еще до перелома ноги, вынула письмо из почтового ящика, с надписью на конверте «Адрес отсутствует». Это было ее письмо в родную школу, в котором она просила откликнуться учителей или учеников, которые ее знали. Но перепутала адрес. Прошлое не отозвалось.

Жизнь Полины прошла стороной. Полина вспоминает, как Аксинья, умирая, прохрипела:

– Гадалка Маргарита мне сказала, что у Полины две болезни: одна – от злых людей, а другая – от Бога.

Аксинья сама умела гадать и заговаривать болезни. От того и умирала в таких тяжелых муках. Прости, Господи, душу грешную!

Полине давно не снилась мама. С тех пор, как однажды она видела такой вещий сон. «Будто Полина едет в автобусе. А Аксинья стоит в пальто и в платке. Полина кричит ей:

– Мама! Мама!

А она махнула рукой.

И Полина говорит сама с собой:

– Надо ведь, родная мать меня не узнала».

«Ведь больше 40 лет ее нет!» – вздохнула Полина и всплакнула в маленький мокрый платочек, который носила на венском стуле перед собой.

Плачи-плачи... Да, у Полины не сложилась жизнь. Она сколько жила, столько эту жизнь оплакивала. Какая-то мертворожденная жизнь: плач о юности; плач о мужьях; плач о сыне; плач о семье; плач о работе... Как будто записная плакальщица. Не жизнь, а страсти Господни. А может быть, и жизнь дается для мучений?..

Сейчас говорил по телевизору мужчина средних лет: «Наши люди с 1917 года, кто живы, переживают все эти годы, то война, то сталинские лагеря, Гулаг, то нужда, то Чечня. Жалко мне их. Нет у них отрады, нет любви, нет достатка. Одна нужда, злоба и тому подобное. Мне жаль искренно их. Вот хочу им пожелать Веры, Надежды и Любви».

Правильно он говорил.

И это все Полина вспоминала.

Боря и Маша весь день на работе. И Полина говорила сама с собой, тяжело и медленно расхаживая со стулом по коридору от своей комнаты до кухни и обратно: «Это мы проходили, и ничего путного не видели и не увидим. Сейчас живем на таблетках, небо коптим, как я думаю. Вот уже 83 года мне. Им, знакомым и друзьям задушевым, которые были такие же, как я, уже 85 лет и больше. Только их усилия, выработанные трудом, заставили их жить и вспоминать лучшее. А ведь сколько всего тяжелого перенесли и переносим сейчас. Думали: вот наступит лучшее время, заживем. А оно не наступает, оно прошло, и движется и приближается наш финиш! Я это услышала сегодня по телевизору, от милого чужого человека. Так ведь и было, и будет у нас до конца жизни. Да жизнь ли это? Может, у новых русских что-то изменится в следующем веке...

Неужели будет все так же, как в прошлом?

boryabukhin@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава первая. ПОД ОТЧИМ КРОВОМ
Глава вторая. БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ
Глава третья. ДОЧЬ ВРАГА НАРОДА
Глава четвертая. КЛЕТСКАЯ ПОЧТА
Глава пятая. ХУТОР ЗИМНЯЦКИЙ
Глава шестая. ЖЕНИХ ИЛИ МУЖ
Глава седьмая. «КОМУ ВОЙНА...»
Глава восьмая. ВЕРНУЛСЯ, ЧТОБЫ УЙТИ

Глава девятая. РЫБСБЫТ – ЗНАЧИТ СЫТ
Глава десятая. УБЛЮДОК БРОШЕНКИ
Глава одиннадцатая. ЛАГЕРНЫЙ ОТЕЦ
Глава двенадцатая. ТАЙНА СВИДАНИЯ
Глава тринадцатая. «ЯРЛЫК» НЕПРИГОДНОСТИ
Глава четырнадцатая. РАСПАД СЕМЬИ
Глава пятнадцатая. РАЗЛУКА С СЫНОМ
Глава шестнадцатая. НЕРВНЫЙ СРЫВ
Глава семнадцатая. «ЗАЧЕМ СОРВАНА ТЫ, НЕСЧАСТНАЯ РОЗА...»
Глава восемнадцатая. ПЯТЬ ТЫСЯЧ УЧЕНИКОВ
Глава девятнадцатая. У ВСЕХ СВОИ РАЗВОДЫ
Глава двадцатая. НИ СЕМЬИ, НИ РОДА
Глава двадцать первая. МОСКОВСКАЯ СТАРОСТЬ

Борис Константинович Рябухин

ОТКРЫТЫЙ УРОК МАТЕРИ

Роман-хроника

Художественный редактор
Компьютерная верстка

Корректор

Сдано в набор 2014 г.. Подписано в печать 2014 г

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Усл. печ. л.. 40

Тираж экз. Заказ №

Издательство

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов

Борис Константинович Рябухин (Борис Карин) — поэт, драматург, прозаик, критик. Родился 7 ноября 1941 г. на Дону, вырос в Астрахани. Окончил технический ВУЗ и ВГИК.

С 1966 г. переехал в Москву. Работал в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Юности», «Художественной литературе».

Член Союза журналистов (1973), Союза писателей России (1986), Академии российской литературы (2013). Автор 26 книг. Среди них – «Избранное. Драммы в стихах, стихотворения, переводы» (Воскресение, 2002); «Поле любви» (МГО Союза писателей России, 2002); «Выход в небо». Рассказы. Очерки. Драматическая поэма («Алгоритм», 2005); «Отцовский след», роман в письмах («Смядынь», 2009); «Российские хроники». Драматическая трилогия в стихах «Степан Разин», «Кондрат Булавин», «Император Иван» («Художественная литература», 2011); «Волжский царь». Роман-хроника дайджест («ЛитераМ», 2013). Автор переводов стихов в книгах поэтов ближнего и дальнего зарубежья.

В 2002 году Государственный Донской казачий театр в г. Волгограде поставил по мотивам драмы Бориса Рябухина спектакль «Кондрат Булавин».

Выдвигался на Государственную премию Российской Федерации. Лауреат Литературной премии имени Николая Тихонова Международного Сообщества Писательских Союзов (1999). Награжден в конкурсе на лучшую книгу года Московской городской организации Союза писателей России медалью «Литературный Олимп» (2013 г.), литературной премией «Серебряный крест» (2014).

Адрес электронной почты: **boryabukhin@yandex.ru**